HT690
.R9
B4

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HT690
.R9
B4

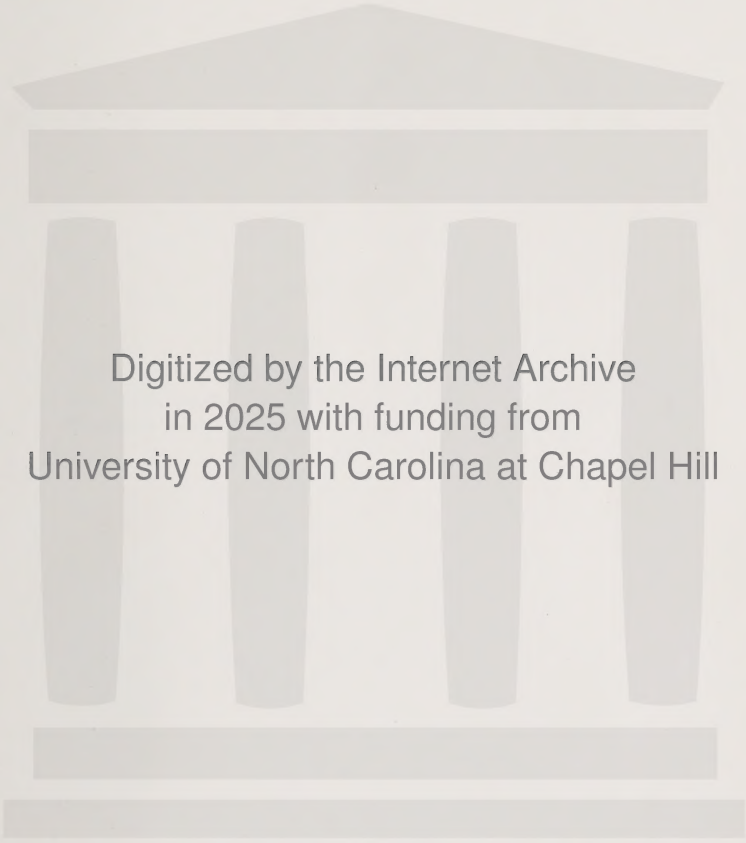
FEB 21 1973

SEP 6 1973 RESERVE READING ROOM

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10002726757

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
[illegible]	DEC 15 75		
AUG 23 1976	AUG 16 76		
SEP 28 1976	OCT 5 '76		
NOV - 8 1976	NOV 8 '76		
DEC 8 1976	DEC 10 '76		
AUG 31 2000			
MAY 31 2001			


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/russkaiaburzhuaz00berl

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

AML
HT690
.R9
B4

П. А. Берлин

РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ

В СТАРОЕ и НОВОЕ ВРЕМЯ

„КНИГА“
Москва 1922 г.

UNIVERSITY OF

UNIVERSITY OF

X-784384
QP28649.

323.32
B455r

Р. Ц. Москва. 204. 3.000 экз.

20-я Государственная типогр. (бывш. Кушнерева), Пименовская ул.

UNIVERSITY OF

539962

ЧАСТЬ I.

Дореформенное время.

Глава I.

Петр Великий и буржуазия.—Насаждение крупной промышленности.—Экономическая политика Петра Великого.—Роль Петра Великого в зарождении и развитии русской буржуазии.

Преобразовательная деятельность Петра Великого застает русскую буржуазию в положении „рассыпанной храмины".

Широкое развитие торговли, издавна поражавшей своими размерами всех посещавших Россию иностранцев, успело отложить толстые слои значительных капиталов и разбросать по всей стране многочисленных „торговых людей".

Но еще не скристаллизовавшиеся в обособленный социальный класс, эти торговые люди тонули в остальной массе населения. Чтобы социально отмежеваться, русской торговой буржуазии недоставало того формирующего территориального центра, которым на Западе явился город. На Западе город играл роль собирателя буржуазных элементов, выделявшихся все в бо́льшем и бо́льшем количестве из пор дряхлевшего феодального общества. Бежавшие от феодальной тесноты и обиды элементы находили в городе свободу и порядок. Городской воздух делал свободным. Иначе складывалась судьба города у нас, в России. У нас город первоначально рос, питаемый не столько законами экономической эволюции, сколько приказами административной власти. Тянется долгий период, в течение которого городское население бежит из городов в волости, и правительственная власть предписывает ловить этих беглецов, нещадно бьет их батогами и возвращает насильственно назад в города.

Под „городом" в буквальном смысле в течение долгого времени подразумевали лишь центральную и защищенную часть, населенную приказными и ратными людьми, часть же города,

30 Jul 48 Johnson 1040 Far East (Rock)

населенная торгующими людьми, называлась собственно посадом, а сами эти люди—посадскими. Посадские люди представляли собою, по подобию сельской общины, „мир", сплоченный ради фискально-административных целей и связанный круговою порукою. Вся тяжесть обложения ложилась при этом на плечи мелких торговцев, которые, укрываясь от тягла, массами уходили из городов в волости и здесь добровольно закабалялись помещиком. Правительство всячески боролось с этим бегством из городов в волости, так как в лице беглецов оно теряло плательщиков. Те горожане, которые давали на себя кабальную запись помещикам, нередко излавливались и подвергались „нещадному" избиению.

Создать надежное тяглое сословие и надежных поставщиков казны—таков был основной и нескрываемый мотив, заставлявший Петра так энергично взять на себя роль собирателя буржуазии.

Сложный и медленный процесс зарождения и развития западно-европейской буржуазии в недрах феодального общества, в упорной борьбе с феодальным правительством, Петр стремится заменить наложением железных щипцов правительственной воли. С одинаковою щедростью отпуская батоги, „смертный бой", с одной стороны, и привилегии, льготы, с другой, Петр вызывал усиленный рост и созревание торгово-промышленной буржуазии.

Грозя суровою дубинкою правительственных репрессий и маня щедрыми милостями, Петр Великий втягивал крупных капиталистов, вышедших из рядов купечества, на путь фабрично-заводской деятельности. Открывая перед промышленниками широкое поле деятельности, манящую перспективу большого и быстрого обогащения, Петр в то же самое время сам ни на минуту не забывал и ежеминутно чувствительно напоминал, что промышленники призваны для отбывания важной государственной повинности, что за всякое нерадение по службе с них будет жестоко взыскиваться.

„Что мало охотников („размножать фабрики" *П. Б.*)—пишет Петр,—и то правда, понеже наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел, не все-ли неволею сделано, и уже за мною благодарение слышится, отчего уже плод произошел и в мануфактур-делах не предложением одним делать, но и принуждать и вспомогать

наставлением, машинами и всяким способом, яко добрым экономом быть" [1]).

В указе 1724 г., изданном уже в конце царствования Петра по поводу учреждения кампании для торга с Испанией, Петр высказывает все ту же мысль о необходимости опекания и приневоливания русских промышленников.

„Всем известно,—читаем мы здесь,—что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут; того ради коммерц-коллегия для сей новости дирекцию над сим и управление должна иметь, как мать над дитятем, во всем, пока в совершенство придет" [2]). В 1712 году Петр издает указ, которым повелевает, чтобы немедленно основана была промышленная кампания для производства солдатского сукна. И через пять лет эта, еще не существующая, фабрика должна по приказу Петра удовлетворить без остатка весь спрос на сукно со стороны военного ведомства так, чтобы „не покупать мундиру заморского". Для этой цели приказывается: „собрать кампанию" из крупных промышленников „буде волею не похотят, хотя бы неволею".

Через всю деятельность Петра Великого по насаждению в России крупной промышленности красною нитью проходит непоколебимая уверенность, что достаточно приневолить и осыпать милостями кучку промышленников, чтобы в стране выросла и окрепла европейская промышленность. Смотря на весь русский народ и на промышленную буржуазию, как на детей малых и неразумных, которые без правительственной указки даже собственной пользы не понимают, Петр окружает деятельность буржуазии самой докучливой и неусыпною правительственною опекой. И размеры производства, и сорт товаров, и их сбыт, и величина капиталов—все это подвергается подробной и точной правительственной регламентации. Фабрики обязаны давать правительству отчеты в своей деятельности, посылая в мануфактур-коллегию образцы своих изделий. Правительство назначало и оставляло промышленников, как своих чиновников. Основывая нужные ему фабрики, Петр велит приписать к ним таких-то и таких-то промышленников, зачастую даже не справляясь об их желании.

„В 1718 г. по имянному указу—читаем мы в приказах Петра—велено директору Ивану Тамесу производить в Москве

---

[1]) Полное Собрание Закон., т. VII, 4345 ст.

[2]) Лаппо-Данилевский. Русск. промышл. и торгов. камп. в первой половине XVIII в. Спб. 1899, стр. 43.

полотняную мануфактуру компанейским коштом в которую компанейщики определены, иные по их прошению, а другие по имянному указу, в том числе Максим Затрапезнов определен по имянному указу *без прошения ево*" (курсив наш). С другой же стороны, заводчики, которые, по мнению надзиравшего за ними правительства, плохо справлялись с „размножением" фабрик, подвергались штрафам и более суровым карам. Наиболее же отсталых разжаловывали и „отрешали" от фабрик. И так поступало правительство Петра не только с теми фабрикантами, которым отданы были казенные заводы, но и с совершенно частными предпринимателями, устраивавшими заводы на свой капитал и свой риск.

В августе 1714 г. издается указ, отрешающий многих нерадивых фабрикантов от их фабрик:

„За неразмножением фабрик,—гласит этот указ,—и за худым мастерством деланных на тех фабриках товаров из фабрикантов выключить и данные им о содержании тех из фабрик с прочетом указа от них в мануфактур-коллегию взять и отослать их в магистратское ведомство и о выключке оных из фабрикантов в главный магистрат и куда надлежит послать премарии и указы".

Русская крупная буржуазия вырастает благодаря этому в страхе правительственном, твердо помня, что все ее благосостояние и простое существование зависит всецело от милости правительства. Удавалось промышленникам угодить правительству—и на них из рога изобилия сыпались привилегии, им отдавались богатейшие земли, оборудованные заводы, к ним прикрепляли десятки тысяч крестьян. Но стоило разгневать начальство—и их не только лишали льгот и привилегий, но отнимали у них частную собственность и подвергали мучительным и унизительным наказаниям. Насаждая в России буржуазию, как новое тяглое и служилое сословие, Петр совершенно закрывал глаза на ту нерасторжимую связь, которая существовала на Западе между ростом политического самоуправления и политической вольности городских общин и развитием торгово-промышленного класса. Эта сторона жизни Западной Европы вообще очень мало интересовала Петра и в своих заграничных путешествиях он скользил по ней рассеянным взглядом, отдавая свое жадное внимание и весь свой талант перениманию чисто технической и фискальной стороны роста буржуазии:—мощи фабрик и заводов, доставлявших армии и флоту такую отличную амуницию. С тою наивною и многоглагольною откровенностью, которая присуща была всем ука-

зам русского правительства XVIII в., Петр Великий не раз и сам указывал, что движущим мотивом его попечений о собирании рассыпанной храмины российского купечества были фискальные интересы казны.

В указе Петра о первой реформе городских учреждений, о введении земских изб и бурмистровой палаты мы читаем: „Во всех промыслах чинятся убытки большие и разоренье, а его Великого Государя с них окладные многие доходы учинились в доимке, а пошлинным сборам и иным поборам большие недоборы".

Когда, впоследствии, на смену земским избам пришли магистраты, то и на них возложена была задача „всего российского купечества рассыпанную храмину паки собрать" и опять-таки собрать для того, „чтоб везде из того простиралася настоящая государственная польза".

А под государственною пользою подразумевалось благополучие казны.

Ниже, характеризуя настроение буржуазии эпохи Петра, мы увидим, как во всех ее „донесениях" несмолкающею высокою нотою тянется жалоба на самоуправства и притеснения со стороны приказных и помещиков и, зная слабую сторону Петра, неизменно указывается, что от всего этого казна Государя большой убыток терпит.

И Петр В., во имя интереса казны, внимает этим просьбам. Приступая в 1699 г. к городской реформе, Петр в особом указе говорит о том, что „известно ему, Великому Государю, учинилось, что гостям и гостиной сотни всем посадским и купеческим промышленным людям от приказных и разных чинов" учиняются „большие убытки и раззоренья". И от этого „иные от промыслов своих сбыли и оскудели",—и отсюда у казны „недоборы".

Ревнуя о том, чтобы „купецкие люди" не разорялись и „казне Великого Государя было пополнение" повелевается отныне приказным людям больше „не ведать" торгово-промышленные дела. Создается городское самоуправление из лиц, которые избираются посадскими людьми „меж себя и поскольку человек похотят".

Петр предоставляет городам, „буде они похотят", право освободиться от самоуправства воевод и заложить основы своего самоуправления. По желанию городов, судебная власть, от пристрастия и злоупотребления которой так страдало купечество,—передается выборным и бурмистрам. Но за такую вольность по-

садские люди обложены были двойным налогом. К этой реформе, вполне копировавшей голландские образцы, а по духу-оставшейся верной московской старине, русский город был мало подготовлен. Русские горожане, забитые и бесправные, поняли, что эта реформа на деле даст им бумажные права и возложит на них реальное, тяжеловесное тягло. И они упорно отказываются от реформы и не выражают никакого желания воспользоваться данным им правом самоуправления.

Тогда Петр отказывается от взимания двойного налога, но зато делает реформу обязательной. Посадские люди распределяются на три категории. К первой отнесены банкиры, богатые торговцы, золотых дел мастера, лекаря. Они получают название граждан. Во вторую гильдию входят мелкие торговцы и ремесленники, именуемые „подлыми гражданами". В третью гильдию отнесены рабочие и приказчики под общим наименованием „подлых людей". Право выбирать старосту и его помощника дается лишь двум первым гильдиям посадского населения. Городская реформа 1699 г. на деле не открыла буржуазии возможности значительной общественной организации и не защищает их от унизительных и разорительных притеснений со стороны ратных и приказных людей.

Тотчас после реформы вновь со всех углов торгующей России поднимаются и тянутся к трону жалобы на угнетение „купецких людей". Приказные, не обращая внимания на указы Петра, продолжали презрительно помыкать купцами, а вновь созданные органы купеческого самоуправления—бурмистровые палаты—очень скоро были захвачены в загребущие руки взяточников и самодуров, которые еще беспощаднее, чем смененные ими приказные, прижимали и эксплоатировали посадских людей.

В 1706 г. Курбатов доносит царю, что от новых бурмистров „премногие явились кражи казны", что за „градскими бурмистрами премного воровства взыскано".

Андрей Маркелов жалуется царю на великие притеснения, которые продолжают чинить купецким людям дворяне и приказные. „В противность указам,—жалуется другой доноситель Нестеров,—мимо ратуши забирают и таскают купцов в Преображенское и другие приказы" [1]). Члены коломенского магистрата доносят, что некий генерал Салтыков, проезжая через

---

[1]) Ср. Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб. 1897, стр. 131.

Нижний-Новгород, „бил бурмистра смертным боем", и оттого бурмистр „в магистрат ходил с великою нуждою". Другого коломенского бурмистра проезжий драгунский офицер велел солдатам „бить палками, тентунами и ефесами, потом плетьми смертно".

Члены костромского магистрата жалуются, что старый воевода самовольно отнял у них дом, специально сооруженный „из купецких мирских денег" для бурмистерской ратуши. Новый воевода, присланный для водворения законности, разрешил вопрос тем, что отнятый у купцов дом сам отвел себе в резиденцию.

Едва успели отвоевать у воеводы общественный дом, как проезжий полковник Татаринов вновь выгоняет купцов из их собственного общественного дома, а сам располагается в нем. Уехал полковник Татаринов, ему на смену является асесор Радилов и занимает все ту же злосчастную купеческую ратушу. Магистрат слезно жалуется, что ему „деваться негде", но выдворить асесора он не в силах. Приходится ему „по нужде" забраться далеко за город, в Николаевскую пустынь и устроиться в покинутой монахами келье, „самой малой и утесненной", в которой даже и „сборов сбирать негде" [1]).

Тугое поступление доходов и непрестанные жалобы убеждают Петра, что произведенная им по голландскому образцу реформа не достигла цели.

В феврале 1712 года Петр вновь поручает сенату заняться вопросом об „исправлении торгового дела". 13-го июля того же года Петр вновь напоминает сенату: „Еще напоминаю, дабы немедленно потщились в купецком деле лучший порядок сделать, в чем убыток несем".

В начале 1713 года сенат обсудил этот вопрос совокупно с представителями от купечества и решено было устроить „коллегиум о коммерции". Через два года эта коллегия была учреждена. „Правеж", „нещадные батоги" сыпались на городских выборных за всякое неосмотрение. Непорядки, обнаруженные в городских делах, вели к тому, что „дворы, животы и промыслы" выборных отбирались в казну.

Удивительно ли, что при таких условиях бурмистровы палаты за европейским фасадом скрывали все тот же старый, затхлый приказной строй, а купечество видело в городском представительстве не свое, в борьбе обретенное, право, а обру-

---

[1]) Ср. Князьков. Очерки из истории Петра Великого.

шившуюся кару, тяжелую повинность. От выборных должностей всячески отказывались, а те, кто вынуждены были ее нести, спешили ею воспользоваться, чтобы поскорее обогатиться и уйти.

Однако, и эти мероприятия Петра внесли в стоячий быт и застывшую психологию российского купечества элемент брожения. Но несравненно сильнее действовали в этом направлении чисто-экономические мероприятия Петра.

В эти очерки не входит история русской промышленности, мы поэтому остановимся на чисто-экономических мероприятиях Петра, тем более, что по этому вопросу уже имеется превосходная книга Туган-Барановского.

Русский капиталист до-петровской эпохи был крупным торговцем, был крупным скупщиком всего товара, производимого кустарями. Он ревниво оберегал свою роль скупщика от всякого посягательства на нее со стороны крестьянства. Создав сплоченную организацию, русская буржуазия стояла сплошною, непроницаемою стеною между производителем-кустарем и потребителем его изделий. Русский капиталист-скупщик зорко следил за тем, чтобы крестьяне и кустари не вели торговли, не вступали в непосредственное экономическое общение с потребителями, чтобы все ими производимое и привозимое они оптом продавали капиталисту-скупщику. На этой почве совершалась немилосердная эксплоатация кустарей-крестьян, но этим то путем складывались и росли большие капиталы. Экономическое развитие России до реформы Петра шло в направлении развития мелкого кустарного производства и крупного капиталистического сбыта. До-петровская Русь уже знала капитализм, но в его примитивной, грубой форме лишь торгового капитализма; в ней уже была и уже сильно росла буржуазия, но это была лишь торговая буржуазия. Наиболее крупные ее представители несомненно чувствовали экономическую потребность от торгового капитализма перейти к промышленному капитализму, или, иначе говоря, завоевав торговлю и сбыт, завоевать и производство. Эта потребность должна была проснуться частью, чтобы открыть широкое приложение для накопленных торговлею больших капиталов, частью потому, что кустарное производство не могло работать на такой обширный рынок, как спрос военного ведомства, частью же, наконец, потому, что, несмотря на всю энергию купцов, крестьяне, при поддержке дворян-помещиков, принимали все более непосредственное участие в торговле. Но на пути к переходу русской буржуазии от торговли к производству

стояло три основных препятствия: непосильная конкуренция иностранцев, отсутствие достаточного количества пригодных рук и, наконец, отсутствие достаточного спроса.

Устранить эти три препятствия буржуазия своими средствами не могла. Она ищет и находит в этом мощную поддержку правительственной власти. Петр отгородил русскую буржуазию от иностранной конкуренции высокою стеною протекционизма, он прикрепил рабочих к фабрике и, наконец, своими обширными преобразованиями в армии и флоте он открыл русской промышленности обширный и тароватый рынок сбыта. Эти меры Петра привели к тому, что большие торговые капиталы были мобилизованы для промышленных целей, и в России из рядов торговой буржуазии начинает подниматься и промышленная буржуазия. Ее крестным отцом по справедливости должен считаться Петр Великий. С необыкновенною быстротою под дождем правительственных милостей поднимаются трубы фабрик и заводов. На Сестрорецком оружейном заводе работает 683 человека. На московской парусной фабрике—1162 рабочих; на московской суконной фабрике Щеголина—730 рабочих. Московская полотняная фабрика Тамеса насчитывает 841-го рабочего. На шелковой мануфактуре Евреинова работало 1500 рабочих и работниц [1]).

В эти предприятия промышленники вкладывали очень крупные, по тогдашнему масштабу, капиталы. Напр., при основании Московской компанейской мануфактуры было внесено: Апраксиным—20.000 руб., Шафировым—25.000 руб., Толстым—20.000 рублей, купцами, приглашенными к участию,—23.500 рублей, всего 88.500 руб.

Эти, чрезвычайно крупные по тогдашнему времени, цифры показывают, что Петру удалось мобилизовать для нужд крупной промышленности очень значительные капиталы, скопленные торговою буржуазией [2]).

Стремясь реорганизовать на европейских началах флот и армию, Петр видит в крупных промышленниках единственный источник для обмундирования и вооружения армии из отечественных материалов. И деятельность крупных промышленников делается предметом неусыпных забот правительства. Во-

---

[1]) Ср. М. Туган-Барановский. русская фабрика в прошлом и настоящем. Спб. 1907 г., стр. 11.

[2]) Ср. Лаппо-Данилевский. Русская промышленность и торговые кампании. Спб. 1899, стр. 27.

круг них для защиты от иностранной конкуренции выстраивают, все выше ее поднимая, китайскую стену протекционизма. Сначала запрещается ввоз в Россию тех или иных товаров, а в 1724 г. устанавливается общий протекционный тариф, по которому товары, уже производимые в России, облагаются при ввозе из-заграницы пошлиною в 50—75% своей ценности.

Но Петр охранял крупных промышленников не только от иностранной, но и от внутренней конкуренции. С этой целью он щедро раздает монополии и привилегии. Без особенного труда крупным промышленникам удалось получить полную монополию на производимые ими товары и при том из казны им отпускались огромные пособия. Целые очень крупные отрасли производства отдавались в монопольное владение какого-либо крупного промышленника или промышленной „компании". При этом, получив монополию, крупные промышленники сплошь и рядом лениво обращали ее в источник большого дохода, нисколько не заботясь о развитии производства и развитии техники. И к концу царствования Петру с горечью пришлось убедиться, что крупные промышленники, которых он разводил с такою любовью, на которых он так щедро тратил народные деньги, не оправдали возложенной на них миссии „размножения фабрик".

В стремлении насадить крупную промышленность Петр не остановился перед закрепощением фабрикантом рабочих.

Своеобразная экономическая эволюция России, не знавшая того сплоченного и многочисленного класса городских ремесленников, который сыграл такую огромную хозяйственную роль на Западе, повела к тому, что в России начала XVIII в. не было достаточного человеческого материала для пополнения фабрик рабочими. Петровская Русь кишмя-кишела всяким бездомовым, бесхозяйным, беглым людом. Но этот кочевой, бродячий элемент не обладал ни психическими, ни техническими навыками, необходимыми для фабричного труда, теми навыками, которые так прочно выработались у ремесленников Зап. Европы. А между тем петровские фабрики, представлявшие собою мануфактуры, т.-е. применявшие ручной труд, пред'являли к рабочим довольно высокие требования относительно их личной годности.

И Петр начинает щедро раздавать фабрикантам „казенных" рабочих. К иным фабрикам в качестве рабочих приписываются целые села. Но, однако, эта раздача фабрикантам казенных рабочих не могла удовлетворить тот спрос, который был сразу

пред'явлен новыми фабрикантами на рабочие руки. Не надо забывать, что при Петре успело возникнуть свыше двухсот фабрик. Эти новые двести фабрик не могли довольствоваться раздаваемыми немногочисленными казенными мастеровыми. Фабриканты собирали на фабриках бродячий беглый люд. Но этот люд был крещенною собственностью помещиков, имевших право вытребовать его назад. И вот Петр, идя навстречу нуждам фабрикантов и обходя им же изданный закон, издает 18-го июля 1721 г. указ, воспрещающий возвращать с фабрик и заводов беглых крестьян,—„чьи бы они ни были, хотя и беглые явятся... понеже интересанты фабрик об'являют, что затем в фабриках им чинится остановка".

Но спрос на рабочих все еще остается неудовлетворенным. Со всех сторон тянутся к Петру жалобы на отсутствие достаточных рабочих рук. И Петр решается на героическую меру: прикрепление рабочих к фабрикам. Он издает 18-го янв. 1721 г. указ, дающий фабрикантам право приобретать населенные имения „под такою кондицией, дабы те деревни всецело были уже при тех заводах неотлучно". [1]).

Этим указом Петра был создан принудительный труд рабочих, на который, конечно, жадно набросились фабриканты. Прикрепление рабочих к фабрике внесло новую своеобразную черту в и без того своеобразный экономический быт петровской России. В ней уже появились и росли очень крупные фабрики, но не только в деревнях еще сохранилось, но и на фабриках было вновь создано крепостное население. Выростала буржуазия, не знавшая ни экономической стадии медленного, но прочного развития на основе гибнущего ремесла, ни политической стадии борьбы городской вольной общины с феодальною силою и феодальным правом. По сравнению со стройным и последовательным развитием экономического быта Запада, экономический строй петровской России поражал пестрою чересполосицею экономических форм и фаз. Но через эту причудливую пестроту и путаницу проглядывало ясное стремление производительных сил страны выйти все на ту же дорогу европейского промышленного развития. В интересах фиска и военного строя Петр всячески расчищал на правительственный счет и силами правительства эту дорогу капиталистического развития, угрозами и милостью толкая на нее неподвижных русских купцов.

---

[1]) Ср. Полное собрание законов т. V, 3711 ст.

После смерти Петра Великого в России было свыше двухсот фабрик, созданных усилиями правительственной власти. Но вместе с тем осталась экономически разоренная страна и совершенно расстроенная финансовая система. Переустройство всей военной организации, лихорадочно быстрая постройка флота, Азовский поход, Шведская война—все это сразу взвалило на плечи податного населения непосильные тягости. Страна изнывала под тяжестью пред'явленных ей правительством требований, ее производительные силы явно надламывались под тяжестью государственной ноши, а Петр отвечал на это тем, что без всякой финансовой системы, без обдуманного плана круто навинчивал податной пресс и к огромной тяжести старых податей подбрасывал все новые. Постоянно нуждаясь в деньгах для осуществления своих грандиозных планов, Петр железною рукою выжимал из населения последние соки.

„Мне кажется—писал иностранец Витворт—в настоящее время, когда царю необходимы деньги для войска, царские министры готовы предпочесть действительным и постоянным выгодам страны какой-угодно ничтожный, но только наличный доход".

Из-под круто навинченного податного пресса выжималось все меньше и меньше „наличного дохода". Хозяйственная надорванность населения ясно и ярко сказывалась в убыли населения и в росте недоимок.

Податные тягости при Петре В. утроились с 25-ти до 75-ти миллионов, а между тем население не только не возросло, но уменьшилось на 20% [1]). Экономическое положение реальной ревизской души становилось непосильным.

Когда Петр умер, недовольство разоренного населения прорвалось и дало себя почувствовать. Не надо забывать, что население было крепостным, и дворяне, сами по себе недовольные „городскою" политикою Петра, чувствовали себя экономически задетыми убылью населения и его разорением.

Финансовое оскудение, пустота казны, ропот населения служили в руках дворян сильным политическим козырем, внушительным политическим аргументом, и они, конечно, не замедлили пустить его в ход тотчас после смерти Петра. Новая императрица всецело подчиняется влиянию дворян, и после смерти Петра вновь начинается усиленная дворянская эра и спешная

---

[1]) Ср. П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. Спб. 1892 г., стр. 735.

ломка тех форм общественного быта, которые создавались Петром в интересах крупных промышленников.

Правда, президент коммерц-коллегии барон Шафиров, доложил, что он был любезно принят новою императрицею, которая повелела „всей коммерц-коллегии" в произведении и умножении иметь конечное старание и по возможности купечество приласкать, а не озлоблять".

Но, однако, в том же самом 1725 г. коммерц-коллегия получила от императрицы любопытную бумагу, повелевающую отдать построенную купцами на купеческие деньги петербургскую биржу под полковую швальню.

„Всепресветлейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская, указала на построенной на Троицкой площади для собрания купеческих людей бирже и подле ее, в сарае, строить на полки мундиры и для того оную биржу и сарай очистить и отдать определенному к строению мундира подполковнику Титову" [1]).

Ссылаясь на безсилие собрать рассыпанную храмину российского купечества и созданную канцелярскую волокиту, Екатерина именным указом 24-го февраля 1727 г. наносит окончательный удар Петровской реформе посадского быта.

С своеобразным красноречием описываются при этом недостатки Петровского торгово-промышленного представительства, насквозь пропитавшегося бюрократическим духом.

„По рассуждении о нынешнем состоянии Империи,—гласит указ—явствует, что не токмо крепостные, на которых содержание войска положено, в великой скудости обретаются и от других непорядков в крайнее разорение приходят, но и другие дела, яко коммерция, юстиция и монетные дворы весьма в слабом состоянии и все это происходит от множества правителей и канцелярий, которое во всем государстве не токмо служит к великому отягощению штата, но и к великой скудости народной, понеже вместо того, что прежде к одному правителю адресоваться имели во всех делах, ныне к десяти, а может быть и более, а все разные правители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей и особливый свой суд и каждый по своим делам бедный народ волочит и все те управители и канцелярские служащие пропитания своего хотят".

---

[1]) Ср. Немиров. Опыт истории С.-Петербургской биржи. Спб. 1891. стр. 3.

„Между теми же канцеляриями в резиденции питается и мануфактур-коллегия и понеже оная без сената и нашего кабинета никакой важной резолюции учинить не может, того ради и жалование напрасно получает, и для того коллегии дела отдать и всем ведома быть в коммерц-коллегии, а для неважных дел, вместо оной мануфактур-коллегии определить из самых фабрикантов без жалования, которым хотя на один месяц зимой для совету в Москву съезжаться и без протоколов и приговоров колежских все не важные дела чинить, а когда о каких-либо важных делах указа требовать надлежит, о том им доносить в коммерц-коллегию, для чего быть у тех фабрикантов протектором сенатору Новосильцеву, к которому фабриканты могли адресоваться".

Для позолоты пилюли, подносимой купеческим людям, было обещано дело упраздняемой мануфактур-коллегии передать в коммерц-коллегию, а фабрикантам обещано было даже разрешить периодические келейные съезды, правда, „по неважным делам".

На самом же деле мануфактур-коллегия была попросту упразднена, съезды же фабрикантов ни разу не устраивались. Города вновь предоставлены были воеводам и губернаторам: „все дела исполнить воеводам под надзором губернаторов". Воеводы вновь начинают править городами при помощи ратуши и бурмистров, превращенных в простые исполнительные органы.

17-го марта 1727 г. учреждается особая „Комиссия о коммерции" для исследования причин упадка торговли и промыслов. Поданные в эту комиссию „мнения" чрезвычайно показательны как для характеристики реальных, а не показных успехов, достигнутых покровительством промышленникам, так и настроения широкой массы торгового люда по отношению к кучке привилегированных крупных промышленников.

По отзыву купцов, товары, изготовлявшиеся на русских фабриках, были крайне дороги и со стороны качества не могли итти в сравнение с „заморскими".

„Купорос, черный скипидар, крепкая водка, краска бакан, вохра,—пишут купцы,—против заморского ничто добротою не будет и весьма плоше".

„Игольная фабрика самая вредительная государству, понеже на оной фабрике ни единой доброй иглы не бывает, от чего государство, паче крестьянство, терпит великую нужду 1) в негодности тех игол, 2) что иностранные иглы продавались вре-

менем по 10 алтын тысяча, а иглы негодные здешние продаются по 20 алтын и выше".

„Шелковое производство также не столь развилось, чтобы ставить себе в обиду, если бы те шелковые парчи, которых они у себя не делают, были дозволены к свободному провозу из-за границы. К этому доводит два резона: *Первый резон* - для того, что они у себя не делают. *Второй резон*—для того, что им такие великие привилегии даны и слишком полтораста тысяч рублей им подарены для того, чтобы они такую фабрику проводили в сильное умножение в государстве, и всяким названием, шелковыми и золотыми парчами бы делали сколько про государственную нужду потребно; токмо что ничего не видим, а только видим, что делают деревенскее ленты, которые и простые ткачи в деревнях делают" [1]).

Новое правительство, проникнутое ясно выраженными дворянскими симпатиями, внимательно выслушивало эти жалобы, но, однако, вплоть до воцарения Екатерины II-ой правительственный курс шел зигзагами, то отбирая дарованные Петром крупным промышленникам права и преимущества, то вновь осыпая их законодательными милостями.

В области покровительственной политики новый курс, поддерживаемый купцами и ссылаясь на необыкновенное развитие контрабанды, понизившей таможенные доходы, склоняется к умеренному тарифу. В 1731 г. сразу значительно понижаются пошлины.

Из остальных актов крупнейшим является „генеральный указ" Анны Иоанновны от 7-го янв. 1736 г.

„Всех,—гласит этот указ,—которые при фабриках обретались и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему к фабрикам и мануфактурам, а не обретались в простых рабочих, тем велено быть вечно при фабриках".

„Ежели же из купечества и из разночинцев подлые неимущие пропитания и промыслов мужеска пола, кроме дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и помещиковых людей, крестьян и женскаго полу; хотя бы же они не были скудныя, без призрения, по городам и слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыню, таких велено брать в губернские и воеводские канцелярии и за

---

[1]) Ср. Лаппо-Данилевский. Русск. промышл. и торгов. ком. стр. 37—38; Чулков. Историческое описание Российск. Коммер. Т. VI кн. 3, стр. 233.

писывая по силе прежних указов, отдавать на мануфактуры и фабрики" [1]).

Но вместе с тем издается указ, запрещающий фабрикантам покупать крестьян с землею. Этот указ вызывает со стороны фабрикантов домогательство об его отмене, и в 1744 г. он действительно отменяется.

Под влиянием дворянства при Елизавете Петровне права фабрикантов на крепостной труд подвергаются все растущим ограничениям. Указом 1752 г. определяется максимальное количество рабочих, которых фабриканты имели право покупать—оно определялось для различных производств в 12—42 человека на каждый фабричный стан. Петр III указом 29-го марта 1762 г. совсем запрещает фабрикантам покупать к фабрикам крестьян.

Это запрещение оставляет глубокий след в истории русской фабрики. Хотя к этому времени число рабочих в России, по сравнению с эпохой Петра, выросло и качественно улучшилось, но без принудительного труда фабрики с трудом обходились. Дворяне, под влиянием которых было сделано это запрещение, широко его использовали в своих экономических интересах. В виде собственных крепостных они получили огромное преимущество перед буржуазией, теперь лишенной права владения крепостными рабочими, и они начинают заводить собственные дворянские фабрики. Вследствие этого, среди крупных фабрикантов встречаются все чаще представители именитых дворянских фамилий. Начинает складываться любопытная социальная разновидность—дворянская буржуазия.

Глава II.

Буржуазия при Екатерине II-ой. Меры к насаждению „средних людей". Екатерининская комиссия и выступление в ней буржуазии. Общие итоги покровительства буржуазии.

Воцарение Екатерины сразу вносит в жизнь русской буржуазии новую сильную струю оживления. Екатерина II, правда, остается верна дворянским традициям и она еще раз подтверждает запрещение не-дворянам покупать крепостных. Но на

---

[1]) Ср. Николович. История заводско-фабричного законодательства Российской Империи. Спб. 1883 г. Стр. 58.

дворянство Екатерина II смотрит, как на „благородное сословие", которому не пристало заниматься промышленною деятельностью. Промышленная жизнь страны должна была находиться в руках буржуазии, „среднего рода людей", которую Екатерина всячески стремилась насадить в России.

В „Наказе" комиссии по составлению проекта нового уложения Екатерина дает такое определение буржуазии:

„В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, торговле, художествах и науках. Сей род людей, от которого государство много добра ожидает, если твердое, на добронравии и поощрении к трудолюбию основанное положение получит—есть *среднее*. Он, пользуясь вольностью, не причисляется ни к дворянству, ни хлебопашцам".

Таким образом, по воззрению Екатерины, понятие буржуазии или „средних" людей охватывало и торгово-промышленые классы и так называемые либеральные профессии.

Прежде всего Екатерина стремится к увеличению числа городов, „уповая, что верноподданные граждане, похвальным радением, доброю верою в торговлю, промыслах, ремеслах и поведением, соответствующим благому об их попечению, будут способствовать возвышению мест, ими населенных, в цветущем состоянии".

Екатерина очень гордилась тем, что за двадцать лет она „повсюду воздвигла" 216 городов.

Избирался на Руси по административному усмотрению какой-либо, почему-нибудь приглядевшийся пункт и на нем повелевалось немедленно воздвигнуть город.

Создавали города по очень простому рецепту. Назначался для этой цели какой-нибудь „генерал-майор"—к нему из Петербурга присылали „сведущего в таковых заведениях человека", снабженного составленным в Петербурге же планом будущего города. На этом плане уже было обозначено сколько быть в городе церквей и соборов, намечены были места „где быть заведениям к лучшему основанию и распространению фабрик, ремесл и рукоделий к выгоде и ободрению торговли".

При административном основании, напр., города Вознесенска заранее определялась ширина улиц, отводились места для „каналов", „ботанических садов" и т. д. При этом высказывалось твердое убеждение, что „жители потекут во множестве с избытками своими к новоустроенному городу и многие, увидав знаменитость будущего города, без сомнения, возжелают учиниться гражданами его, и вскоре берега Буга узрят на себе

многочисленные селения; вся сия сторона оживлена будет и восприемлет другой вид".

Но на самом деле очень скоро убедились, что в этом великолепном городе Вознесенске не только ботанических садов, но и попросту жителей не было, и вместо того, чтобы жители „потекли во множестве с избытками своими", скоро пришлось издать приказ, чтобы в этот город „прислать" из различных губерний „по сту человек"... [1]).

Если в тех местах, где по указательному персту начальства воздвигался город, действительно бился пульс хозяйственной жизни, то город развивался, но множество городов, основанных Екатериною, представляли лишь географический термин. В них население „назначалось" правительством так, как назначаются чиновники. И на пребывание в этих городах жители по назначению смотрели как на административную ссылку.

Свои заботы о насаждении в России „средних" людей Екатерина не ограничивала количественным „размножением" городов, она стремилась и к внутреннему преобразованию, проведя смелую реформу всего городского самоуправления. Она сразу распространяет—на бумаге—право городского представительства чуть ли не на всех обывателей города.

Для сплочения и развития самосознания людей „среднего рода" более крупное значение, чем оставшаяся на бумаге городская реформа, имели меры Екатерины, направленные на расширение личных и имущественных прав буржуазии. До Екатерины „купецкие люди" не только в сознании ратных и приказных людей всецело принадлежали к „подлому" сословию, но и в законодательстве всецело сливались по своему бесправию с т.-н. „низшими" классами. Екатерина освобождает именитых граждан и купцов первой и второй гильдии от телесных наказаний. Указом 1775 г. она заменяет по отношению к купцам подушную повинность процентным сбором с капиталов, „по совести об'являемых" записанными в гильдию купцами.

„Чувствительное купцам сравнение их с крестьянами—говорится тут—положением в подушный оклад приводило в такую косность, что они сами бытием своим стыдились".

Купечество встретило этот указ с большими ликованием. Он снимал с них значительную податную ношу и поднимал чувство собственного достоинства. Купечество благодарило

---

[1]) Ср. И. Дитятин. Статьи по истории русского права. Спб. 1896 г. ст. 14.

Екатерину, освободившую его от „большого невольничества“ и избавившую от „презрительной“ подати, на которой они почти не отличаемы были от крестьянства.

Екатерина дала купечеству и право откупаться от личной рекрутской повинности. Но несравненно более широкое значение имела экономическая политика Екатерины II-ой. Почтительная ученица западно-европейских физиократов, Екатерина порывает с петровской системой правительственной регламентации промышленности, с убеждением, что развитие фабрик не частное, а правительственное дело.

Екатерина неоднократно торжественно об'являет, что развитие торговли и промышленности возможно только при „свободе“. „Торговля—гласит знаменитое место „Наказа“,—оттуда удаляется, где ей делают притеснения и водворяется там, где ея спокойство не нарушают“.

В изданном в 1780 г. любопытном указе по поводу закрытия мануфактур-коллегии Екатерина II определенно сама говорит о новом курсе по отношению к буржуазии.

„Установление Мануфактур-Коллегии—гласит этот указ,—имело начало свое в такое еще время, когда к распространению полезных рукоделий и фабрик недовольным побуждением казался собственный каждого в том прибыток, но старания правительства простирались и на из'ятие всяких предубеждений“. Теперь же „всем подданным нашим в заведениях станов и рукоделий столь беспредельная дана от нас свобода, что не стесняются они уже не частным испрошением на то дозволения, ни надзиранием за делом рук их, где собственная каждого польза есть лучшее и надлежащее поощрение“. В виду этого Екатерина поясняет, чтобы „принадлежащия частным людям собственно фабрика и мануфактуры не инако разумеемы были, как собственное имение, которым каждый может свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволения от начальства“ [1]).

В указе 27 ноября 1767 г. Екатерина говорит по поводу хиреющей казенной фабрики кож.

„Когда сия фабрика будет не в казенных руках, тогда, я чаю, достаточно и кож будет. Монополизм, к сей казенной фабрике присоединенный, был вреден народу, и казенная от того прибыль не награждала того вреда“. И вообще „никаких дел,

---

[1]) Ср. Лаппо-Данилевский. Очерк внутренней политики Екатер. Соб. 1898, стр. 22.

касающихся до торговли и фабрик, не можно завести принуждением; а дешевизна родится только от великого числа продавцов и от вольного умножения товаров".

Благодаря образовавшемуся уже промышленному навыку, сложившемуся классу наемных рабочих, расширению внутреннего рынка и правительственной политике раскрепощения промышленности, число фабрик при Екатерине чрезвычайно разрастается и вся промышленная жизнь страны получает более широкий размах.

„При вступлении на престол Екатерины II-ой,—говорит Туган-Барановский,—считалось 984 фабрик и заводов (не считая горных), в год ея смерти—3161. В 1773 г. производилось на русских фабриках, по далеко не полному расчету, товаров на 3548 тыс. руб." [1]).

Более двух тысяч фабрик прибавилось за тридцатилетнее царствование Екатерины. В 1762 г., т.-е. при вступлении Екатерины на престол, вывоз товаров из России не превышал 13 мил. руб., а к концу ее царствования он дошел до 57 мил., за тот же период ввоз товаров увеличился с 8 до 39 миллионов. В числе факторов, содействовавших этому росту буржуазии, было быстрое разрастание внутреннего рынка. Этот рынок вырос и вширь, так как его территория увеличилась, и вглубь, так как его потребности возросли.

Рынок вырос вширь благодаря завоеваниям Екатерины. Была присоединена плодородная черноземная полоса. Она дала возможность значительно увеличить размеры сельско-хозяйственного производства. Вывоз хлеба из России быстро возрастает. За двадцать лет вывоз пшеницы за границу увеличивается в девять раз. В то же время цена на хлеб за время царствования Екатерины увеличивается втрое.

Рука-об-руку с этим ростом благосостояния пробуждается в дворянстве потребность во внешнем европейском комфорте. С самого начала царствования Екатерины, после манифеста 1762 г., многие дворяне переселяются из поместьев в города. Здесь вся внешняя сторона их жизни сильно видоизменяется. Бюджет богатого дворянства очень сильно вырастает. Вся жизнь богатого дворянина при Екатерине, в большом числе переселявшегося из деревень в города настраивается на иной ход. Эту жизнь начинает окружать масса очень дорогих вещей, которые уже не могут быть изготовлены домашним способом.

---

[1]) См. Туган-Барановский. Русск. фабрика. Соб. 1907, стр. 45.

„Человек делается,—пишет дворянский публицист екатерининской эпохи кн. М. Щербатов,—почтенен по мере великолепности его жития и уборов".

„По мере размножения сластолюбия,—пишет тот же кн. Щербатов,—приумножились все мастерства, рукоделия и промыслы и самыя хотя нужные государству строения в губернских и других городах, представляя великое изобильство для промыслов, отвлекли от земледелия многие тысячи человек" [1].

А за дворянами тянутся богатые купцы и в особенности крупные промышленники. И тот же дворянский публицист, с тревогою глядевший на успехи буржуазии, жестоко изобличает ее за увлечение роскошью.

В 1774 г. кн. Щербатов подает в „Комиссию Коммерции" свое „мнение", в котором, между прочим, пишет:

„Великое число купцов имеют великое число в домах зеркал и красного дерева, жены их хотя не по временам года, однако в новомодные французские штофы любят одеваться, отстав от прежних обычаев употреблять долго пребывающия богатые парчи, штофы одноцветные и китайские камки; толь коль наипаче можно приметить такую роскошь у живущих в Москве и С.-Петербурге, сии последние, ежели уже кто и посредственный торг имеет, окромя всего выше прописанного стыдится, чтобы не иметь англинские кареты, которыя от 4-х сот до 5-ти сот рублев ему стоит".

Этот рост потребностей на-ряду с ростом территории сильно увеличил емкость внутреннего рынка, и при Екатерине II-ой русская буржуазия начинает производить уже не только для казны, но и для населения. В связи с этим начинают развиваться те отрасли промышленности, которые до сих пор, не находя казенного спроса, пребывали в зачаточном состоянии.

А рука-об-руку с этим совершался, хотя и чрезвычайно туго, политический рост буржуазии, рос ее удельный вес в государстве и созревало ее самосознание.

Насколько последнее сделало большие успехи, показали совещания „Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения", о которых мы будем подробнее говорить в следующей главе. Обратимся теперь к общим итогам правительственного покровительства промышленности в восемнадцатом веке.

Если бы для широкого развития в стране промышленности достаточно было покровительства правительства, щедрых суб-

[1]) Ср. Щербатов. Сочинения. Спб. 1896 г. т. I, стр. 633.

сидий, привилегий и монополий крупным промышленникам, то русская промышленность восемнадцатого века дала бы богатые всходы.

Правительства Петра и Екатерины не жалели ни казенных денег, ни крестьянских „душ", ни земель для разведения крупной промышленности. Петр не остановился перед установлением нового крепостного права в целях обеспеченая живым инвентарем нарождающейся крупной промышленности.

Несомненно, что все эти правительственные насаждения, сделанные на почве, уже вспаханной плугом торгового капитализма, имели для нашей буржуазии большое, так сказать, родовспомогательное значение. Подготовленные и продиктованные всем ходом социально-экономического развития страны, меры Петра сыграли большую роль в ускорении экономического созревания крупной буржуазии. Но тогда и тотчас же началась та двойственная роль правительства по отношению к развитию промышленности, которая красною нитью проходит через всю экономическую историю России.

Петр стремится перенести к нам промышленную буржуазию Запада в политически кастрированном виде, и печать этой политической кастрированности, этого развития не в борьбе с правительственною властью, а „по указу Его Императорского Величества" остается на русской буржуазии, как ее характерное родимое пятно. Оставляя пока в стороне политическую сторону вопроса, мы лишь отметим, что она тесно и неразрывно сплелась с экономической. Лишенная такого могучего двигателя, как окрепшее и закаленное в борьбе чувство личности, русская крупная буржуазия со дня своего рождения оказывается в тугих пеленках правительственной опеки и с всегда обильною соскою казенных заказов, субсидий. Она с самого начала получает казеннокастовый характер, обусловивший одновременно и ее тихое политическое поведение и ее тихие экономические успехи. И уже с Петра Великого экономическая политика правительства не только обусловливает рахитичность русской буржуазии, но и подрывает почву под ее прочным, широким развитием. С одной стороны, насаждая крупную промышленность, Петр, с другой стороны, своими казенными промышленными предприятиями сильно суживает простор для частного капиталистического предпринимательства.

„Здешний двор,—пишет в 1706 г. Витворт,—совсем превратился в купеческий. Не довольствуясь монополией на лучшие товары собственной страны, напр., смолу, поташ, ревень, клей

и т. д., он захватывает теперь иностранную торговлю: все, что им нужно, покупают за границей, через частных купцов, которым платят только за комиссию, а барыши принадлежат казне, которая принимает на себя и риск."

На этих торговых операциях казна наживала огромные деньги и все больше входила во вкус предпринимательства. В 1705 г. казенною монополиею была об'явлена торговля солью и табаком. В 1707 г. к „казенным" монопольным товарам относят деготь, коломазь, мел, рыбий жир, сало; в 1709 г. к ним присоединяют щетину [1]).

Даже торговля дубовыми гробами об'явлена была казенною монополией.

Таким образом, огромная часть поля промышленной деятельности была отгорожена от частной инициативы государственною монополией, и буржуазия эпохи Петра безустанно жалуется, что покровительствующее правительство своей широкой „царской" торговлей стесняет простор экономической предприимчивости и отбирает в свою пользу торговлю наиболее прибыльными товарами.

Но еще более губительное значение для широкого роста промышленности, а с нею и буржуазии, имела финансовая политика русского правительства восемнадцатого века.

Петр Великий, всецело поглощенный военными преобразованиями, постоянно и остро нуждался в деньгах. И для него хороши были все финансовые системы, если они обещали быстро перекачать средства из народных карманов в казну. В поисках доходов русское правительство превращало финансовую систему в тысяченогий спрут, который опутывал всю страну и выкачивал в казну все свободные средства. Часть этих капиталов, стянутых финансовой системой в казну из заработков и сбережений населения, правительство превращало в золотое орошение для насаждения крупной промышленности, но в то же самое время эта финансовая система чрезвычайно замедляла рост и собирание денежных капиталов внутри страны и подрывала покупательные силы населения. Иначе говоря, правительство покровительствовало крупной буржуазии на счет тех самых народных средств, стягивая которые в казну, оно этим самым подрывало почву под прочным развитием промышленности. Анонимный автор поданной Петру записки „Статьи ко

---

[1]) Ср. П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. Спб. 1902, стр. 203.

умножению государственной казны для нужды настоящей войны", откровенно признавал, что из населения выжаты уже все питательные соки.

„Мне кажется,—писал он,—что крестьянам не доведется быть больше отягченными, понеже по премногу суть отягчены. И села больше будут отягчены, останется земля без людей". И автор донесения указывает далее, что теперь может дать средства лишь такая финансовая система, благодаря которой „не выйдет ни копейки от убогого народа, но все с людей, которые имеют способ и силу платить".

Мы уже знаем, что печальные финасовые итоги скороспелого разведения крупной промышленности заставили Екатерину сильно ослабить систему монополий и смягчить покровительственный тариф. Но к концу ее царствования поднимается во Франции могучее революционное движение. Екатерину, как известно, моментально покинуло модное философское вольнодумство, выписанное из Парижа. Она отвечает на мятежные французские события заострением покровительственного тарифа, направленного против Франции. Боевой политический тариф должен был вступить в силу 1-го января 1797 г., но Екатерина не дожила до него.

На престол вступает Павел. Для укрощения политической строптивости французских революционеров и политической оппозиции Англии Павел готовился перевернуть вверх дном всю экономическую жизнь России. Подозревая гамбургских купцов в симпатиях к французским революционерам, Павел в марте 1799 г. отдает приказ арестовать все гамбургские суда, находящиеся в русских портах. Осенью того же года уже подозрение падает и на датчан, и тотчас же отдается приказ не пускать датские суда в русские гавани.

Для упрощения этой своеобразной экономической борьбы с мятежным Западом, Павел издает 10-го марта 1801 г. приказ, в силу которого запрещается вывозить что-либо из русских портов без высочайшего разрешения. На следующий день Павел умирает, а с ним вместе и его экономический курс. Его преемник вновь круто поворачивает курс экономической политики. Все распоряжения Павла отменяются и торговля торжественно об'является „свободною и беспрепятственною".

В мероприятиях Павла получила махровое выражение та политика правительства по отношению к промышленности и буржуазии, которая проходит красною нитью через весь век. Ни имущественные, ни личные права буржуазии ограждены не были,

правительство видело в ней как бы придворного поставщика и интенданта или лишь как служилое сословие. Оно щедро награждало буржуазию за тихое политическое поведение и за экономическое усердие, давало понять и почувствовать буржуазии, что она под правительством ходит...

Если на первых порах меры правительства усиливали рост буржуазии, то затем они начинали этот рост тормазить. В известном своем сочинении „Русская фабрика" М. Туган-Барановский прекрасно показал, что уже при Екатерине наибольшее развитие обнаруживают те отрасли производства, которые не привлекали к себе слишком усердного правительственного покровительства.

„Фабричная промышленность в течение почти всего царствования Екатерины,—говорит Туган-Барановский,—не пользовалась покровительством высоких таможенных пошлин и тем не менее развивалась успешнее, чем раньше... В течение восемнадцатого века наше крупное производство сделало более всего успехов в то время, когда правительство официально заявило о своем несочувствии этой форме промышленности и менее, чем когда-либо, поддерживало ее „искусственными" средствами." [1])

И уже Щербатов подметил эту двойственность правительства. „Может статься,—пишет он,—нигде виданого такого стремления не показуют к размножению торговли, нигде столько не тщаться разными узаконениями ее утвердить, но нигде же столько ее не подрывают, как у нас."

Если одною рукою правительство щедро осыпало промышленников всяческими льготами, монополиями, субсидиями, то, с другой стороны, оно своею финансовой политикой денежно обескровливало страну, отвлекало средства населения от затраты на расширение производства и расточительно тратило их на непроизводительные цели. Правительство сверх-того строило финансовую систему на фискальных а не народно-хозяйственных основаниях, поставляя вместо интересов народного хозяйства интересы промышленности, вместо интересов промышленности—интересы крупных промышленников.

---

[1]) Ср. Туган-Барановский—„Русская фабрика", стр. 50.

Глава III.

Пробуждение классового сознания буржуазии. — „Доносители" Петровской эпохи.—Екатерининская комиссия и выступление в ней буржуазии.—Разложение буржуазии.—Магнаты промышленности.

Энергичная деятельность Петра всколыхнула все русское общество сверху донизу, привело в сильное брожение его застоявшийся быт и застоявшуюся психологию. Новый курс, по которому поворачивает грузный государственный корабль России железная рука Петра, поднял тревогу в душе одних групп населения и обострил аппетиты других.

Создается и растет своеобразная литература, в которой находят отзвук и эти тревоги, и эти надежды, и весь тот растущий гул потревоженного быта и вспуганной психики, который сопровождал все реформы Петра.

И в этом нестройном гуле все сильнее обособляется голос буржуазии. Она еще бредет розно. Между купцами и фабрикантами, между привилегированными монополистами и купеческим плебсом растут и обостряются противоречивые интересы. Но на-ряду с этим складывается и растет солидарность буржуазии в ее отношении к дворянству и приказным людям, в ее стремлении расширить свои имущественные и личные права, в ее, наконец, домогательстве отвоевать себе ту позорную привилегию рабовладельца, которую настойчиво защищали, как свое исключительное сословное достоинство, дворяне.

За отсутствием в Петровской эпохе тех форм общественной организации, которые могли бы стянуть и сосредоточить разгоравшуюся борьбу классов и сословий, выразительницей этой борьбы становится литература. Но и она в Петровскую эпоху была крайне слабо развита и распространена. Ее суррогатом является своеобразная литература „доносителей", которые писали Петру о непорядках и нуждах страны, и в этой литературе находят отклик многие требования русской буржуазии, просыпавшейся к самостоятельной политической жизни.

В русской буржуазии Петровской эпохи уже проснулось сознание необходимости известного правопорядка для успешного развития промышленности.

„Доноситель" Филиппов описывает царю всю „великую тесноту и мучение", все „похищение интересов царского величества", происходящие от того, что вся администрация и весь

суд находятся в руках мелкого дворянства, которое чинит купечеству обиды и притеснения. Дворянская администрация,— доносит Филиппов,—находится в родственных связях со знатью („фамильными людьми“) и покрываясь их „сильною заступою“, безнаказанно творит беззакония и взимает в свою пользу незаконные поборы, „отчего народ в конец разоряется“.

„А доносить на таких злодеев—смело пишет Филиппов—невозможно, понеже он отправлен к делам от фамильного (т.-е. знатного. *П. Б.*) и доношение подавать ему же—то в том как может быть правое решение?“ И автор донесения приходит к заключению, что единственное средство „для правды и обороны народа“ заключается в назначении на должности людей из не-дворянских слоев, т.-е. прежде всего из буржуазии“ [1]).

Зотов, один из сподвижников Петра, указывает на необходимость подготовить просвещенную администрацию, для чего посылать заграницу молодых людей, „не из породных, для того, что всегда породные презирают труд, хотя по препорции их пород и имения, должны также быть и в науке отменны перед прочими“ [2]).

Анонимный доноситель из Голландии советует Петру отстранить высокородовых людей. Даже сенат, по мнению этого доносителя, будет находиться в „благом порядке, как и в прочих государствах“ только тогда, когда Петр „отставит сидящих в нем неграмотных, да на их место изберут хотя и не из высокородных, но таких, чтобы были умные, верные и пробованные в услугах вашего величества, ибо честь не по фамилии зависит, но от верной службы к своему государю и отечеству своему, на что видим многие экземпели в окрестных государствах, в которых не смотрят на фамилии, но на верную службу в интересах своего государя и государства“. .

Притеснения со стороны дворян и жалобы буржуазии не прекращаются и в Екатерининскую эпоху. Устроенная Екатериной II-й попытка созыва своеобразного „совещательного“ парламента, в виде „Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения“, созванной в 1766 г., столкнула лицом к лицу различные классы. Численно буржуазия была представлена очень сильно. Ко времени открытия комиссии собрался 531 депутат. Из них

---

[1]) Ср. Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб. 1897. стр. 119.

[2]) Н. Павлов-Сильванский. I. с., стр. 66.

на долю представителей городов приходилось 207 человек или 39%, дворяне располагали 160 депутатами или 30% с лишним; поселяне—78 депутатами или 14%, казаки—54 депутатами и инородцы—32. Буржуазия вела борьбу на два фронта: она стремилась расширить свои экономические права и, прежде всего, получить право владения крепостными; она в то же время стремилась ограничить крестьян и дворян в их экономических правах и лишить их права вести торговлю и иметь фабрики.

В наказах депутатам и в их речах слышались громкие жалобы на притеснения и унижения, испытываемые российскою буржуазией. В заседании комиссии депутат из Яранска, Иван Антонов горько жаловался:

„По соборному уложению 1649 г. положено за причиненное купцам безчестье платить самое малое количество денег, а именно: первой гильдии по семи, второй по шести и третьей по пяти рублей человеку. Поэтому купечество находится в крайнем пренебрежении и опасности, ибо купцам нередко случается выносить не только безчестье, но иногда жестокие побои и увечья от разного рода людей, которые не удерживаются никаким препятствием и опасением взыскания".

„А к суду прибегать—жалуется далее городской депутат,—безполезно, только волокита и новые унижения". „Но когда и кончится такое дело, то в удовлетворение себе, хотя бы ты был и первой гильдии купец, получит за безчестье семь рублей, а между тем за то время, в которое надобно иметь хождение за делом, он потеряет несравненно более в своих торговых оборотах, и сверх того будет находиться в большой опасности потерпеть отягощение ругательством и побоями. В предупреждение всего этого, не будет ли повелено купечеству положить за безчестье первой гильдии по сто пятидесяти, второй по сто, третьей по пятьдесят руб., а за увечье против того вдвое или сколько будет соблаговолено, дабы через то купечество было ограждено от вышеописанной опасности" [1]. Но другим депутатам городов такие скромные требования справедливо казались совершенно недостаточными. Депутат от Сернейска Глинков просит, чтобы фабрикантам и купцам первой гильдии были пожалованы для ношения шпаги, которые придадут „благородство" именитому купцу.

„Когда иностранный купец,—жалуется Глинков,—стоит с рус-

[1]) Ср. Сборник Русск. Историч. О-ва, т. 8-ой, стр. 78.

ским, то кажется как будто он стоит со своим слугою и обращается с ним свысока... Пожалование русскому купечеству чести будет иметь последствием прославление государства" [1]).

Но так как стремление буржуазии стать на один уровень с „благородными" не находило в себе широкой законодательной поддержки, а в практике жизни со всех концов и сторон встречало глумление и отпор, то богатое купечество жадно потянулось к чинам и дворянству, как к единственному пути, выводящему из „подлого" звания и избавляющему от издевательства и притеснений.

Богатой буржуазии дворянство доставалось без особенного труда. Правительство, постоянно нуждаясь в деньгах и всячески поощряя крупных промышленников, охотно раздавало им чины и возводило в дворянство за крупные услуги материального характера. Крупная буржуазия вместо прямой борьбы за поднятие личного достоинства своего класса, за расширение его имущественных и личных прав сворачивает на извилистую тропинку выслуживания и выпрашивания чинов и дворянства.

„Не пойдут искать эполет на поле битвы, если их можно получить в прихожей". Эти слова Наполеона Великого как нельзя лучше характеризуют русскую именитую буржуазию восемнадцатого века. Она тщеславною толпою тянется к чинам и дворянству, сразу и в имущественном и в личном отношении расширяющему ея права. Буржуазия тщеславною толпою тянется к чинам и дворянству.

Глядя на этот „подлый" купеческий поток, вливающийся в дворянское сословие, рыцари дворянской чести закипали негодованием. Талантливый палладин дворянства восемнадцатого века кн. М. Щербатов, и в статьях и в речах негодующе обличает это „чинобесие" купцов Екатерининской эпохи.

„Я признаюсь—говорит он,—что богатый купец есть полезен государству и что надлежит сделать побуждение таковым людям; мнение мое в сем случае подтверждено мнением господина Монтескию, большим наказом для комиссии уложения и последними узаконениями Ее Императорского Величества. Но мне кажется, при сем случае должно рассмотреть род торгу российских купцов и отчего они наиболее богатятся. А по испытанию моему я знаю, что откупы и подряды, где они корону обманывают, составляют главные источники богатства их; следовательно, когда дед воровал, сын грабил, а внук разбой-

[1]) Ср. Сбор. Истор. Общества, т. 8-ой, стр. 95.

ничает, достоин ли он потомственного вознаграждения?“ [1]). На этот вопрос кн. Щербатов отвечал, конечно, отрицательно. Но иными глазами смотрело правительство и широко раздавало чины и дворянство этим достойным потомкам достойных предков.

Стремление крупной буржуазии к дворянскому званию и получение этого звания не могло, конечно, сказаться политическим ослаблением буржуазии. Раз можно было поднять свое личное достоинство и расширить свое имущественное положение путем выхода из буржуазии и перехода в дворянство и раз этот выход и переход были правительством открыты за соответствующую плату, то естественно, что именитая буржуазия предпочитала получить права, перестав быть буржуазией, вместо того, чтобы завоевать их в качестве буржуазии. Употребляя выражение Наполеона, буржуазия „прихожую“ предпочла „полю битвы“.

И тот же кн. Щербатов подметил, что это „чинобесие“ буржуазии вредно отражается и на развитии промышленности.

„Купцы,—говорит Щербатов,—поставя себе теперь в предмет разбогатеть для того, чтобы дворянство или чин офицерский приобрести, торговое свое состояние мимоходящим почитают, ни стараются ни сами в опасные торги вступать, ни детей своих торгу изучать, но кидаются только в откупы и в подряды, обкрадывая елико можно казну, а не производя никакого чюжестранного торгу“ [2]).

Но как бы щедро правительство ни раздавало именитым промышленникам дворянское звание, однако, лишь небольшая группа выслужившихся перед правительством купцов могла получить дворянство, вся же остальная масса буржуазии продолжала пребывать в „подлом“ звании и ей приходилось вести ожесточенную борьбу с дворянами.

Буржуазия, в частности, с растущим раздражением глядела на хозяйственное использование дворянством своих сословных привилегий и настойчиво добивалась распространения и на себя наиболее важной из этих привилегий—права владения крепостными. В то же время буржуазия всячески стремилась добиться запрещения дворянству участия в промышленной жизни. Добиться „дворянской“ привилегии – владения крепостными—и в то же время оттеснить дворян в сферу исключи-

---

[1]) Ср. М. Щербатов. Сочинения, т. 1-ый. Спб. 1896, стр. 398—399
[2]) Ср. Щербатов, стр. 625.

тельно землевладения и сельского хозяйства—такова была программа, с которой в Екатерининской комиссии выступили представители буржуазии.

Эта программа проводилась городскими депутатами очень настойчиво и последовательно. В заседании 2-го октября 1767 г. Алексей Попов, депутат рыбно-слободского купечества, жаловался на хозяйственное притеснение со стороны торгующего дворянства.

„Петр Великий,—говорит этот депутат,—всячески содействовал российскому купечеству. „Все сие премудрый монарх делал с тем намерением, чтобы русское купечество собрав, яко рассыпанную храмину, не только сравнить, но и возвысить над европейскими купцами, зная достоверно, как нужна коммерция государству, что и видим на самом деле в европейских державах".

„Вместо ожидаемого поправления мы с крайним прискорбием усматриваем из поданных в комиссию многими господами депутатами мнений, что русскому купечеству готовится большое отягощение, как будто оно вовсе не нужно для государства. Вместо того, чтобы в силу указов имп. Петра Великого утвердить за купечеством их права и вольности, а другим всякого рода, звания людям строжайше запретить вести торговлю, через что натурально купечество могло бы достичь большого благосостояния, упомянутые господа депутаты напротив того предлагают ко вреду купечества, чтобы как благородному дворянству, так и крестьянам предоставлено было пользоваться купеческим правом на-ряду с купцами.

И к „мнению", высказанному Поповым, тотчас присоединили свои голоса 69 депутатов".

Борясь за лишение дворян права владения фабриками и лавками, купцы в то же самое время добиваются, чтобы им было дано право владения крепостными руками.

„По существующим законам—говорит депутат от Яранска Иван Антонов,—купечество не имеет права покупать крепостных дворовых людей и владеть оными. Между тем купцам настоящая крайняя надобность их иметь, ибо купечество по необходимости принуждено нанимать крестьян из разных ведомств и платить им большую цену".

Перспектива иметь даровые рабочие руки разжигает экономические страсти буржуазии. С наивным бесстыдством депутат буржуазии доказывает, что от распространения прав владения крепостными на буржуазию „вреда никому не предусматрива-

ется", тогда как вольные рабочие, „зная, что они не крепостные, и потому не имея никакого страха, делают всякие произвольства и причиняют хозяевам много хлопот".

Впервые собранная в суррогат „парламента", впервые получившая возможность „скопом" громко заявить о своих нуждах, русская буржуазия начала с того, что громко и жадно потребовала права рабовладения и цинично устами яранского депутата заявила, что ради хозяйственных интересов буржуазии необходимо создать новые кадры крепостных, тем более, что от этого вреда „никому" не будет. Многомиллионная масса крестьянства была в глазах буржуазии „никто", об'ект хозяйственных операций, но никак не суб'ект прав.

И вследствие этого у дворянства и крестьянства оказались по отношению к буржуазии точки соприкосновения.

Прежде всего распространение на купцов права владения крепостными больно задевало сословные привилегии дворян. Распространение этих привилегий на „подлое" сословие было в глазах дворян тяжким оскорблением чести и достоинства первенствующего сословия. Но дворянские депутаты вступают в борьбу с крепостными притязаниями буржуазии и по чисто экономическим мотивам. Они широко сумели использовать свою сословную рабовладельческую привилегию для основания дворянских фабрик с принудительным трудом. И конечно, эту доходную сословную привилегию, дававшую им лишний крупный шанс в конкуренции с буржуазией, дворяне отстаивали всеми силами.

Дворянские депутаты умело использовали это временное и местное совпадение своих и крестьянских интересов и против „наступления купца" выдвинули защиту интересов „угнетенных крестьян".

Был и еще один очень важный пункт, который в Екатерининской комиссии об'единил дворян с крестьянами. Мы уже знаем, что купцы одновременно стремились к ограничению торгово-промышленных прав как дворянства, так и крестьянства. А между тем торгово-промышленная деятельность крепостных в виде оброка приносила помещикам огромный доход. Неудивительно поэтому, что требования буржуазии ввести ограничения хозяйственных прав торгующего крестьянства сильно задевали интересы помещиков-дворян и заставляли их, одевая личину радетелей крестьянского блага, выступать с яростной защитой свободы крестьянского торга.

В дворянских речах и наказах звучит одна и та же нота: не допустить буржуазию к владению крепостными и широко рас-

крыть перед крестьянами и дворянами возможность разносторонней торгово-промышленной деятельности.

В наказе крапивенского дворянства высказывается жалоба, что „содержатели из купечества разных фабрик и заводов многочисленно имеют за собою во владении крестьян... живут они единственно в увеселительных своих роскошах и лености, а остальные свои деньги уповательно давно уже с крестьян работою и доходами получили“ [1]).

В наказе ярославского дворянства, составленном кн. Щербатовым, дворянство берет под свою защиту рабочих: „Учинили,—читаем мы там о фабрикантах,—забирая всех на фабрики и заводы в работу, да и то толь малую плату, что насилу дневное пропитание могут иметь. Через то умножению народа чинится препона и земледелие оскудевает; да и сами крестьяне толико работами замучимы бывают, что часто бунт производят. Того ради не соблаговолено ли будет по рассмотрению, в противность законов купленные ими деревни у них взять с нужным распорядком, дабы их по милосердию в убытке не оставить, а которые фабрики впредь будут заводиться, тем учинить надлежащее употребление, работников-мастеров по числу работы и величине завода иметь, а прочие бы работники были наемные. И сие, мнится, может принудить фабрикантов и заводчиков более прилежания иметь о приведении в лучшее состояние российских фабрик и тщание о произведении российскими товарами коммерции; а дворянство, когда их крестьяне между работных пор будут ходить к купцам работать на фабрики и заводы, через вящую циркуляцию денег пользу же себе приобрести“ [2]).

Последние слова ярославского наказа вскрывают истинный источник этого рабочелюбия, которое обнаружили дворяне в Екатерининской комиссии. Они отстаивали вольно-наемный труд, во-первых, потому, что сами располагали принудительным крепостным трудом и, во-вторых, потому, что крепостные, работавшие на купеческих фабриках, приносили помещикам оброк, тем бо́льший, чем выше была плата.

Вследствие указанных обстоятельств дворянство могло и сумело драпироваться в тогу покровительницы крестьян и рабочих. На этой чувствительной струне с особым искусством играл депутат ярославского дворянства кн. Щербатов.

---

[1]) Сбор. Истор. Об. т. 8, стр. 592.

[2]) Ср. Кн. Щербатов. Сочин. т. I. Спб. 1896 г Стр. 16.

В ответ на сдержанное сначала и разнуздавшееся потом требование буржуазии—рабов, рабов!—кн. Щербатов патетически восклицает:

„Какое сердце не тронется на истекающие слезы несчастного проданного, оставляющего и место своего жилища, и всех, кем рожден и кем воспитан и с кем приобык всегда жить и еще в неподлинности о будущем своем состоянии, и как не сжалиться на всех, на слезы и на желанье остающихся!“ [1]).

Предвидя, что городские депутаты выразят удивление, почему же чувствительное сердце князя не леденеет от ужасов дворянского крепостничества,—кн. Щербатов спешит нарисовать крепостную идиллию.

Тот же кн. Щербатов, так чувствительно изображавший эксплоатацию рабочих на купеческих фабриках, энергично отстаивал право дворян заводить свои дворянские фабрики с крепостным трудом.

Как только депутат „Рыбной слободы“ высказался за запрещение дворянских фабрик, спешит подать свой „голос“ кн. Щербатов.

„Оный господин депутат,—говорит он,—не обинуясь, предлагает отнять у корпуса дворянского право иметь минеральные заводы и всякие фабрики, то в ответ предлагаю, что коль ему и сомнение: не хотит ли купечество лишить сего права—толь чувствительно показалось, не меньше и дворянству должно чувствительно быть напрасное наступление от купца на их право“.

Не менее враждебно, чем с дворянством, складывались хозяйственные отошения буржуазии и с крестьянством. Крестьяне представляли серьезную конкурирующую силу как для фабрикантов, так и для купцов. Фабриканты, благодаря крайней несложности тогдашней техники, быстро перенимавшейся крестьянами и несложности потребностей покупателя, с большим трудом конкурировали с крестьянами-кустарями.

В известной книге Туган-Барановского превосходно показано, как русская фабрика явилась рассадницей технических знаний среди тех самых кустарей, которых она исторически была призвана вытеснить. Этим об'ясняется жестокая неприязнь фабрикантов к кустарям. Купцы, в противоположность фабрикантам, явились сторонниками развития кустарной промышленности, так как в качестве скупщиков крестьянских товаров они на

---

[1]) Ср. Щербатов. Сочин., т. I. Спб. 1896 г. Стр. 116.

живали большие деньги. Но зато купцы были чрезвычайно встревожены ростом крестьянской торговли.

В 1765 г. один из членов „Комиссии о коммерции" подает свое „мнение", весьма обстоятельно доказывая „несправедливость" разрешения крестьянам торговой деятельности.

„Представим,—читаем мы здесь,—торгующих купца и крестьянина и рассмотрим их обстоятельства в рассуждении образа их жития и податей. Крестьянин живет в деревне со всем своим домом, имеет землю, а купец живет в городе и оной совсем не имеет; и так, когда крестьянин торговать пойдет, то жена, дети и весь дом от нево никакой помощи не требуют или весьма малую, потому что они питаются плодами своей земли; мещанин, не имея у себя земли, должен уделить знатную часть прибытка на содержание своих домашних. Дом торгующего крестьянина находится на деревне, где не отправляют, конечно, никаких служб, налагаемых иногда от полиции, как для безопасности, так и для чистоты города; напротив того, дом мещанина, лежащий в городе, все оные службы нести должен. Купец платит подушного против крестьянина вдвое, а другие чрезвычайные поборы, как-то: рекрут, лошадей и протчее берется с купцов так, как с крестьян, без всякого различия... Если же к тому пресовокупить протекцию помещиков, которые иногда и сами в крестьянскую торговлю вмешиваются, то ясно, кажется, видеть можно, что крестьяне не собственным своим проворством, ни преимущественным пред купцами знанием, ниже лутчим поведением приобрели себе капиталы, но вышеописанными в торге в рассуждении купцов преимуществами, и мещанство не от худых своих поступков, ниже от невежества во многих городах до основания раззорились, но от неправильного и законам противного похищения их промысла людьми, которым в оный входить запрещено законом" [1]).

Крестьянские депутаты боялись аргументировать ссылкою на свою бедность. Они вполне благоразумно от „наступления купца" предпочитали прикрываться щитом интересов дворянства и казны. В речах крестьянских депутатов в качестве главнейшего довода неизменно выдвигались соображения, что от запрещения или сокращения крестьянского торга сильно пострадают казна и помещики, лишившись оброков и подушной подати.

---

[1]) Лаппо-Данилевский. Русск. промышл. и торгов. компании в первой половине XVIII ст. Спб. 1899 г., стр. 106.

И этот щит один только мог спасти и один только и спас крестьянский торг от крутых законодательных мер, которых так настойчиво добивалась буржуазия.

Безудержный классовый эгоизм, неприкрытое социальное корыстолюбие были движущими мотивами наказов и речей буржуазии в Екатерининской комиссии.

Защищенная сословными преградами монополия всей торгово-промышленной деятельности в руках буржуазии—таков был идеал, выдвинутый русскими купцами и промышленниками.

В среде буржуазии в свою очередь шла борьба между различными слоями и группами, при чем обособленное, привилегированное положение занимают магнаты промышленности возбуждая зависть и вражду.

Тульское купечество жалуется, что крупные фабриканты „от всяких тягостей и служб гражданских увольняются и изъемлются от суда магистратского, отчего как все тягости упадают на оставшее число купцов, средних и бедных, так и претерпенные иногда ими обиды от упомянутых заводчиков и фабрикантов в случае позыва магистратского противными чинятся, и что, напротив, обидимым возможности нет просить о удовольствии в берг- и мануфактур-коллегиях“ [1]).

Как сильна была ненависть к промышленникам-монополистам и откупщикам, показывает подметное письмо императрице Анне Иоановне:

„Ныне внутрь великого Российского Государства между откупщиками и верными присяжными людьми учинилось в зборах великое помешательство и трата великая интересу: неусмотрением высокого сената продано все земледельство и купечество Российского Государства, первое на расхищение великого интересу вашего высокого императорского величества, второе на разорение и на великое разграбление всего народу откупщиками и компанейщиками“.

„Вышеописанными выписями,—продолжает автор письма,—и прочими миру злодейственными притяжаниями, и оные откупщики и компанейщики являются злодейственными своими промыслами якобы великие доброхоты и пополнители интересу вашего императорского величества, а они злодейством своим и великим пронырством делают великие ущербы интересы вашего императорского величества в народ, яко ядовитые змеи,

---

[1]) Ср. Лаппо-Данилевский, стр. 93.

прельщающе лестно, гоняще народ к великой нищете и вечной погибели“ [1]).

При Екатерине, как мы знаем, симпатии правительственного курса поворачиваются от монополии к вольному торгу. И Екатерина В. с полным сочувствием внимала речам тех городских депутатов, которые в комиссии усердно доказывали, что „вольность есть главное к распространению коммерции средство“ и что „никакой казенный или партикулировый торг в одне руки никому не повелено бы было отдавать, а оставить все торговые промыслы в вольности“.

Мы познакомились с основными мотивами в настроении буржуазии восемнадцатого века. Мотивы эти не свидетельствовали ни о широте понимания буржуазией своих классовых задач, ни об ее политической сознательности. Меры Петра потревожили темное царство русского купечества. Из него выделилась, железною рукою Петра была поднята к вершине власти горсть крупных промышленников. Они сбросили со своих плеч все тяготы на плечи широкой купеческой массы, они сосредоточили в своих руках огромные заповедные отрасли промышленности, изгнав из них всякую конкуренцию, всякую частную инициативу. Появилась крупная промышленная буржуазия, сразу поступившая на казенное содержание.

Пример этой привилегированной буржуазии заражает дворянство. Высокая прибыль кружит ему голову. Растущие и усложняющиеся потребности требуют денег. И дворянство само бросается в промышленный водоворот и толкает в него же крестьянство, снимая в виде оброка все сливки с торговой деятельности последнего.

И широкая масса купечества перед лицом этого разрастания и усложнения хозяйственной жизни волнуется и шумит, как потревоженный улей.

Но это возбуждение не пошло дальше простого порыва элементарной классовой самозащиты. Буржуазия, как мы видели, не выдвинула ни одного даже чисто хозяйственного лозунга, выполнение которого передвинуло бы Россию на новые пути развития, открыло бы ей какие-либо новые перспективы. Вся борьба буржуазии сводилась к борьбе за сосредоточение в руках промышленников и купцов всей хозяйственной жизни страны и законодательного отстранения от нее дворянства и крестьянства.

---

[1]) Ср. Лаппо-Данилевский, стр. 117.

К тем лозунгам, которые выдвинула буржуазия, ни одна группа населения, кроме самой буржуазии, примкнуть не могла, ибо в этих лозунгах не было ни грана каких-либо общенародных требований. Требование же нового закрепощения населения, требование лишения крестьянства всех торговых прав придали всем выступлениям буржуазии характер обнаженной и сухой корысти. Был лишь один пункт, в котором буржуазия выдвинула требования прогрессивного характера—это создание „буржуазной" администрации. Борясь с дворянскою бюрократией, буржуазия несомненно выдвигала прегрессивное требование, осуществление которого сильно расчистило бы путь социально-экономического развития России. Но как раз этот пункт выступления русской буржуазии восемнадцатого века был отодвинут на задний план и заслонен требованиями более непосредственными и узкими.

Глава IV.

Иван Посошков, как идеолог буржуазии.—Отголоски прошлого и проблески будущего в его мировоззрении.—Судьба Посошкова.—Родоначальники промышленных самодуров.—Просыпающееся политическое сознание буржуазии.

Как глубоко была взволнована русская буржуазия восемнадцатого века, какое сложное брожение шло в ее глубине, показывает факт появления из самых ее низов такого талантливого и своеобразного идеолога, как Иван Посошков.

Крестьянин села Покровского, Иван Посошков добрался до своего экономического благополучия и додумался до своих своеобразных экономических теорий сам-друг, силою собственного ума. В 1724 г. он пишет сочинение „О скудности и богатстве", в котором выступает первым последовательным идеологом русской буржуазии. Ив. Посошкова сильно угнетала разрозненность, бесправие и невежество русского купечества. „Купечество у нас в России чинится весьма неправо; друг друга обманывают и друг друга обидят, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые, а цену берут не прямую и между собою союзства ни мало не имеют, друг друга едят и тако все погибают, а в зарубежных торгах компанства между собою не имеют и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества" [1]).

[1]) Ср. Посошков. Соч., стр. 71.

С своеобразным красноречием Посошков выяснил всю необходимость и пользу для государства от развития в нем буржуазии. „Торг дело великое,—восклицает он. Надобно судьям всем об них (т.-е. купцах *П. Б.*) попечение иметь неоскудное; понеже купечеством всякое царство богатится, а без купечества никакое и даже малое государство быть не может; и того ради под вольным охранением блюсти их надлежит, и от обид их оберегати, дабы они ни от кого обидимы не были и во убожество-б не входили и Его Императорскому Величеству приплод бы несли со усердием".

Посошков при этом укоризненно ставит в пример немецкие земли. „В Немецких землях,—говорит он,—весьма людей берегут, а наипаче купецких людей, и того ради у них купеческие люди и богаты зело. А наши судьи ни мало людей не берегут, и тем небережением все царство в скудость приводят, ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, в коем царстве люди будут убоги, то и царству тому не можно быть богатому" [1]).

Ив. Посошков, подобно уже знакомым нам доносителям Петровской эпохи, обличал бояр и приказных людей за то, что они не уважают и теснят купецких людей и своим взяточничеством и неправосудием разоряют „российский торг".

С помощью бояр,—говорит Посошков,—„иноземцы засунут сильным персонам подарок рублев во сто, то за сто рублев сделают они, иноземцы, прибыли себе полмиллиона, потому что бояре не ставили купечество не в яичную скорлупу; бывало, на грош все купечество променяют".

Но тут же Посошков торжествующе прибавляет, что Петр В. всему этому конец положил: „А ныне, слава Богу, монарх наш вся сия разсмотрел и подлесть им уж никак".

Нас здесь не интересует экономическое и социологическое мировоззрение Ив. Посошкова, само по-себе чрезвычайно поучительное. Нас интересует этот экономист-самоучка, как высшая идеологическая вершина, до которой добралась в восемнадцатом веке русская буржуазная мысль. Ив. Посошков был типичным выразителем буржуазии петровской эпохи. Его глубоко огорчала разрозненность и неорганизованность русской буржуазии, и он боролся с этим словом и делом. Он энергично проповедовал купцам даже устройство стачки против торгующих крестьян. Но далеко за пределы этого, чисто хо-

[1]) Ср. Посошков. Соч., стр. 71.

зяйственного сплочения буржуазии, мысль Ив. Посошкова не уходила.

Отсутствие элементарной коммерческой честности, безудержное господство правила: „не обманешь—не продашь" огорчало без лести преданного своему классу Ив. Посошкова. И он осыпал русское купечество горькими упреками, пытаясь его наставить на путь коммерческой честности. Но те меры, которые предлагал для этого Посошков, были насквозь пропитаны духом полицейского участка. Штрафы и батоги рекомендует первый идеолог русской буржуазии против своего же брата купца, раз только он поскользнулся на стезе коммерческой честности.

Посошков рекомендует учредить целую полицейскую иерархию надзора за правильностью российского торга. Должны быть созданы специальные сотские, пятидесятские и десятские. „А буде кто неправо отвесит, или неправо отмеряет и вместо доброго худой продает, то таковому жестокое чинить наказание и штраф противо товаров цены взять десятерично". „А буде,—поучает дальше Посошков,—в такой неправости помировolит продавцу сотский, или пятидесятский, или десятский, то взять штраф на десятском в десять мер, на пятидесятском в 50 мер, а на сотском в 100 мер и наказание чинить кнутом, по колику ударов уложено будет".

Петровская Русь была полным-полна безработным, бездомным людом, который, оборванный и голодный, слонялся по всей стране, через края переполняя тюрьмы.

В этом явлении, свидетельствовавшем о глубоком внутреннем кризисе, Посошков видел только бесполезную трату денег. И Посошков хлопочет об издании указа, повелевающего, чтобы арестованные „в тюрьме лишних дней не сидели и хлеба напрасно без работы не ели, но все бы были у дел своих, кои по вине достойны смерти, то тех не для чего томить и даром хлеб на них тратить, но подлежит их вершить" [1]).

Ревностно проникнутый христианскою религией, усердно занимавшийся богословскими вопросами, Посошков в душе остался нравственным язычником, своеобразным материалистом прилавка, готовым всю жизнь развешивать на фунты и отмерять на аршины материальной выгоды.

Даже христианское смирение, проповедуемое Посошковым,

---

[1]) Посошков. Соч., стр. 107

явно носит купеческий характер, кое у него все пропитано довольством разбогатевшего купца.

„Если будешь пить хорошие напитки,—поучает он,—вспомни мыслею своею бедных людей, которые и чистой воды не имеют, черпая из болота мутную, с мухами и червями, а когда ешь жирную и сладкую пищу, вспомни убогих, которые и хлеба чистого не имеют, а едят гнилой и с мякиной. И подумай, что вот тебя Бог наполнил и удовлетворил таким изобилием, а другие, такие же как ты, люди—страдают. И вспомнив про такое их страдание, воздай Богу благодарение об изобилии твоем".

Эта проповедь „вершения" преступников ради экономии, эта проповедь ублаготворения и утешения себя видом обездоленных и голодных людей свидетельствовала о чрезвычайной грубости чувств и понятий русской буржуазии восемнадцатого века даже в лице ее самого выдающегося идеолога.

Социально-экономические воззрения Посошкова свидетельствовали о той же узости горизонта и той же бескрылости стремлений русской буржуазии XVIII в., хотя сами по-себе и представляли продукт, несомненно, глубокой и оригинальной мысли [1]).

Верный поклонник Петра, Посошков придумал докучливую систему вмешательства государственной власти во все области и закоулки экономической жизни. Повсюду должна была установиться самая строгая и подробная регламентация промышленности.

Экономическую власть правительства Посошков считал совершенно беспредельной. Вместе с своим идеалом—Петром, Посошков был твердо убежден, что русское правительство может командовать хозяйственными силами страны, как оно командует солдатами. И Посошков горделиво противопоставляет в этом отношении русского царя иностранным.

Петр, как известно, широко практиковал чеканку неполноценной монеты, наживая на этой государственной уголовщине огромные деньги, но приводя этим в расстройство всю хозяйственную жизнь. Посошков и в этой области берет русское пра-

---

[1]) Посошков, не заходя далеко в политическом вольнодумстве, однако уже высказывал мысль о необходимости „многосоветия" в древне-русском или ново-славянофильском духе. Посошков находил необходимым, чтобы при составлении уложения, „написав точно новосочиненные пункты, всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не по принуждению, и предложить Его Императ. Величеству, да рассмотрит его умная острота".

вительство под свою защиту. Он считает, что раз русский царь абсолютен, то для него не писаны экономические законы. „Мы не иноземцы,—говорит Посошков по этому поводу,—не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, нам не медь дорога, но дорого Его Царское наименование. Того ради, мы не вес в них числим, но счисляем начертание на ней. У нас не вес имеет силу, но царская воля".

„У иноземцев,—продолжает Посошков,—короли такой власти не имеют, яко народ; и того ради, короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди. И там купцы по купечеству своему товаров в деньгах числят, а королевскую персону полагают на них вместо свидетеля, что та цаца имеет в себе толику товару, за что она идет. А по нашему простому разумению, то стало-быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги в себе силу имеют, но по купеческой цене".

„У нас так сильно Его Пресветлого Величества слово, ащеб повелел на медной золотниковой дате положить рублевое начертание, тоб она за рубль и в торгах ходить стала во веки веков неизменно" [1]).

Мы знаем, что пророчество Посошкова не сбылось. Экономические законы не подчинились велениям абсолютного царя и обесцененная монета не только во веки веков не сохранила свое „начертание", но уже через несколько лет она была разжалована экономическими законами по количеству ме́ди, а не по „начертанию".

Эта ошибка экономической мысли была не теоретическим промахом, а выражением всего социально-политического мировоззрения Посошкова, а с ним и всей русской буржуазии XVIII в. Вспоенная и вскормленная абсолютическим правительством, видя, как по мановению царя вырастают фабрики и заводы, русская буржуазия впадает в своеобразный экономический фетишизм. Правительственная власть рассматривает его, как источник всей экономической благодати.

Понятие экономического закона подменивается понятием правительственного распоряжения, второе заслоняет первое.

Посошкову пришлось на собственной спине убедиться, что, несмотря на приказы и указы Петра, русская экономическая жизнь протекала в старых бытовых условиях и русской буржуазии приходилось попрежнему испытывать унижения и

[1]) Ср. Посошков. Соч., стр. 254.

оскорбления от людей ратных и приказных. Не напрасно Посошков обращался в своей книге к Петру со словами: „Да не явится мое имя ненавистным и зависливым людям: паче же ябедникам и завистникам и любителям неправды. Понеже же последуя им писах, а еще уверят о моей мизерности, то не попустят меня на свете ни малого времени жити, но прекратится живот мой".

Слова эти оказались пророческими. В августе 1725 г. Посошков был арестован и посажен в тюрьму, где и умер 1-го февраля 1726 г.

Посошков проявлял кипучую хозяйственную деятельность, но дворяне и чиновники издевались над ним и не давали ему хода. Он об'ездил всю Россию и зорким купеческим глазом заметил, сколько скрыто в ней нетронутых богатств.

„Я и не большое место поездил,—разсказывал он,—и хотя я и не знаючи ездил, обаче и тут моя езда: сыскал я самородную серу, самую чистую, что подобна камню янтарю, и во всей вселенной толико ее нет, колико у нас; лекарственную материю сыскал я, нефти сыскал я многое число; вохры и червлени, хотя и по тысячи тут можно добывати; и нумент есть же у меня в прииске; и я не знаю, чего бы у нас на Руси не сыскать, да мы не знаем, потому что за морем не бывали и в таковых местах, что обретаются, не видали и не слыхали".

Теоретическая и практическая деятельность Посошкова ясно отразила все успехи и недочеты мысли и практики русской буржуазии восемнадцатого века. Эта деятельность показала, что энергичные меры Петра расшевелили и быт, и психологию буржуазии, что они подняли в ней чувство личного и классового достоинства, что они толкнули ее на путь классовой организации и развития производительных сил страны. На этом пути преградою выросла отсталость населения и неприспособленность дворянского начальства к буржуазному укладу жизни. Натыкаясь на эту преграду, буржуазия поднимает вопрос о замещении должностей людьми „подлого звания", о расширении прав третьего сословия. Но в этой борьбе вся буржуазия и ее теоретический оруженосец Посошков ищут помощи лишь в самодержавной власти, они прибегают под покровительство последней, вместо непосредственной борьбы ходатайствуют о соответствующих указах, повелениях, манифестах.

Пример Посошкова, несомненно человека острого и оригинального ума, показал, что русская буржуазия восемнадцатого

века, даже на высокой вершине своей теоретической мысли, еще не дошла до идеи борьбы за свое политическое раскрепощение без Высочайшего на то разрешения. Но на-ряду с этим полным отсутствием в восемнадцатом веке всех европейских форм политического и общественного самоуправления буржуазии, в ее среде под сенью широкого покровительства Петра стали появляться типы, воплощающие самое необузданное самоуправство. Самым ярким типом этого самоуправства надо признать знаменитого Акинфия Демидова, крепостного родоначальника сиятельного рода Демидовых Сан-Донато.

Демидов происходил из крепостных крестьян. Наделенный энергией и несомненным промышленным дарованием, он имел счастье попасть на глаза самому Петру, который чрезвычайно ценил людей подобного типа. Карьера Демидова была обеспечена. Петр быстро выводит его „в люди". Он осыпает его щедрыми милостями, и бывший кузнец скоро становится уральским магнатом, которому отводятся богатейшие земли.

Опираясь на покровительство Петра и свое богатство, Демидов дает полный простор своему самодурству. Он явно издевается над чиновниками, „поворачивает по-своему", коль жалуется на него местное начальство.

Когда Петр, желая развить уральскую промышленность, посылал к Демидову своих чиновников, богатый промышленник самым бесцеремонным образом выгонял их с завода, боясь, что они будут содействовать развитию невыгодных для него казенных заводов на Урале. „У твоего воеводы,—говорил он присланному человеку,—один указ, а у меня в руках другой указ—государев". И, ссылаясь на этот „государев указ", самодур-промышленник вел долгую и победоносную борьбу не только с мелким начальством, но и с сибирскими губернаторами.

Татищев, присланный из С.-Петербурга для улучшения положения казенных заводов на Урале, изнемогал в борьбе с властным Демидовым, вчерашним крестьянином. Он посылает в берг-коллегию жалобные донесения на Демидова. Но жалобы не доходят до мест назначения, так как Демидов перехватывал гонцов Татищева, подвергал их истязаниям и отбирал у них жалобы. Он запретил окрестным крестьянам давать казенным заводам лошадей и подводы. Он нередко делал невозможной отправку казенных караванов, а служащих на царских заводах, отличавшихся усердием, он силою или хитростью завлекал на свои заводы и здесь подвергал истязанию, отбивая у них на будущее время охоту работать на казенных заводах. Все эти

выходки разбогатевшего крестьянина безнаказанно сходили с рук, и он получает чин действительного статского советника.

При Екатерине процесс экономического сплочения и политического пробуждения буржуазии, несмотря на дворянский курс, не только не прерывается, но делает исторический шаг вперед.

В письме к Дидро Екатерина, резюмируя итоги прений в комиссии, говорит, что в ней „все три класса людей, в защиту своих притязаний, потрясают воздух самыми громкими словами: землевладелец взывает к правам собственности, купец—к правам *свободы*, народ—к правам гуманности".

Дидро в свою очередь писал Екатерине: „Насколько возможно частному человеку постичь мысль государя и обыкновенному человеку понять планы гениального, я вижу, что Ваше Величество потихоньку стремится с созданию третьяго сословия".

Свобода, о которой говорит Екатерина, не перелетала за узкий частокол своих интересов, но все же в этих тесных пределах буржуазия продвигалась вперед.

Сегюр рассказывает в своих воспоминаниях о впечатлении, которое произвело в России разрушение Бастилии:

„Новость быстро распространилась и была принята различно, смотря по положению и настроению каждого. При дворе она вызвала сильное волнение и общее неудовольствие. В городе впечатление было совершенно обратное, и хотя Бастилия не грозила никому из жителей Петербурга, я не могу передать энтузиазма, вызванного среди негоциантов, купцов, мещан (les bourgeois) и нескольких молодых людей из более высокого класса падением этой государственной тюрьмы, этим первым триумфом бурной свободы".

Это любопытное место из воспоминаний французского посланника показывает, что русская буржуазия Екатерининской эпохи уже просыпалась для самостоятельной политической жизни. Если события французской современности находили, правда, слабый и робкий отклик в нашей буржуазии, то деятельность русских правителей должна была встретить уже и внимание и понимание в передовой среде буржуазии.

Сатирический журнал этой эпохи „Почта Духов" помещает такой диалог:

„Как,—спросил я,—кто же у вас читает Платоновы сочинения: О должностях, Наставление политикам, О состоянии земле-

дельцев, О звании вельмож". „*Купцы и мещане*,—ответил автор,—и вельможи читают веселые сказки, детские выдумки, и шутливые басни" [1]).

Когда была изъята из продажи знаменитая книга Радищева „Путешествие из С.-Петербурга в Москву", то, по разсказам современников, *купцы* платили по 25 рублей за право прочтения этой книги [2]).

Наконец, деятельность знаменитого Новикова дает любопытные штрихи в интересующем нас отношении.

Сам по себе Новиков был дворянином, помещиком, владельцем крещенной собственности. Но тем любопытнее, что, как просветитель и как распространитель книги, он уже в значительной степени обращается к буржуазной аудитории. Уже в изданном в 1772 г. „ Опыте исторического словаря о российских писателях" Новиков с особым вниманием отмечает тягу к просвещению „сидельца в мучной лавке". В „Прибавлениях к Московским Ведомостям" (1783—1784 г.) Новиков обстоятельно останавливается на вопросе о торговле, давая из этой области много интересных сведений. „В нашей русской действительности,—справедливо замечает по поводу этих статей новейший биограф Новикова,—где торгово-промышленный класс должен бы стушевываться перед барством, было чрезвычайно ценно указать на громадное значение для экономической жизни страны этого класса, внушить ему должное уважение к своей деятельности" [3]).

Знаменитые сатирические журналы Новикова обращаются не к дворянам, а к „среднему роду" людей. В предисловии к третьему изд. „Живописца" Новиков сам указывает, что успехам своего журнала он обязан тем, что „попал на вкус мещан наших" и только эти простые люди, говорит, „читают и поддерживают серьезные книги". „Напротив того, говорит далее Новиков,—книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных".

И купец Подходяшин отдает свои миллионы на просветительную работу Новикова.

Русская буржуазия конца восемнадцатого века начинала по-

---

[1]) Ср. П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. II, Спб. 1903, стр. 375.

[2]) Там же, стр. 378.

[3]) Ср. Боголюбов. Н. Новиков и его время. М. 1916 г., стр. 309.

нимать и чувствовать свою силу и она дала ее почувствовать русскому правительству. Дала почувствовать не борьбою с правительством, не активным политическим выступлением, а простым наростанием своего удельного веса в социальной жизни России.

И не только во внутренней, но и во внешней политике правительство начинает сообразоваться с интересами буржуазии. Когда гр. Сегюр, употребивший все свое очень большое влияние, чтобы добиться нового торгового договора с Францией и завоевания экономического союза между нею и Россией, разговорился на эту тему с всесильным Потемкиным, то последний сказал ему:

„Как же вы хотите, чтобы мы пошли наперекор насущных нужд наших *купцов* и помещиков"? [1])

Этот процесс, однако, совершался очень медленно и не принял широких размеров. Русская буржуазия к концу восемнадцатого века все еще оставалась незначительною долею населения, в своей широкой массе глубоко невежественного, без проблесков сознания ответственной политической роли, без попыток выйти на широкую дорогу политической деятельности и борьбы.

Городская жизнь росла медленно и вяло. Изданные в 1771 г. Баненмейстером „Географические известия, служащия для полного географического описания Российской Империи", дают весьма любопытное описание русской народной жизни. Они показывают, как город и горожане тонули в широком море сельской Руси, как элементы буржуазии не обособились вполне ни экономически, ни территориально.

Русская буржуазия в своей серой массе еще не ведет экономически вполне обособленного существования, на-ряду с торговлею и промышленностью она сплошь и рядом промышляет земледелием, огородничеством.

По ревизии 1782 г. при народонаселении в 30 милл. города насчитывали всего 300.000 жителей. И эти 300.000 тонули в массе экономически недифференцированных обывателей.

Эта слитность хозяйственных занятий мешала процессу сплочения классовых организаций. Из смешанной массы городских обывателей медленно стал выделяться слой буржуазии, постепенно обособляясь в класс с обособленными интересами, все яснее сознаваемыми и тверже отстаиваемыми.

---

[1]) Гр. Сегюр. Записки о пребывании в России, Спб. 1865 г., ст. 69.

Глава V.

Экономическая политика Александра I-го.—Вопросы протекционизма и свободной торговли. — Крепостническое народничество. — Континентальная система.—Отечественная война.

На протяжении всего восемнадцатого века русское правительство не выходит из финансовых тисков, из которых оно стремится выбиться всеми способами, не исключая уголовных. Платежная истощенность населения, отсутствие свободных капиталов, худосочие отечественной промышленности—все это восемнадцатый век завещал девятнадцатому. И фритредерские симпатии Александра I-го и отдельных его министров, рожденные интересами дворянства и оформленные модными западноевропейскими экономистами, разбиваются о фискальные соображения и оппозицию буржуазии. Рост роскоши, европеизации внешней жизни дворянства вызывают усиленный привоз из-за границы всевозможных товаров, что влечет за собою ухудшение торгового баланса России, отлив русских денег за границу. Правительство прибегает к протекционизму, как средству задержать приток иностранных товаров, а с тех товаров, которые проникают в Россию, снять свою фискальную дань.

Борьба между протекционистами и фритредерами приняла в России в первой части девятнадцатого века очень интенсивный и широкий характер, что свидетельствовало об усиленном процессе формирования русской буржуазии и пробудившемся интересе к судьбам капитализма в России.

При отсутствии всяких форм представительства, борьба за или против протекционизма нашла отклики во всякого рода записках и ходатайствах, давлениях на министров и в периодических изданиях.

На правительственных верхах этот вопрос вызвал раскол. Министр финансов Гурьев был энергичным противником того крайнего протекционизма, который нашел свое выражение в тарифе 1811-го года.

„Запретительная система,—писал Гурьев,—оказывает вред и внутреннему производству, отнимая у промышленников всякое побуждение к соревнованию и к усовершенствованию изделий и возбуждая промышленную спекуляцию.“ [1])

---

[1]) Лодыженский. История русского таможенного тарифа, стр. 174.

Но при дворе партия протекционистов оказалась сильнее. Соображения фиска и широкое участие многих именитых и влиятельных дворян, а в их числе и государственного канцлера гр. Румянцева, в крупных промышленных делах заставили многих сановников решительно высказаться за протекционизм. Государственный канцлер гр. Румянцев становится форменным ходатаем по делам фабрикантов, подававших записки о необходимости высокой таможенной охраны.

Гр. Румянцев передает государю записку фабрикантов, начинающуюся словами:

„Слухи прошли внутри России, что будто идут рассуждения о тарифе и яко бы есть наклонность ныне существующий тариф отменить и будто бы предлагает старание, чтобы новым тарифом на будущее время разрешить провоз в Россию ныне запрещенные товары, буде сие справедливо, что оные запрещенные товары к провозу позволяются, то в нынешнее несчастное время разорения от неприятеля грабежом и огнем от разрешения товаров последует заводчикам вторичное разорение." Гр. Румянцев всецело присоединяется к мыслям, высказанным в этой записке. В своем докладе государю он пишет: „Какой мотив мог бы побудить правительство изменить началу, которого пригодность была доказана втечение долговременного применения его?" [1])

Еще энергичнее поддерживал фабрикантов министр внутренних дел Козодавлев. Он писал в докладной записке:

„По непременяющемуся моему образу мыслей и по оторванности моей не могу я не признаться, что я иного проекта новому тарифу и не ожидал, как клонящегося к пользе иностранных и к построению наших фабрик, словом, основанного на внушениях чужеземных торговцев."

Победа осталась за протекционистами. По повелению Александра I-го, выработанный министерством финансов проект смягчения протекционизма был оставлен без движения.

Обсуждение вопроса о покровительстве промышленности и свободе торговли, чрезвычайно волновало русское общественное мнение, найдя свое отражение в повременной печати. Появляется множество брошюр, статей и книг, в которых с разных сторон и с разных точек зрения обсуждается вопрос о направлении политики государства.

---

[1]) Лодыженский. История русского таможенного тарифа. Спб. 1886. стр. 173, стр. 46, 48.

Большинство публицистов той эпохи, выросшенных дворянскою и деревенскою культурою, с нескрываемым чувством антипатии встречают развитие промышленной России и образование русской буржуазии. Все их симпатии на стороне натурального сельско-хозяйственного быта. Сообразно с этим они решительно высказываются и за свободную торговлю, прикрываясь при этом авторитетом тех знаменитых западно-европейских экономистов, которые были теоретиками и идеологами крепнущей буржуазии.

В 1815-м году выходит в Москве анонимная брошюра: „Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры?". Ее издатель отмечает в предисловии всеобщий интерес к вопросам экономической будущности России.

„Рассуждения о фабриках и промышленности так всеобщи, особенно же мнения против них в такой моде и так заразительны, что и я не ушел от сей повальной болезни." [1]) Автор этой брошюры доказывает, что „почти все" отдают предпочтение земледельческому типу государства.

„Все почти того мнения,—говорит он,—что должно бы непременно пока позволить привоз иностранных изделий, потому что они сделались слишком дороги, что Государство, имеющее много земли и по соразмерности оной мало жителей, может с лучшим успехом заниматься земледелием, нежели мануфактурами и ремеслами". [2])

Но анонимный автор вместе с тем признает и пользу развития в стране промышленности и торговли, при условии лишь свободы торговли.

Руководящие публицисты тогдашнего времени шли дальше—они доказывали не только преимущества государств земледельческого типа, но и губительность развития промышленности. Публицисты, группировавшиеся вокруг „Духа Журналов", заострили свои перья не только против таможенного покровительства, но и вообще против широкого распространения в России промышленности, доказывая, что Россия должна остаться страною земледельческою.

Народническая публицистика „Духа Журналов" носила ярко выраженный дворянский характер. Ее движущим мотивом было

---

[1]) Ср. „Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры?". М. 1815, стр. IV.

[2]) Там же, стр. 8.

стремление монополизировать свободные капиталы, использовать правительственное покровительство и вместе с тем развить деревенскую крепостническую промышленность, которую дворяне могли бы постоянно стричь.

Благодаря этому, в публицистике „Духа Журналов" прихотливо переплетаются откровенные крепостнические мотивы с народническими, защита личности фабричного, уродуемой, эксплоатируемой и приниженной промышленниками с горячею защитою крепостного права и неограниченных прав помещика на труд и личность крестьянина.

„Самый здоровый и веселый народ есть земледельческий. Фабричные по большей части бывают хворы, чахоточны, калеки, скоро пухнут и преждевременно утрачивают век... Работы земледельца бывают весьма многоразличны и требуют большой внимательности, осторожности и много ума... Никакой народ не бывает смышленнее земледельческого... Напротив, мастеровой на фабрике целый век занимается одною какой-нибудь частицею фабричного производства... Разделение работ много способствует усовершенствованию изделий... но оно делает мастерового машиною; тут ему не о чем рассуждать, нечего соображать... Ум его тупеет, человеческая природа в нем унижается."

Дворянские публицисты отлично понимали, что широкое развитие промышленности ведет за собою не только отвлечение капиталов, рабочих рук и правительственного благоволения от сельского хозяйства и промышленности, но и подрывает самое существование крепостничества, пробуждая в стране вольный дух.

И дворянские публицисты не преминули сильно нажать на охранительную педаль, не преминули упомянуть об этом их крупном политическом козыре в экономической борьбе с буржуазией.

„Земледелец, — пишет „Дух Журналов", — зарыл в землю зерно, но прозябания его и оплодотворения ожидает свыше... Земледельческий народ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе и самый покорный царю... Он привязан к родимой земле своей, которая его возростила... Мастеровой ничего не ожидает от Бога, а всего от машины; и ежели бы Господь не посылал на него болезней, то он едва ли бы когда вспомнил о Боге. Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, живущих и работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности,

питает в них дух буйства и мятежа. Частые мятежи в английских мануфактурных городах служат тому доказательством."

Мрачными красками рисуя быт фабричных рабочих, дворянские публицисты в чрезвычайно розовых красках изображали жизнь крепостных. „Англичанин,—пишет „Дух Журналов",—едва может пропитать свою душу, евши в полсыта печенный картофель, а русский в сытость и ест и пьет, и веселится иногда. У нас нет изящных, чудных рукоделий, но почти нет нищих; народ живет в довольстве вообще, а не частно [1])."

В тогдашней Руси дворянство являлось классом настолько образованным, что он мог выдвинуть группу идеологов, вооруженных достаточным развитием и образованием. И если, как мы видели на примере „Духа Журналов", дворянство создало народническую идеологию, если оно выступило и в Екатерининской комиссии и при обсуждении новых тарифов с защитою крестьянина, то, с другой стороны, из рядов же дворянства выходят публицисты, доказывающие необходимость и желательность развития в России крупной промышленности. Среди них наибольший интерес, с интересующей нас точки зрения, представляет именитый дворянин, влиятельный политический деятель гр. Мордвинов.

Адм. Мордвинов горячо отстаивал необходимость широкого развития в России промышленности. В книжке „Некоторые соображения на предмет мануфактур в России", вызвавшей бурное негодование „Духа Журналов", адм. Мордвинов очень обстоятельно и горячо доказывает необходимость и желательность развития в России промышленности

„Всяк, желающий добра,—говорит он,—сельскому жителю, должен желать размножения в государстве фабрик. Фабрики увеличивают и ободряют его посевы и всякий хозяйственный и домашний его труд... Все века свидетельствуют, что всех менее засевает и собирает тот народ, который в одном только земледелии упражняется, и таковый всегда ближе состоянием своим к дикому, звероловному народу, нежели к просвещенному, наслаждающемуся хотя не посредственною степенью благоденствия." [2])

Гр. Мордвинов высказывает твердую уверенность, что Россия

---

[1]) Ср. Туган-Барановский. Цит. соч., стр. 280.

[2]) Гр. Мордвинов. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России. 3-ье изд. Спб. 1833, стр. 6.

удержится на уровне великой державы только тогда, если она разовьет у себя крупную промышленность.

„Россия,—говорит он,—если желает удержаться на чреде других европейских держав и не остаться позади всех других народов, не должна ли переменить системы своих упражнений и из земледельческого состояния перейти, хотя постепенно, в рукодельное и торговое? Если переход такой необходим, то первые шаги к тому должны состоять в заботливости правительства умноголюдить и в цветущее состояние привести города наши [1])."

Гр. Мордвинов был типичным представителем той группы дворянства, которая развила обширную промышленную деятельность. Эта деятельность сблизила их с классом промышленников, одинаково заинтересованных как в протекционизме так и в отмене целой сети политических пут, лежавших на развитии производительных сил страны.

Богатая и влиятельная группа дворян-промышленников оказала сильную поддержку буржуазии в ее борьбе с помещиками из-за свободы торговли. И в этой борьбе чуть ли не все одинаково увлекались учением западно-европейских экономистов, с Ад. Смитом во главе, но только каждая из сторон усваивал и защищала в этом учении только то, что ей нужно было в интересах борьбы и победы над противником.

История распространения в России первой четверти девятнадцатого века индивидуалистических учений школы Ад. Смита представляет вообще поучительный образец приспособления теоретических учений к экономическим нуждам отдельных классов. Поклонниками Ад. Смита были и публицисты „Духа Журналов", и публицисты типа гр. Мордвинова.

Но тогда как первые оказывались восприимчивыми лишь к тем сторонам учения Ад. Смита, которые давали им теоретическое „европейское" оружие в борьбе за свои российские экономические интересы, для гр. Мордвинова, как раз наоборот, фритредерская доктрина Ад. Смита была неприемлемой, но тот вольный дух, которым она дышала, был ему до известной степени близок. Но только до известной степени, только „от сих до сих", очерченных классовыми интересами. Ад. Мордвинов и близкие ему по духу публицисты понимали, что в России развитие промышленности не может совершаться в обстановке и атмосфере старого приказного строя и полного

[1]) Гр. Мардвинов. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России. 3-ье изд. Спб. 1833 стр. 6.

[2]) Архив гр. Мордвиновых. Спб. 1902, т. III, стр. 206.

бесправия не только низшего, но и среднего сословия. И Мордвинов не раз принимается красноречиво доказывать всю экономическую необходимость политического раскрепощения страны. „Еще в правительстве нашем,—пишет гр. Мордвинов,—с некоторого времени до излишества воздействовал дух предрассуждения, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой природы никакой торг, никакое ремесло, ни художества не могут процветать без свободы в действиях своих, и свобода единое есть достоверное и надежное руководство к успехам деятельности народной.“ [1])

Гр. Мордвинов раздраженно доказывает, что русская финансовая политика ведет к экономическому разорению страны:

„Обманы, притеснения, присвоение казне частной собственности не обогатили казначейства. Прежний министр финансов не знал иных правил, иного способа, как повсюду ослаблять, истреблять капиталы, почему и оставил по себе нищету в государственном казначействе, истощение в частных имуществах и всеобщее уныние и негодование подданных к правительству“ [2]).

Но не следует при этом думать, что в лице гр. Мордвинова русская дворянская буржуазия вполне усвоила убеждение в необходимости полного политического раскрепощения страны. Политическое раскрепощение, необходимость которого доказывал Мордвинов, должно было дать права прежде всего дворянам. По отношению к купцам Мордвинов требовал расширения их прав и, главным образом, защиту их личности от унижения и оскорбления со стороны приказных и ратных людей. Но относительно крестьян Мордвинов не решился поднять голос даже в защиту отмены крепостного права и, таким образом, та политическая свобода, которой он добивался, должна была опираться на незыблемый фундамент крепостного хозяйства.

Мы не будем здесь прослеживать чрезвычайно напряженной борьбы за и против свободы торговли, борьбы, которая находила свое официальное выражение в сменяющихся тарифах—то запретительном, как тариф 1811 г., то смягченном, как тариф 1819 г., то вновь высоко протекционистском, как тариф 1822 г. За этой быстрой сменой тарифов скрывалась глубокая и напряженная борьба классов, развернувшаяся уже в европейском

---

[1]) Ср. В. Иконников, гр. Мордвинов. Стр. 526.
[2]) Там же, стр. 387.

масштабе. Экономические вопросы поставлены войною с Наполеоном на очередь исторического дня.

Прежде всего, русское общество в лице правительства и образованных классов, глубоко задетое континентальною системою до самой сердцевины экономических интересов, проявило жгучий интерес к экономическим вопросам. Никогда, быть может, русское правительство и русское общество не интересовались так живо и так глубоко экономическими теориями Запада, как в начале девятнадцатого века.

Континентальная система повлияла не только на экономическую плоть, но и на политический дух русской буржуазии, она, несомненно, послужила сильным толчком к процессу формирования русской буржуазии, как отдельного класса.

Перерыв торговых сношений с Англией, игравшей тогда самую крупную роль в нашем тогдашнем внешнем товарообмене, вызвал, конечно, внутри России усиленный рост фабрик и заводов, которые должны были возместить русскими товарами недостающие английские. Первая четверть девятнадцатого века отмечена сильным ростом русских фабрик. В 1804 г. в России насчитывали 2423 фабрики, в 1814 г. уже на целую треть больше—3731. Число рабочих в 1804 г. равнялось 95202, а к 1814 г. оно поднимается уже до 169.530.

При этом характерно, что расли, главным образом, фабрики, рассчитанные на народное потребление, тогда как фабрики, производившие предметы роскоши, не обнаруживали роста. Это об'яснялось разорением дворянства и чиновничества.

Таким образом под влиянием континентальной системы русские промышленники расширили свое производство и постепенно создавали себе на-ряду с правительственным рынком—куда они до сих пор главным образом сбывали свои товары—и рынок народного спроса.

Сильнее всего за этот период выросла бумаго-ткацкая промышленность, за десять лет (1804—1814) увеличившая число фабрик с 199 до 423, а число рабочих с 6566 до 39210.

Развитие промышленности было об'явлено делом патриотическим. Рост русских фабрик и заводов рассматривался, как крупный козырь в борьбе России с Западом. Сильный патриотический под'ем, вызванный в России Отечественною войною и предшествовавшими ей событиями, был как нельзя более на руку русской буржуазии.

Этот патриотический под'ем принял с самого начала экономическую окраску, в виду того, что тогда и Наполеон и Англия

выдвигали вперед, ставили в центре экономические вопросы. Русский патриот начала девятнадцатого века ставит своею обязанностью покупать только русские товары, только в русских лавках.

Русское правительство осыпает русских промышленников знаками милости и внимания. Оно начинает с этой поры раздавать им почетные награды и отличия за успехи на поприще торговли и промышленности. Учреждает особый стотысячный фонд для поощрения фабрикантов и выдачи им ссуд.

Журнал „Северная Пчела" с восторгом оповещает, что московские купцы теперь не стыдятся своего русского торга и не только не выдают, как прежде, русские товары за заграничные, но, наоборот, выставляют и подчеркивают, что они торгуют только русскими товарами. В высшем обществе становится признаком хорошаго патриотического тона покупать и носить товары только русского производства, купленные у русских купцов [1]).

Экономический национализм, в связи с континентальной системой, помог русской буржуазии проложить своим товарам путь к широкому русскому потребителю. Русская промышленность понемногу начинает эмансипироваться от исключительной зависимости от правительственного спроса.

Если исключить чисто военный спрос на аммуницию и продовольствие для войск, спрос, который, в виду особого характера войны, не был особенно велик, то в Отечественную войну правительственный спрос на промышленные товары несомненно упал. Чрезвычайное стеснение в деньгах, финансовая неподготовленность к войне заставляют русское правительство сосредоточить в военном ведомстве все денежные ресурсы и отказаться от всяких „штатских" затрат.

Указом 15-го июля 1812 г. повелено было: 1) остановить все гражданские строения какого бы то ни было ведомства, 2) остановить все выдачи ссуд частным лицам, 3) „все капиталы и суммы, городам принадлежавшие, как за удовлетворением одних токмо необходимых расходов остаться могут, обратить на таком же основании в Госуд. Казначейство, вследствие чего и по городам остановить время терпящие расходы, как то строения и другие разные заведения".

Но, несмотря на это сокращение правительственного спроса

---

[1]) Ср. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. Спб. 1886, стр. 169.

русские фабрики в первую четверть девятнадцатого века расширили свой сбыт. Их зависимость от правительства и высших классов (фабрики, производящие бархат, шелк и другие предметы роскоши, не расширили своего производства) уменьшилась, их же зависимость от народного спроса усилилась.

Этот процесс не мог не повлиять на русскую буржуазию, несколько подняв ее чувство независимости. Буржуазия, далее, в начале девятнадцатого века осязательно почувствовала существование связи между экономическим положением страны и направлением политического правительственного курса. По воле бурных политических волн, наш экономический курс бросало из стороны в сторону. И русская буржуазия ясно почувствовала зависимость экономики от политики.

Русская буржуазия, поняв связь между своей экономикой и правительственной политикой, делает шаг дальше и разрозненно, но уже начинает заявлять о необходимости политических реформ для успешности промышленного развития страны. Сочинения модных французских и английских писателей, которые красноречиво доказывали, что для промышленного развития необходима политическая свобода, находят себе внимательных читателей и почитателей из среды формирующейся русской буржуазии.

„Книги эти—говорит В. Семевский,—проникли в самые глухие провинциальные города. Так, в одном уездном городе Воронежской губ. в половине десятых годов (XIX в. *П. Б.*) у многих жителей, даже купцов и мещан, были коллекции книг серьезного содержания на русском языке, в том числе сочинения де-Лольма, Монтескье, Беккариа и др. В обществе этого маленького городка живо обсуждались вопросы внешней и внутренней политики; иные восхищались представительною формою правления. После этого нисколько не удивительно, что купцы Гостиного двора в Петербурге открыто собирались группами и рассуждали о необходимости конституции“ [1]).

Если в начале войны лучшие русские патриоты охвачены были только желанием проучить французов, то по окончании Отечественной войны, они сознавали необходимость поучиться у французов. А между тем правительство, в лице Александра I, проделывало эволюцию в обратном направлении. Если в начале войны, когда надо было поднять сильное патриотическое дви-

---

[1]) Ср. В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909, стр. 66.

жение, Александр взывал к свободе и борьбе за нее, то по окончании войны, он тотчас попытался выпустить уже отработанные для правительственных целей пары национального возбуждения и вновь влить русскую жизнь в старое полицейское русло. О реформах Александр не помышляет и против него поднимается и растет сильное недовольство как в среде городской, так и в среде дворянской буржуазии.

В 1824 г. государю подают записку о причинах упадка торговли и финансов России. Автор записки доказывает, что одною из причин этого упадка служит „недоверие публики к распоряжениям правительства самодержавного", что „самодержавное правление неспособно к внушению общего доверия, и Россия должна принять для блага своих народов форму умеренной монархии" [1]).

В одном из доносов указывалось, что купцы Гостиного двора выражают свое недовольство государем, что они порицают его за то, что вместо того, чтобы заняться реформами, он раз'езжает по Европе и тратит деньги, что если бы в России была конституция, то ничего подобного быть не могло [2]). В этом доносе, присланном на французском языке в 1821 г. Александру I сообщалось, что в Петрограде много говорят о конституции, но особенно усердно среди купцов Гостиного двора. Они собираются,—сообщает автор доноса,—группами по восьми человек с газетеми в руках и рассуждают о необходимости конституции. „Они говорят,—сообщает донос,—что если в стране есть конституция, то государь не может постоянно покидать свое государство, так как для этого нужно дозволение нации... Если ему не нравится Россия, то зачем он не поищет себе короны где-либо в другом месте. На что нужен государь, который совершенно не любит своего народа, который только путешествует и на это тратит огромные суммы. Когда же он дома, то постоянно тешит себя парадами. Все знают, что уже давно в судах совершаются вопиющие несправедливости, дела выигрывают те, кто больше заплатит, а государь не обращает на это внимания. Нужно, чтобы он лучше оплачивал труд состоящих на государственной службе и поменее раз'езжал. Только конституция может исправить все это, нужно надеяться, что Бог скоро дарует ее нам... Некоторые говорят, что если

---

[1]) Ср. Семевский. Цит. стр. 66.
[2]) Ср. Семевский, стр. 80.

бы русское население Петрограда и Москвы единодушно пожелало этого, то министры не посмели бы этому противиться“ [1]).

Это, конечно, было не организованное политическое течение, а лишь разговоры на политическую тему, но они свидетельствовали о том, что русская буржуазия просыпалась для более сознательной политической жизни, что она, если и не играла активной политической роли, то, по крайней мере, обнаруживала и интерес к политике и понимание связи между политикой и экономикой.

В России эпохи Александра I, в атмосфере горячих политических событий, процесс созревания буржуазной идеологии шел ускоренным темпом. Это можно было проследить по такому движению, созревшему уже к концу царствования Александра I, как декабристы. Декабристское движение по своим источникам и мотивам было очень сложным в разнородным. В него влилось и в нем отозвалось очень много различных течений русской исторической жизни и мысли. Было бы большою односторонностью пытаться свести декабристское движение лишь к одному мотиву, одному классовому знаменателю. Чрезвычайная недифференцированность тогдашних общественных отношений, отсутствие света и тверди в тогдашних классовых отношениях, упрощенность и слитость классового строения русского общества первой четверти девятнадцатого века—все это вместе взятое, вело к расцвету идеологий, уходящих своими корнями в самую различную социальную почву и извлекавших питательные соки из самых различных общественных слоев.

Но присматриваясь к движению декабристов, к пестрому узору их идеологии, мы можем отметить огромный успех, который сделала в России буржуазная культура. Большинство декабристов принадлежало к дворянской знати. До декабристского движения всякая передовая идеология носила ясно выраженный земледельческо-народнический характер. Она отстаивала патриархальный земледельческий быт и с нескрываемою враждебностью относилась к развитию в России крупной промышленности и буржуазии. Этой враждебности мы уже не замечаем у многих декабристов. И не только враждебности не замечаем, но даже, наоборот, видим ясно выраженное и нескрываемое желание видеть в России развитие крупной промышленности и торговли. Многие декабристы пристально изучали эко-

---

[1]) Ср. Общественное движение в России в первую половину XIX в. т. I. Спб. 1909, стр. 57.

номические вопросы и в числе мотивов, заставивших их требовать политического переворота, они выдвигали невозможность развития крупной промышленности при отсутствии политической свободы.

Декабрист Якубович показывал:

„Финансы есть жизнь государства; доверенность правительства к частным лицам и их обратно к нему, также взаимная между гражданами и промышленностью, суть главные вспомогатели существования всякого гражданского общества, но в России взаимной доверенности нет; казна не исполняет условий, законы слабы, чиновники во зло употребляют власть мест своих, и давно уже к правительству потеряли всякое доверие".

Другой декабрист, бар Штейнгель, доказывает, что русская коммерция парализована. Благодаря колебаниям экономического курса правительства,—говорит бар. Штейнгель,—многие торговые фирмы разорились и обанкротились.

„Шаткость тарифа,—говорит бар. Штейнгель,—привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и чужеземных негоциантов".

В письме к государю декабрист бар. Штейнгель доказывает неотложную необходимость „воскресить коммерцию и промышленность незыблемыми уставами".

И декабрист Якубович в письме к государю из крепости увещает: „дайте ход торговой деятельности".

Декабрист А. Бестужев в письме к Николаю I, излагая мотивы, заставившие декабристов поднять знамя бунта, пишет: „Обеспечение и постоянство прав привлекло бы в Россию множество производительных иноземцев... Устранение, или, по крайней мере, ограничение запретительной системы и устройство путей сообщения, равно как заведение казенного купеческого флота, дабы не платить чужеземцам дорогого фрахта за свои произведения и обратить транзитную торговлю в русские руки, дало бы возможность цвести торговле—сей, так сказать, мышце силы государственной" [1]).

Декабрист Батенков вращался в купеческом обществе Петербурга и убедился, что „этот класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями", и Батенков при-

---

[1]) Ср. М. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов М. 1907, стр. 130, 131, 258.

знает, что несправедливое отношение правительства к этому классу „подстрекало“ его, декабриста, к „желанию перемены“ [1]).

Конечно, этими буржуазными мотивами далеко не исчерпывалась сложная гамма политических чувств декабристов. Мы хотели лишь отметить, что в идеологии этих декабристов был и этот мотив. И то, что он зазвучал в выступлениях лучших людей того времени, принадлежавших к дворянству, свидетельствует о крупных завоеваниях буржуазного строя, как в русском хозяйственном быту, так и в русском политическом сознании первой четверти девятнадцатого века.

Глава VI.

Буржуазия и разложение крепостного строя.

Правом владеть крепостными для своего домашнего хозяйства и обихода русская буржуазия никогда не располагала. Но побуждаемая честолюбием, желанием быть не хуже дворян, она всячески старалась обойти закон и нелегально завести себе собственных крепостных. И ей это в отдельных случаях, несомненно, удавалось. Так, напр., еще при производстве второй ревизии в губерниях: Новгородской, Симбирской, Белогородской, Воронежской и Нижегородской у 44 купцов обнаружены были купленные ими крепостные [2]). С целью обойти закон и завести крепостных, буржуазия покупала у помещиков крестьян под внешним видом найма для домашних работ.

Что подобный обман получил довольно широкое распространение—показывают специальные предписания правительства, запрещающие дворянам отдавать своих крепостных в услужение купцам и промышленникам более, чем на пять лет. Но эта мера особого практического значения, конечно, не имела—покупая крепостных в собственность, купцы для отписок каждые пять лет возобновляли с помещиками контракты яко-бы найма. Или же крепостные приобретались на чужое, дворянское имя.

Селивановский рассказывает в своих записках: „Отец мой был купец и, следовательно, не имел права владеть себе по-

---

[1]) Ср. Семевский, цит. соч., стр. 98–99.

[2]) Ср. А. Кизеветтер. Посадская община М. 1903, стр. 43.

добными, но несмотря на свободный образ мыслей отца, любимым чтением которого были издаваемые в ту пору в переводах и даже на его счет сочинения Вольтера, дух времени или понятия были таковы, что стыдно было порядочному человеку не иметь своих дворовых. Приобретение было дешево. Дворянство ежедневно продавало людей, семью, мальчика, девочку, лакея, кучера, повара, бабу, а средний класс, трудясь тихо и незаметно, приобретал капиталы и имел все средства покупать людей, разумеется, на чужое имя" [1]).

Но владение подобными крепостными, приобретаемое буржуазией лишь как живой инвентарь для соблюдения приличия дома, прибавляет характерную черточку к политической физиономии русской именитой буржуазии, подчеркивает зависимость и подражательность ее культуры, не имея значения для ее хозяйственного быта.

Экономическая эволюция, совершенствование техники привели уже к тому, что русские фабриканты почувствовали всю хозяйственную невыгодность крепостного труда на фабриках и всю хозяйственную привлекательность наемного и обученного свободного труда. А это не могло не изменить отношения русской буржуазии к крепостному праву. Если в восемнадцатом веке русская буржуазия смотрела с завистью на право дворян владеть крепостными и своим экономическим идеалом считала добиться и для себя такого же права на крепостной труд, то в девятнадцатом веке она уже не высоко ценит производительность этого крепостного труда, стремится к созданию наемного труда свободных рабочих и в существовании крепостного права видит препятствие к этому росту класса свободных рабочих.

Все больше нуждаясь во все растущем количестве свободных и обученных рабочих, все больше убеждаясь, что крепостные крестьяне не могут выработать требуемых техникою от рабочих личных навыков и качеств, буржуазия начинает смотреть на крепостное право, как на тормаз промышленного развития.

Как превосходно показал в своем труде Туган-Барановский, русская промышленность девятнадцатого века начинает эмансипироваться от промышленного спроса и работать на народный спрос. Наиболее широкое развитие получило хлопчато-бу-

---

[1]) Ср. В. Семевский. Крестьянский вопрос в царствов. импер. Екатерины II-ой. Спб. 1903, т. I-ый, стр. 8.

мажное производство, которое работало, главным образом, на народный, а не правительственный спрос. И новые отрасли промышленности, питаемые спросом народной массы, быстро перегоняют в своем росте старые отрасли, которые широко и щедро насаждались правительством и работали на нужды правительства.

Этот процесс демократизации промышленности сближал ее представителей с народным рынком и спросом и связывал ее интересы с ростом народного рынка в глубь и в ширь.

В интересах русской буржуазии было, чтобы тот чрезвычайно медленный, замораживаемый крепостным правом, процесс хозяйственного разложения сплошного крепостного быта, пошел скорее, выделил, с одной стороны, более зажиточную часть крестьянства, которая пред'явила бы широкий спрос на продукты русской промышленности, а с другой стороны, сельский пролетариат, который послужил бы достаточным материалом для сформирования класса рабочих.

Кроме того, крепостное право задерживало процесс образования и рост капиталов в стране, на основе которого только и могло происходить развитие буржуазии.

Но и в этой области крепостное право лишь задерживало, но не приостанавливало процесс хозяйственного созревания России. Несмотря на крепостное право, в крепостной Руси, не исключая, как мы увидим ниже, и крепостных, происходил процесс скопления капиталов, и отсюда происходил рост хозяйственной дифференциации страны.

Все многочисленнее и разнообразнее становятся защитники буржуазной культуры, отмечающие ее преимущества перед патриархальным сельско-хозяйственным бытом.

На правительственных верхах в интересующем нас отношении интересна фигура гр. Киселева. Уже в 1816 г. гр. Киселев представляет государю записку „О постепенном уменьшении рабства в России", в которой доказывает, что „гражданская свобода есть основание народного благосостояния".

Он доказывает далее необходимость снять сословные перегородки, мешающие свободному приливу капиталов во все отрасли хозяйства. Необходимо, говорит гр. Киселев, дозволить купцам и промышленникам покупать у дворян поместья.

„Купцы, мещане, крестьяне и пр., ныне скрывающие капиталы свои, употребят их на покупку поместьев. Сим средством мертвые капиталы получат полезное обращение, возвысится ценность земель, усилится хлебопашество и уменьшится число рабов".

Насколько тогда—в особенности в сороковых годах—придавали важное значение вопросам о развитии в России промышленности, показывают хотя бы работы комитета 1844 г. Когда в этом комитете обсуждался вопрос об освобождении от крепостной зависимости, то кн. Меньшиков всячески отстаивавший крепостное право, выдвинул такой, как ему казалось, козырный довод:

„Уменьшение прислуги в столицах значительно уменьшило бы и потребление, следовательно, имело бы невыгодное влияние на торговые обороты столицы и на их процветание".

Но тут в защиту раскрепощения дворовых выступает гр. Киселев и опять-таки в интересах все той же промышленности „относительно неблагоприятного влияния стеснительных мер противу дворовых людей на внутреннюю промышленность,—возражает гр. Киселев,—я полагаю, что в сем случае можно утверждать совершенно противное, т.-е. что дворовые люди есть одна из существенных причин слабого развития нашей внутренней промышленности. Успехи промышленности неоспоримо зависят от количества потребителей и степени потребления. Дворянство наше живет по деревням, окружая себя многочисленною дворнею и между прочим разного рода мастеровыми. Все потребности удовлетворяются хотя и дорогими образом, но собственною дворнею, от сего нет требований на предметы ремесленной деятельности, а потому нет ремесленных цех, нет усовершенствования в ремеслах и нет городской жизни" [1]).

Другой раз гр. Киселеву вновь пришлось вступить в полемику с кн. Меньшиковым, яростно и непримиримо отстаивавшим неприкосновенность патриархально-крепостного быта.

Освобождение крепостных, доказывал кн. Меньшиков, вызовет появление богатых мужиков с одной стороны и безземельных батраков—с другой.

В воззражении, с которым выступил гр. Киселев, звучат все те же ноты буржуазной идеологии.

„Неравенство владения,—доказывал гр. Киселев,—есть коренное начало всех обществ, от которого проистекают ремесла, фабрики, мореходства, художество и науки.

Вся масса народа не может составить хлебопашцев и для самого совершенствования хлебопашества нужны большие

---

[1]) Ср. В. Семевский. Крестьянский вопрос в России. Соб. 1888, т. II, стр. 121.

участки и капиталы, следовательно, нужны зажиточные крестьяне, фермеры и работники. Этого неравенства не страшилось никакое правительство" [1].

Эти слова высокого представителя власти, кровно связанного с дворянством, свидетельствуют о больших завоеваниях сделанных буржуазным бытом, а с ним и буржуазной идеологией.

В своих выступлениях гр. Киселев признавал необходимость перехода России от сплошного патриархально-земледельческого быта к дифференцированному хозяйственному строю, с расходящимися и сталкивающимися интересами, с разбуженными потребностями. Эти разбуженные потребности, этот рост безземельного населения, как рынок сбыта для промышленности и как поставщик рабочих рук, составляли очередную задачу русской промышленности.

Гр. Киселев не был в эту пору одиноким защитником развивающегося буржуазного хозяйства. Он находил единомышленников и среди чиновников, и среди дворянской буржуазии, и среди публицистов.

Из публицистов этого времени наибольший интерес представляет А. Заблоцкий-Десятовский, который не даром сделался ревностным биографом гр. Киселева.

У Заблоцкого-Десятовского мы находим довольно странную теорию преимущества капиталистической культуры с ее экономическими противоречиями перед натурально-патриархальным бытом, как бы консервирующим человеческие потребности на определенной очень низкой ступени развития. Заблоцкий понимал, что развитие в России европейской культуры должно сопровождаться изменением всего темпа, всего тона русской жизни. А это изменение темпа и тона русской жизни немыслимо при крепостном праве.

В составленной в 1841-м г. замечательной записке „О крепостном состоянии в России" Заблоцкий доказывает, что отмена крепостного права „ближе всего должна отразиться на экономическом положении народа, обленившаяся беззаботность должна будет вытесниться пронырливою предприимчивостью, бездейственность—личным трудом, привилегированная праздность—обязанным занятием, требовательная прихоть—довольством необходимого, обычай—умом".

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский. Гр. П. Киселев и его время. Спб. 1882, т. IV, стр. 208.

Заблоцкий прославляет благодетельное влияние разделения труда и роста потребностей. В отсутствии развития потребностей в крепостном населении он видит главное препятствие к развитию в России крупной промышленности.

„Удовлетворение нужд крестьян,—пишет он,—класса столь многочисленного, не составляет у нас, как в других государствах, значительных отраслей промышленности; причина этого, конечно, та, что класс сей, по бедности своей, не представляет достаточного числа потребностей, которые могли бы поддержать производство. И так с одной стороны, отсутствие производительности, могущей породить желание удобства, а с другой—бедность низших классов народа, действуя беспрестанно одно на другое, держат народ на степени грубости".

Заблоцкий предвидит возражение, что если крепостной строй мешает развитию в России крупной промышленности, то зато он предохраняет от развития пауперизма и пролетариата. Но на этот аргумент Заблоцкий отвечает: „С этим может согласиться только тот, кто видит плод, не зная его корня, кто не опускался по грязному, мозольному руслу работы до темных ее источников, а только там, и нигде более, можно получить понятие о бедности народной. Мы старались выше изобразить быть крестьянский в том виде, как его сами знаем. Из этого изображения можно судить о том: существует ли у нас бедность. Что касается до пауперизма, то он существует у нас и существует в огромных размерах; не сознаваясь в нем, мы находимся в состоянии больного, обманывающего самого себя. Где одно сословие обязано по закону кормить другое, там пауперизм освящен законом, там само государство торжественно сознается в нем".

В записке Заблоцкого очень методически доказывалось, каким огромным препятствием на пути капиталистического развития России выростал крепостной строй. Заблоцкий убежденно и убедительно доказывал, что русская буржуазия не только не заинтересована в существовании крепостного права и что она должна бороться с ним не только потому, что ей закрыта возможность владеть крепостными. Крепостное право, как обстоятельно доказывал Заблоцкий, устанавливает такой вялый и неправильный пульс хозяйственной жизни, создает такое „нехозяйственное", „непроизводительное" отношение к деньгам, капиталам, труду и времени, которые уничтожают и экономическую и психологическую возможность развития русской капиталистической культуры.

С самого начала царствования Александра I открывется процесс проникновения русской буржуазии в область сельского хозяйства.

12-го дек. 1801 г. появляется указ, разрешающий и не-дворянам покупать имения, ненаселенныя. „Желая,—гласит этот указ,—дать новое поощрение земледелию и промышленности народной, соразмерно способам, какие Россия по пространству и положению своему имеет, признали мы нужным право приобретения всяких, под разными именами известных земель, без крестьян и владения всем тем, что на поверхности и в недрах ее находится, распространить на всех российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям. И вследствие того предоставляем не только купечеству, мещанству, но и казенным поселянам, к какому бы они ведомству не принадлежали, приобретать покупкою земли от всех тех, кои имеют по законам право на продажу".

Этим указом буржуазии был открыт доступ к земельному владению. У нас нет сколько-нибудь достоверных статистических данных о том, в каких размерах буржуазия использовала дарованное ей право земельного владения. Но размеры эти во всяком случае не были велики. Отсутствие капиталов и необходимость покупать лишь ненаселенные имения и трудности найти рабочие руки мешали приливу буржуазии к земле. Но все же и с этой стороны в поры дряхлевшего крепостного права начинает врываться крепнущий промышленный дух. Буржуазия начинает заводить свое сельское хозяйство на предпринимательских началах и местами достигает более доходных и производительных результатов, чем помещики на основе наемного труда.

Заблоцкий в уже знакомой нам записке 1841 г. приводит примеры рационального сельского хозяйства, заведенного купцами. По словом Заблоцкого, в губерниях Воронежской, Тамбовской и в особенности в Саратовской было в сороковых годах множество купцов, имевших по 500 и по 1000 десятин, обрабатываемых вольно-наемным трудом. Сравнивая это купеческое землевладение с помещичьим, Заблоцкий доказывает его значительно более высокую производительность. Русская буржуазия и при крепостном праве, чрезвычайно тормозившем ее развитие, как мы видели, делала крупные завоевания. Она раздвигала рамки национального производства. Она завоевывала благоволение, если и не общественного, то правительственного мнения и складывала свою незатейливую, бедную,

но все же обособленную идеологию. Она же, наконец, начинала проникать и в сельское хозяйство. Никуда не внесла она с собою широкого размаха, смелого творчества новых общественных форм, но все же всюду приносила она бродильное начало, которое вызывало разложение старого патриархально-крепостнического строя.

Численность буржуазии при крепостном праве была невелика. „В России,—пишет в сороковых годах проницательный немецкий барон Гакстгаузен,—едва только наступает начало буржуазии. В Харьков. губ., если считать в этом сословии купцов, мещан, ремесленников и мелких торговцев, отнюдь не живущих, впрочем, исключительно в городах, промышленное сословие составит 452-ую часть населения, а без лиц, живущих обыкновенно в деревнях, едва 200-ую часть. В местностях, по преимуществу промышленных, купцов, мелких торговцев и ремесленников значительно больше, чем в южных, вновь колонизованных губерниях: в Ярослав. губ. к ним принадлежит двадцатая, в Новгородской—двадцать первая, в Вологодской—двадцать восьмая часть населения“ [1]).

В 1836 г. состав населения России, по данным Горлова, был таков [2]):

Купеческое сословие	123.796	мужчин.
Мещане и цеховые	1.239.750	„
Государственные крестьяне . . .	7.437.971	„
Удельные и дворцовые крестьяне	733.659	„
Помещичьи крестьяне	11.260.354	„
Общее число податных сословий.	22.310.984	мужчин.

К эпохе пятидесятых годов относятся более детализованные данные А. Кеппена. По этим данным, в 1851 г. числилось купцов:

Первой гильдии.

Христиан	1440
Евреев	467
Магометан	9

Второй гильдии.

Христиан	5005
Евреев	891
Магометан	91

[1]) Ср. Бар. А. Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни России. М. 1870, стр. 451.

[2]) Горлов. Девятая ревизия. Исслед. о числе жителей. Спб. 1857, стр. 216, 74, 88.

Третьей гильдии.

Христиан	137.198
Евреев.	28.809
Магометан	4.197

Незначительность численности буржуазии выясняется из следующих сопоставлений:

Общее число лиц духовного ведомства равнялось в стране 277.695 душам, общая численность купцов всех трех гильдий— 180.359 душам [1]).

Это одно сопоставление показывает, как еще далека была Россия от типа буржуазного государства.

Глава VII.

Дворянская буржуазия.

Мы уже знаем, что Петр Великий одновременно энергично разрушал и те сословные преграды, которые мешали дворянству заняться промышленною деятельностью и те сословные преграды, которые, запрещая не-дворянам владеть землями и крепостными тем самым тормазили развитие крупной промышленности.

Эта ломка сословных перегородок вызвала в тогдашнем русском обществе сильное брожение. Дворянство не было подготовлено к широкому участию в промышленной жизни страны. Не говоря уже о сословной чести, заставлявшей его надменно отворачиваться от этой „неблагородной" деятельности, не говоря уже о воспитании, лишившем навыков и привычек к труду промышленника, не говоря обо всем этом, надо принять еще во внимание, что в дворянской массе не было тогда тех свободных капиталов, которые успело накопить третье сословие в течение долгой эволюции крупной торговли.

И при Петре, когда в сословном законодательстве пробивается брешь, открывающая дворянам выход на поле промышленной брани, дворянская буржуазия только начинает крепнуть и ей не по силам была борьба с третьим сословием, вынесшим из долгой исторической выучки и промышленную предприимчивость и большие, сравнительно, капиталы.

Но как бы там ни было, при Петре Вел. дворянство втяги-

[1]) Ср. Кеппен. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России. Спб. 1857, стр. 216, 74, 88, 185.

вается в промышленную жизнь и начинается медленный, но безостановочный рост дворянской буржуазии, этой своеобразно-социальной помеси сословия и класса.

Екатерина II поднимает общий вопрос—к лицу ли дворянству заниматься торгово-промышленною деятельностью—и дает на него отрицательный ответ.

Статья 330 „Наказа" Екатерины гласила:

„Противно существу торговли, чтобы дворянство оную в самодержавном правлении делало; погибельно было бы сие для городов, так утверждают и императоры Онорий и Θеодосий и отняло бы между купцами и чернью удобность покупать и продавать товары свои. Противно и существу самодержавного правления, чтоб в оном дворянство торговлю производило". Но разбуженный Петром соблазн к промышленной деятельности и расширенная возможность ее применения оказались сильнее былой сословной чести, которую Екатерина старалась столь же настойчиво, сколь и тщетно, пробудить. Дворянство эпохи Екатерины II все ширящейся струей устремляется в промышленность и дворянские фабрики начинают быстро расти. По данным ведомостей Мануфактур-Коллегии за 1773 г., в России насчитывалось 328 фабрик, из которых уже целых 66 принадлежало дворянам. И при этом дворянские фабрики были самыми крупными, и по величине оборота они занимали несравненно больше места, чем по своему числу. Так, по данным Мануфактур-Коллегии, на 305 фабриках было выработано в 1773 г. товара на 3548 тыс. руб., а на 57 дворянских фабриках—1.041 тыс. руб., т.-е. $^1/_3$ оборотов всех фабрик составляли обороты дворянских фабрик. Нашлись, конечно, и идеологи этого движения. И тем легче нашлись, что и во Франции, откуда русская знать выписывала готовыми и новые моды и идеалы дворянской чести, как раз в это время появилось среди дворянства стремление к широкому участию в промышленной жизни страны. Фонвизин начинает усердно пропагандировать идею полной совместимости дворянской чести с промышленною деятельностью. Он садится за перевод книги аббата Куайе, воспитателя герцога Бульонского.

В 1754 г. в журнале „Mercure de France" была помещена статья маркиза де-Лассе о несовместимости дворянской чести с таким „неблагородным" занятием, как промышленность и торговля. В опровержение этой книги аббат Куайе пишет памфлет „Торгующее дворянство", в котором горячо призывает дворян заняться торгово-промышленною деятельностью.

И Фонвизин приступает к переводу этой книги на русский язык, видя в ней авторитетное (из Парижа!) подкрепление своих идей. С большим пафосом призывает французский аббат, предпославший „Торговому Дворянству" свое предисловие, все дворянство „спастись" путем обращения к торгово-промышленной деятельности.

„Вы имеете храбрые руки!—восклицает он, обращаясь к дворянству,—вы представляете мечи, но есть мечи другие—со златыми рукоятками... Будьте через купечество защитниками жен и детей своих, питатели своему отечеству, будьте жизнью наук, причиною многолюдства, столпами нашего флота, душой наших селений, славою государства и причиною общего благополучия. Время уже скучит вас своею бедностью и беспечностью. Или готское мнение навеки вами овладело? Вы опасаетесь презрения и в нищете остаетесь! Вы любите знатность и ничего не знаете! Вечная жертва предрассуждения, вас умерщвляющего!" [1]).

„Если хотя несколько усомнитесь вы о счастии купечества, тогда жители Лиона, Бордо, Нантеса и Марселя скажут вам: на нас взирайте!"

Красноречивый французский аббат горячо доказывает, что только устарелые предрассудки, давно опровергнутые „здравым рассудком", мешают „отверстию купечества к дворянству". Фонвизин, вместе с французским аббатом указуя дворянству на дух промышленной предприимчивости, говорил: „сим победишь!".

И русское дворянство времен Екатерины все стремительнее протягивало „храбрые руки" к мечам „со златыми рукоятками", все больше стремилось к „упражнению в купечестве".

До конца своего царствования Екатерина оставалась верна отрицательному отношению к торгово-промышленным затеям дворянства, подкрепляя свои взгляды авторитетом „господина Монтескию". Когда гр. Апраксин, основоположник нынешних Апраксиных рядов, подал прошение на высочайшее имя с просьбою о разрешении ему записаться в купеческую гильдию, гневу Екатерины не было предела. Она назвала гр. Апраксина „сумасшедшим" и решительно отвергла его просьбу.

И в данном пункте она осталась непреклонна,—указом 1790 г. категорически запретила дворянам записываться в купеческие гильдии.

---

[1]) Ср. Фонвизин. Сочинения, изд. Ефремова. Спб., 1866, стр. 576.

Вопрос этот тогда очень сильно волновал дворянские круги. Московский главнокомандующий кн. Прозоровский для решения вопроса о праве дворян записываться в купеческие гильдии созвал в 1790 г. общее собрание губернского правления и палаты. Губернский прокурор представил свое чрезвычайно характерное заключение. Оно гласило: „самое существо достоинства обязует каждого дворянина упражняться не в оборотах торговых, но главнейше в службе военной, а в мирное время—в отправлении правосудия, почему и не долженствует дворянству входить в промысел торговый, наравне с купечеством, так как нельзя оба эти звания соединить вместе и к одному праву, ибо каждый из нас с младенчества приготовлен образом мыслей, друг от друга весьма отдаленным, да и какая удобность с записанного в купечество дворянина в общественные нужды и тягости требовать даяния, а, в случае неплатежа, чрез какие средства персональность такового к тому побудить, когда жалованной грамотой постановлено: да не судится благородный, окроме своими равными, да изъемлется благородный самолично от личных податей".

Общее собрание московского губернского правления и палаты согласилось с заключением прокурора и в итоге появился упомянутый указ 1790 г. [1]).

Но в остальном Екатерина вынуждена была подчиниться давлению богатой и влиятельной дворянской буржуазии и с душевным прискорбием примириться с ростом дворянского предпринимательства.

Александр идет дальше и разрешает дворянам записываться в первую и вторую купеческие гильдии. Под запретом осталась лишь третья гильдия.

С начала девятнадцатого века область торгово-промышленной деятельности дворянства продолжает сильно расширяться, идя в двух направлениях: развития предпринимательского крепостного хозяйства и участия в торгово-промышленной деятельности.

Появляется в России свой оригинальный аббат Куайе, некий Левшин, красноречивый Пиндар дворянской буржуазии [2]). Он выпускает в 1812 г. обширное руководство для дворян, обра-

---

[1]) А. Романович-Славатинский. Дворянство в России. Спб., 1870, стр. 263.

[2]) Ср. В. Левшин. Русский полный фабрикант и мануфактурист. М. 1812 г., т. I.

щающихся на стезю промышленного прогресса и предпосылает ему любопытное предисловие, в котором страстно призывает дворян обуржуазиться.

„Дворяне,—восклицает он,—законы отечества усвоили вам владения недвижимыми имениями, соделали вас частными хозяевами государственными; вы только можете улучшить руны на ваших овцах, вы имеете, где садить тутовые деревья, разводить шелковых червей и на чем сеять хлопчатую бумагу. Премудрые монархи требуют от вас не одного только, чтобы вы защищали отечество с оружием в руках, чтобы готовы были пролить за него кровь свою, положить душу свою за спасение оного, они побуждают вас, чтобы вы содействовали их заботам о силе и богатстве сего отечества. Будьте воины, ополчайтесь, когда требует нужда, но в другое время занимайтесь хозяйством, заводите фабрики, будьте купцами и сами отправляйте ваши произведения, ваши изделия за море и докажите, каким образом должно сделать и самих себя и отечество свое богатыми. Правительство сего от вас требует“ [1]).

И тех дворян, которых дворянский тонор удерживает от промышленной деятельности, Левшин старается ободрить примером знатных английских лордов. „Дворянство английское,—восклицает он,—тамошние лорды, меньше ли вас благородны? Но они торгуют, они развели в своем государстве овец испанских, они завели толико отличные фабрики и мануфактуры и усовершили равно земледелие, как и скотоводство, они были орудиями силы и богатства государственного. Не заслуживает ли сие подражание?“ [2]).

Многие крупные дворяне вписывают в эту пору свои имена в историю русской промышленности. В 1811 г. полтавский помещик Кирьяков получает орден Владимира 4-й ст. за устройство усовершенствованных селитреных заводов. Тем же орденом награждается дворянин помещик Щепочкин за изобретение нового способа беления пряжи. Кн. Юсупов устраивает обширные фабрики сукна и шелковых тканей. Сиятельный Потемкин воздвигает в своих курских поместьях знаменитую Глушковскую фабрику сукон. В помещичьих имениях начинает усердно развиваться свеклосахарная промышленность.

Со второй половины восемнадцатого века некоторые идеологи дворянской буржуазии выдвигают новый аргумент—поли-

---

[1]) Ср. В. Левшин. Стр. 7—8.
[2]) Ср. Левшин. стр. 8.

тическую неблагонадежность третьего сословия и верноподданность дворянской буржуазии.

Уже кн. Щербатов, энергично борясь с „наступлением купца" и ища поддержки со стороны правительства, выдвинул аргумент о политической неблагонадежности „среднего рода людей".

„Воззрю ли я теперь,—говорит кн. Щербатов,—на соединенные Нидерландские провинции, где мещанство над благородными преимущество имеет. Несогласие в народе, наступление на законную власть статгальтера, возмущение во градах, потеря полезных поселений и стыдное покорство чужим державам—суть плоды порочного их установления и необуздания народной власти" [1]).

Знакомый нам Левшин, писавший уже после Великой французской революции, выражался еще определеннее и прямо указывал на необходимость для правительства всячески поддерживать верноподданническую дворянскую буржуазию, так как этим путем будет приостановлен в России рост крамольного третьего сословия.

„Нещастный переворот во Франции,—грозил Левшин,—еще в свежей памяти, оный произошел от Tiers-états". И у нас в России уже исчезло старое верноподданное купечество. Нет ныне Мининых, но есть много Пожарских".

И Левшин предлагает верноподданным Пожарским победоносно вытеснить неблагонадежных Мининых и с поля экономической брани.

Рост дворянской буржуазии вел к росту дворянского населения городов.

Некогда дворяне с презрением смотрели на городские должности, как на службу для низших, „подлых" людей. Теперь же, когда в двадцатых годах поднимается вопрос о городской реформе, дворянская буржуазия добивается того, что и ее представители намечаются в состав проектируемых городских управлений.

Со стороны буржуазии это вызывает сильный ропот.

Московский городской голова пространно доказывает, что введение дворян в городское представительство является вопиющим нарушением исконных прав купечества, дворяне должны заниматься службой и сельским хозяйством, в городе у них не должно быть материальных интересов.

Еще более решительно восстал против новых проектов го-

---

[1]) Ср. Щербатов. Соч., стр. 256.

родской голова Петербурга. Он увидел в этом „явное подавление прав купеческого сословия".

И в свою очередь дворянская буржуазия стремится выставить домогательства дворян в свете политической неблагонадежности. Бессословное городское управление,—пишет городской голова Петербурга,—„представит небывалое совокупление разнородных и противоположных сословий... Буквальное копирование с палат депутатов во Франции". Дворяне все заберут в свои руки, и в крае получится „дворянское общество или анархия, несвойственная нашему народному духу" [1]).

Когда в 1846 г. все же было опубликовано новое Городовое Положение, то в министерство со всех сторон посыпались слезницы купцов, доказывавших, что дворянство, опираясь на свои огромные сословные привилегии, стремится завоевать всю торговлю и промышленность. Особенно негодовали московские купцы.

И к сороковым годам дворянство сделало уже очень большие завоевания в торговле и промышленности. Бар. Гакстгаузен, посетивший в сороковых годах Москву, писал:

„Последнее время Россия сделала необыкновенные успехи в фабричной деятельности. Большая часть дворян обратилась в фабрикантов и заводчиков. Москва, средоточие русской промышленности, превратилась из дворянского города в фабричный" (Бар. Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народ. жизни России. М., 1870 г., стр. XX).

В то же время и в области сельского хозяйства дворянство все более переходило от феодального типа если и не к капиталистическому, так как оно развивалось на основе принудительного труда, то к предпринимательскому.

Вместе с развитием потребностей и внесением в дворянскую среду предпринимательского духа, начинало технически совершенствоваться крепостное хозяйство, начинали вводиться лучшие орудия. Из сельского хозяйства стремятся теперь извлечь как можно больше для продажи.

Старый дворянин-феодал, превозносивший бесхозяйственность, презрительно отворачивающийся от всякого меркантилизма, начинает вытесняться дворянином в мещанстве, помещиком практиком, видящим в крепостном праве не только источник дли личных расходов, но и для предпринимательских

---

[1]) Ср. И. Дитятин. Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877, стр. 378—380.

доходов. И параллельно с этим хозяйственным сдвигом совершается и перелом в хозяйственной и политической психологии старого помещика.

„Прежний естественный характер сельских отношений,—пишет в 1845 г. Киреевский,—заменился характером фабричной напряженности“ [1]).

Этот-то „характер фабричной напряженности“, который дворянство начинало вносить в крепостное хозяйство, вел к растущей эксплоатации крепостного труда. Если проницательный иностранный путешественник Бернгарди, посетивший Россию в первой половине девятнадцатого века, отметил, как характерную ее особенность, мягкость хозяйственной эксплоатации крепостного труда при полном нравственном закабалении личности, то с сороковых годов девятнадцатого века эта особенность феодального прошлого крепостничества погружается в Лету забвения.

„Русские помещики,—писал Бернгарди,—меньше чем финляндские, спекулируют в сельском хозяйстве. Большинство русских помещиков служат в армии или в гражданских должностях, или, во всяком случае, мало бывают в деревне и заботятся не столько о том доходе, который она может дать, сколько о том, который она дает в действительности“. И Бернгарди метко прибавляет: „вследствие этого и отпадают многие мучительства, которые так часто составляют последствие хорошего хозяйства“.

С сороковых годов эти „многие мучительства“ уже сильно дают себя чувствовать. И чем шире развивается „хорошее хозяйство“ дворянства, тем сильнее дают себя чувствовать эти „мучительства“ сухой и корыстной эксплоатации крепостного права, как чисто хозяйственной системы, оголенной от всякого романтизма.

Дворянское „хорошее хозяйство“ понемногу отпускает крепостную душу на покаяние, но крепостной труд она все сильнее зажимает под предпринимательским прессом. Но никакое давление этого пресса не может выжать из крепостного труда такой производительности, какую даст труд вольнонаемный, и никакая эксплоатация крепостного труда не может возместить узости и ограниченности рынка и отсюда низкого уровня хлебных цен и крайне резкого их колебания.

На сельско-хозяйственный рынок крепостной Руси свозился

---

[1]) Ср. Киреевский. Сочин., т. II, стр. 197.

хлеб, произведенный при самых пестрых, резко различающихся условиях производства. Тут был и крестьянский хлеб, и хлеб дворянской буржуазии, и хлеб феодального помещика, и хлеб капиталистической буржуазии, уже работавшей вольнонаемным трудом.

Анализ столкновения и взаимодействия этого сложного переплета различных хозяйственных укладов, сталкивавшихся и боровшихся на рынке крепостной России, не входит в рамки нашей темы. Нам приходится кратко остановиться лишь на той стороне этого многогранного и чрезвычайно важного для характеристики крепостного хозяйства явления, которая непосредственно касалась дворянского предпринимательства.

Промышленное дворянство, пытавшееся поставить крепостное хозяйство на рациональных хозяйственных началах, вывозя свой хлеб для продажи, сразу попадало в хозяйственный хаос, создаваемый помещиками-феодалами.

Помещики-феодалы крепостной эпохи были, с точки зрения буржуазного хозяйства, экономически невменяемы. Благодаря их феодальному хозяйничанию на хлебном рынке создавался хаос. То неожиданно приливавший, то отливавший хлеб феодального дворянства путал и уничтожал все счеты и рассчеты как дворянского крепостного, так и вольнонаемного буржуазного рационального хозяйства.

Создавалась на рынке неподдающаяся никакому хозяйственному учету и предвидению лихорадочная скачка цен вверх и вниз. Этим подкашивались все усилия дворянской буржуазии создать на почве крепостного труда рациональное предпринимательское хозяйство.

Уже в средине тридцатых годов некий Поздюнин пишет в известном „Земледельческом Журнале“:

„В последнее десятилетие, перечитывая книжки „Земледельческого Журнала“, почти в каждой видите неудовольствие русским хозяйством; всякий ищет какого-то собственного и крестьян своих исправления, составляет себе правила, никем не применяемые, и сам их изменяет, наконец, решается говорить, что для России нет общих правил... Отчего всякий чего-то домогается и ничего не находит? Оттого только, что хозяйство наше есть совокупность двух противоположных видов: одного—крестьянского, другого—помещичьего; первое может быть учитываемо и определено, а последнее никогда, и так сказать, зависит от благоприятных и неблагоприятных обстоятельств“.

Эта-то иррациональность хозяйства феодальных помещиков, устранявшая возможность хозяйственного учета и предвидения, без которого невозможно крупное предпринимательское хозяйство, оно-то и являлось одним из важных препятствий для той организации крупного и регулированного сельско-хозяйственного сбыта, к которому настойчиво стремилось дворянство.

„Правильная соразмерность,—говорит в „Отечеств. Зап." в уже известной нам статье (стр. 40) Заблоцкий,—между производством и запросом хлеба на рынках может установиться только тогда, когда рента примет естественный экономический характер. Тогда землевладельцы не будут принуждены огромные запасы хлеба, произведение обязательной ренты, вывозить на рынок, часто весьма отдаленный, и продавать их за предлагаемую цену в подрыв себе и другим".

Дворянская буржуазия превосходно, конечно, понимала, что крепостное право обеспечивает ей рабочие руки. Крепостное право, как хозяйственная система, привлекало симпатии дворян-предпринимателей главным образом тем, что оно разрешало вопрос о рабочих руках, и вопрос об отмене крепостного права с хозяйственной стороны пугал, главным образом, как вопрос о рабочих руках. Но зато дворянской буржуазии все яснее становилась хозяйственная привлекательность освобождения крестьян. Крепостное хозяйство, по мере приближения к шестидесятым годам—в этом характерна особенность эволюции крепостного права в России в отличие от Запада—само по себе хозяйственно не отмирало. Хозяйственная эксплоатация крепостного права усиливалась. Но в то же время росло сознание, что предпринимательское крепостное хозяйство уперлось в тупик—мелкость рынка и хаос цен.

„Время и новые отношения,—пишет в сороковых годах консервативный министр Перовский,—вовсе изменили взгляды образованных помещиков на крепостное право: они, конечно, опасаются последствий свободы, зная необузданность народа, вышедшего однажды в каком-либо отношении из своего обычного положения и из пределов повиновения, *но владельцы ныне уже вовсе не боятся утраты своего достояния от дарования людям свободы*... Опыты обработки земель наемными людьми в губерниях: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и других показали, что там, где нет недостатка в руках, владелец ненаселенной земли при подобном хозяйстве оставался в выигрыше против помещика. Вот причины, по коим большая половина нашего дворянства вовсе не опасается

утратить достояния своего от уничтожения крепостного состояния" [1]).

Для того, чтобы „больше половины дворянства" пришло к подобному выводу о хозяйственной привлекательности отмены крепостного права, в психологии хозяйствующих помещиков должен был совершиться глубокий перелом. А рука об руку с этим сдвигом росло у помещиков сознание необходимости расширить внутренний рынок для сбыта сельско-хозяйственных продуктов.

Уже один из первых русских идеологов дворянской буржуазии, кн. Д. Голицын пишет в сентябре 1770 г.:

„Пока существует крепостное право, русская империя и наше дворянство, предназначенные к тому, чтобы быть богатейшими в Европе, останутся бедными. К тому же, как мы иначе образуем третье сословие, без которого нельзя льстить себя надеждою создать искусства, науку, торговлю и пр." [2]).

Правда, и в пределах крепостного права совершался, и не малый, прогресс техники [3]).

Но этот технический прогресс крепостного хозяйства еще сильнее давал чувствовать всю мелкость рынка при крепостном строе. Для чрезвычайно выразительной иллюстрации мы приведем весьма поучительный разговор между крупным помещиком Демидовым и одним из самых деятельных представителей „прогрессивного" крепостного хозяйства, Масловым. Беседа происходила на квартире издателя „Московского Телеграфа" Н. Полевого в тридцатых годах. Маслов восторженно отзывался о деятельности „Московского земледельческого общества", действительно, сильно поднявшего технику крепостного хозяйства.

—Из слов ваших,—резко заметил Маслову Н. Демидов,—ясно, что вы человек умный и просвещенный, каким же образом можете вы хвалить наше земледельческое общество?

Маслов чрезвычайно растерялся и удивленно спросил Демидова, что же может не нравиться в деятельности столь почтенного общества.

— Не говорю,—ответил Демидов,—по каким побуждениям действуют многие заседающие в вашем обществе; явная цель

---

[1]) Ср. В. Семевский. Крестьянский вопрос в России. Спб. 1888, т. II, стр. 138.

[2]) Ср. В. Семевский. Крестьянский вопрос в России, стр. 164, т. I.

[3]) Ср. П. Струве. Крепостное хозяйство. Спб. 1911.

его—увеличить количество хлеба в России. Но что сказали бы вы о том сапожнике, который, не имея возможности продать в год пятьсот пар сапог, стремился бы приготовить их тысячу пар [1]).

Эта характерная беседа показывает, что помещики, организовавшие свое хозяйство на буржуазный лад, понимали, что прогресс техники только острее дает чувствовать отсутствие достаточного спроса.

Помещик Полтавской губ. пишет письмо, в котором отмечает работу крепостной агрономии и раздраженно восклицает: „Нам беспрестанно твердят, как пахать, как сеять, но научите нас, ради Бога, куда сбывать наши произведения по выгодным ценам?“ [2]).

Самым интересным идеологом дворянской буржуазии этой эпохи был родовитый и влиятельный политический деятель и публицист гр. Мордвинов.

Гр. Мордвинов окончательно порвал с старо-дворянским идеалом замкнутого натурального хозяйства. В процессе распадения сплошного земледельческого быта, роста хозяйственного разделения труда и образования городской буржуазии гр. Мордвинов видит идеальное будущее России.

Теоретически отдавая все предпочтения свободному труду, гр. Мордвинов не решается, однако, требовать отмены крепостного права. Это дело будущего. В настоящем же надо сосредоточить все заботы на насаждении крупной промышленности и буржуазии. Только обезпечив развитие промышленности, а помещикам достаточный контингент рабочих, можно будет, по мнению гр. Мордвинова, приняться за освобождение крестьян, да крепостничество и „само по себе исчезнет, так как его невыгодность ясна станет всем“.

„Земледелие,—говорит Мордвинов,—не может даже достигнуть высших степеней распространения и усовершенствования своего без ремесл и фабрик. Но с водворением оных у сельского жителя будет и лучшая лопатка, и лучшая соха и все прочие орудия; всякая часть сельского хозяйства приобретет улучшение, всеобщая деятельность увеличится; умножится сила народная; мельницами, машинами, инструментами, искусством

---

[1]) Ср. К. Полевой. Записки. Спб., 1888, стр 61.

[2]) Ср. „Московское О—во Сельск. Хозяйства“. 1837 г., стр. 26.

изощрится ум изобретательный, исчезнет мгла невежества, уменьшится праздность, разврат, грубость; умножится порядок, рассчетливость, бережливость" [1]).

Такими соблазнительными красками рисовал гр. Мордвинов идиллический хозяйственный быт страны, в которой разовьется промышленность.

В докладной записке, поданной Государю,—„Соображение при рассмотрении росписи на 1828 г.", Мордвинов вновь возвращается к своей излюбленной мысли о спасительном действии „капиталистического развития".

„Из сей участи (нищеты) крестьяне, величайшая часть российского народа, никогда не выйдут, если число их не уменьшится, из пахтырей не соделаются они потребителями сельских произведений, не перейдут на жительство в города, не умноголюдят их, не употребят себя в разные упражнения, с умственными способностями сопряженные, как-то: в ремесла, промыслы, торговлю, художества и науки. Тогда токмо повсеместно произрастут всякого рода произведения, водворится всеобщее изобилие, распространится богатство на все сословия народов" [2]).

Родовитый дворянин Мордвинов считает наконец необходимым прямо произнести похвальное слово купечеству.

„Я исповедую открыто,— пишет он,— что российское дворянство, конечно, много отличилось важными пред престолом и отечеством заслугами и преимущественно перед другими состояниями; но и купеческое сословие всегда ли было именитым подвигам чуждо? В спасении отечества не Минин ли, купец Нижегородский, был Пожарскому сотрудником? А из сего доказательно, что если и при различии состояний стремление к благу отечества соединяет оные, то чего ожидать не должно, когда соединятся силы к умножению государственного богатства, которого не только цена полагается иноплеменными, но и самые источники оного большею частью для единоземцев неизвестностью покрыты"...

---

[1]) Ср. Мордвинов. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России. Спб. 1833 г., III изд., стр. 5.

[2]) Ср. Архив гр. Мордвиновых, т. VII. Спб. 1903, ст. 58.

Глава VIII.

Крепостная буржуазия.

Крепостное право, казалось, должно было покрыть мертвящим саваном живую хозяйственную жизнь крепостного крестьянина, убить в зародыше всякую его экономическую инициативу.

Но внимательно исследуя крепостной быт, в особенности в последние моменты его исторического развития, мы замечаем, что крепостное право уродовало и тормазило развитие хозяйства, но не в силах было его приостановить. То, что мы называем крепостным бытом, представляет собою понятие с текучим социальным содержанием. Стиснутое в колодках крепостного права, лишенное прав состояния, русское крепостное хозяйство, отчасти под помещичьим воздействием, отчасти же по самочинным хозяйственным мотивам, перестраивало свой хозяйственный быт и втягивалось в общую промышленную жизнь страны. Крепостной крестьянин, живя под постоянною угрозою помещичьей экспроприации, осторожно, часто нелегально умножал свое богатство, переходя к более производительным формам хозяйства.

Уплачивая помещикам определенный оброк, крепостные крестьяне получали, благодаря этому, известную свободу экономической воли от господского произвола. Получая от крепостных определенный и, как мы увидим ниже, часто очень значительный оброк, помещики позволяли им свободно развивать свою хозяйственную деятельность. Они позволяли им кормиться, сохраняя за собою право стричь их.

Самостоятельная хозяйственная деятельность крепостных превращалась в источник доходов помещика. Если помещик-феодал старого крепостного времени жил тем, что непосредственно эксплоатировал крепостной труд, то помещик-буржуа нового крепостного времени как бы отпускал на волю труд известной части своих крестьян, забирая себе очень большую часть их заработной платы или дохода.

Крепостной торговец мог вести обширные коммерческие дела, в которые помещик не вмешивался и о которых он зачастую и не знал, но помещик с этого крестьянина взимал в свою пользу налог. Этот же налог он взимал и с заработной платы крепостного, работавшего на фабриках. Благодаря этому про-

цессу развития создалась в крепостном быту чрезвычайная пестрота, чересполосица хозяйственных форм и отношений. Крепостной крестьянин, оставаясь в правовом отношении и крепостным и крестьянином, выступал в экономической роли и купца и рабочего. Продавцы, покупатели и фабриканты, с которыми он вступал в экономические отношения, сталкивались с ними, как с самостоятельною, хозяйственною личностью, но эта личность юридически продолжала оставаться крещенною собственностью помещика.

Проявлением этой чересполосицы, этого глубокого перерождения социального содержания застывших правовых форм выступала крепостная буржуазия.

Неограниченная власть давала помещикам возможность отбирать у своих крестьян все, что они приобретали, благодаря хозяйственной удачливости, сметливости или кулачеству. Но этому препятствовали, с одной стороны, невозможность точного контроля над хозяйственными оборотами крепостных предпринимателей, а с другой—стремление превратить этих предпринимателей в постоянный и крупный источник доходов.

В итоге помещики не только терпят, но сплошь и рядом поощряют хозяйственную деятельность своих крепостных. И мы уже знаем, что в екатерининской комиссии вполне вскрылась борьба между крепостной и городской буржуазией.

Таким образом, уже при Екатерине из сплошной, слитой массы крепостных начинала выделяться группа крепостной буржуазии, выступившей конкурентом городской буржуазии. Если в борьбе с городской буржуазией, отстаивавшей свои монопольные права на торговлю и промышленность, крепостная буржуазия искала и находила поддержку у дворянства и фиска, то, с другой стороны, эти же жадные щупальца дворянских и казенных оброков и податей заставляли буржуазию прятать свой достаток, а часто и свои обширные экономические предприятия под рубищем нищеты. Это заметила уже Екатерина, писавшая в „Наказе“:

„Они (богатые крестьяне) закапывают в землю свои деньги, боясь пустить оные в обращение, боятся богатыми казаться, чтобы богатство не навлекло на них гонений и притеснений“.

И к этой боязни крестьяне имели полное основание. Стоило только крестьянину своим благосостоянием подняться над общим уровнем, как к нему со всех сторон слеталась жадная стая помещичьих слуг, приказных людей и всяких власть имущих, чтобы растратить весь его достаток.

Зачастую богатые крепостные жили беднее бедных, тщательно скрывая от помещиков и приказных свое благосостояние. И в позднейшее время, перед самым освобождением крестьян, у крепостных богатеев сохранилась эта боязнь обнаружить свое богатство.

С сороковых годов вместе с широким проникновением в помещичью среду предпринимательских нравов и вожделений, начинает усиленным темпом развиваться крепостная буржуазия. Растущий город стягивает к себе все большее количество ремесленников, купцов, торговцев, рабочих. И в этой пестрой массе растущего городского населения большое место занимают крепостные. В качестве городской прислуги и рабочих они зарабатывают, конечно, гроши, из которых им приходится еще уплачивать оброк своим помещикам. Но в качестве торговцев, удовлетворяющих растущий городской спрос деревенскими продуктами, крепостные часто выступают в роли богатых скупщиков всего деревенского добра, потребляемого городом.

Рост потребностей города создавал и расширял спрос на деревенские продукты, рост потребностей помещиков выдвигал и увеличивал спрос на городские наряды, мебель, вина и т. д. И оборотливый крепостной предприниматель умело берется за роль посредника в экономическом обмене между городом и деревней.

Какую же роль сыграла эта буржуазия в процессе хозяйственного развития и распада крепостного быта?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо прежде всего определить, насколько буржуазия умела сложиться и развиться в недрах крепостного хозяйства, какова была ее численность, каков был ее удельный экономический вес. О том, как сильно успела развиться крепостная буржуазия и как сравнительно велики были капиталы, находившиеся у нее на руках, свидетельствуют до известной степени данные о выкупе крестьян на волю. Не принимая массового характера, этот выкуп совершался, однако, непрерывно, и сумма, которую уплачивали при этом крестьяне, показывает, как под полой крепостного права крестьяне сумели собрать значительные капиталы.

Выкуп на волю представлял для крестьян такой заманчивый, покоряющий идеал, для достижения которого стоило, конечно, всю жизнь урезывать себя во всем необходимом, чтобы по копейке собрать сумму, необходимую для выкупа своей крепостной души у помещика.

Рядовому крестьянину уплата такой суммы была совершенно

не по силам и только крепостная буржуазия по-одиночке длинной вереницей, растянувшейся на целые десятилетия, выходила на волю через узкую теснину денежного выкупа. Но помещик знал „своих" крестьян. Крепостная буржуазия вела, правда, полулегальное экономическое существование, всячески прячась от загребущей руки помещика и прикрывая лохмотьями свои богатства. Однако, помещик, лишь ошибаясь в размере, узнавал размеры достатка крепостного и когда последний просил отпустить его на волю, брал с него ростовщические цены за выкуп крещенной собственности.

Мы приведем данные о размерах выкупа, разбросанные по разным губерниям и по разным эпохам. Благодаря своей хронологической и географической пестроте, эти данные покажут нам, какие большие капиталы успели сосредоточиться в руках крепостной буржуазии.

В 1818 г. кн. Шаховским уволено в Костромской губ. за 10.000 р. две души, а в 1822 г. в той же губернии майором Колычевым уволено восемь душ за 320.000 руб.

Очень интересные данные о размерах выкупа мы находим у Гарелина, историка города Иваново-Вознесенска, принадлежавшего некогда помещику Шереметеву.

„Помещики села Иванова,—читаем мы у Гарелина,—не стеснялись с богатых брать и очень крупные суммы за выкуп на свободу. В очередной книге рекрутских отдач, составленной помещичьим управлением, между прочим под семействами №№ 120 и 164 значится, что за увольнение на свободу для выхода на сторону в замужество крестьянских девиц Сиклитиний Ямановской и Харитины Гандуриной взято помещиком за первую девять, а за последнюю семь тысяч руб. Кроме того, за освобождение крестьян Гандуриных от рекрутской повинности взыскано было с них тридцать тыс. руб.".

„До реформы 1861 г. крепостных семейств на волю выкупилось более пятидесяти. Выкупную сумму в Иванове надо смело положить в миллион руб.—не менее, так как выкуп возможен был для самых богатых" [1]).

„Из числа оброчных крестьян,—читаем мы у Заблоцкого,—в иных местах, напр., в Ярослав. и Нижегор. губ. есть очень богатые. В несколько лет трудов и счастья они составляют себе значительные капиталы. В таком случае приходят они к помещикам и просят откупиться. Некоторые не отпускают во-

---

[1]) Ср. Я. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Шуя. 1885 г., стр. 114.

все, тщеславясь тем, что имеют крестьян-капиталистов, как, напр., кн. Г—ий, а иногда из выгод, чтобы богатые крестьяне выносили на плечах недоимки своих собратий.

„Брать таким образом даром вследствие какого-то нелепого права деньги, накопленные трудом, никак не почитается за стыд между помещиками.

Таковы понятия их о праве и справедливости. Они, напротив, хвастаются, когда удается им сорвать большую сумму с крестьянина, как хвастается барышник, успевший хорошо продать лошадь.

„У меня был богатый крестьянин,—говорил нам М...,—он захотел откупиться. Мы поторговались и согласились на 16 тыс. р., но мужик-каналья перехитрил меня: он оказался после в 200 тыс. Я мог бы взять с него тысяч пятьдесять. Вот сестра моя была умнее: она не иначе отпустила одного из своих крестьян, как взяв с него 30 тыс. руб. и взяла славно, потому что капитала оказалось только 45 тыс. руб.“ [1]).

П. Анненков рассказывает в своих воспоминаниях, что к отцу Н. Огарева являлись крепостные села Беломута, с предпреложением освободить их за огромный выкуп. Один из них предложил за свой выкуп 100.000 рублей серебром. Но отец Огарева был барином в старом романтическом стиле и брезгливо отказался от денег, „гордясь тем, что в числе его подданных есть чуть ли не миллионеры“ [2]).

„В 1815 году Прохоров предложил своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, с тем, что эти деньги будут вносить за него будто-бы московские купцы. Барин изъявил на то согласие. После того Прохоров купил в Москве большой дом, отделал его богато и тут же построил обширную фабрику. Раз как-то этот Прохоров встретился в Москве со своим бывшим господином и пригласил его к себе в гости. Барин пришел и не мало дивился, смотря на прекрасный дом и фабрику Прохорова, очень сожалел, что отпустил от себя такого человека.“ [3])

Савва Морозов, родоначальник династии московских крезов, был крепостным крестьянином помещика Рюмина, выкупившимся в 1820 году на волю за 17.000 рублей.

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский. Гр. Киселев и его время. Спб. 1882 г. Т. IV, стр. 290.

[2]) Ср. „Вестн. Евр.“ 1883 г., № 4, стр. 10.

[3]) Ср. Н. Шипов, История моей жизни. Спб. 1881, стр. 15.

Родоначальниками крупнейших ивановских фабрик были крепостные, откупившиеся на волю за десятки тысяч рублей. Мы привели выше примеры единичных выкупов на волю крепостной буржуазии. Мы видим, что отдельные ее представители уплачивали десятки тысяч рублей за свое освобождение. Эти десятки тысяч давали в сумме миллионы, которые широкою золотою струей вливались в помещичьи карманы. Но процесс образования крепостной буржуазии не ограничивался одними этими богатеями, которые могли сразу выложить помещику десятки тысяч. Этот процесс разбился на множество отдельных струек, вносивших в бездонные карманы помещиков крестьянское золото. В более бедных и непромышленных губерниях крестьяне платили за свой выкуп на волю уже не десятки тысяч, а тысячи и сотни. Данные об этих деньгами откреща-вавшихся от неволи крепостных мы находим в известном труде Семевского.

В Костромской губ. встречались выкупы в 4 и 5 тысяч руб. с души. Но такие случаи были редки. В среднем, крестьяне платили здесь за волю 200—650 руб. В Ярославской губернии обычный размер выкупа в начале девятнадцатого века колебался между 219—666 руб.; в Вологодской выкуп колебался между 142 и 500 руб.; в Тверской—от 270 до 575 руб.

При Александре I-м на волю выкупилось в общем 28944 души мужского пола. Из них 900 человек заплатило за выкуп по 139—199 руб.; 7.172 человека по 200—300 руб.; 1.667 человек—около 400 руб.; 14.968 человек—около 500 руб.; 907 человек—менее 600 руб.; 3.187 душ—около 700 руб.; 44 души—от 727 до 757 руб.; 11 душ—по 909 руб.; 20 душ—по 1.045 руб.; 13 душ—по 1.061 руб.; 43 души—по 1.396 руб.; 2 души—по 1.864 руб.; 8 душ—по 4.000 руб.; две души—по 5.000 руб.

Приведенных цифр достаточно, чтобы иллюстрировать фактами процесс образования буржуазии в недрах крепостного быта и ее выделения посредством выкупа.

Конечно, какую-нибудь сотню рублей и бедный крестьянин мог скопить годами усилий и лишений. Ради достижения свободы крепостные могли делать и делали чудеса по части урезывания своего личного бюджета и по копейке сколачивали сотни, нужные для выкупа. Но когда молодые крестьяне уплачивали многие сотни и тысячи за выкуп души, то ясно, что перед нами уже крепостная буржуазия, сумевшая собрать в своих руках значительные, по тому времени, капиталы.

Уплачивая помещикам тысячные выкупы, крепостная бур-

жуазия, обыкновенно, и на волю выходила не с пустыми руками. У нее оставались не только капиталы, и часто очень большие, но, как мы увидим ниже, эта крепостная буржуазия имела большие фабрики и уже до своего выкупа, оставаясь крепостной, в свою очередь владела крепостными.

Денежные оброки развивались тем шире, чем больше проникал в строй крепостной Руси дух промышленности и торговли. Но оброк платили и бедные крестьяне. Однако, крупный оброк могли уплачивать помещикам, конечно, только те оброчные крепостные, которые имели более или менее значительный доход. На волю откупалась из них лишь очень незначительная доля. Не все, даже имевшие большие торговые обороты, могли сразу выложить десятки тысяч, которых с богатых крестьян требовали помещики. Кроме того, очень многие помещики ни за какие деньги не соглашались отпустить своих крестьян на волю. Иные из них предпочитали в лице крепостной буржуазии иметь постоянную и растущую статью дохода, другие же считали ниже своего помещичьего достоинства отпускать крепостные души на волю. Иные дикие помещики даже кичились собственною богатою крепостною буржуазией, как редкою и дорогою мебелью, дорогою породою лошадей и собак.

Особенной высоты оброк достигал в таких центрах быстро развивавшейся промышленности, как село Иваново, прообраз города Иванова-Вознесенска, принадлежавшее графу Шереметеву. Крепостные уплачивали здесь оброк по 70 рублей с человека.

Создалась любопытная форма оброка. Разбогатевшие крепостные предприниматели строили фабрики, а помещики отдавали им в кабалу крепостных рабочих, за которых крепостные фабриканты уплачивали оброк, доходивший до 100 рублей за тягло. Таким образом хозяйственное развитие крепостного строя, сосредоточивая в руках крепостной буржуазии значительные богатства, вызывало не только фактическую эмансипацию ее от помещичьей власти, но делало ее фактическою обладательницей крепостных.

Тщетно издавались запрещения не-дворянам владеть крепостными—буржуазное крепостничество росло и крепло.

Не только вольные купцы и промышленники умели обходить запрещения и заводить крепостных, но даже крепостная бур-

жуазия," формально являющаяся крепостною собственностью помещика, сумела завести своих собственных, уплачивая лишь за них оброк помещику.

Мы видим, что на-ряду с выкупом, сразу освобождавшим крепостную буржуазию от помещичьей власти и оставлявшим в руках помещиков значительную денежную сумму, хозяйственная мощь крепостной буржуазии пробила в крепостном строе широкую брешь, через которую, если не на юридическую, то на экономическую волю выходили кулаки и богатеи крепостного мира.

Всевластный, неограниченный в своих правах и в бесправии помещичий булат начинал склоняться перед крепостным златом. Как широко распространен был этот денежный оброк во всех местностях, где были благоприятны условия развития промышленности и кустарничества, показывает тот факт, что, например, в селе Богородском, известном своим кожевенным производством, „все крестьяне состояли на оброке. Минимум оброчного оклада был 25 рублей серебром с души: меньше этой суммы никто не платил в селе, большинство же платило гораздо больше, а с некоторых Шереметевым собирались такие оброки, каких не собирал средний купец-помещик со всего поместья. Вот общие цифры окладов, взятые из окладной книги села Богородского за 1858 год: 9 человек платили в год оброка от 500 до 1.530 р., всего—7750 р.; 24 человека—от 200 до 375 р., всего—5.707 р.; 53 человека—от 100 до 195 р., всего—6.971 р.; 75 человек—от 50 до 95 р., всего—5.126 р. и т. д.“ [1])

Эти данные чрезвычайно красноречивы. Они свидетельствуют о том, как успела численно вырасти крепостная буржуазия, какие большие капиталы сосредоточила она в своих руках и, наконец, какой обширный источник дохода она представляла для помещичьего класса. В одном селе оказывается девять крепостных, уплачивающих помещику от 40 до 130 р. в месяц денежного оброка. Ясно, что при тогдашней ценности денег уплачивать помещику свыше ста рублей в месяц своеобразного подоходного налога могли только крепостные, по уровню своего благосостояния принадлежащие к буржуазии.

---

[1]) П. Струве, Основные моменты в развитии крепостного хозяйства. „Мир Божий“ 1899, кн. 12-ая, стр. 267.

Обратимся теперь к любопытной социальной разновидности—крепостной буржуазии.

В конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века в России начинает быстро развиваться хлопчато-бумажная промышленность, очагом которой становится Шуйский уезд и в особенности село Иваново, принадлежавшее, как мы уже знаем, гр. Шереметеву.

Крепостные кустари, пользуясь высоким покровительством помещиков, начинают заводить собственные фабрики, все шире раздвигая сначала узкие рамки производства.

Каких успехов достигает эта своеобразная промышленность крепостных крестьян, показывает хотя бы тот факт, что в 1825 г. в Иванове насчитывалось уже 125 крупных ситценабивных и бумаго-ткацких фабрик. Фабрики эти достигали громадных размеров. Напр., в 1817 г. на фабрике Грачевой было 900 станов и 103 набивных стола, на фабрике Ямановского 1000 станов и 110 набивных столов с 1500 рабочими, у Горелина—1021 стана с 1407 рабочими и т. д. И все эти огромные фабрики принадлежали или крепостным, или бывшим крепостным гр. Шереметева.

„Село Иваново,—пишет историк русской фабрики,—представляло собою в начале этого века оригинальную картину. Самые фабриканты, имевшие более тысячи человек рабочих, юридически были такими же бесправными людьми, как и последние голыши из их рабочих. Все они были крепостными Шереметева. Но фактически крупные фабриканты не только свободно владели движимыми и недвижимым имуществом (хотя последнее и записывалось на имя помещика), но даже имели своих собственных крепостных. Так, напр., Ивану Горелину, как видно из духовного завещания, принадлежало село Спасское, со всеми жившими в нем крестьянами. Точно также имел крепостных и другой ивановский капиталист—Грачев“ [1]).

Между гр. Шереметевым и его крепостными капиталистами установились чрезвычайно характерные отношения. Графская контора взыскивала со всех имущественных сделок своих крепостных предпринимателей известный процент в свою пользу, предоставляя крепостной буржуазии полную экономическую свободу, до владения крепостными включительно.

По закону владеть крепостными могли только дворяне. Од-

---

[1]) Ср. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Спб. 1907, стр. 97, 99.

нако, не только богатая городская буржуазия, но даже и сами крепостные за деньги получали возможность владеть крепостными. По словам Гакстгаузена, в сороковых годах некоторые крепостные гр. Шереметева имели по 600 и 700 крепостных.

Перед нами, таким образом, уже не только хозяйственные мужички из крепостных, сумевшие сколотить кое-какие капиталы, а богатые крепостные фабриканты, ворочающие сотнями тысяч, имеющие большие фабрики и владеющие сотнями крепостных.

Предками большинства наших крупных магнатов промышленности являются крепостные крестьяне, которые уже при крепостном праве сумели основать крупные фабрики. Кондрашев—основатель одной из крупнейших шелковых фабрик, был крепостным помещика Бибикова. Кондрашев нажил большие капиталы, имел крупную фабрику и в то же время оставался крепостным вплоть до освобождения крестьян.

Кондратов, основатель известной фабрики стальных изделий, был крепостным кн. Голицына.

Знаменитая фабрика ножей Завьялова была основана крепостным гр. Шереметева. Вся чрезвычайно развитая промышленность села Павлова находилась в руках трех крупных крепостных капиталистов. Фабрикант ситцев Гучков, табачный фабрикант Жуков, Савва Морозов, родоначальник фабричной линии Морозовых—все они были крепостными, которые сметкой, трудом и обманами сумели уже при крепостном праве приобрести крупное состояние и не только освободить себя с помощью денег от крепостной зависимости, но еще и завести собственных крепостных.

Нужна была изумительная выносливость, твердый закал, чтобы крепостной крестьянин при его полной правовой незащищенности, при его лишенности всех прав состояния, сумел в крепостную эпоху создать кустарную избу, вступившую в успешную конкуренцию с фабриками, а затем и ее самое превратить в фабрику. Надо, ведь, вспомнить, что над всею торговою и промышленною деятельностью крестьянина постоянно висел Дамоклов меч помещичьей экспроприации. Помещик, ведь, мог обращаться—и сплошь и рядом, как мы увидим, обращался—со своим богатейшим крепостным, как с губкою: он давал ему напитаться деньгами, а потом ежовыми рукавицами владыки живота выжимал все долгими годами и тяжкими трудами накопленные деньги. И несмотря на это, крепостная буржуазия полулегально, откупаясь деньгами, поднималась к богатству.

До сороковых годов крепостной крестьянин лишен был права собственности как на недвижимое, так и на движимое имущество. Недвижимая собственность могла приобретаться крепостными лишь на имя помещика. По закону 1848 г., крепостным даруется и право приобретать на свое имя недвижимое имущество, но с разрешения помещика. Отчуждать свою собственность, вчинять всякого рода иски, крепостной опять-таки мог лишь с разрешения своего помещика. Но что более всего делало права крепостного иллюзорными, это лишение крепостного права иска против помещика. Помещик, благодаря этому, мог во всякое время экспроприировать все богатство крепостной буржуазии, и вплоть до реформы 1861 г. все имущественные сделки крестьяне заключают на имя помещиков.

И если многие помещики предпочитали, чтобы крепостная буржуазия постоянно несла им золотые яйца и поэтому не резали ее, отпуская на экономическую волю, то другие помещики или те же самые помещики в минуту жизни трудную бесцеремонно экспроприировали все богатство крепостной буржуазии.

Крестьяне гр. Панина, известного по своей роли в эмансипации крестьян, сколотив деньги, купили около Риги места для разведения огородов, купили на имя графа. Когда по этим местам проводилась железная дорога, гр. Панин сделал великодушный жест и пожертвовал эти земли. Великодушный поступок графа был высочайше замечен и щедро вознагражден. А трудовые крестьянские деньги так и погибли.

Гр. Шереметев, как мы знаем, принадлежал к числу помещиков, предпочитавших, чтобы крепостная буржуазия несла ему золотые яйца, но и он при случае не останавливался перед экспроприацией. Его крепостные купили на свои деньги, но на графское имя сотни десятин земли. „Все эти земли он в 1850 г. отобрал от крестьян вместе с документами и на одной части земель поселил деревню Антеневку, крестьянам же зачел за отобранную землю не более 0,01 ея стоимости в оброк“ [1]).

В интересующем нас отношении очень характерна судьба Н. Шипова, крепостного крестьянина гр. Салтыкова. Шипову удалось нажить сравнительно значительное состояние, но произвол помещика и набеги его сатрапов беспрестанно разоряли Шипова и заставляли его вновь приниматься за починку свое-

---

[1]) Ср. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Спб. 1908, стр. 21.

го разоренного хозяйства. В конце-концов придя в отчаяние и убедившись в безвыходности своего положения, Шипов бежит от помещика и, чтобы его не вернули, скрывается и от властей.

Шипов переходит на нелегальное положение. Скрываясь от властей и доносов, он забирается в Пятигорск и здесь создает большое промышленное дело. Но вследствие доноса его розыскивают, арестовывают и после суда возвращают вновь помещику. Шипов вновь разорен до тла. Но он опять принимается за свою излюбленную торговую деятельность и снова сколачивает себе большое состояние. Но помещическая экспроприация вновь присваивает все ее плоды.

Тогда отважный крепостной промышленник решается на отчаянный шаг. Он пробирается на Кавказ, записывается в действующую армию, попадает в плен к горцам и по освобождении из плена, по дарованной солдатам милости, получает наконец свободу.

Приведенные факты и цифры показывают, что крепостная буржуазия явилась символом того процесса усложнения экономической жизни, которого не могло остановить даже мертвящее влияние крепостного бесправия.

То обстоятельство, что крепостная буржуазия деньгами прокладывала себе дорогу к освобождению, что она деньгами фактически откупалась от крепостной зависимости, показало, что феодальная романтика склонилась перед буржуазным материализмом. Между крепостною буржуазией и помещичьею властью сразу установились цинично-денежные отношения купли-продажи. Когда разбогатевший крепостной откупался от помещика большим постоянным оброком или огромным единовременным выкупом, то звон золота заглушал все звонкие фразы феодальной романтики о патриархальных отношениях и крепостническом социализме.

Пока крепостной извлекал свой заработок только из обработки земли, помещик еще мог покрывать материалистические корни своей власти над крестьянами цветами феодальной идеологии. Но эти цветы облетели и эти корни обнажились, когда крепостной стал извлекать свои доходы из отхожих промыслов, из торговли и промышленности. Тут уже крепостной жил доходами и заработками не из земли, тут уже с непререкаемою обнаженностью выступало то явление, что помещик живет с доходов и заработков крепостного крестьянина. Паразитический

характер помещичьей власти выступал благодаря этому с циничною откровенностью.

В силу этого, развитие крепостной буржуазии несомненно разрушало идеологию и апологию патриархального быта. Крепостная буржуазия властно будила и у зажиточных деревенских жителей и у помещиков новые „городские" потребности и этим давала толчок к развитию денежного хозяйства, постепенно разлагавшего патриархальный быт.

„В Ярославской губ.,—разсказывает Заблоцкий,—есть один уголок: Любуши. Несколько мелких владельцев имеют там небольшие поместья и в них богатых крестьян-торговцев, живущих в столицах. Крестьяне эти вздумали наряжать жен своих постоличному и присылать разные моды, так что крестьянка, которая в течение недели жнет хлеб и доит коров, в праздник является в шляпке. Помещики, видя это, начали заставлять своих торговцев посылать и им „моды", что и исполняется под страхом прижимок и приказа возвратиться в деревню" [1].

Эта выразительная картинка показывает, что крепостная буржуазия и явилась в крепостном мире носительницей новых городских потребностей, которые вносили брожение в крепостную психику и разложение в крепостной быт.

Глава IX.

Русская буржуазия в эпоху Николая I-го. Мечты Николая I-го об уничтожении крупной промышленности и практическое содействие ее развитию. Крымская война и буржуазия. Освобождение крестьян и русская буржуазия.

Полицейская система, насаждавшаяся Николаем I-ым и призванная убить политический дух страны, не остановила роста ее экономической плоти.

Прежде всего Николаевская Русь впервые обзаводится железными дорогами. В этой области Николай, повсюду вытаптывавший полицейскими сапогами всходы новой жизни, явился пионером и энергично содействовал проведению первых железных дорог, явившихся, с одной стороны, результатом, а с другой—толчком промышленного под'ема страны. По иронии истории, Николаю, этому олицетворению кладбищенского застоя

---

[1]) Ср. Заблоцкий-Десятовский. Гр. Киселев и его время. Спб. 1882, т. IV, стр. 329.

пришлось выступить в роли энергичного насадителя таких потрясателей основ азиатского строя, как железные дороги.

Как глубоко не понимали стоявшие у власти лица назревшие экономические нужды, показывает история постройки у нас первых железных дорог.

В янв. 1835 г. гр. Толь, бывший тогда главноуправляющим путями сообщения, докладывает государю, что главное управление, обсудав вопрос о проведении в России железных дорог, пришло к заключению, что они нам не нужны, так как у нас много удобных водных путей, да и климат страны слишком суров. Такое же заключение представлено было в том же году тогдашним министром финансов гр. Канкриным.

В качестве министра финансов гр. Канкрин представил расчет, в котором доказывал, что железные дороги никогда не сумеют конкурировать с гужевою и водною перевозками.

Но будучи неизбежно убыточными, железные дороги, пользуясь субсидиями государства, подорвут извозный промысел, благодаря чему многие дороги запустеют, многие люди разорятся и в стране поднимается ропот неудовольствия.

Так глубокомысленно оценили историческую роль железных дорог русский министр путей сообщения и русский министр финансов.

Был мобилизирован и „глас народа" в лице „крестьянина-извозчика" с целью устрашить правительство и побудить его отказаться от постройки железных дорог. В 1835 г. в „Журнале общеполезных сведений" появляется статья „Мысли русского крестьянина-извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между С.-Петербургом и Москвою".

„Дошли до нас слухи,—пишет этот „крестьянин",—что некоторые наши богатые господа, прельстясь заморскими затеями, хотят завести у нас между Питером, Москвою и Нижним чугунные колеи, по которым будут ходить экипажи, двигаемые не видимою силою, помощью паров. Сдается, однако же, что этому не бывать. Русские вьюги и сами не потерпят иноземных хитростей, занесут, матушки, снегом колеи, в шутку пожалуй, заморозят пары. Да и где взять такую тьму топлива, чтобы вечно не угасал огонь под ходуном-самоваром? Али тратить еще деньги на покупку заморского угля для того, чтобы отнять насущный хлеб у православных. Стыдно и грешно! А тут-то, может быть, и штука! Господа богатые, да умные! Поразмыслим: коли вам наскучили деньги, употребите

их на такое дело, чтобы вам было прибыльно и народу любо, мало-ли что можно придумать" [1]).

Крестьянин этот, конечно, был ряженым. Это видно было и по подделке под народную речь и еще более потому, что все аргументы „крестьянина" очень уже подозрительно совпадали с доводами главноуправляющего путями сообщения гр. Толя. Да и без высокого покровительства такая статья не прошла бы через цензурную заставу.

Однако, эта оппозиция, за которой скрывались совершенно реальные интересы и правильные политические соображения о потрясении основ железными дорогами, не сломила решения Николая, продиктованного всем ходом экономического развития. Положением 21-го мая 1836 г. начата постройка первой в России железной дороги—Царско-Сельской. Дорога эта была протяжением всего в 25 верст, но это не помешало тому, что ее строили два года и открыли для движения лишь 4 апреля 1838 года.

В январе 1842 г. решено приступить к постройке второй железнодорожной колеи—между С.-Петербургом и Москвою. Опять главноуправляющий путями сообщения гр. Толь продолжает доказывать, что если даже и удастся построить эту дорогу, то „морозы и снега будут препятствовать движению по ней".

А гр. Канкрин опять „с цифрами в руках" доказывает финансовую невозможность постройки железных дорог. В январе 1842 г. приступают к постройке Николаевской дороги. С.-Петербургские купцы посылают к Государю депутацию в составе 16-ти человек, чтобы поздравить и поблагодарить Государя по случаю проведения Николаевской дороги. Отправка этой дороги показала, что русская буржуазия поняла, какую экономическую силу приобретает она в железных дорогах.

Приняв депутацию купцов, Государь поблагодарил ее за общее содействие и сочувствие купечества.

„Мне надо было,—сказал Николай I,—бороться с предубеждениями и с людьми, но когда я сам убедился, что дело полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить" [2]).

Железнодорожное дело развивалось в николаевской Руси медленно. Отсутствие больших частных капиталов, стеснен-

---

[1]) Ср. И. Салов. Начало железно-дор. дела „Вест. Ев.", 1899, кн. IV, стр. 582.

[2]) Ср. Салов. Цит. стр. 582.

539962

ность казны в деньгах вели к тому, что железнодорожная сеть росла медленно. Николаевская железная дорога строилась целых девять лет.

Но это не помешало первым железным дорогам сыграть крупную экономическую роль. Не говоря о том ускорении общего темпа экономической жизни страны, которое повсюду вызывали железные дороги, об оживлении местности, о выравнивании сельско-хозяйственных цен и т. д., самая постройка железных дорог создала новый и обширный рынок для русской промышленности.

Развитие капиталистического хозяйства встречало со стороны Николая I и тогдашней русской высшей бюрократии двойственное отношение. Властной, солдатской натуре Николая казались привлекательными стальные рельсы железных дорог, громадные заводы, доставляющие пушки и ружья, новая опора отечества в лице высшей буржуазии, но с другой стороны—тревожило смутное сознание, что грохот развивающегося капитализма мощно потрясает основы натурально-патриархального быта с безропотным крепостным населением и благодарным дворянством.

И в политике Николая I по отношению к крупной промышленности сказываются „две души", стремящиеся отделиться друг от друга. Он, как мы видели, ломая сопротивление бюрократии, кладет начало русской железнодорожной сети, всячески содействует созданию крупных фабрик, поощряет фабрикантов щедрыми подачками, поддерживает неприкосновенность запретительного тарифа.

Наростающая экономическая сила буржуазии требует известного политического выхода. И Николай I, вопреки всему духу своей политики, дает сильный толчок развитию крупной промышленности. „Закон о состояниях", разработкой которого занялся Комитет, 6 дек. 1826 г. делает попытку поднять „государственное" значение буржуазии, приблизив ее к дворянству. На „именитых граждан" по этому проекту распространились многие дворянские права.

Когда кн. Куракин предложил лишить купечество его сословного характера и даровать всеобщее право торговли, то упомянутый Комитет представил свои возражения, доказывая, что „для лучшей, прочнейшей связи в составе политического общества нужна правильная, по возможности, близкая постепенность между классами принадлежащих к оному граждан, а в сем порядке, наравне с другими началами, необходимо и знат-

ное купечество, отличающееся от простых ремесленников и мелких торгашей не только богатством и родом занятий, но и особыми, законом определенными, преимуществами и самим наименованием, с коим у многих сливаются понятия о должностях и чести".

При Николае учреждается Мануфактурный Совет с представителями от фабрикантов и заводчиков. Николай с особою торжественностью посещает Нижегородскую ярмарку [1]).

Налицо таким образом все факты монаршего благоволения к крупной буржуазии, в которой Николай, повидимому, склонен был видеть противовес дворянству. Но за крупной буржуазией, как хвост за кометой, тянется рабочий класс, растет беспокойное, неблагонадежное население фабрик и заводов, шатаются и рушатся вековые устои.

И вот, Николай с одной стороны поощряет буржуазию, а с другой стороны — лелеет мечту о полном упразднении Высочайшею властью всей вообще крупной промышленности и замене ея „народною" промышленностью.

Подобное же противоречие между симпатиями к мелкому производству и практикой насаждения крупного, замечается и у всей бюрократии Николаевской эпохи.

Канкрин, с одной стороны, высказывает свои симпатии и оказывает свое содействие патриархально-хозяйственным формам самобытной русской жизни, а с другой—фактически принимает ближайшее участие в содействии развитию в России крупно-капиталистического хозяйства. Недоброжелательное отношение министра Канкрина к хозяйственным формам новейшей крупно-капиталистической жизни Зап. Европы не мешало ему хлопотать о соответствующих затеях в России. Когда Госуд. Совет, напр., отказался утвердить Устав Российско-Азиатской компании, за отсутствием благонадежных учредителей, то Канкрин берет хлопоты на себя и подыскивает блестящий состав учредителей—с гр. Несельроде, гр. Кушелевым-Безбородко, гр. Литте и бар. Штиглицем во главе [2]).

Уже знакомая нам история постройки первых железных дорог служит ярким символом подчинения Николая I силе экономических фактов и факторов. Беспощадный гонитель живой жизни, неумолимый защитник патриархального уклада, Николай

---

[1]) Ср. М. Покровский. Русская история, т. IV, стр. 18—19.

[2]) Ср. И. Левин. Акционерные коммерческие банки в России. Птр. 1917 г., стр. 55.

мечтает о возвращении русской экономической жизни вспять к давно изжитым патриархальным формам. И в то же самое время он насаждает крупно-капиталистические формы, поощряет развитие буржуазии и энергично борется за проведение железных дорог [1]).

Реакционные элементы правительства были дальновиднее Николая, они поняли, что старый патриархально-полицейский строй несовместим с такими „революционными" затеями, как развитие железнодорожной сети. Но перед Николаем, помимо полицейских задач, стояли задачи стратегические и финансовые, и ради них он так энергично и настаивал на проведении первых железных дорог. В области крепостного права Николай не обнаруживал никакой решительности. Дворянско-полицейские соображения заставили его объявить крепостное право на положении усиленной охраны. Он, конечно, сознавал, как сильно крепостное право тормозит развитие хотя бы даже стратегически сильной России и здоровых финансов, но интересы дворянства и стремление сохранить патриархальный быт здесь взяли верх и Николай I сделал лишь очень робкие шаги по пути к ликвидации крепостных отношений. Он откровенно признавался, что несмотря на все свое самодержавие, он никогда не решится, наперекор воле помещиков, отменить крепостное право.

А между тем, хотя и медленное, но безостановочное развитие хозяйственных отношений, поступательное движение капитализма подрывало экономическую почву под крепостным строем и вызывало созревание сознания в необходимости и неотложности его отмены.

Русская буржуазия по своей политической безгласности и классовой неорганизованности принимала очень слабое участие в активной борьбе за отмену крепостного права. Но это не

---

[1]) Уже в вышедшей в 1860 г. книге П. Небольсина „Опыт изложения значения жел. дороги Николаевской", указывалось на эту роль первой жел. дор. России, проведенной Николаем I. „Железные дороги,—писал Небольсин,—производят коренное, самое благоприятное, самое благодетельное преобразование во всем составе нашей общественной жизни. Они раскрывают нам богатства наших производительных сил, они окрыляют нашу промышленность, они дают могучий толчек нашей внутренней и внешней торговле. Они служат рычагом, сдвигающим тяжелое на под'ем русское простолюдье с старинных полатей коснения и невежества, постоянно проясняя в нем понимание идеи свободного труда".

мешало тому, что в этой отмене русская буржуазия была кровно заинтересована.

Ей прежде всего нужны были свободные рабочие руки. Крепостное право и качественно и количественно вставало препятствием для разрешения этого вопроса. Качественно потому, что крепостной крестьянин был плохим рабочим, количественно же потому, что крепостное право чрезвычайно ограничивало рабочий рынок, и освобождение крестьян сулило широкий выбор дешевых рабочих рук.

Кроме того, русские фабриканты и купцы заинтересованы были в росте внутреннего рынка. Русская промышленнность медленно, но все же перерастала казенный спрос. А между тем, существование крепостного права ставило очень тесные границы росту внутреннего рынка.

Начало пятидесятых годов отмечено было полосою неурожаев. В докладе, представленном Государю, гр. Киселев писал 4-го июня 1856 г.: „Урожай хлеба в течение последних трех лет, уменьшаясь постепенно, упал с 81.901.902 до 52.457.716 четвертей".

Это разорение населения чрезвычайно суживало внутренний рынок. Кроме того, самое существование крепостного права искусственно сохраняло строй натурального хозяйства от разложения и задерживало процесс зарождения и роста новых потребностей.

Уже знакомый нам Заблоцкий писал в сороковых годах:— „Если в России развилась, хотя в слабой степени, промышленность и торговля, то этим она обязана тому, что не все в ней были крепостные и что иностранцы пришли к нам на помощь со своими капиталами. И в настоящее время вся почти заграничная торговля, как она ни незначительна, производится иностранцами на их капиталы [1]).

Крымская война чрезвычайно болезненно отозвалась на финансовом положении России. Крепостной строй обнаружил свою неспособность обеспечить и финансовую сторону войны. Несомненно, что печальный ход и постыдный исход Крымской войны не только в так называемом, „обществе" сразу увеличили число и влияние сторонников упразднения крепостного права, но и в правительстве подорвали к нему симпатии, доказав его стратегическое бессилие.

---

[1]) Ср. Заблоцкий-Десятовский. Гр. П. Киселев и его время. Спб., 1882 г., стр. 334.

В мирное время вся гнилость финансового состояния скрашивалась официальными румянами и белилами, но война сразу обнаружила подгнивший крепостнический фундамент показного финансового благополучия.

„В 1853 г.,—говорит Мигулин,—казна не имела уже в разменном фонде ни одного рубля, который бы ей принадлежал. Мало того: выпущенные сверх нормы (170,2 мил. руб.) кредитные билеты не покрывались более полным рублем, даже если отнести к покрытию переданные фонду ценные бумаги“ [1]).

Но если Крымская война истощила финансы страны и привела к крушению металлической валюты, если она вызвала сильнейшее напряжение всех экономических сил, то на русскую промышленность она оказала возбуждающее, пришпоривающее влияние.

Малый привоз заграничных товаров был сильно сокращен вследствие установившейся блокады берегов. Этим затруднением заграничного привоза сумела воспользоваться в своих интересах русская национальная промышленность.

Но сверх того война предъявила громадный и щедрый спрос на амуницию и продовольствие. Вследствие всего этого война расширила рынок сбыта и толкнула промышленность на путь технических усовершенствований. В этот период на фабриках России и Польши начинают вводиться механические ткацкие станки и веретена. В 1854 г. в Лодзи основывается огромная ткацкая фабрика Шейблера с 100 ткацкими станками и 18.000 веретен. В следующем, 1855 г. в России выстраивается первая механическая льнопрядильня, в 1856 г. знаменитая ткацкая фабрика „Жирардов“ переходит в Польше от ручного к механическому производству.

Смерть Николая I, окончание Крымской войны вызвали в русском обществе сильный подъем творческих сил, притаившихся под-спудом реакции. Окрепший и приподнявшийся политический дух страны благотворно отозвался на ее экономической плоти. Всем было ясно, что исторические дни крепостного права сочтены.

Учитывая близкое наступление неизбежных и коренных реформ, оживляется промышленная и финансовая деятельность страны. Промышленная энергия и свободные капиталы направляются широкою струей в железнодорожное дело. До

---

[1]) Ср. Мигулин. Русский государственный кредит с 1769 по 1899 г. Харьков, 1899 г., т I, стр. 182.

Крымской войны постройка железных дорог находилась в руках государства. Теперь эту обширную и растущую область промышленной деятельности услужливо открывают частной инициативе. Банки и частные капиталы устремляются на железнодорожное строительство. Строятся Варшавская, Нижегородская линии, около которых с самого начала открываются вакханалии хищений и феерических обогащений.

Правительство принимало самое непосредственное участие в расширении притока частных капиталов к промышленным целям. С этой целью в 1857 г. принимается специальная мера,—понижение процента по вкладам в банк, с целью заставить капиталы выйти из банковских гаваней и пуститься в широкое промышленное плавание. В изданном по этому случаю указе Правительствующему Сенату прямо говорится:

„Желая дать праздным капиталам направление более соответственное пользам государства, признали мы за благо уменьшить платимые ныне означенными установлениями проценты на вносимые в оные (банки) вклады".

„Понижение банковых процентов,—писал по этому поводу Е. Ламанский,—вместе с последующим расширением свободы учреждения акционерных компаний, дало самый сильный толчок тому промышленному и коммерческому движению, которое началось у нас с конца восточной войны".

Оценивая эту же меру, „Экономический Указатель" писал:

Русская действительность, тридцать лет сиднем сидевшая, как Илья Муромец, на печи в селе Карачарове, проснулась от благодатного звона, возвещающего зарю светлого праздника преобразования экономических начал народного быта и ринулась вперед широким и скорым шагом. Понижение банкового процента дало этому движению могущественный, хотя и насильственный, толчок" [1]).

Развитие капитализма, пробудившиеся и расправляющиеся творческие силы страны дают все сильнее и сильнее чувствовать нестерпимость крепостнических оков.

„Требование эмансипации,—пишет в 1856 г. Аксаков,—железных путей и пр. сливаются теперь в один общий шум" [2]).

Конец пятидесятых годов отмечен небывалым в России бир-

---

[1]) Ср. И. Левин. Акционерные коммерческие банки в России. Спб., 1917 г., стр. 114.

[2]) Вот некоторые цифры роста акцион. комп.: в 1849—52 г.г. учреждается всего три, в 1857—14; в 1858—39, в 1859—20 акционерн. камп.

жевым ажиотажем. Останавливаясь на нем, „Вестник Промышл." писал:

„Не успеет составиться новая кампания, смотришь, все ее акции разобраны нарасхват до дня официальной продажи, и тотчас же начинают ходить из рук в руки с надбавкой. В Петербурге рассказывали, как желающие получить акции образовавшегося в Москве „Страхового от огня общества" собрались еще с вечера накануне для раздачи у дверей конторы, прождали целую ночь и при открытии дверей только весьма немногие получили желанные бумаги".

В крепостной Руси подобные явления были невиданными. Они показывали, что идет новое капиталистическое время и патриархальная Обломовка доживает свои последние исторические дни.

Русская буржуазия чувствовала под ногами крепнущую почву. Она ощущала заметный рост производительных сил страны, учитывала близкую историческую кончину крепостного права и стала подавать свой голос все более уверенно и громко.

Рост сознания и силы буржуазии перед освобождением крестьян сказался во время подготовления и обсуждения таможенного тарифа 1857 г. Хотя таможенный тариф 1850 г. смягчил многие ставки, вызвав недовольство среди русских промышленников, они, однако, держались в общем инертно и к процессу подготовления и опубликования этого „либерального тарифа" относились в общем с пассивным недоверием.

Иная картина развертывается перед нами при обсуждении тарифа 1857 г. Русская буржуазия принимает в нем активное участие, употребляя все усилия для того, чтобы добиться желательного направления нового тарифа.

Правительство Александра II внимательно прислушивалось к голосу промышленников. Многочисленные „прошения", „мнения", „записки" промышленников воздействуют на правительственную власть с целью отклонить ее от смягчения протекционизма.

„Уполномоченные от российских мануфактуристов и внутренних торговцев" в феврале 1857 г. подают министру финансов прошение, в котором предостерегают правительство от увлечения европейскими политико-экономическими учениями, разрушительными для русского народного хозяйства.

Фабриканты доказывают, что от либерального тарифа разоряются не только русские промышленники, но и русские крестьяне, для которых фабричные заработки являются крупным

подспорьем. Тут фабриканты делают диверсию в политическую сторону.

„Потери заработков,—пишут они,—легко могут повести к тем последствиям, которых с нетерпением ждут западные иностранцы, как событий, согласных с их демократическими началами и их вещественными и политическими интересами, особенно, когда вследствие других причин будет возбуждаться бесполезный дух в народе“ [1]).

В этой обширной записке дается обстоятельный анализ экономического положения России и заинтересованность различных ее групп в высоком покровительственном тарифе. Анализ этот, конечно, заканчивается обобщением, что при высоких запретительных пошлинах вся Россия богатеет. Крестьяне приносят из фабрики в деревни высокие фабричные заработки, питая ими не только себя, но и доящих их помещиков. Государство извлекает огромные фискальные доходы, а промышленность русская может существовать только за китайскою стеною запретительных тарифов.

Это „прошение“ московских фабрикантов не было одиноким. Подготовление к тарифной реформе 1857 г. вызвало появление довольно богатой литературы, ходатайствующей у правительства о восстановлении запретительных таможенных ставок.

Фабриканты действовали очень энергично, в особенности московские. Они обращаются к московскому ген.-губ. кн. Орлову с просьбою разрешить уполномоченным ими лицам представить правительству доводы в пользу необходимости сохранения протекционизма. Кн. Орлов передал это ходатайство министру финансов, а последний обращается непосредственно к государю, который и разрешает промышленникам устно и письменно изложить свои просьбы.

Все высшие представители правительства получали от фабрикантов записки, заявления, ходатайства и прошения. Ни одна крупная отрасль русской промышленности не преминула подать свой голос—и этот голос, как мы видели, доходил до трона—в пользу сохранения и усиления протекционизма. Даже те отрасли промышленности, которые работали на основе сырья и полуфабрикатов, привозимых из-за границы, и таким образом непосредственно были заинтересованы скорее в смягчении протекционизма, даже они подавляли свой индивидуальный эгоизм в

---

[1]) Ср. М. Соболев. Таможенная политика России. Томск. 1911 г., стр. 151.

пользу классового и высказались за общее повышение пошлин. Так, напр., в прошении мин. фин., поданном в сент. 1856 г., крупные московские ситценабивные и ткацкие фабриканты пишут:

„Мы заинтересованы в удешевлении бумажной пряжи, но чувство справедливости и необходимость обеспечения собственной нашей будущности не дозволяют нам домогаться удовлетворения наших временных выгод через разорение или расстройство отечественных бумаго-прядилен".

Позиция, занятая промышленниками по отношению к тарифной реформе 1857 г., была все тою же, с которой не сходили они с первых дней появления крупной промышленности. Тарифный комитет 1850 г. дал меткую характеристику русских промышленников.

„Русские промышленники,—писал он,—приученные действовать под покровом запретительной системы, смотрят на тариф, как на главное и единственное условие их успехов и благосостояния. Довольно для них знать, что та или другая пошлина понижена, чтобы приписать этой мере все постигающие их убытки и неудачи. Вообще промышленники при запретительной системе смотрят на нее, как на свое неотъемлемое право, и малейшее соперничество приводит их в робость и потрясение".

Однако, на этот раз, несмотря на энергичное и организованное домогательство промышленников, правительство не отступило от покровительственного тарифа к запретительному и крупных новых уступок не сделало. Фискальные интересы казны, интересы дворянства, все это вместе взятое заставило правительство провести намеченную реформу тарифа.

Нежелание правительства вступить на путь запретительного тарифа вызвало в среде промышленников большое недовольство и усилило их стремление к сплочению и организованному давлению на государственную власть, которой, якобы, завладели „влиятельные фабриканты" из дворян.

„С 1854 г.,—пишет известный протекционист Шипов,—влиятельный кружок наших фритредеров приобрел силу; он не обращает внимания на протест общества, сознающего всю опасность пути—ценою народного разорения добиваться двусмысленной иностранной похвалы. Мы скажем, что тариф 1857 г. убил большую часть отраслей промышленности".

Обсуждение нового тарифного устава совпало с сильным общественным оживлением. Ходившие в обществе слухи о

предстоящей отмене крепостного права получили официальное признание в известной речи Александра II-го и начавшихся подготовительных работах. Русская буржуазия в лице своих еще немногочисленных тогда идеологов не отнеслась равнодушно к этим вестям о предстоящей реформе. Она правильно учла значение экономического сдвига, который знаменовала эта реформа.

Московское купечество с энтузиазмом встречает первые официальные вести об освобождении крестьян. Златоуст тогдашней буржуазии В. Кокорев, с которым нам еще придется познакомиться ближе, предается цветистому красноречию.

28-го дек. 1857 г. в Москве, в зале Купеческого собрания устраивается торжественное заседание по поводу известий об освобождении крестьян. В седьмой по порядку речи В. Кокорев говорил между прочим:

„Свет и тень в вечной борьбе. Одолевает свет—настают красные дни, выпрямляется человечество, добреет, умнеет, растет. Одолевает тьма—настают горькие дни... Присутствие такого живительного света мы чувствуем на себе, а его луч исходит прямо из сердца Александра II. Свет этот выразился в желании царя вывести наших братьев-крестьян из того положения, которое томило их и вместе с ними нас, почти три века; этим светом озарена теперь и согрета вся русская земля. Вот под каким ярким освещением приближаемся мы к новому 1858 г. Для 15.000.000 людей восходит заря гражданской полноправности. От этого мы все вступаем в новую жизнь, перерождаемся, пульсы наши бьются иначе: ровно, твердо, сильно. Мы можем теперь сравнить свое положение с людьми, подошедшими к горе, по которой надо взобраться кверху. Немало на этом непротоптанном пути мы встречаем колючих растений. Но нам ли бояться препятствий в то время, когда на горе стоит наш царь и призывает нас к себе? Мы видим это сквозь открывшиеся промежутки частокола. И та гора, к которой позвало нас время, есть гора упования. Царь уповает на народ, народ уповает на царя"...

В. Кокорев затем патетически обратился к присутствующему купечеству с предложением собрать фонд пособия выкупа крестьянами усадеб.

„Будем откровенны и искренни в такие великие дни отечественных событий,—каялся Кокорев,—и скажем правду. Ведь все наши капиталы сложились главным образом из крестьян.

Это замечание более всего относится к винным откупщикам;

их капиталы составились уже чисто из трудовых крестьянских денег. Какой удобный случай возблагодарить крестьян за богатства, ими же сообщенные!"

Кокорев продолжал при каждом удобном случае патетически приветствовать начало отмены крепостного права. Ареной для произнесения этих речей служили обеды, которые устраивало купечество. Для одного из обедов, по случаю нового рескрипта, Кокорев приготовил речь, которую, однако, ему не удалось произнести. Она была напечатана в „Рус. Вест.". В этой чрезвычайно нашумевшей речи, встревожившей начальство, Кокорев приветствовал отмену крепостного права, как открытие широкого поприща для промышленной деятельности.

„Когда новый порядок,—писал он в этой непроизнесенной речи,—сообщит довольство крестьянам, тогда вся торговля разовьется и примет другие размеры, и мы, купцы, будем иметь новую огромную выгоду. За что же мы эту выгоду получим даром, без всякого участия в общем деле нового устройства крестьян? Ведь нам будет стыдно смотреть и на дворян, и на крестьян—на последних тем будет стыднее, что многие из нас самих недавно вышли из крестьян, и я, говорящий эти слова, имею родных в крестьянском сословии. Крестьянам, обитающим на помещичьих землях, назначено окупить деньгами или трудом стоимость их жилищ и огородов. Сверх того, за ту землю, которую они получат от помещиков под поля, они должны обрабатывать землю владельца, т.-е. ту, которую они и ныне обрабатывали... Вот и готов случай купечеству принять участие в деле устройства судьбы крестьян. Почему не открыть между всеми русскими купцами подписку в том, кто и за сколько крестьянских жилищ заявит желание заплатить деньги помещикам?" [1])

Эти купеческие обеды и речи Кокорева встревожили московское начальство. Оно усмотрело в них прежде всего неуместное вмешательство купца не в свое, а в государственное и дворянское дело. Купец начинал выступать на общественной арене, и дворянское начальство по этому поводу очень сердилось.

Попытка Кокорева отпечатать и разослать в виде брошюры цитированную выше речь наткнулась на решительный отказ начальства. По поводу речей Кокорева возникает целое „делопроизводство".

---

[1]) Ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина. Книга XV. Спб. 1910, стр. 487—489.

Гр. А. Закревский, не допустивший рассылку брошюры с описанием купеческих обедов, пишет по этому поводу кн. В. Долгорукову:

„Поведение Кокорева в последнее время возбудило неодобрение благомыслящих людей. Как купец и откупщик, он не принадлежит к сословию, которое по Высочайшей воле решает теперь вопрос об уничтожении крепостного права. В настоящее время для назидания и вразумления дворян нужны основательно и зрело обдуманные проекты и сочинения, а не западные митинги, развивающие демократические идеи, и не застольные речи честолюбивого купца, который делая себя адвокатом близкого ему по крови крепостного сословия, хочет выдвинуться вперед и стать во главе народа".

И в заключение гр. А. Закревский с плохо скрытым раздражением пишет кн.Долгорукому:

„Я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство довести о вышеизложенном до сведения Его Императорского Величества и сообщить мне для руководства на будущее время решительную Высочайшую волю. Следует ли, в видах охранения общественного порядка и спокойствия, воспретить совершенно выдачу Кокореву отдельных приостановленных мною 9.500 экземпляров помянутой брошюры и должен ли я допускать впредь митинги на подобие заграничных и публичные политические обеды с речами об эмансипации, которые, подобно речам Кокорева, не успокаивая умов, только раздражают страсти" [1]).

Однако, в политическом отношении русская буржуазия заняла в эпоху подготовления освобождения крестьян вполне верноподданную позицию. Перспективы сильного экономического оживления страны пришпорили экономическую энергию буржуазии, усилили ее стремление к классовой сплоченности. Появилось у нее стремление занять свое место на-ряду с дворянством под солнцем самодержавной власти. Но о каких-либо политических правах русская буржуазия в лице таких вождей, как В. Кокорев, и не помышляла.

В этом отношении она шла значительно позади дворянства. В известных слоях дворянства крестьянская реформа, как известно, пробудила политические вожделения, политическую фронду. Известная часть дворянства требовала политической

---

[1]) Ср. Барсуков, Цит. соч., стр. 500 и 501.

власти в государстве в виде компенсации за лишение социальной власти над крепостными.

Русская же буржуазия, приветствуя освобождение крестьян, провозглашенное с высоты трона, видела в освобождении крестьян сверху новый залог единения интересов самодержавной власти и с народом, и с буржуазией.

Те выступления Кокорева, которые так всполошили гр. Закревского, были всецело проникнуты восторженным прославлением самодержавия. Но как представитель дворянско-феодальной власти, гр. Закревский совершенно верно почувствовал, что эти выступления московских купцов означают, что буржуазия начинает требовать свой уголок в сердце самодержавного правительства, и в старом дворянине заговорило чувство политической ревности и полицейского беспокойства.

Общественное оживление, начавшееся после Крымской войны, усилившееся возвещенными реформами, всколыхнуло темное царство московской буржуазии и подняло в нем чувство классового достоинства.

Конец первой части.

ЧАСТЬ II.

От освобождения крестьян и до мировой войны.

Глава I.

Русская буржуазия в пореформенной России.

Новый тип купца и промышленника.—Промышленное и биржевое оживление шестидесятых и семидесятых годов.—Восьмидесятые годы и рост буржуазии.—Общий очерк развития буржуазии в девяностых годах.

Освобождение крестьян „сверху“, при раздраженном и открытом противодействии влиятельного дворянства, настраивало нашу буржуазию чрезвычайно примирительно и почтительно к существующей власти. Освобождение крестьян самодержавною властью заставляло купцов и промышленников смотреть на эту власть, как на источник, из которого проистекут все великие и малые милости. Освобождение крестьян, казалось, происшедшее „по манию царя“, не только не толкало буржуазию на выступления, подобные западным, как боялся гр. Закревский, но как раз наоборот, именно эпоха великих реформ надолго укрепила в нашей буржуазии убеждение, что у России „особенная стать“, что ее „аршином общим не измерить“. То, что в других странах получается в борьбе с властью, то у нас происходит, как милость самой власти,—таков был несложный урок, извлеченный буржуазией из освобождения крестьян.

Освобождение крестьян освободило и скованные крепостным правом хозяйственные силы страны. Вся страна почувствовала могучий прилив производительной энергии и от избытка этих чисто экономических чувств заговорили уста В. Кокорева. Освобождение крестьян было вместе с тем и освобождением производительных сил России от пут отсталого строя сельских отношений.

Буржуазия отлично понимала, явственно ощущала, каким могучим толчком к дальнейшему хозяйственному развитию страны послужит великая реформа. И в борьбе между противниками и сторонниками освобождения буржуазия, к тому же связанная тогда с крестьянством тысячью родственных нитей, открыто становится на сторону освобождения.

В той сложной борьбе, которая шла тогда между интересами дворянства, правительства и крестьянства, буржуазия становилась на сторону правительства и крестьянства, поскольку дело шло не о конкретном содержании, а о самой идее великой реформы. Это открыто признавал и псалмопевец оскудевающего дворянства, весьма мрачно изображавший пришествие „чумазого"—Сергей Атава (Терпигорев).

„Мы,—пишет он в своем „Оскудении",—с удивлением и даже с каким-то больным чувством в сердце стали явственно замечать, что все их, купцов, симпатии не на нашей стороне, а на мужицкой. Начнем, бывало, жаловаться какому-нибудь Ермиле Антонову на свое положение, начнем рассказывать, как „распустили" народ, а он слушает, слушает, икнет, да и скажет:—„великую милость даровали народу".

Сергей Атава об'яснял это тем, что купцы—„почти сплошь дети наших же отпущенников, а очень многие и сами были когда-то крепостными, откупались, записывались в мещане, расторговывались и делались купцами". [1])

Но дело было не только в этом родстве нашей буржуазии с крестьянством, в ее черной кости, но и в ясно понятом хозяйственном интересе. Буржуазия почувствовала наступление новой хозяйственной эры, когда ее руки будут неизмеримо менее связаны. Перед нею открылись широкие перспективы, а выкупные платежи вливались широкою золотою рекою в русскую торгово-промышленную жизнь, вызывая лихорадку учредительства, железнодорожного строительства, банкового грюндерства.

Уже знакомый нам талантливый наблюдатель дворянских переформенных настроений дал нам очень яркое изображение дореформенного и послереформенного положения купца и промышленника по отношению к дворянам-помещикам. У автора „Оскудения", конечно, краски сгущены и размеры преувеличены, но общий тон схвачен верно и передан очень ярко.

„Товар свой,—вспоминает Сергей Атава,—хлеб и прочее, мы к купцу в город для запродажи не возили тогда, как теперь.

---

[1]) Ср. С. Атава. Оскудение. Отеч. Зап. Т. CCXLIX, стр. 210.

Купец сам к нам приезжал, и приезжал не так, как теперь, а скромно, на беговых дрожках или в тележке".

Под'едет, бывало, не прямо к крыльцу барского дома, а к флигелю, где живет приказчик, или у конюшни остановится. И с приказчиком поговорит, и с тем, и с другим, а потом уже часа через три пойдет в дом.

—Ермила Антоныч приехáл.

—А! Ну, пошли его в кабинет. Самовар поставить.

Дальше кабинета Ермила Антоныч, которому говорили, разумеетси, „ты", и не проникал никогда. Там он сторговывал пшеницу, или что другое, там напузыривали его чаем, там он отдавал деньги и оттуда уходил спать к приказчику; скуки ради, его оставляли ночевать, чтобы было с кем поболтать завтра утром на конюшне.

На купца смотрели не то, чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас! Такой же ты мужик, как и все, только вот синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе все-таки нельзя—в салфетку сморкаешься.

Не знаю, понимали ли, или лучше сказать, чувствовали ли купцы, что на них так „господа" смотрят, но если и понимали, они этого все-таки не показывали. Они делали свое дело, покупали и продавали, садились на ближайший стул от двери, вставали с него каждую минуту, улыбались, потели, утирались, будучи совершенно не в состоянии понять наших рассуждений о политике и всякой чертовщине."

После освобождения крестьян картина меняется. „Купец" начинает чувствовать свою выросшую хозяйственную власть и силу.

„Всем нам,—пишет С. Атава,—в то время до-зарезу нужны были деньги. А деньги были у купца. Надо, стало быть, за ними обратиться к нему. Мы обращались, и он давал. Сначала, сгоряча, эту податливость его и ту охоту, с которой он давал нам деньги, мы принимали было за дань его уважения и благодарности к нам, так как „ведь он от нас же нажился", но эти политические взгляды на „кулака" продержались недолго. Подугольников дал раз, два, три, подождал и порядочно-таки подождал, да вдруг и приехал сам. Хотя этот раз попрежнему его дальше кабинета не пустили, но он уже сам попросил, чтобы подали ему водочки и спать на ночь к управляющему в флигелек не пошел, а спал в кабинете на диване.

Утром же, вставши чуть ли не на заре, обошел и осмотрел

все хозяйство, обо всем расспросил и хотя, уезжая, склонился на просьбу и дал еще денег взаймы, но этот был уже не тот, не прежний Подугольников, который бывало, только потел и утирался... А когда он приехал еще на следующий раз, то его не только пришлось опять положить спать в кабинете на диване, но надо было позвать обедать в столовую, строго-настрого приказав детям не смеяться, если Подугольников станет сморкаться в салфетку".

Эта элегическая картина, нарисованная талантливым автором „Оскудения", очень образно передает перемену в психике и быте нашей буржуазии по отношению к дворянству на перевале двух хозяйственных культур—дореформенной и пореформенной. С. Атава хорошо изобразил надвигающееся и нарастающее значение „купца", его выросшее сознание своего личного и классового достоинства, примирение дворянства с своею падающею хозяйственною ролью и вместе с тем то чувство страха и брезгливости, с которым оно отступало, уступая дорогу „чумазому". Нам еще придется обратиться к зеркалу художественной литературы и посмотреть, как там отразилось это пришествие „сознательного купца". В глазах упомянутого рапсода оскудевающего дворянства, Сергея Атавы, бывшего лишь одним из многих, эта надвигающаяся роль буржуазии была каким-то полным солнечным затмением культуры, ибо для него только и было света культуры, что в окошке помещичьего дома.

И кн. В. Мещерский отмечает, как изменился „купец" с наступлением освобождения крестьян.

„Купец,—писал кн. В. Мещерский,—говорящий во имя интересов внутреннего рынка, уже не тот аршинник, который двумя головами сахару в пользу городничего отстаивал свое право обмеривать и обвешивать. Нет!—за этим купцом иногда целый мир разнородных потребностей и вопиющих нужд народных и государственных, во имя которых он стал говорить, не стесняясь, ибо чувствует свою силу в этом уполномочии и в этой солидарности своих интересов с интересами народными" [1]).

Нам приходилось уже говорить о том, какими кандалами висело крепостное право на поступательном движении производительных сил России. Освобождение крестьян уже само по себе поэтому сразу освободило скованные производительные

---

[1]) Ср. кн. В. Мещерский. Очерки нынешней общественной жизни в России. Спб., 1868 г., стр. 363.

силы страны. Миллионы людей оказались свободными, сбросили ярмо рабства и уже одно это высоко подняло напряжение хозяйственной энергии страны. Могучий прилив хозяйственной энергии в итоге великих реформ горячо пульсировал во всех областях промышленности, торговли, сельского хозяйства. По всей стране шел рабочий гул переустраивающейся жизни. А те условия, в которых произошло освобождение крестьян, привели к тому, что в руках помещиков стали сосредоточиваться большие денежные капиталы. Крестьянин, как известно, должен был выкупать не только свою землю, но и свою душу—в выкупные платежи включена была плата не только за землю, но и за личность крестьянина, за его рабочие руки. Благодаря этому, освобождение крестьян вызывает золотой приток „выкупных капиталов", и широкое строительство, охватившее всю страну, получая это золотое вспрыскивание „выкупных" денег, испытывает лихорадочное, горячечное возбуждение. Пульс хозяйственной жизни России начинает биться все сильнее и нервнее. На общественном и экономическом оживлении появляется злокачественный налет ажиотажа.

Тут, как всегда, элементы разложения и распада старого хозяйственного уклада, принесшие с собою глубокие страдания для широкой массы народа, которая, сбросив с своих плеч крепостное хозяйство, должна была взвалить на них капиталистическое, послужили вместе с тем дрожжами, вызывавшими брожение и поднимавшими новую экономическую культуру

Выкупая свою землю и свою душу, крестьянин этим собирал для помещиков большие капиталы, которые устремлялись в широко раскрытые ворота выраставших, точно грибы, промышленных, железнодорожных и банковских затей.

Деньги, которыми крестьяне выкупали свою землю и свою душу, послужили как бы крупным вкладом помещиков в быстро развивавшуюся промышленность и торговлю. Выкуп „крещенной собственности", как метко выразился А. Герцен, обошелся крестьянам в 867 мил. руб., и часть этой огромной суммы вливалась в торгово-промышленную жизнь, вызывая лихорадочное грюндерское возбуждение.

К концу шестидесятых и началу семидесятых годов особенно ярко разгорается промышленно-банковская вакханалия. Не только купцы и промышленники, но и столбовые дворяне принимают самое широкое и жадное участие в наскоро-сколачиваемых делах. Промышленники и купцы охотно пользуются дво-

рянскими деньгами и дворянскими вывесками для проведения всяческих концессий, устройства компаний, банков и т. д. Жажда наживать состояние на промышленных затеях, на железнодорожных концессиях, на подрядах и поставках охватывает вчерашних благодушных помещиков, умевших лишь проживать деньи. И у того же Сергея Атавы, который так охотно и ярко рисовал алчность „чумазого“ и кроткую непрактичность, деловую невинность дворян, мы находим яркие страницы, изображающие капиталистическое грехопадение крупных представителей дворянства.

„И много славных пало тогда,—пишет С. Атава, рисуя постепенное вовлечение дворян в банковско-грюндерский водоворот.—Пали князья Х—нские, князья Г—ны, графы Т—е и много, много других. Гораздо больше, чем в Куликовской битве... А там, в Большой Конюшенной, в „Hôtel Demouth“, бились земские враги—железнодорожники, поставщики земских гарантий и воплей земских „о неотложной надобности для края проведения той или другой дороги“... И там тоже падали „славные“. Тяжело, путем полного материального расстройства и еще более полного нравственного падения, достался нам этот третий по счету и уже последний куш ссуды частных земельных банков“.

Русская буржуазия чувствовала себя в эти годы на положении именинника. Хозяйственная эволюция расчищала ей путь, она сразу приобретает в русской жизни бо́льший вес, с нею братаются князья и графы, еще вчера отсылавшие ее обедать и спать „к управляющему“ и не допускавшие ее к барскому столу.

Широким полем для приложения капиталов и вместе с тем ареной для спекулятивных вакханалий становятся железные дороги.

Крымская война, обнаружив всю культурную необорудованность страны, показала хозяйственную убыточность и государственную опасность нашего бездорожья. В то же время освобождение крестьян вызвало усиление циркуляции товаров и продуктов. Открывается эра усиленного железнодорожного строительства, при чем правительство решает предоставить здесь широкий простор „частной инициативе“. 27 января 1857 года последовал Высочайший указ на имя Правительствующего Сената. В нем мы находим такие строки относительно железных дорог:

„Внимательное обсуждение указало, что для удобства и ско-

рости лучше обратиться, по примеру других стран, к промышленности частной, как отечественной, так и иностранной, к последней в том внимании, чтобы воспользоваться значительною опытностью, приобретенною при постройке многих тысяч верст железных дорог на западе Европы. На сих началах вызваны и соображены разные предположения и, по надлежащем рассмотрении дела в комитете министров и обсуждении им оного в личном присутствии Нашем, признаны единогласно лучшими, и нами утверждены условия, предложенные обществом капиталистов, во главе которых Наш банкир Штиглиц. Условиями сими общество это обязуется на свой счет и страх устроить в течение десятилетия, а потом содержать в течение 85 лет указанную ему сеть около четырех тысяч верст железных дорог, за одним лишь ручательством правительства—за вырученне 5% с определенных на сооружение сумм".

В этих словах высочайшего указа намечена была основа, на которой начала быстро развиваться железнодорожная деятельность. Железные дороги притягивают к себе большие частные капиталы и массу энергичных предпринимателей, создающих настоящую железнодорожную горячку.

На железнодорожных концессиях со сказочною быстротою наживались колоссальные состояния.

„Министерство путей сообщения,—пишет кн. В. Мещерский об этом времени,—в начале 70-х годов представляло главный пункт, где тогда сосредоточивалась вся вакханалия железнодорожной горячки во всем ее разгаре. Тогда уже произносились имена железнодорожных Монтекристо,—вчера нищих, а сегодня миллионеров. Никто не мог понять, почему такие люди, как Мекк, Дервиз, Губонин, Башмаков и проч., которые не имели, во-первых, ни гроша денег, а во-вторых, никаких инженерных познаний, брались за концессии, как ни в чем не бывало, и в два-три года делались миллионерами".

„Средним числом концессии выдавались по такой цене за версту, что в карман входило около 50-ти тысяч с версты. А 500—600 верст концессии составляли капиталы в 25—30 мил. рублей".

С конца шестидесятых годов правительство принимает на себя реализацию всей суммы облигационного капитала. Нехитрая механика сооружения железных дорог благодаря этому весьма облегчается и упрощается, открывая в то же время еще более широкий простор для безудержных спекуляций и быстрых обогащений. Все старания направлены были в сто-

рону искусственного непомерного раздувания сметы. Надо было раздуть расценочную ведомость до определенных, очень высоких поверстных расходов. Это гарантировало предприятию „солидность", позволяло делать самые щедрые „накладные" расходы по проведению концессии и этим самым обеспечивало успех.

„Замечательно,—говорит историк нашего железнодорожного дела,—что в то время значительное понижение цены скорее могло вызвать недоверие к предпринимателю, поселить убеждение, что он желает только перебить дело у другого, но не будет в состоянии его выполнить" [1].

Число лиц, ищущих железнорожных концессий, быстро растет.

„О концессиях вздыхали, как о манне небесной,—пишет талантливый фельетонист этой эпохи.—Спит, спит в своей дыре какой-нибудь предприниматель, жаждущий не столько признательности своих сограждан, сколько капиталов, и вдруг проснется со счастливою мыслью:

— Ба!—восклицает он, ударяя себя по лбу, за покрышкою которого никогда ни одной идеи не таилось—чего же я думаю? Дорога из Болванска в Дурановку имеет государственное значение. Тут — промышленность, и стратегия, и... чорт знает еще что!" [2].

В период 1862—1878 г.г., когда во главе министерства финансов стоял Рейтерн, было построено свыше 18000 верст железнодорожного пути. В 1862-м году в России эксплоатировалось 1954 версты железных дорог, а к 1878-му году соответствующая цифра поднимается уже до 20473 верст.

В 1873-м году гр. А. Бобринский представляет государю обширный доклад, в котором между прочим пишет:

„Особенная выгодность железнодорожных предприятий — и еще более терпимая ныне правительством система посредничества учредителей между правительством и акционерными обществами, посредничества, не требующего ни капитала, ни знанія, ни кредита,—имеют своим последствием, что всякий, ищущий личной наживы и хотя несколько знакомый с ходом дел в министерстиах или в высших учреждениях, признает за собою не только возможность, но даже право быть учредителем акционерного железнодорожного общества" [3].

---

[1]) Ср. А. Головачев. История железнодорожного дела в России. Спб. 1881 г., стр. 89.

[2]) Ср. А. Суворин. Очерки и картинки. Спб., 1875 г., стр. 2.

[3]) Ср. С. Татищев. Император Александр II. Т. 2-й. Спб. 1903 г. стр. 203, 205.

Но железнодорожный ажиотаж был только наиболее махровым проявлением той предпринимательской лихорадки, которая в шестидесятых и семидесятых годах охватила различные слои русского общества.

Финансово-промышленное оживление замечалось повсюду. Вместе с железнодорожными обществами начинают расти и частные банки. В 1864-м году учреждается в России первый частный банк. До этой поры у нас существовало только одно государственное кредитное учреждение всего с восемью отделениями в провинции. Со второй половины шестидесятых годов начинается сильный рост частных банков, на текущие счета которых стекаются большие капиталы. Описание экономического подъема и ажиотажа шестидесятых и семидесятых годов не входит в задачи наших очерков. Нас это явление интересует, лишь, как симптом широкого внедрения в русское общество шестидесятых и семидесятых годов буржуазного элемента. Круг лиц, занимающихся финансовыми и промышленными предприятиями, сильно расширился, втянув самые пестрые слои и из буржуазии, и из дворянства, и из либеральных профессий. Мы уже отмечали, какое множество громких и титулованных фамилий оказалось в шестидесятых и семидесятых годах вовлеченными в водоворот финансовых и промышленных затей. То же самое надо отметить и относительно лиц либеральных профессий. В числе лиц, участвующих в банковских и железнодорожных затеях, мы встречаем и представителей науки, и представителей врачей, адвокатов и инженеров и т. д., и т. д. В числе учредителей, напр., московского „Промышленного Банка" мы встречаем и ординарного профессора минералогии и геодезии Г. Е. Щуровского, и профессора зоологии А. Богданова, и математика А. Давидова.

Обращаясь к публицистической литературе семидесятых годов, мы видим, как она начинает уделять все бо́льшее внимание этой экономической европеизации России. В журналах семидесятых годов можно найти характерное отражение—в своеобразном народническом преломлении, этого проникновения буржуазных элементов и начал в русскую не только хозяйственную, но и идеологическую жизнь.

„Прежние рамки прежнего купца,—пишет Ф. Достоевский,—вдруг страшно раздвигаются в наше время. С ним вдруг роднится европейский спекулянт, на Руси еще прежде неведомый, и биржевой игрок. Современному купцу уже не надо залучать к себе на обед „особу" и давать ей балы; он уже роднится и

братается с особою на бирже, в акционерном собрании, в устроенном вместе с особой банке; он уже теперь сам лицо, сам особа. Главное, он вдруг увидал себя решительно на одном из самых высших мест в обществе, на том самом, которое во всей Европе давно уже и официально и искренне отведено миллиону" [1]).

В семидесятых годах уже ясно сказалось значение промышленной и финансовой буржуазии в нашей жизни. Она не обнаруживала каких-либо политических притязаний на власть, но выросший ее удельный вес в хозяйственной жизни страны не мог, конечно, не давить и на чашу политических весов.

Большие капиталы, которые сосредоточились в руках буржуазии, и та легкость и быстрота, с которыми они наживались, постепенно втягивали в водоворот буржуазных ценностей и оценок те дела и помыслы, которые стояли вне круга финансово-промышленной жизни. Буржуазия в то же время уже выдвигает вопрос о своем сплочении, создает определенное давление на правительственную власть, и уже в 1870 г. созывается первый „Всероссийский с'езд фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественною промышленностью". Нам придется в отдельной главе говорить об этих с'ездах и организациях русской буржуазии в ходе ее исторического развития. Пока же отметим, что уже в семидесятых годах образовалась сплоченная группа представителей буржуазии, оказывающая сильное давление на ход правительственной экономической политики. В одном из своих докладов С. Ю. Витте отметил это появление в семидесятых годах предводителей крупной буржуазии.

В своем докладе о железных дорогах, поданном в апреле 1910-го года, С. Витте указывал на появление в семидесятых годах „особого рода владетелей в государстве, так называемых железнодорожных королей с их спутниками и свитой. Громадные железнодорожные капиталы, добытые почти во всей своей совокупности исключительно благодаря гарантии государства, усилились находившимися под патронатом тех же железнодорожных королей банковыми организациями со всеми миллионными вкладами российских обывателей. Явилась такая сила, которая не могла ужиться с исторически сложившимися государственными традициями Великой Российской Империи".

---

[1]) Ср. Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1876 г. Собр. соч. Т. II, стр. 322.

Умный и проницательный государственный деятель, гр. С. Ю. Витте понял, что экономическое разрастание буржуазии, ее растущая и ширящаяся роль в хозяйственном развитии России неизбежно должны нарушить все устойчивое социально-политическое равновесие России, расшатать те исконные начала, которые поддерживали всю политическую систему и ее венчающий абсолютизм. Конечно, в шестидесятых и семидесятых годах эта опасность могла быть заметна лишь в исторической дали. Но появление крупной и растущей социальной группы, которой ничто буржуазное не было чуждо, которая пересекала страну железными дорогами, втягивала людей, товары и идеи в капиталистический круговорот, это явление знаменовало постепенный переход России на рельсы капиталистического, европейского развития и вместе с этим, по мере своего роста и приближения, знаменовало и политическое перерождение страны.

Тишайшие восьмидесятые годы не оборвали этого развития. Под мертвящим саваном беспробудной политической реакции продолжалось значительное развитие крупной промышленности, и буржуазия, как экономический класс, делала большие завоевания, и на общей поверхности застоявшейся, скованной трескучею реакциею жизни восьмидесятых годов своим движением и подвижностью выделялось развитие буржуазии. Оно свидетельствовало о процессе живой творческой жизни, которая развивается и под свинцовым небом реакции, подтачивая хозяйственные устои старого порядка.

Знаменитый ученый Д. Менделеев именно в восьмидесятых годах выступает со своею горячею проповедью насаждения в России крупной промышленности и буржуазии.

„Только с развитием производств,—пишет он,—фабричных и заводских, создается тот прочный средний производительный класс, без развития которого невозможно сильное образованное государство. Этому среднему классу предстоит в России связать свободными, но практическими и крепкими узами крестьянина с образованностью. Моя основная мысль сказана будет ясно, если я закончу свой доклад пожеланием: посев научный да взойдет в благоустроенном заводском деле на пользу народную от желанного дождя мероприятий Александра Александровича“ [1]). Проповедь насаждения в России крупной промышленности и среднего класса под ласковыми лучами солнца

---

[1]) Ср. Д. Менделеев. Об условиях развития заводского дела в России. Спб. 1882 г., стр. 41.

абсолютизма становится заветною мечтою знаменитого химика. Д. Менделеев помещает в „Промышленном Вестнике“ статью, в которой отмечает знаменательный поворот в отношении общества к торгово-промышленной деятельности. Он прямо говорит, что „сущность наступившей эпохи выражается в том, что еще недавнее отворачивание от фабрик и заводов сменяется во всех слоях нашего населения сознанием их великого значения и пользы“ [1]).

Не раз приходилось знаменитому русскому ученому возвращаться в восьмидесятых годах к пламенной проповеди насаждения в России крупной промышленности и буржуазии.

Д. Менделеев считал недостаточной свою проповедь, обращенную к обществу. Он ждет, что на помощь придет царь и по его указующему персту устремятся к развитию заводской промышленности.

„Нужно знамя,—пишет Д. Менделеев,—под которым могли бы собраться ратники русского технического развития. Даже проповеди здесь мало—необходимо реальное указание, что вот, мол, куда направляется отныне большое внимание России. Воздвигнуть это знамя, сказать это слово может в России только царь. Ему легко избрать для того средства и достичь вызова поучительными примерами. За примерами пойдут“ [2]).

Неправильно представлять восьмидесятые годы, как время стоячего, недвижного быта, находившегося как бы в социально-экономическом анабиозе. Жестокая реакция заморозила страну в политическом отношении, затянула густой тиной обывательщины всю русскую жизнь, угасила святой дух общественного порыва семидесятых годов, но, однако, при всем этом рост и развитие экономической плоти страны продолжался. Большие капиталы, промышленная энергия, новые кадры, вошедшие в русскую жизнь с освобождением крестьян, вызвавшие грюндерское возбуждение семидесятых годов, продолжали и в восьмидесятых годах развивать производительные силы страны и сплачивать ее буржуазию. Под темным покровом беспросветной политической реакции восьмидесятых годов все растущие силы страны уходили в работу промышленности и торговли и как раз в тишайших восьмидесятых годах поднимает свой голос наша буржуазия.

В восьмидесятых годах перед нами раскрывается любопыт-

[1]) Ср. „Промышленный Вестник“. 1884 г., № 2.

[2]) Ср. Д. Менделеев. Об условиях развития заводского дела в России. Спб. 1882 г., стр. 41.

ная картина постепенного расширения и развития влияния буржуазии на хозяйственную, политическую и идеологическую жизнь страны. В восьмидесятых годах в русской журналистике намечается совершенно определенное буржуазное течение, берущее под свою охрану и свое политическое представительство интересы крупных промышленников и крупной промышленности. Прежде всего знаменитые „Московские Ведомости", во главе которых стоял тогда самый влиятельный русский журналист М. Катков, берут под свою высокую руку интересы русской крупной промышленности. Охранительные начала переплетаются у Каткова с яростной защитой крупно-промышленных интересов. И „Московские Ведомости" охотно отводят свои страницы защите плутократических интересов. Полемика Каткова против тогдашнего министра финансов Н. Бунге представляет любопытный образец смешения политического охранительства, об'явившего войну министру финансов за „либерализм", с экономическим наступлением, вдохновившимся недостаточною, по мнению „Московских Вед.", охраною интересов крупной промышленности. „Московские Ведомости" восьмидесятых годов представляют интересный исторический документ, свидетельствующий о широких завоеваниях, сделанных буржуазными началами и элементами в русской жизни. М. Катков, когда-то верный и страстный рыцарь дворянства, в восьмидесятых годах уже близко принимает к своему реакционному сердцу интересы крупной промышленности и побуждает правительственную власть пещись об этих интересах и всячески их ограждать и охранять.

Но в восьмидесятых годах появляется у нас и специальный газетный орган, берущий под свою защиту нашу растущую и политически формирующуюся буржуазию.

Мы говорим об издававшейся в Москве фабрикантом Ланиным газете „Русский Курьер". Газета эта в политическом отношении не отличалась выдержанностью тона, ясно и до конца продуманной и проводимой политикой. Но это был первый в России периодический ежедневный орган обще-политического характера, сознательно и открыто защищавший интересы и идеи промышленной буржуазии.

Редактором газеты был гр. Голенищев-Кутузов. Сиятельность не помешала редактору быть ярым сторонником и защитником пришествия эры господства буржуазии. „Русский Курьер" противопоставляет буржуазию дворянству и отдает первой явное предпочтение.

„Во всем ее целом,—пишет „Русский Курьер",—буржуазия более прогрессивный класс, чем дворянство: она элемент всесословный, чуждый традиций и сословных предразсудков и более терпелива к неразделяемым ею общественным взглядам, и более доступна новшествам". („Русский Курьер", 1884 г., № 131).

В тишайшие восьмидесятые годы, когда принцип „не суйся" сурово внедрялся представителям всех сословий и покорно воспринимался, „Рус. Кур." открыто отмечает и приветствует появившееся в среде буржуазии стремление к общественно-политической деятельности.

„Несомненно,—пишет „Русский Курьер",—что наше третье сословие, русская буржуазия, не ограничивая свою деятельность частными экономическими интересами и предприятиями, стремится завладеть общественно-политическими делами и стать во главе местного самоуправления" [1]).

„Русский Курьер" сражается с народническими предрассудками, отрицавшими будущность русского капитализма. При этом московская газета ссылалась на авторитет Карла Маркса.

„Великий мыслитель-ученый,—пишет „Русский Курьер" о Карле Марксе—и не думал изобретать для своих немцев какой-то „всеисцеляющей деревни", зная хорошо, что прошли те времена, когда можно было по библейскому герою говорить: стой, солнце, и не движись, луна!" [2]).

Полемизируя с известным народникам В. В., „Рус. Кур." писал:

„Россия может *выбирать* между двух форм экономического строя: буржуазно-капиталистическим и народным", причем г. В. В. не делает даже никаких попыток разъяснить ни себе, ни читателю эту свойственную только России и еще нигде не виданную какую-то особенную, якобы „народную" форму экономического строя, которою можно, будто-бы, *по желанию* заменить весь тот путь, по которому шел и идет Запад Европы" [3]).

Ласточка весны не делает. Но весна вызывает появление ласточек. И эта московская газета была несомненною ласточкою весны буржуазии—ее выступления на общественно-политическое поприще. В восьмидесятых годах русская буржуазия

---

[1]) Ср. „Русский Курьер", 1884 г., № 131.
[2]) Ср. „Русский Курьер", 1884 г., № 72.
[3]) Ср. „Русский Курьер", 1884 г., № 88.

сделала крупные завоевания не только в экономической жизни, но и в сфере идеологии. Идеология эта меньше всего отличалась политическим новаторством и радикализмом. Она ни с какой стороны не об'являла войны правительству, но вместе с тем все больше стремилась занять в сердце правительства место на-ряду с дворянством и отвоевать себе более почетную и широкую роль в русской общественно-экономической жизни.

Деятельность „Русского Курьера" с этой стороны очень любопытна. Правда, газета эта широким и прочным влиянием не пользовалась; она прекратилась, не оставив прямых наследников, но тем не менее самое ее появление, ее открытое провозглашение наступления эры буржуазии, ее открытая защита буржуазных интересов,— все это явилось живым свидетельством совершившегося в русской жизни социально-экономического сдвига, появления не только в экономической плоти, но и в идеологическом духе страны новой силы и нового сознания. И то обстоятельство, что именно в тишайшие восьмидесятые годы, с их придушенною общественною жизнью, с их, казалось, стоячим, недвижным бытом, глубоко лежащий слой буржуазии пробился наружу, заявил о своем бытии, о своем желании участвовать в строительстве русской жизни, лишний раз показало, что процесс роста производительных сил страны продолжался и в стране сплачивались, росли и крепли новые силы, которые по существу своему не могли,—хотели они этого или не хотели,—не внести элементов осложнения и распадения старого быта.

Не случайность, что в тех же восьмидесятых годах нововременский публицист К. Скальковский отмечал появление в России европейского рабочего движения.

По поводу дела рабочих Никольской мануфактуры, разбиравшегося в феврале 1885 г. во владимирском окружном суде, К. Скальковский писал:

„Оказывается, что вместо идиллии мы встречаемся с положительным фактом, что революционная пропаганда коснулась уже у нас и фабричного сословия, а последнее формулирует буквально те же требования, что и рабочие в Зап. Европе".

„Идея Маркса и Интернационал,—пишет далее К. Скальковский,—внедряются теперь в среду фабричных" [1]).

---

[1]) К. Скальковский Современная Россия. Т. I. Спб. 1890 г., стр. 318, 320.

Правительство в своей экономической политике внимательно шло навстречу трудам и стремлениям крупной промышленности и крупных промышленников.

Стена протекционизма неизменно поднималась все выше и выше.

Буржуазия держалась в стороне от открытой государственной политики. Но область экономической политики она ревниво оберегала от нарушающих ее интересы течений и веяний и, в частности, министерство финансов она считала как бы своим сословным министерством. Министр финансов Н. Бунге не удовлетворял ее. Хотя в его министерство интересы крупных промышленников продолжали усердно охраняться все выше поднимаемой стеной покровительственных пошлин, но сам он был человеком далеким от промышленных кругов, не поддерживавшим тесных связей с именитыми и влиятельными промышленными кругами и группами. Бывший профессор, Н. Бунге стремился ввести в нашу социально-экономическую жизнь те добрые начала, которые он проповедывал в своих университетских лекциях. Размах реформ Н. Бунге был очень скромен, при практическом их применении он подверг их дальнейшему урезыванию, но все же и в области обложения и в области социальной политики (фабричные законы) Н. Бунге пытался внести в нашу хозяйственную жизнь европейские начала.

И этого скромного реформаторского начала было достаточно, чтобы против Н. Бунге в кругах промышленной буржуазии начался форменный поход. Все с наростающим раздражением промышленная буржуазия начинает относиться к Н. Бунге как к непрошенному реформатору, нарушающему традиционную политику правительства и кровные интересы промышленности.

Борьба с Н. Бунге и победа, одержанная над ним, его замена прямым ставленником буржуазии Вышнеградским показали, что буржуазия по отношению к министерству финансов добивалась и добилась как бы ответственного перед собою министерства. Это было в те годы, когда все, казалось, трепетало и замирало перед авторитетом власти и когда в области критики правительственной политики да еще „скопом“ дозволялось лишь самое бо́льшее—это: „шопот, робкое дыханье“.

Но по отношению к политике Н. Бунге наша буржуазия взяла чрезвычайно решительный тон. „Московские Ведомости“, как мы уже отметили, принявшие близко к сердцу интересы крупной буржуазии, открывают форменный поход против

Н. Бунге, обвиняя его в потворстве крамоле. На страницах московской газеты борьба с направлением экономической политики Н. Бунге переплетается с домогательством широкого выпуска бумажных денег.

М. Катков объявил все министерство финансов, возглавляемое Н. Бунге, неблагонадежным только из-за того, что оно пыталось стать на путь умеренных социально-экономических реформ. Буржуазия всецело поддерживала этот поход и требовала смещения Н. Бунге, досадуя, главным образом, на введенные фабричные законы и на налоговую политику.

Московский отдел „Общества для содействия русской промышленности и торговле", „Московский Мануфактурный Совет", а вслед за ними и „Всероссийское купечество, торгующее на Нижегородской выставке", обращаются с ходатайствами и жалобами, сильно заостренными против Н. Бунге.

„Не прошло и года со дня открытия нового института (фабричных инспекторов),—пишет в своей жалобе „Всероссийское купечество",—а уже Вашему Превосходительству известно, сколько им возбуждено недоумений и вызвано неприятностей. Русские промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патриархальное прошлое русских производств, смеют думать, что они заслуживают у власти бо́льшего доверия, чем то, какое им оказано введением стесняющего как их, так и рабочих, нового фабричного закона, отдающего часто целое предприятие на милость и немилость лица, в фабричном деле совершенно некомпетентного и не имеющего ничего общего ни с интересами государства, ни с нуждами промышленности." [1])

Буржуазии удалось свергнуть Н. Бунге и его преемником назначен был Вышнеградский, как нельзя более отвечавший настроению крупных торгово-промышленных групп. Новый министр финансов, в полную противоположность проф. Н. Бунге, по кругу своих интересов и идей был тесно связан с миром промышленных и финансовых дельцов. Крупная буржуазия встречает это назначение вздохом облегчения. Она откровенно радуется, что удалось избавиться от „профессора", который вздумал насаждать в русской социально-экономической жизни кое-какие европейские начала, и приветствует нового министра финансов, как вполне своего человека. При посещении Вышнеградским Нижегородской ярмарки, купечество спешит подать ему жалобу,

---

[1]) Ср. И. Я н ж у л. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора. Спб., 1907 г., стр. 3.

в которой изливает обиды, нанесенные министром Бунге. Новый министр изъявляет свою полную солидарность с жалобщиками и спешит отречься от своего предшественника. Министерство Вышнеградского было эрой открытого заигрывания с крупными промышленниками и финансистами и гостеприимно раскрытой перед ними государственной казны. Министерство финансов оказывало всяческие поблажки и попустительства крупным дельцам, позволяя им открыто обделывать дела, стоявшие на границе уголовщины, а нередко и переходя за эту границу.

По всей своей деятельности, предшествовавшей его назначению министром финансов, И. А. Вышеградский был связан тесными узами общего барыша с крупными дельцами, наживавшими миллионные состояния с помощью казенного попустительства.

В своих воспоминаниях о И. А. Вышнеградском, А. Витмер передает такой разговор:

— Вот, Иван Алексеевич (Вышеградский), если бы в казне к казенному интересу относились так же внимательно и добросовестно, как мы сторожим интересы акционеров?

— Ну, батюшка,—отвечал он,—да ведь казна на то и создана, чтобы воровать у ней. Кто же ее не обворовывает!

Ответ мне показался, конечно, циничным, особенно когда я вспомнил дошедшие до меня к тому времени слухи о том, что, призванный артиллерийским ведомством, как эксперт и знаток дела, он, говорят, не вышел оттуда совсем чистым и составил там изрядный капиталец". [1])

В то же время И. А. Вышеградский спешит похоронить под зеленым сукном канцелярий изданные при Н. Бунге фабричные законы—они фактически упраздняются под давлением похода фабрикантов.

Как только И. А. Вышнеградский занял пост министра финансов, он спешит, по возможности, урезать деятельность фабричных инспекторов и похоронить фабричные законы. И. Янжул, бывший самым видным фабричным инспектором первого призыва, передает в своих воспоминаниях о беседе, которую вел с ним Алексеев, московский городской голова.

„Я считаю долгом вас предупредить,—сказал И. Янжулу Алексеев,—чтобы вы приняли это к сведению: новый министр финансов сильно предубежден против фабрично-инспекторской

---

[1]) А. Витмер. Отрывочные воспоминания. „Историч. Вестн." 1911 г., сент., стр. 861.

деятельности вообще, и против вас в особенности. Он мне прямо и откровенно заявил при недавнем свидании: „Я постараюсь передать инспекцию в министерство внутренних дел, пусть из инспекторов сделают становых приставов". [1])

Александр III-й менее всего, конечно, стремился к развитию патриархальных основ хозяйственного быта России. Развитие производительных сил страны, европеизация ее экономического строя нарушали тот застывший, стоячий быт, который был политическим идеалом Александра III-го. Но в то же время всесильный самодержец не только фактически был бессилен остановить процесс капиталистического созревания России, но и всячески ему принялся содействовать, поскольку это можно было в рамках культурно-отсталого и необорудованного государства.

В царствование Александра III-го покровительство крупной промышленности принимает все более широкий характер, при чем устами министров финансов все чаще и чаще Россия провозглашается страною растущего капитализма.

Девяностые годы в этом отношении особенно показательны.

„Ни в одно из предшествовавших царствований,—читаем мы об эпохе Александра III-го в официальной истории министерства финансов, — таможенно-тарифные меры не были столь близко согласованы с интересами промышленности вообще и отдельных ее отраслей, и министерство финансов столь внимательно не прислушивалось к ее нуждам, не изучало условий ее развития и не шло на встречу ее начинаниям." [2])

Во время министерства Вышнеградского эта эра промышленного протекционизма приняла форму усерднейшего покровительства отдельным крупным промышленникам, финансовым дельцам и биржевым дирижерам. При С. Ю. Витте, сообразно с начавшимся экономическим оживлением, этот призыв „обогащайтесь!" принимает более государственный характер, облекается в форму некоторой идеологии.

В своих всеподданнейших докладах С. Ю. Витте настойчиво подчеркивает факт превращения России в капиталистическую страну и непреоборимости, неминуемости капиталистической стадии развития и для России.

„В нашем отечестве,—пишет С. Ю Витте в своем всеподданнейшем докладе о росписи на 1893 г.,—изобилующем разно-

---

[1]) И. Янжул. Воспоминания. „Рус. Стар." 1910 г., апрель, стр. 97.

[2]) Ср. Министерство Финансов. 1802—1902. Спб. 1902 г., Т. II, стр. 239.

образными естественными богатствами, но еще не достигшем в желаемой степени пользования этими богатствами для возвышения своего благосостояния, финансовая политика не только не должна упускать из внимания нежелательных последствий излишней сдержанности в удовлетворении назревающих потребностей, но, напротив, должна поставить своею задачею разумное содействие экономическим успехам и развитию производительных сил страны. Для достижения сих целей имеется в виду, прежде всего, возможное устранение неблагоприятных условий, стесняющих экономическое развитие страны, и возбуждение духа здоровой предприимчивости, в соответствии с естественными условиями и потребностями отечественной промышленности." [1])

Через всеподданнейшие доклады С. Ю. Витте красною нитью проводится идея о необходимости самого широкого насаждения крупной промышленности и обоснования русской экономической жизни не только на традиционном и все более истощающемся сельском хозяйстве, но и на все более растущей и крепнущей крупной промышленности.

В всеподданнейших докладах С. Ю. Витте под мертвою гладью почтительных официальных выражений горячо пульсирует приветствие росту русской торгово-промышленной жизни, переустраивающей русскую хозяйственную жизнь на новых экономических началах.

Местами в докладах этих бьет публицистическая жилка и министр финансов, явно метя не только в аграрные, но и в народно-социалистические круги, подчеркивает неизбежность для России пройти через стадию капиталистического развития и отсутствие для развивающегося народного хозяйства иных путей, кроме капиталистических, для дальнейшего широкого развития.

„Россия,—читаем мы во всеподданнейшем докладе на 1897 г.—даже при нынешнем уровне ее промышленного развития, уже не может считаться страною исключительно земледельческою, так как ее фабрично-заводская производительность уже и теперь выражается довольно крупными цифрами, и дальнейшее развитие ее благосостояния тесно связано с преуспеянием ее перерабатывающей промышленности. Все годичное производство сельско-хозяйственных продуктов России по ценности не превышает полутора миллиардов рублей, тогда как ежегодное

[1]) Там же, стр. 239.

производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности превосходит два миллиарда. Образование столь важной статьи народной производительности не могло не породить соответствующего перераспределения экономических сил страны. При таких условиях переустройство экономического уклада огромного государства вновь по типу сельско-хозяйственной страны было бы равносильно экономической катастрофе".

В другом месте мы находим во всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте характерное указание на тот путь, который приводит к этому пышному расцвету отечественной промышленности. Этот путь лежит через обогащение отдельных, наиболее предприимчивых и ловких лиц. Эти лица прокладывают дорогу, являются как бы разведчиками крупной промышленности.

„На новые пути,—пишет в своем докладе С. Ю. Витте,—открываемые для населения общим улучшением экономических условий, всегда выступают сначала лишь наиболее предприимчивые хозяйственные единицы, только люди смелого почина, только удачники, и лишь впоследствии, когда эти пути становятся наезженными колеями, по ним начинают двигаться робкие, инертные народные массы, достигая улучшения своей жизненной обстановки медленным, томительным процессом освобождения от стародавней рутины, этого наследия многих и многих веков".

Эта теория роли личности в истории промышленности в переводе на практический язык прозаической хозяйственной жизни означала самое широкое, неразборчивое покровительство „наиболее предприимчивым хозяйственным единицам", „людям смелого почина". Иначе говоря, перед ловкими и удачливыми дельцами гостеприимно открылись двери казенных деньгохранилищ и казна в той или иной форме оказывает самую щедрую помощь крупным дельцам.

В министерство С. Ю. Витте покровительство крупной промышленности с помощью таможенных пошлин, всяческих льгот и привилегий сплетается с самым неразборчивым покровительством крупным промышленникам и финансистам, наживающим огромные капиталы. Излюбленною областью и здесь остается железнодорожное дело, где закипает подлинная вакханалия. Министерство финансов, покровительствуя „русским материалам", назначило неслыханные за них цены. Рельсопрокатные и вагоностроительные заводы наживали благодаря этому колоссальные прибыли. Ежегодные переплаты казны только на одних железнодорожных заводах исчислялись в 15 миллионов рублей.

По подсчету, сделанному проф. Мигулиным, за 10 лет казна переплатила по казенному и частному железнодорожному строительству пол-миллиарда!

Эти казенные миллионы широкою рекою лились в карманы ловких предпринимателей, вызывая лихорадочное экономическое возбуждение и раздвигая рамки в сторону производства. Грандиозные затеи, в роде постройки Сибирской железной дороги, открывали широкое приложение для капиталов и в то же время создавали новые предприятия и новых капиталистов. Пользуясь благоприятным положением денежного рынка, государство производит конверсию государственных бумаг. Понижение доходности государственных бумаг побуждает капиталистов вынимать деньги из этих бумаг и вкладывать их в промышленные предприятия, приносившие чрезвычайно высокий доход. Этим путем имущие свое получали, как выразился секретарь ученого комитета министра финансов А. Гурьев, — сильную „дозу конверсионного наркотика".

В 1896 г. учреждается 93 новых акционерных предприятия с акционерным капиталом в 126,7 мил. руб., в 1897 г.—96 таких предприятий, с капиталом в 96 мил. руб., в 1898-м г.—128 предприятий, с капиталом в 148 мил. руб.

„Учреждение новых и расширение уже существующих акционерных предприятий,—говорит об этом времени г. Витчевский,—сделалось тогда своего рода спортом. За десятилетие (1889—1899 г.) было учреждено 677 новых обществ с основным капиталом в 825 мил. руб., а прежде основанные общества увеличили за это время свой основной капитал с 757 до 912 мил. руб. В частности, в горной промышленности учредительный капитал возрос с 86 до 406 мил. руб., при чем специально в железной индустрии капитал увеличился с 28 до 250 мил. руб.

Вслед за горной промышленностью идет текстильная индустрия, капиталы которой возросли с 198 до 346 мил. руб. Усиленный приток капиталов коснулся и других отраслей промышленности" [1]).

Во время министерства С. Ю. Витте не только разрослись экономические обороты буржуазии, не только крупные отдельные представители ее получили возможность при содействии казны и попустительстве закона делать больше дела, прино-

---

[1]) В. Витчевский. Торговая, таможенная и промышленная политика России. Спб. 1909 г., стр. 243.

сившие доходы, менее всего нажитые трудами праведными, но и удельный вес буржуазии в русской не только хозяйственной, но и политической жизни значительно вырос. Всеподданнейшие доклады С. Ю. Витте ясно отразили эту происшедшую перемену и в них новая эра, „буржуазная", провозглашается достаточно отчетливо и несколько даже радостно.

По своим социально-политическим воззрениям С. Ю. Витте во многом примыкал к славянофильской школе. Не раз приходилось ему ясно и категорически высказываться по вопросу об особенностях социально-экономического и политического развития России и каждый раз им подчеркивалось, что у России в этом отношении своя „особенная стать". С. Ю. Витте теоретически был сторонником того типа страны, который воплощался в самодержавной монархии, благодетельной для всех классов народа и потому устраняющей почву для европейской борьбы классов и партий.

„Россия,—писал С. Ю. Витте в своем курсе лекций по государственному и народному хозяйству,—вступая на путь более широкого промышленного развития много позже других государств, имеет перед собою богатый опыт чужих заблуждений и мероприятий для выхода на прямую дорогу гармонического развития всех сил... России легче действовать и потому, что государственный путь ее намечается единою волею, вне борьбы партий и частных интересов".

Но эти славянофильские убеждения не помешали С. Ю. Витте играть и сыграть роль энергичного насадителя у нас тех самых европейских экономических порядков, которые знаменовали обострение и рост у нас борьбы классов и партий.

Но в этом капиталистическом развитии он готов был видеть лишь разростающуюся экономическую плоть, закрывая глаза на проникающий ее дух борьбы классов и партий; этот злой дух он заклинал славянофильским символом веры, призывая имя Самодержца Всероссийского. Однако, С. Ю. Витте не только „весь предался развитию промышленности", как писало „Новое Время", он в то же время делает и дальнейший шаг: вынужденный диалектическим ходом развития русской экономической жизни,—он призывает нашу буржуазию сплотиться и сорганизоваться, явно приглашая ее вступить на путь классового об'единения.

С. Ю. Витте обращается 20-го ноября 1903 г. с речью к представителям биржевых комитетов. Он им говорит, между прочим:

„Старайтесь возможно чаще видеться, съезжаться, совещаться о своих нуждах. Если вы будете объяснять правительству ваши нужды в обстоятельной и убедительной форме, вы скорее получите их удовлетворение".

„Имейте свои органы печати для выяснения ваших итересов и прав... Постарайтесь влиять на общественное мнение... Для вас всего важнее возможность публичного выяснения ваших мнений, а этого вы достигнете лишь путем своей организации".

„Организуйтесь так, чтобы вы могли периодически съезжаться на общие и областные съезды, чтобы у вас были свои постоянные бюро или иные учреждения, которые объединили бы вас".

Этот призыв показывал, что С. Ю. Витте прилагал все усилия, чтобы прочнее сплотить русскую буржуазию в экономический класс, в организованное целое.

И русская буржуазия в то время, когда общественным силам были заказаны все пути к объединению и организации, сумела использовать свою привилегию и оказывать политически неоформленное, но экономически весьма весомое давление на политику министерства финансов.

„С. Ю. Витте,—писало „Нов. Вр.",—весь предался развитию промышленности; при нем устроилось в Петербурге почти постоянное, хотя и не оформленное, но весьма влиятельное представительство интересов промышленности и торгово-промышленного класса, одностороннее, эгоистическое и требовательное, ибо этот мир любит, чтобы оберегали его от всякой конкуренции, не только иностранной, но и внутренней.

Фабриканты и заводчики, торговцы и предприниматели не только привлекались министром финансов к совещаниям об их нуждах, но и находили в нем заботливого ходатая" [1]).

По иронии исторической судьбы, в роли двигателя и насадителя европейских начал в русской экономической и политической жизни пришлось выступить С. Ю. Витте, убежденному славянофилу, непреклонному защитнику самобытности и незыблемости патриархального русского строя. Славянофилу С. Ю. Витте пришлось восстановить против себя аграрный класс, привлечь в Россию иностранные капиталы, лихорадочно содействовать экономической европеизации России.

Но у С. Ю. Витте в эти годы энергичного и небезуспешного насаждения европейских экономических форм оставалось

---

[1]) Ср. „Новое Время" от 30-го авг. 1892 г.

убеждение и утешение, что проводимая им европеизация России будет локализована экономическою областью, что она не перебросится в сферы политики и что в политике славянофильские начала пребудут незыблемо во веки.

Связь между политическим и экономическим развитием представлялась С. Ю. Витте в очень упрощенной форме. Он считал тут возможной полную изоляцию. Промышленное развитие при отсутствии политических реформ, хотя несомненно и совершалось, но оно шло чрезвычайно медленным темпом, обрывистым ходом, захватывая лишь отдельные отрасли и ложась тяжким бременем на финансы страны.

Но что важнее всего, это промышленное развитие неустранимо и неизбежно подготовило и политическую европеизацию России. Увлеченный и упоенный идеей мощного промышленного развития России, С. Ю. Витте, несомненно, оказался более близоруким по отношению к политическим последствиям этого развития, чем его реакционные противники.

Реакционные противники С. Ю. Витте еще во время его пребывания на посту министра финансов и исповедывания им консервативно-славянофильских взглядов возмущенно доказывали, что вся его кипучая экономическая деятельность подрывает почву под самобытным политическим строем России и влечет за собою ее не только экономическую, но и политическую европеизацию.

Известный Цион, выступивший за границей с обширным обвинительным актом против деятельности С. Ю. Витте, как министра финансов, в упор обвинял его в насаждении „социализма“ и даже „коммунизма“.

„Самый крайний государственный социализм, — задал он С. Ю. Витте вопрос, — и самый революционный коммунизм, соединимы ли они с самодержавным строем?“ [1]).

С. Ю. Витте, однако, совершенно не считался с этими политическими последствиями своей экономической деятельности. Он продолжал верить в возможность и необходимость оберечь Россию во всей ее политической неприкосновенности.

В знаменитой своей записке о земстве и самодержавии, составленной в 1898 г., С. Ю. Витте горячо доказывал весь вред дальнейшего развития земского самоуправления.

---

[1]) E. de Cyon. M. Witte et les finances russes. Paris. 1895, p. III.

Происходившая в 1896 г. в Нижнем-Новгороде всероссийская ярмарка явилась выразительницей этого поднявшегося чувства собственного купеческого достоинства. Ярмарка с этой стороны обратила на себя внимание всей русской печати. А нижегородская печать, обслуживающая интересы купеческой группы, торжественно и торжествующе заявила, что наступила эра купца.

Приветствуя всероссийский торгово-промышленный съезд, „Волгарь" писал:

„Шагнув далеко вперед, получив из рук блаженной памяти императора Александра II-го широкий доступ к образованию, купечество ныне имеет в рядах своих массу европейски образованных людей, а дети купеческих семейств несут одинаковую службу в государстве, на-ряду с другими привилегированными сословиями. В войсках они занимают многие важные административные места, в высоких правительственных учреждениях они имеют многих своих представителей, облеченных важным положением".

Горделивое заявление нижегородской купеческой газеты, обратившее на себя большое внимание русского общественного мнения, отразило сильно поднявшееся у нашей буржуазии чувство собственного классового достоинства. Весь торгово-промышленный съезд в Нижнем-Новгороде прошел под знаком торжествующей буржуазии. В заседаниях этого съезда представители буржуазии держались уверенно и наступательно. Выступавшие представители интересов сельского хозяйства должны были перейти на оборонительную позицию, далеко не чувствуя под собою надежной почвы. Фонды протекционизма стояли в то время чрезвычайно высоко. Промышленников щедро осыпали правительственными милостями. Перед ними раскрывали широкие перспективы обогащения не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Во главе министерства финансов стоял „свой"-человек—С. Ю. Витте, не упускавший никогда случая высказать свое благоволение крупной буржуазии и оказать ей „покровительство".

Русская буржуазия чувствовала себя большой и растущей силой. Большой и растущей, но отнюдь не оппозиционной правительству. Тот же „Волгарь", который так увлеченно и красноречиво описывал пришествие буржуазии, говорил далее:

„Становясь в ближайшее общение с народом, составляя его наиболее крепкую часть, купечество наиболее всех других сословий сохранило в себе самобытный русский дух, и нацио-

нальные чувства нигде не проявляются с такою силою, уверенностью и широтой, как в этом сословии. Оно единственно сильное в наше время и своею зажиточностью. Оно все может. И вот это-то русское, не изменившее заветам предков сословие, привыкшее горячо и беззаветно любить Россию со всем, что в ней есть хорошего и худого, русское купечество, покажет, на гордость целой России, что представляет из себя это сословие, и какую опору имеет в нем государство. Впервые еще купеческие дети из московского и нижегородского родовитого купечества готовятся представить из себя почетную охрану при Особе Государя, как встарь дети дворянские служили своим государям. Везде купечество занимает часть места в рядах прочих сословий, принимающих Царя. Здесь же все это место принадлежит одному купечеству. Нижегородская ярмарка—вполне купеческий город и все остальные сословия—здесь гости. Вот почему будет особенно знаменательно чествование Царя на Нижегородской ярмарке".

Этот тон купеческой газеты хорошо передает и всю музыку всероссийского торгово-промышленного съезда в Ниж.-Новгороде. Не случайно вся русская печать с некоторым изумлением повернулась к этому съезду и прислушивалась к этим купеческим статьям и речам. Почувствовалось, что в русскую не только экономическую, но и политическую жизнь пришел купец и властно уселся рядом с дворянином-помещиком, потребовав и себе теплое место под солнцем правительственного внимания и милости.

Не только политическая печать, но и художественная литература уловила и зарисовала эту перемену общественной декорации, эту новую роль купечества на политической сцене. М. Горький, сам наблюдавший в Н.-Новгороде это народившееся младо-купечество, создает превосходную фигуру сознательного купца Маякина, и в литературе того времени еще долго не смолкают публицистические отзвуки нижегородского съезда, где устами „Волгаря" купечество так гордо и твердо заявило, что оно „все может".

Пробуждение чувства собственного классового достоинства и стремление занять свое место в жизни страны превосходно, безмятежно уживались тут с политическим верноподданством. В той форме купеческого политического пробуждения, которое нашло свое выражение в цитированных статьях „Волгаря" и в шуме, поднятом ими и вокруг них, если и звучали нотки оппозиции и некоторой фронды, то направлялись они не против

правительственной власти, а против дворянства. Это ясно сказалось и на тех прениях, которые возникли на нижегородском съезде по вопросу о протекционизме, и о которых нам еще придется говорить в другой связи.

Однако, в среде буржуазии и уже главным образом не торговой, а промышленной, намечалось и иное течение. Под воздействием нового фактора—растущего рабочего движения—у буржуазии, помимо дворянства, нарождается новый враг. Перед правительственною властью вырастает трудно разрешимая задача—не раздразнить промышленников и в то же время успокоить рабочих. Эта попытка разрешить социальную квадратуру круга ведет только к беспомощному и беспринципному метанию правительственной власти от полицейских скорпионов к успокоительным каплям жалких реформ. Долгое время, стремясь и буржуазии не раздразнить, и рабочих не толкнуть на революционный путь, правительство путается в противоречивых мероприятиях, не останавливаясь на твердой и выдержанной линии социального поведения.

Стремясь вынуть у рабочего движения его политическое жало, правительство пытается придать рабочему движению исключительно экономическую форму и направить его только против промышленников, при чем правительственная власть должна выступить в роли социального примирителя и защитника экономических интересов пролетариата.

Эта социальная политика, нашедшая свое высшее выражение в пресловутой зубатовщине, будет освещена нами в особой главе. Здесь же мы отметим только, что эта хитроумная политика правительства потерпела поражение на обоих фронтах—и на буржуазном, и на пролетарском.

Буржуазия не обнаружила ни малейшей охоты принять на свою голову все недовольство рабочих. Напротив, она предпочитала, чтобы недовольство рабочих направлялось против политического гнета. Но сверх того, буржуазия меньше всего хотела расплачиваться за эту правительственную политику, так сказать, из своего собственного кармана. В ее среде поднимается нарастающий и обостряющийся протест против правительственного заигрывания с экономическими требованиями рабочих. Мы увидим, что на этой почве между промышленниками и правительством вспыхивает целая цепь конфликтов.

Но и помимо этого, если нижегородские купцы премного были довольны тем милостивым вниманием, которое им оказывало правительство и тою силою в государстве, которую

они приобрели, то московские промышленники и фабриканты мечтали о бо́льшем. Они уже не довольствовались сознанием чувства собственного сословного достоинства и ощущением своей большой и растущей хозяйственной силы в государстве. Им уже мечталось и о политической власти и силе. Им уже экономически нужно было это участие в политическом управлении страною для бо́льшего хозяйственного плавания, к которому толкали их и растущие капиталы, и расширяющееся производство, и раскрывающиеся соблазнительные перспективы внешних рынков.

Правительство всячески шло навстречу крупной буржуазии, но, всецело проникнутое дворянскими и бюрократическими началами, оно бессильно было, не говоря уже о противодействии помещиков, оборудовать Россию так, как это принято в лучших буржуазных странах.

Передовая русская буржуазия, в особенности в Москве, это понимала и чувствовала. Она была в подавляющем меньшинстве, а общая масса русской буржуазии еще тонула во мраке политической темноты и бессознательности. Но в форме менее отчетливой и острой, недовольство отсталостью страны и отстраненностью буржуазии от управления начинает вспыхивать в среде буржуазии все чаще и длительнее.

В 1900-м году на страницах журнала „Промышленный мир", какой-то „видный фабрикант" изливает „исповедь наболевшего сердца".

Мы читаем в этой статье:

„Легко сказать: не проливайте крокодиловых слез, а сообща поразмыслите и сообща найдите средства спасения".

„Ведь промышленники и торговцы, на-ряду с прочими группами населения, у нас никогда не обучались сообща мыслить и сообща подыскивать меры, пригодные для их благополучия. Им всегда вбивалось и вбито в голову, что за них помыслят и сделают что надо, а их дело—аршином работать. Теперь мы жалуемся, что у нас нет торгово-промышленного класса, а имеются аршинники, ничего дальше аршина не видящие и признающие только один символ веры: каждый за себя, а Бог за всех. Общее же дело—не их дело, а дело начальства, которое разрешает только иметь аршин, а все прочее делать по приказу, да по указу и ждать от него и милостей, и гнева" [1]).

Что эти рассуждения не были особым мнением „видного

---

[1]) Ср. „Промышленный Мир", 1900 г., № 47.

фабриканта", показывает тот живой отклик, который встретила его статья. Уже в следующем номере (№ 47) „Промышленного Мира" появляется статья „учившегося фабриканта".

Он пишет в ней, что „наше купечество и промышленники, издавна приученные к сосанию соски, конечно, не вышли из состояния младенчества" и все это по вине бюрократии.

В следующем (48) номере журнала кн. В. А-ский, занимающийся промышленными делами и хорошо изучивший их и в России и заграницей, идет еще дальше:

„Успехи промышленности,—пишет он,—являются продуктом прогресса во всех областях жизни частной, правовой и государственной. В противном случае пришлось бы притти к тому заключению, что в Турции и Персии промышленность и торговля могут развиваться с таким же успехом, с каким они развиваются в Англии и Германии. На широких культурных началах, как я бы хотел, в России нельзя вести промышленное дело, а те замоскворецкие принципы и порядки, которые у нас царят, конечно, держат все в каком-то смрадном застое".

Эти голоса из промышленного мира показывают, что в девяностых годах в душе нашей буржуазии проснулись и политическое сознание необходимости переустройства русской жизни, и стремление принять участие в этом переустройстве.

Все это еще не вылилось в ясную и отчеканенную политическую форму, но начавшееся в среде буржуазии политическое брожение при условиях русской жизни уже не могло приостановиться.

Глава II.

Правительство и буржуазия.

Двойственная роль правительства по отношению к развитию промышленности. Отсталость законодательства. Старый приказный строй и новые хозяйственные формы. Совещательное представительство буржуазии. „Промышленный парламент". Пути и средства воздействия буржуазии на правительственную власть.

Через всю историю взаимоотношений между русским правительством и русскою буржуазией проходят две линии, два течения: правительство, с одной стороны, самым широким и щедрым образом поддерживает и поощряет крупную промышленность и этим самым приучает промышленную буржуазию

к политическому смирению, убивает в ней стремление к политическому переустройству страны.

Но в то же время правительство искусственно стягивает все скопляющиеся в стране капиталы к государственным и дворянским нуждам, подрывает платежные силы населения, оставляет весь уклад государственной и общественной жизни в старых феодальных формах, при устаревшем законодательстве и чиновничестве, и всем этим подрывает здоровую почву под развитием крупной промышленности в России.

Это двойственная роль правительства резко сказывается уже при Петре Первом. Мы уже видели, как он сочетал покровительство промышленности с подрыванием под нею почвы, мы знаем, что и Иван Посошков уже обратил внимание на это явление: говоря поэтому о взаимоотношении между правительством и буржуазией, надо всегда иметь в виду эту двоящуюся роль правительства.

Остановимся прежде всего на более простом и заметном явлении—на тех денежных средствах, которые правительство так щедро тратило на воспособление русской крупной буржуазии. Мы уже знаем, как велики и щедры были эти средства. Но перед нами тут как бы типичная арифметическая задача с бочкою, имеющей два крана—через один вода вливается, через другой выливается.

Щедро отпуская крупным промышленникам всяческие вспомоществования, правительство в то же время ведет финансовую политику, строит податную систему, ни мало не гармонирующую с этою задачею насаждения крупной промышленности. Более того—прямо подрывающей почву под этим развитием.

Финансовая система в руках отсталого абсолютического правительства, крепко связанного с раззоряющимся и постепенно нуждающимся в поддержке дворянством, неизбежно вызывала отвлечение средств и капиталов населения от живого творчества производительных сил, от кипучего хозяйственного строительства к полублаготворительным дворянским затеям, к полубогадельным дворянским банкам, к штопанию финансовых прорех на государственном кафтане. Русскому правительству в этом отношении чрезвычайно большую помощь оказывал государственный банк. Русский Государственный Банк был построен на началах совершенно иных, чем Французский или Английский банк. Последние два банка были банками в подлинном смысле этого слова, они построены и функционируют

на началах частных банковых предприятий. Французское и английское правительства не могут по своему усмотрению и по своей надобности распоряжаться средствами этих банков. Они в государственной жизни играют лишь роль регулятора денежного обращения. Иное дело наш государственный банк. Он всегда был готов к услугам правительства. В его кассе правительство являлось полным хозяином. И оно пользуется мощным аппаратом государственного банка, чтобы искусственно оттягивать и притягивать средства оттуда и туда, откуда и куда оно находит нужным по политическим соображениям. И тут проявляется все та же, отмеченная нами, двойственность,— с одной стороны правительство направляет средства Государственного Банка на поддержку той или иной крупно-промышленной затеи, с другой же стороны, оно посредством Государственного Банка искусственно высасывает из населения образующиеся капиталы и направляет их на поддержку оскудевающего дворянства, на непроизводительные государственные расходы и этим самым лишает промышленность широкого прилива частных капиталов. При Канкрине, например, частные капиталы искусственно высоким процентом заманивались в казенные кредитные учреждения. Отсюда они выдавались в долгосрочные ссуды дворянам. Но благодаря этому, над казенными кредитными учреждениями грозною тучею нависла опасность возможности истребования частными лицами внесенных ими капиталов, отданных дворянам. И чтобы рассеять эту тучу, вся уже не финансовая, а экономическая политика Канкрина строится на том, чтобы не допустить до широкого оживления промышленных дел, ибо это может соблазнить частные капиталы, вложенные в казенные кредитные учреждения, и отсюда отданные в долгосрочные ссуды помещикам, пуститься в широкое экономическое плавание и уплыть из казенных учреждений, поставив правительство в безвыходное положение, ибо капиталы эти оно роздало.

В стране чрезвычайно бедной капиталами, вся финансовая и экономическая политика которой жадно поглощала все скопляемые в народе капиталы, затрачиваются огромные средства на благотворительные дворянские затеи, которым всецело служит специальный Дворянский банк.

„При Вышнеградском,—говорит проф. Мигулин,—была оказана исключительно помощь дворянскому землевладению за счет государственного казначейства, так что взамен только что оконченной ликвидации старых кредитных установлений, свя-

зывавшей государственный банк в прежнее время, появились затраты на организацию новых кредитных установлений (Дворянский и Крестьянский банки), с развитием же собственно коммерческих операций опять приходилось обождать".

В этой постоянной необходимости „обождать" с развитием чисто „коммерческих" операций сказалась все та же родовая и роковая черта:— отсутствие планомерной „буржуазной" политики правительства, направленной на обслуживание не сегодняшних нужд тех или иных, попавших в случай промышленных королей или затей, а на обеспечение будущности русской промышленности. Вследствие этого, кредитный аппарат весьма нерационально обслуживал промышленные нужды страны. Близость правительства к банковскому аппарату, управление этим аппаратом и направление его превращали Государственный банк в политическое учреждение. Банк стягивал и направлял средства, руководствуясь не столько промышленным спросом, конъюнктурою рынка, сколько правительственными указаниями и политическими видами. Стягивая огромные капиталы и давая им непроизводительное назначение, Государственный банк тем самым отвлекал капиталы от широкого прилива к промышленному делу и суживал кредит, обслуживающий нужды промышленности.

Вся финансовая, а в частности, налоговая система правительства построена на обложении маломощных слоев населения. Промышленная буржуазия и крупные землевладельцы весьма слабо подвергались обложению. Весь грузный, бессистемный русский бюджет несли на своих плечах широкие массы народа. Непосредственно, таким образом, буржуазия выигрывала от такой финансовой политики правительства. Но, в особенности если учесть крайнюю бедность широкой русской массы, такая политика обрекала буржуазию на весьма ограниченное поле развития, ибо она подрывала покупательные силы населения и этим самым сильно суживала спрос страны на товары, вела к чрезвычайному обмельчанию внутреннего рынка [1]).

---

[1]) Уже в пятидесятых годах во всеподданнейшей записке гр. Киселев предостерегал, что наша финансовая политика подрывает почву под развитием русской промышленности.

„Усилить подати и сборы,—писал он,—можно, но отбирать у бедного последнее, значит—произносить приговор всякому будущему преуспеянию, и я дозволяю себе думать, и скажу, что каждый сверх меры исторгнутый от плательщиков рубль удаляет на годы развитие экономических сил государства".

Казна играет в связи с этим непомерно большую роль в спросе на товары и сбыте их, тогда как широкий внутренний рынок, напротив, имеет несоответственно слабое значение. Избавляя, таким образом, одною рукою буржуазию от несения тяжелых налогов, правительство другою рукою сжимало емкость внутреннего рынка, взваливая на плечи широкой массы потребителей непосильную тяжесть обложения. В конечном итоге это задерживало развитие самой же буржуазии и придавало крупной промышленности казеннокоштный характер.

Та же самая двойственная роль правительства по отношению к буржуазии сказывалась и во всех областях и отраслях русской промышленности—в их историческом развитии. Политическая отсталость страны, ее культурная необорудованность, ее дворянско-помещичья политика, все это давало возможность крупным промышленникам с глазу-на-глаз с правительством наживать большие состояния, но все это задерживало рост не только политической власти, но и экономической силы русской буржуазии. Правительство обеспечивало крупным промышленникам крупные барыши, оно давало им огромные казенные заказы, но оно не только не обеспечивало широкого будущего русской буржуазии и широкого народного спроса, но, как раз обратно, подводило под это будущее ненадежный фундамент, подрывало и суживало этот народный спрос.

Отсталость политического строя прежде всего мешала образоваться той административной власти, тому буржуазному чиновничеству, которое бы обладало достаточными навыками, социальным родством с буржуазией, и благодаря этому могло бы содействовать легкому и быстрому прохождению всех промышленных дел через канцелярские теснины. Бюрократия в центре и на местах составлялась у нас из помещичьих, дворянских кругов. Сплошь и рядом это были те элементы, которые исчерпывающе доказали свою хозяйственную непригодность, неприспособленность, которые потерпели крушение в своей экономической жизни и выбирались на берег бюрократической службы с помощью своего дворянского имени и своей дворянской родни. По своим социальным и психическим навыкам, по своему воспитанию и стремлению, они были совершенно чужды буржуазной жизни, с ее быстрым темпом промышленного развития, с ее шумом и гулом делечества, с ее быстрым переходом от затеи к ее реальному воплощению. Дворянско-приказный строй противопоставил всему этому канцелярскую волокиту, необычайную медлительность, глубокую антипатию

к новым формам хозяйственной жизни, ломке старого, прокладыванию новых путей. Всякое новое и крупное промышленное дело приходилось тяжело и медленно протаскивать через чрезвычайно узкие теснины канцелярщины, рутины, а то и прямой враждебности представителей стоячего, сонного быта.

И через всю историю русской буржуазии тянется эта жалоба на приказных людей, которые вольно и невольно, сознательно и бессознательно не дают ходу промышленным делам и купецким людям, создавая колючую проволоку из канцелярской волокиты и устаревшего законодательства.

Уже со времен Петра Великого, как мы видели, поднимаются жалобы представителей буржуазии на приказных людей, которые измываются над „купецкими людьми" и не дают им живое дело делать. И уже тогда же раздаются голоса, доказывающие, что для избавления от этого большого зла есть лишь одно средство—влить в бюрократию, в высшую и низшую администрацию представителей буржуазных классов, иначе говоря,—людей своего класса, желающих и умеющих пойти навстречу нуждам буржуазии.

Но этот голос, раздавшийся еще во времена Петра, остался в общем без ответа. Бюрократия высшая и низшая, в центре и на местах продолжала составляться из элементов, которым непонятна и чужда была новейшая промышленная жизнь в ее политическом и экономическом облике.

Если прибавить еще сюда, что и все законодадельство, касающееся торгово-промышленной жизни, было проникнуто насквозь все теми же дворянско-приказными началами и мотивами, что оно всецело было прикроено к старому строю помещичье-бюрократического государства, то ясно и ярко встанет картина той обстановки и той атмосферы, в которых приходилось исторически расти русской буржуазии.

Характерная особенность нашего торгово-промышленного законодательства заключалась, между прочим, в том, что у нас вся торговля и промышленность, по меньшей мере в течение полу-века, развивались, собственно говоря, нелегально, вопреки, а не благодаря существующему законодательству.

Действующее, или вернее, бездействующее торгово-промышленное законодательство носило у нас совершенно архаический характер. Это во многих отношениях памятник российской древности. В основных своих частях оно строилось в то время, когда о современной экономической жизни никакого понятия не имели. Многие положения устава торгового насчитывают

двухсотлетнюю давность. Закон о торговом мореплавании был, напр., выработан тогда, когда у нас существовал лишь парусный флот. И он числится „действующим“ еще поныне.

Устав о промышленности лишь немногим моложе устава торгового. И в нем множество узаконений, имеющих за плечами уже полтораста лет.

В каком бы положении оказалась русская промышленность, если бы все эти законы действительно были „действующими“? На деле, конечно, они бездействуют и это обстоятельство одинаково характерно и для правительства и для буржуазии России, что фактически наша крупная промышленность и торговля развивались и развиваются нелегально. Правительство оставило устарелые законы бездействующими, а буржуазия мирилась с положением незаконного, но преблагополучного существования. Не говоря уже о синдикатах, которые процветали, будучи строго запрещены законами, но и все наши акционерные общества до последних годов были запрещены законом и вели нелегальное существование. До 1893-го года наше законодательство строжайше запрещало всякие биржевые сделки. Законодательство строго предписывало всякие биржевые сделки не за наличные деньги „считать недействительными, а обличенных в подобных сделках подвергать наказаниям, за азартные игры установленным; маклеров же и нотариусов, которые отважутся совершать сего рода условия, отрешить от должности“ [1]).

Лишь закон 8-го июня 1893 г. собрался отменить это запрещение биржевых сделок „не за наличные деньги“. До этих же пор оно оставалось „действующим законодательством“. Конечно, оно на деле бездействовало, о чем свидетельствует вся история русской биржи.

Это вековое существование законов, применение которых грозило бы разрушить всю хозяйственную жизнь страны и отбросить ее на столетия назад,—и это развитие промышленности, не сумевшей создать нужного ей законодательства, как нельзя лучше свидетельствуют о политической отсталости буржуазии.

В хозяйственной жизни назрели, вскрылись и получили господство новые буржуазные формы производства, но в то же время бюрократия и администрация, законодательство и нравы оставались дворянско-самодержавными. Русское правительство,

---

[1]) Ср. А. Тимофеев. История Петербургской биржи. Спб. 1903 г. стр. 141.

как мы видели, само по себе не тормазило развития буржуазии. Более того, оно ее насаждало, осыпало милостями. И для определенного круга крупных промышленников эта политика правительства была совершенно достаточным основанием для политического удовлетворения. Мы увидим еще ниже, что русская буржуазия нашла обходные пути и средства для могущественного воздействия на правительственную власть. Но, однако, как велико ни было это воздействие и какие ощутительные результаты оно ни давало, все же процесс развития буржуазии застаивался и задерживался в старых и устарелых формах общественной и политической жизни. Дворянско-абсолютическое правительство делало все возможное для экономического удовлетворения буржуазии, но создание буржуазной администрации, буржуазного законодательства, чувства уверенности и правоохранности было вне пределов ее власти.

И уже знакомый нам адмир. Мордвинов в век Екатерины II отмечает это явление, не говоря уже о голосах представителей самой буржуазии.

„Современному развитию коммерческого духа,—пишет адм. Мордвинов,—и способностей россиян есть преграда, которая пребудет непреодолима, доколе продолжится ее существование. Преграда сия состоит в недостатках, какие скрываются в нашей гражданственности и в самих коммерческих нравах. От этого молодые образованные люди из купечества получают отвращение от состояния отцов своих. Они спешат выйти из оного, сделавшись студентами или вступя на службу, дабы приобретением классовых чинов обеспечить себя в будущности от тех неприятностей и самого унижения, в каком оставшись купцами, легко могут быть, если случайно и невинно лишатся своего капитала“ [1]).

Таким образом, уже во времена Екатерины II зоркие наблюдатели видели, что отсутствие буржуазной культуры, буржуазной государственности, что феодальный характер политической власти мешают в России сложиться гордой своим званием, уверенной в себе, наследственной буржуазии.

В дальнейшем ходе исторического развития это чувствовалось еще чаще и глубже. Оставляя в стороне вопрос о классовом самолюбии и честолюбии, о воле к власти, об общественном и государственном положении, дворянский характер государственной и административной власти не давал возмож-

---

[1]) Архив гр. Мордвиновых. Спб. 1902 г., т. VII, стр. 391.

ности сложиться той бюрократии, которая бы понимала и уважала развивавшуюся вокруг нее буржуазную культуру. Даже те представители власти в центре и на местах, которые непосредственно ведали хозяйственную жизнь, были совершенно неподготовлены и неприспособлены к ее пониманию, не говоря об управлении.

Нет надобности углубляться в русскую старину, чтобы найти яркие иллюстрации этой неприспособленности бюрократии к новой хозяйственной жизни. Новое время обильно такими иллюстрациями. Мы читаем о директоре департамента железных дорог Д. И. Жуковском, что своим ведомством он мало занимался, но зато очень усердно занимался спиритизмом и гомеопатией. „Случалось, что вместо резолюций на бумагах он прописывал рецепты, а в делах советовался даже со своею кухаркою, в которой признавал медиумическую силу“ [1]).

Мы узнаем, что государственный контролер Т. Филиппов отличался превосходным знанием богословских наук и канонических прав.

Когда французский генерал Шанзи, приехав в Нижний-Новгород, посетил ярмарку, то у него явилось желание познакомиться с ее хозяйственной ролью. Видя, какую огромную роль не только в административной, но и в хозяйственной жизни Нижнего играет губернатор Баранов, французский генерал и обратился к нему за всеми нужными сведениями. Но никаких сведений у самого губернатора не оказалось.

„Вместо ярмарочных сведений,—рассказывает ген. Шанзи,—за которыми я пробовал не раз обращаться в разговоре к генералу Баранову, он нарисовал мне картину парижских кафешантанов avec leurs sujets principaux“ [2]).

Такие иллюстрации можно черпать пригоршнями не только из старой, но и из новейшей истории России. Если же принять во внимание ту громадную роль, которую играли бюрократы и всяческое начальство в хозяйственной жизни России, то не трудно представить себе, как они эту жизнь уродовали и урезывали.

Отсутствие государственной власти, которая бы формировалась и видоизменялась параллельно хозяйственной эволюции страны, наивное смешение в голове бюрократии экономиче-

---

[1]) Ср. К. Скальковский. Наши государственные и общественные деятели. Спб., 1891 г., стр. 132.

[2]) Ср. Щукин. Из воспоминаний. „Рус. Арх.“, 1912 г., кн. 5, стр. 108.

ских законов с теми законами и административными распоряжениями, которые она предписывает, вели к тому, что курс русской экономической политики трепало из стороны в сторону по воле политических волн. И от этого чувствительно страдала буржуазия, которая лишалась возможности точного учета и предвидения, без которых невозможны были крупные промышленные дела.

„Еще в первой четверти XIX-го века при Александре I-м,— пишет Витчевский,— политика России определялась преимущественно многообразными и изменчивыми политическими комбинациями, была непостоянна и ненадежна, как эти последние, и представляла собою хаотическое смешение фискальных, меркантилистических и протекционистских начал. С одной стороны, предоставляли самые широкие привилегии и особые преимущества в сфере торговли тем государствам, с которыми Россия в данный момент была теснее связана в силу политических договоров или личных симпатий властителей, с другой стороны, путем стеснения торговли, вредили экономически тем государствам, которые были в политическом отношении враждебны России или тайно помогали ее противникам“ [1]).

Все эти пестрые факты показывают, что если одною рукою правительство у нас и насаждало крупную промышленность и крупную буржуазию, то другою рукою оно разрушало условия широкого и прочного развития этой самой промышленности и этой самой буржуазии.

Отсутствие сколько-нибудь продуманного и твердого экономического курса, обрывистый, капризный излом экономической политики с каждым новым царствованием, архаичность законодательства, совершенно непригодный личный состав администрации,—таковы были условия, не говоря уже об общеполитической и общекультурной обстановке, в которых развивалась наша буржуазия и складывались ее отношения к правительству. Эти отношения получали, благодаря этому, двойственный характер. Путем искусственного подбора, так сказать, выживала и укреплялась как раз та буржуазия, которая сумела приспособиться к этим условиям русской жизни и в этом приспособлении искала и находила обогащение. Но круг этой буржуазии по необходимости оставался замкнутым, и простой численный ее рост неизбежно сталкивал ее с вопросами, тре-

---

[1]) Ср. В. Витчевский. Торговая, таможенная и промышленная политика России, Спб., 1909 г., стр. 325.

бовавшими для своего разрешения переустройства общих условий русской жизни.

Не следует, однако, думать, что все те условия жизни, которые мы выше наметили, устраняли буржуазию от всякой политической роли, делали ее только объектом правительственных опытов. Это не так. И тут судьбы русской буржуазии складывались своеобразно. Как рыбы дышат вместо легких жабрами, так и русская буржуазия, лишенная вольного политического воздуха, вырабатывала у себя своеобразные политические жабры, позволяющие ей жить и дышать в тех условиях, в которых западно-европейская буржуазия задыхалась. Этим русская буржуазия обязана не только своему умению приспособляться, но и своему умению приспособлять. Она сумела найти пути и средства, не вырабатывая соответствующих политических европейских форм, оказывать сильное, непрерывное давление на правительственную политику в ту сторону и в тех пунктах, как ей это было нужно. При этих условиях сложились чрезвычайно-поучительные формы политического воздействия буржуазии на правительственную власть.

Как ни бесформенна была в сравнении с Западом социальная структура русского общества восемнадцатого века, все же она далеко не представляла собою сплошного, неделимого целого. В ней жили и действовали различные социальные классы и группы с расходящимися и сталкивающимися интересами и стремлениями. Основными группами были дворяне-помещики и буржуазия. И эти две основные группы, в которых сословное начало еще перемешано было с классовым, стремились, каждая в своих интересах, воздействовать на правительство и оказать давление на линию его экономической политики. А так как во всех государствах и во все времена экономическая политика неразрывно сплетается с общею, то воздействующая, ходатайствующая, совещательная роль буржуазии невольно и неизбежно получала политический характер и входила фактором в политическое развитие страны.

Постоянно ища и большею частью находя у правительства поддержку и защиту, наша буржуазия постепенно проникается своеобразным политическим фетишизмом. Она начинает смотреть на правительство, как на силу, которая все может. Она наивно и непоколебимо смешивает законы экономического развития с законами, издаваемыми государственною властью, она глубоко убеждена, что правительство обладает полною свободой социальной воли и может в экономической области все,

что захочет. Чрезвычайно характерно, что на этой точке зрения правительственного фетишизма незыблемо стоят как Посошков, один из первых идеологов и борцов нашей буржуазии, так и Кокорев, шумливый певец и делец третьего сословия шестидесятых годов XIX века. У Посошкова понятие экономического закона всецело сливается с понятием правительственного распоряжения, и этот замечательнейший из русских экономистов XVIII-го века признает и провозглашает самодержавие не только политическое, но и экономическое. По поводу безудержной и разорительной чеканки Петром I-м неполновесной монеты Посошков пишет характерные слова: „Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, нам не медь дорога, но дорого его царское наименование. Того ради, мы не вес в них числим, но счисляем начертание на ней... У нас не вес имеет силу, но царская воля... У нас так сильно Его Пресветлого Величества слово, ащеб повелел на медной золотниковой дате положить рублевое начертание, чтобы она за рубль и в торгах ходить стала во веки веков неизменно“ [1]).

Этот характерный политический фетишизм наша буржуазия не изжила и во второй половине XIX-го века. „Все кажущееся непоправимым у других,—говорит Кокорев,—легко исправляется у нас одним почерком пера; стоит лишь издать указ: сидеть всем дома пять лет и есть щи с кашей, запивая квасом, и тогда финансы правительства и наши придут в цветущее состояние“. Эти слова Кокорева, как бы звучащие иронией, произнесены были с большим пафосом и полною серьезностью, в доказательство того, что у нас, с помощью правительственных указов, можно исправлять и направлять экономическую жизнь страны как и куда угодно.

В меньшей или большей степени подобною верою в экономическое всемогущество и неограниченную экономическую власть правительства были проникнуты и идеологи и дельцы русской буржуазии. Но исключалось ли этим стремление воздействовать на правительственную власть? Нисколько. Тот же Посошков развивал теорию совещательного представительства,

---

[1]) Любопытно, что в царствование Александра I ту же фетишистскую идею развивал Карамзин. Критикуя финансовый план Сперанского, он писал: „Если бы Государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо, рублей, нашедши способ предохранить их от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки“.

отстаивая необходимость дать народу „силу мнения", оставив у правительства силу власти.

Посетивший в сороковых годах Россию Гакстгаузен определенно указал на рост политического влияния и экономической силы русской буржуазии. „До сих пор,—писал он,—никто еще не говорил о влиянии, оказываемом Москвой, как центром промышленности на внутреннюю и внешнюю политику правительства. При любви и благоговении всех русских к „Белокаменной Матушке-Москве", при громадном значении Москвы, как торгового центра и как представительницы огромного промышленного района с 16 миллионами населения, правительство, естественно, должно было внимательно прислушиваться к мнению Москвы во всем, что касается охранительного тарифа, хотя по разным побуждениям своей внешней политики оно бы склонялось к другим решениям. Мне рассказывали, что несколько времени тому назад в правительстве шла речь о полном отделении Польши и что вопрос этот оставлен вследствие того, что московская депутация представила о дурных последствиях этого отделения для всей внутренней торговли и в особенности для Москвы" [1]). К этому явлению сам Гакстгаузен отнесся с славянофильской точки зрения, видя в развитии крупной промышленности роскошь, ненужную России.

Славянофильствующий немецкий барон несочувственно относится к росту буржуазии, но это увеличивает объективную ценность сделанного им указания и свидетельствует о его большой проницательности. Он подметил в социально-политической жизни России то, чего не замечали не только его русские современники, но и русские писатели, значительно более позднего времени. Абсолютизм наверху, авансцена, занятая дворянством, малочисленность и политическая безглагольность буржуазии—все это не скрыло от немецкого наблюдателя то, что долго скрывалось от русских: закулисное, „совещательное" влияние нашего торгово-промышленного класса на политику правительства.

Абсолютизм, несмотря на всю свою суровость и самоуверенность, существовал не в политически-безвоздушном пространстве. Испытывая, прежде всего, высокое давление со стороны дворянства, он находился, однако, и под молчаливым, но все же значительным давлением буржуазии.

---

[1]) Бар. А. Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни России. М. 1870 г. Стр. 33.

Выступая на исторической сцене лишь в роли послушного хора, правительственных статистов, русские купцы и промышленники за политическими кулисами всегда находили возможность воздействия на правительственную политику. Насквозь пропитанные утилитаризмом и узким практицизмом, они, как улитки, прятались в узкую раковину чисто-экономических интересов, но только до тех пор, пока абсолютизм сам шел навстречу их желаниям и предупреждал их ходатайства и домогательства.

Как только в той сфере торгово-промышленных интересов, которыми жила наша буржуазия, правительство намечало какое-либо неугодное ей мероприятие, тотчас же начиналось настойчивое воздействие на правительство, с целью побудить его к отмене намеченной меры. А экономическая политика правительства тесно была переплетена с его общею политикой, и буржуазии приходилось, поэтому, оказывать влияние и на последнюю.

Уже при Петре Великом, как мы знаем, выростает своеобразная литература „доносителей", писавших царю о нуждах русской буржуазии и просивших его о принятии тех или иных мер для блага отечественной промышленности.

Литература „доносительства", изменяя свои формы, продолжала существовать до новейшего времени. Она собирала голоса протеста и недовольства и несла их к трону. Наша буржуазия держалась ниже травы, тише воды, пока не задевали ее интересов,—и, как потревоженный улей, гудела и шумела, лишь только правительство сворачивало с хорошо наезженного пути экономической политики. Достаточно ознакомиться с поворотными пунктами в нашей социально-политической эволюции, чтобы убедиться, как наша буржуазия волновалась и „ходатайствовала" каждый раз, когда ее интересам угрожало какое-либо мероприятие.

В этом отношении особенно поучительна и интересна история нашего таможенного покровительства. Таможенная политика сплетена была со всею политическою системою, и то или иное ее направление связано было порою с крупными политическими последствиями. Русскому правительству часто приходилось отступать, из-за политических и фискальных соображений, с избранного пути, и тут-то „доносители" принимались искать и всегда находили способы влияния на правительство, с целью возвращения его на стезю протекционизма.

Когда при Александре I-м возникли в правительстве фри-

тредерские стремления, и система запретительных тарифов начала колебаться, наша буржуазия всполошилась. В Москве организуется энергичная кампания против смягчения покровительственной системы. И московская буржуазия находит поддержку в министре внутр. дел Козодавлеве и государственном канцлере Румянцеве. Фабриканты начинают осыпать правительство ходатайствами об оставлении в силе старого тарифа. Гр. Румянцев передает государю записку, начинающуюся словами: „Слухи прошли внутри России, что будто идут рассуждения о тарифе и якобы есть наклонность ныне существующий тариф отменить и будто бы прилагают старания, что новым тарифом на будущее время разрешить провоз в Россию ныне запрещенные товары. Буде сие справедливо, что оные запрещенные товары к провозу позволяются, то в нынешнее несчастное время разорения от неприятеля грабежом и огнем, от разрешения товаров последует заводчикам вторительное разорение" Гр. Румянцев всецело присоединяется к этому ходатайству; несмотря на противоположное мнение министра финансов Гурьева, Козодавлев еще энергичнее вступается за интересы фабрикантов. Он доказывает, что если проведут новый тариф, вопреки протестам фабрикантов, то „Россия в отношении к фабрикам и промышленности возвратится немедленно назад к тому состоянию, из которого извлекла ее рука Петра Великого. Все мудрые распоряжения сего преобразователя отечества нашего, все попечения благотворных преемников его, наипаче Вашего Величества, останутся тщетны: фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданных Ваших разорятся и придут в нищету; употребленные на разные заведения капиталы, выданные от казны ссуды и все благотворные меры Ваши обратятся в ничто". И эти домогательства фабрикантов, поддержанные доводами влиятельных сановников,—из которых один (гр. Румянцев), как крупный фабрикант, сам был заинтересован в запретительном тарифе,—возымели свое действие.

В интересующем нас отношении особенно поучительно царствование Николая I-го. Всякое проявление общественной самодеятельности, всякое стремление „сметь свое суждение иметь" в вопросах, занимающих правительство, рассматривалось, как оскорбление Его Величества и строго каралось. „Ограниченный ум подданных" не должен был вмешиваться в государственную политику. К тому же Николай I-ый и вообще подумывал о полном „запрещении" в России крупной промышленности, а с нею и крупной буржуазии. И несмотря на все это,

при Николае I-м буржуазия и не думает складывать своего оружия—закулисного воздействия на правительственную власть и энергичного отстаивания своих нужд.

И Николай I-ый внимательно прислушивается к голосу буржуазии. Агенты шефа жандармов постоянно следили за настроением торгово-промышленных слоев и доносили об их требованиях. Агент гр. Бенкендорфа, Кох, сообщает о раздражении московской буржуазии против министра финансов гр. Канкрина за его недостаточно внимательное отношение к интересам буржуазии:

„Гр. Канкрин,—передает Кох рассуждения буржуазии—мог бы позаботиться о покровительстве местному купеческому сословию, которое, без сомнения, страдает, видя себя забытым при раздаче милостей. Не пеликана бы ему иметь в гербе—(на фамильном гербе гр. Канкриных изображен пеликан. *П. Б.*)—говорят многие, а обжору россомаху. А между тем он и многие другие держатся на своих местах, несмотря на то, что ложный блеск, окружавший их, уже рассеялся“ [1]).

Другой жандармский агент, Фок, сообщает:

„Настроение умов только в низших сословиях благонадежно; далеко нельзя того же сказать о высшем и среднем классах населения. Если послушать, то окажется, что задеты частные интересы некоторых выдающихся личностей... Должно сознаться, что общество недовольно министром финансов и его управлением. Можно без преувеличения сказать, что из тысячи человек найдутся, может быть, около десяти, которые подымут голос в его пользу. Разговоры только и вертятся на его операциях; большие и малые толкуют о финансах. Министр держится своей партии, которая не особенно сильна“.

„Слухи об укреплении положения гр. Канкрина, сообщает в следующем донесении Фок, вызвали сильное раздражение.“

„Значит, не будет никаких перемен, кричат со всех сторон. Государь хочет удержать при себе старых глупцов, чтобы доказать, что он один может управлять. Капризы и упрямство Канкрина попрежнему будут разорять нашу торговлю и промышленность“ [2]).

В этом водовороте борьбы интересов Николай I-ый, несмотря на всю свою самоуверенность и разлитое вокруг раболепство, терялся, уступал и отступал. В экономических и финан-

[1]) Ср. И. Божерянов. Гр. Канкрин. Спб. 1897 г., стр. 112
[2]) Сборн. Историч. О-ва. Т. 98-ой, стр. 176.

совых вопросах он был весьма мало сведущ и бессилен что-либо самостоятельно предпринять. Он сам откровенно признавался в этом.

Корф приводит слова, сказанные имп. Николаем I-ым в заседани 25-го января 1843 г.:

„В прежнее время я должен был слепо и безусловно утверждать все представленное мне по финансовой части, о которой не имел никакого понятия, но теперь, после семнадцатилетних занятий, мне стыдно и совестно было бы продолжать верить, как прежде, на слово“ [1]).

Преемнику гр. Канкрина, гр. Броку, Николай I-ый говорил:

„Очень рад, что не встречаю в тебе того всегдашнего противоречия, к которому меня приучил Канкрин. Он, бывало, придет ко мне в туфлях, станет у камина греться, и, что бы я ни говорил, у него всегда один ответ: „Нельзя, Ваше Величество, никак нельзя“ [2]).

Все это не помешало гр. Канкрину управлять финансовою частью империи 22 года.

Таким образом, самодержавнейший император Николай I-ый, по его собственному признанию, бессилен был проявлять свою волю в финансовых и экономических вопросах. Он натыкался здесь на твердое противодействие. Гр. Канкрин, хотя и навлекал на себя гневное недовольство буржуазии, по мере возможности, шел ей навстречу.

Когда нужно было произвести денежную реформу (замену ассигнаций кредитными билетами), гр. Канкрин, зная как эта реформа глубоко задевает интересы торговли и промышленности, призывает к себе крупного петербургского фабриканта и городского голову В. Т. Жукова и через него устанавливает тесную связь с промышленниками.

Немилосердно коверкая русский язык, гр. Канкрин говорил В. Жукову:

„Вы, батюшка, только немножко ополфанить этот вопрос, а выстругать его пудет немецкий мастер“.

Оболванить, почему и не оболванить—отвечал Жуков;—только будет ли это, ваша сиятельство, хорошо для вас?

„О, конечно, ошень хорошо будет“.

Гр. Канкрин откровенно брал на себя лишь роль выстругивания, предоставляя буржуазии сделать самое существенное [3]).

---

[1]) Сборн. Историч. О-ва. Т. 98-ой, стр. 176.

[2]) „Историч. Вестник“. Т. XX. 1885 г., стр. 527.

[3]) Мартьянов. Дела и люди века. Т. I, стр. 300.

Идя в денежной реформе навстречу интересам буржуазии и отдавая в ее руки основную работу по этой реформе, гр. Канкрин в то же время с чрезвычайною, необычайною резкостью, переходящею в грубость, отклонял проекты и замечания Николая I-го. На заседании 25-го января 1843 г. Государь прочел подробную записку о денежной реформе, идущую в разрез с проектом гр. Канкрина, составленным в согласии с буржуазией.

Гр. Канкрин резко заметил, что тот торговый обмен, который намечает Государь, есть „некоторого рода обман".

„Если б,—обиженно ответил Николай I-ый,—возражение министра, что тут кроется обман, было справедливо, то, конечно, уже это одно заставило бы меня бросить все дело как по важности священного в моих глазах императорского слова, так и по видам охранения публики от всякого обмана, которого, верно, никто из вас не предположил в моих намерениях" [1]).

Достаточно сопоставить эту резкую твердость министра Канкрина по отношению к финансово-экономическим проектам самодержавнейшего из русских монархов, с податливою его мягкостью в этом вопросе по отношению к представителям буржуазии, чтобы убедиться, как и при абсолютизме крупная буржуазия могла и умела проводить свою экономическую волю.

Когда вышел в отставку упрямый гр. Канкрин, все же старавшийся идти своею дорогою, и на его место был назначен более покладистый Вронченко, тотчас делается попытка создать своего рода представительство интересов буржуазии. Коммерсант Попов подает записку о необходимых экономических реформах. Председатель Госуд. Совета тотчас же на основании этой записки делает доклад Николаю I-му, и государь велит образовать особый комитет для рассмотрения поднятых вопросов. Этот комитет образовывает из чиновников министерства финансов и внутренних дел особую комиссию для „коммерсиального исследования", причем этой комиссии дается право привлекать к совещанию купцов и промышленников. Вронченко, через Кокорева, сближается с крупно-промышленным миром и берет на себя как бы его представительство. Кн. Меньшиков говорил по этому поводу, что коммерции советник Кокорев сделался тайным советником нашего правительства. Вронченко не принимал никаких сколько-нибудь серьезных мероприятий, не посоветовавшись предварительно

[1]) Ср. И. Божерянов. Граф Канкрин. Спб. 1897 г., стр. 211.

с Кокоревым. Последний подавал министру записки, постоянно вызывался для личных бесед и несомненно имел право именоваться негласным товарищем министра финансов.

Чувствуя, что теперь министр вполне „свой" человек, В. Кокорев увлекается самыми широкими затеями. В 1844-м году он подает министру Вронченко известную записку, в которой доказывает, что „в откупах, управляемых по стародавним формам, не дано откупному делу торгового, этого приманчивого и увлекательного направления, а оттого и остается часть денег не выбранная из капитала изобильно обращающегося в народе", предлагая издать такие правила, которые „увеличат выбор денег из народного капитала, потому что торговля питьями получит ту цивилизацию в отношении роскоши, которая теперь усвоилась для всякой другой торговли". Искомую „цивилизацию" Кокорев получил вполне—он становится крупнейшим винным откупщиком, в его руках сосредоточивается раздача винных откупов, а с этим вместе и отдача на кормление откупщикам огромных пространств. В то же время он—свой человек в министерстве финансов и без его советов не предпринимается крупных дел.

В 1848-м году, когда абсолютизм находился в зените своего развития и теория ограниченного ума подданных ненарушимо царила, тарифный комитет постановляет допустить ввоз железа и чугуна морем, проектируя пошлины на чугун в 30 к. морем и 20 коп. сухопутно. Министерство финансов всецело присоединяется к этому проекту. Купцы, торгующие железом, поддерживают это мероприятие, но фабриканты и заводчики видят в этом ослабление протекционистской системы и поднимают энергичный протест. Два богатых и влиятельных железозаводчика, Мальцев и Пастухов, становятся выразителями этого недовольства и представляют министру финансов записку, в которой настаивают на запрещении ввоза иностранного железа морем. „В виду таких заявлений заинтересованных элементов—пишет новейший историк нашей таможенной системы—министр финансов, в противоположность мнению своего министерства, пришел к заключению, что допущение ввоза железа морем может сделать русскую железноделательную промышленность невыгодной, привести ее к упадку, и Госуд. Совет оставил ввоз этих металлов морем запрещенным". [1]). Когда в том же

[1]) М. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск. 1911 г., стр. 36.

1848-м году возникли слухи о предстоящем понижении пошлины на пряжу, московские фабриканты всполошились и моментально принялись подавать записки. Прислушиваясь к говору москвичей, московский генерал-губернатор кн. Щербатов спешит отправить секретное письмо министру финансов, осведомляя его о настроении московских бумагопрядильных фабрикантов.

После смерти Николая I-го, с общественным оживлением, а затем и отменою крепостного права, начинается период усиленного капиталистического строительства. Промышленность и торговля делают быстрые успехи. Выростают города и городское население. Выкупные платежи вливаются широкою золотою струею в производство и сильно раздвигают его рамки. Буржуазия получает несравненно более высокий, чем в дореформенное время, экономический вес. Но ее по-прежнему не тянет на широкую арену политической борьбы. Правда, Кокорев суетится и цветет застольным красноречием, но высотою диапазона своего патриотизма он превосходит дворянство. Все его речи представляют гимн правительственным мероприятиям.

Не выступая на сцене политической борьбы, не питая никакого влечения к широкой общественной деятельности, наша буржуазия шестидесятых и семидесятых годов продолжает твердою стопою итти по пути совещательного, ходатайствующего представительства. При закрытых дверях канцелярий, с глазу на глаз с бюрократией, она продолжает ходатайствовать о проведении одних мероприятий и отмене других. Правительство идет на встречу ее желаниям, предупреждая этим необходимость самостоятельных ее выступлений.

Когда в конце шестидесятых годов на очередь стал вопрос о таможенной реформе, которая всегда была у нас связана с известным политическим курсом, вялая и инертная буржуазия обнаруживает кипучую энергию. Через печать, собрания, записки и ходатайства она старается воздействовать на правительство. С этою целью она мобилизует даже рабочих. Рабочие ткацкой фабрики Бутикова, в Москве, подают всеподданнейшее прошение, с несколькими сотнями подписей. В прошении этом мы, между прочим, читаем: „До нас достигла весть о заключении немецкого договора о провозе из-за границы товаров беспошлинно или с понижением пошлин, от чего наши младенчествующие фабрики, заводы и ремесла должны пасть невозвратно от наводнения европейских товаров, и от того миллионы русского народа с нашими семьями останутся без пропитания. Россия нуждается более других государств в развитии фабрик,

и если заключить договор с немецким таможенным союзом, то в России останется до 40 миллионов жителей без дела и занятий. Мы осмеливаемся утруждать Вас, Великодушный Монарх, и уверены, что Ты не допустишь до того, губительного для твоих подданных; умоляем, оживи и обнови науки, художества и промышленность русской земли и не внемли советам иноземцев".

И рабочих фабрики Майкова втянули в эту борьбу за удержание высокого покровительства промышленности. Рабочие эти подают на высочайшее имя прошение, в котором, между прочим, говорят:

„Теперь что-то становится тяжелее; работа пошла тише, хозяева уменьшают народ, говорят, что это делается через заграничный товар с понижением тарифа. Если это будет верно, то нам придется очень плохо, потому что у нас, в Московской губернии, одним хлебопашеством, без мастерства, жить нельзя. Потому просим тебя, Великий Государь, сколько возможно, не пропущать без пошлины такого товара, который у нас может отнять нашу мастеровую выработку... Мы надеемся, что вы, Государь, изливаете одну милость для улучшения всех подданных. Обними нас своею царскою любовью, Великий наш Государь. Дай нам возможность по-христиански в поте лица добывать себе кусок насущного хлеба". [1])

Помимо этого плохо подделанного гласа народа пускается в ход и политическое запугивание. Правительству внушительно напоминается, что французская революция 1879 года была в значительной степени вызвана существовавшим во Франции стремлением к отмене таможенного покровительства, что вызвало безработицу и волнения среди рабочих. [2])

Обсуждение нового таможенного тарифа в конце шестидесятых годов обнаружило чрезвычайную сплоченность, энергию и решительность буржуазии. Характеризуя поднятое этим вопросом возбуждение в торгово-промышленной среде, „Отечеств. Записки" писали:

„Возбуждение и внимание к тарифу среди фабрикантов очень велико. Они употребляют все возможные усилия, чтобы повлиять на решение тарифной комиссии. Они действуют и через

[1]) Ср. М. Соболев. Таможенная политика России. Томск, 1911 год, стр. 275.

[2]) Ср. Ладыженский. История русского таможенного тарифа., Спб., 1886 г., стр. 261.

земство, через другие собрания и через печать. Всюду один дружный клик: отечество погибнет, если тариф не возвысится".

Обозреватель другого журнала,—„Вестника Европы",—отмечает характерный факт, что при обсуждении этого вопроса единственный класс, получивший представительство своих интересов, был буржуазия.

„Ошибкой было давать,—писал „Вестник Европы",—в тарифной комиссии право решающего голоса представителям промышленности. Они поставили интересы своего привилегированного класса выше интересов всего общества. Представительство же одного привилегированного класса хуже отсутствия всякого представительства".

Но, однако, когда в комиссии наметилось среди участников широкое течение против неумеренного покровительства и течение это нашло поддержку со стороны купцов, то представители промышленности прибегают к бойкоту и подают резкое заявление, в котором пишут, между прочим:

„Нас всячески сбивают на уступки, с нами торгуются, точно речь идет не о русской народной промышленности, которую мы в силу данного нам поручения обязаны защищать, а о личных интересах и барышах немногих фабрикантов. Слова, будто фабриканты—монополисты, что их надо разоблачить, что фабриканты хотят только запугать правительство, предсказывая расстройство промышленности от понижения пошлин,—все это оскорбляет нас, как депутатов, и в лице нашем промышленное сословие. Мы думали, что прения в комиссии будут вестись вполне беспристрастно и хладнокровно, но этого мы не нашли и поэтому считаем свое присутствие совершенно излишним". [1])

С интересующей нас точки зрения большой интерес представляют „экономические обеды", которые в продолжение целого ряда лет устраивались в Петрограде для обсуждения социально-экономических вопросов. На обедах этих собирались представители крупной бюрократии, финансового мира и тех отраслей промышленности, которые заинтересованы были в понижении пошлин. Поднимались тут и обсуждались самые разнообразные вопросы, зачастую выходящие за рамки торгово-промышленных. На этих обедах промышленники были скудно представлены, заслоненные бюрократами, финансистами и экономистами. Вследствие этого на обедах высказывались взгляды,

---

[1]) Ср. М. Соболев. Таможенная политика России. Томск. 1911 год, стр. 272.

идущие в разрез со стремлениями заводчиков и фабрикантов и возбуждавшие их великий гнев. В свою очередь, эти фабриканты устраивали свои, так сказать, контр-обеды и вели запальчивую и неустанную борьбу с посетителями „экономических обедов", происходивших в ресторане Донона.

Бюрократия прислушивалась к прениям этого застольного парламента. „Московские Ведомости" раздраженно писали о дононовских экономических обедах, как о „праотце всех наших застольных парламентов и других говорилен". Между либеральным „Голосом" и московской газетой возникла любопытная полемика. „Голос" взял дононовские обеды под свое покровительство и обвинял „Московские Ведомости" в доносительстве. „Никто не может запретить частным людям,—доказывал „Голос",—обмениваться в ресторане за обедом своими мнениями по экономическим вопросам. Это дело частное и семейное". Московская газета доказывала, что это—репетиция парламента.

В полемику вмешался сотрудник „Нового Времени", покойный К. А. Скальковский, яростный защитник протекционизма. „Совершенно несправедливо,—писал он, отвечая „Голосу",—называть „экономические обеды" частными, семейными явлениями. Они, быть может, частные явления в глазах полицейского пристава местного участка, так как обедающие и препирающиеся мирно чиновники и капиталисты не представляют из себя никакой ассоциации, противной законам; но в глазах мыслящего публициста периодический обмен мыслей по важнейшим экономическим и государственным вопросам между наиболее выдающимися представителями нашей финансовой администрации и биржевой плутократии вовсе не частное явление, а, наоборот, весьма общественное и весьма крупное".

Больше всех рвал и метал Кокорев. Лиц, принимавших участие в этих обедах, он называл „они", и под этим названием свел против них ожесточенную войну, приписывая им чрезвычайно крупную роль в направлении всей нашей экономической политики. Он писал, что кружок лиц, участвующих в этих обедах, „стремится в кабинеты высокопревосходительных лиц и салоны высокознатных барынь для распространения в них своих взглядов, дабы потом, мало-по-малу расширяя свой круг, забрать в свои руки направление правительственной власти... *Они* не замедлили поступить на места в тех кабинетах и комитетах, откуда проистекает действие власти. В это время они усидчиво работали по сочинению новых законопроектов... Зна-

чение фирмы *они* непомерно сильно: к ней принадлежит множество влиятельных лиц, и ее принципы укоренились не только в мыслях этих лиц, но даже вошли в штукатурку тех присутственных кабинетов, где заседают члены могущественной фирмы „*они*". [1])

От В. Кокорева не отставал К. Скальковский. На обедах, которые, в свою очередь, устраивали представители буржуазии, в противовес „дононовскому" парламенту сторонников свободной торговли, К. Скальковский произносил красноречивые речи. На одном из этих обедов, устроенном в честь А. Н. Шипова, К. Скальковский напомнил, что вступая на престол, Александр II-ой обещал всем „покровительство". И отсюда вывел заключение, что государь взял на себя формальное обязательство покровительства промышленности.

„Освободитель России,—заявил К. Скальковский,—вступая на престол сказал, „чтобы каждый мог под сенью законов, для всех равно справедливых, для всех равно *покровительствующих*, наслаждаться в мире плодов невинных..." Пожелаем же, м. г.г., чтобы и в будущем промышленность наша всегда имела это, необходимое ей, „законное покровительство".

Дононовским обедам К. Скальковскай приписывал чрезвычайно крупную роль в истории нашей экономической политики.

„Гастрономические обеды у Донона,—писал он,—Безобразов обратил в экономический парламент, имевший огромное влияние на русскую жизнь. Здесь entre poire et fromage были разрешены многие капитальные государственные вопросы, от которых до сих пор охает русский народ". [2])

Победа осталась за сторонниками протекционизма. Неумеренное покровительство, под давлением фискальных интересов государства и энергичной кампании буржуазии, в конце-концов, одерживает верх.

В предшествующей главе мы уже видели, как велика и реальна была „совещательная" роль буржуазии в восьмидесятые и девяностые годы. Буржуазия, как мы видели, держалась в эти политически тишайшие годы с возрастающим сознанием своей силы и фактически она добилась ответственности перед собою, по крайней мере, министерства финансов. Министр финансов Н. Г. Бунге, пытавшийся отстаивать независимую фи-

---

[1]) Ср. В. Кокорев. „Русск. Арх.", 1887 г., кн. 7, стр. 396.

[2]) Ср. К. Скальковский. Наши государственные и общественные деятели. Спб., 1891 г., стр. 101.

нансовую политику, в особенности в социальных вопросах, был свергнут буржуазией и она посадила на место строптивого профессора своего человека—Вышнеградского, который откровенно заявил, что он всегда к услугам буржуазии, и доказал это на деле.

Во время министерства С. Ю. Витте правительство не только не препятствует объединению и „совещательному" представительству буржуазии, но, наоборот, всячески ему содействует. В то время, когда во всей стране неумолимо преследовались всякие „скопом" заявляемые мнения, промышленникам не только не запрещалось организовываться, но правительство, в лице С. Ю. Витте, их об этом просило. Обращаясь к представителям биржевых комитетов, министр финансов говорил: „Старайтесь возможно часто видеться, съезжаться, совещаться о своих нуждах. Если вы будете объяснять правительству ваши нужды в обстоятельной и убедительной форме, вы скорее получите их удовлетворение. Имейте свои органы печати для выяснения всех ваших интересой и прав... Постарайтесь влиять на общественное мнение; для вас всего важнее возможность публичного выяснения ваших мнений, а этого вы достигнете лишь путем своей организации. Организуйтесь так, чтобы вы могли периодически съезжаться на общие и областные съезды, чтобы у вас были свои постоянные бюро или иные учреждения, которые объединили бы вас".

При С. Ю. Витте получает свое завершение тот процесс сближения буржуазии и правительства на почве практической работы по созданию новых норм и форм всей торгово-промышленной жизни, который нам не раз приходилось отмечать на протяжении новейшей истории русской буржуазии.

При С. Ю. Витте буржуазия получает постоянно действующее совещательное представительство. Ни один, сколько-нибудь крупный вопрос из области социально-политической жизни не разрешается без непосредственного участия представителей буржуазии. Между правительством и буржуазией устанавливают прочный и надежный политический провод.

Правительство далее в девяностых годах всячески содействует организации и объединению буржуазии в один сплоченный и сознательный класс. Созывая в 1903 году в Петербурге „совещание представителей биржевых комитетов", министерство финансов указывает, что одною из целей этого совещания является желание правительства, чтобы „само биржевое купе-

чество могло обсудить и наметить те меры, какие ему представляются существенными и настоятельными".

В официальной „Объяснительной записке к проекту положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса и о биржевом устройстве", прямо указывалось на то, что торгово-промышленные съезды „создали у нас впервые более или менее правильное представительство интересов промышленного класса". И на это официальный документ указывает, как на заслугу правительства, как на политический плюс в ту эпоху, когда малейшие и скромнейшие шаги в сторону организации общественного представительства гневно рассматривались и сурово карались, как „бессмысленные мечтания" и крамольные затеи.

Мы привели вереницу фактов, растянувшихся на длинном протяжении от Петра Великого до порога первой русской революции. Недостаток места не позволяет нам подробно проследить работу буржуазии в этих органах совещательного представительства и обрисовать как механизм, так и итоги ее воздействия на работу правительственного механизма. Но для изображения общей картины закулисного совещательного представительства интересов промышленности и торговли и давления буржуазии на весь курс и весь круг правительственной экономической политики, достаточны и те иллюстрации, которые мы привели.

Наша буржуазия на первых порах росла в значительной степени на всем готовом; ее развитие в сильной мере носило казенно-коштный характер. Политически приученная правительством, выросшая в страхе правительственном, на его иждивении, она не вступала на путь открытой политической борьбы. И путь совещательного представительства, ходатайств, закулисного воздействия на правительственную власть не мало содействовал политическому умиротворению, кажущемуся политическому индифферентизму крупной буржуазии. Политически усыпляющее действие оказывала на буржуазию та предупредительность и предусмотрительность, с которою правительство шло навстречу ее пожеланиям и прислушивалось к ее голосу.

В 1906 году на тридцатом съезде южных горнопромышленников крупный фабрикант Кгаевский откровенно и успокоительно доказал, что надвинувшиеся бурные события не должны беспокоить русских промышленников и тревожным гудком созывать их на путь открытия политической борьбы.

„Участвуя почти 30 лет,—заявил он,—на съездах, я привык смотреть так, что представители наши в высших правительственных сферах, будучи всегда в курсе дела, всегда умели своевременно предупреждать разного рода явления и неожиданные распоряжения по отношению нашей промышленности". [1])

Этот факт отмечали неоднократно и представители буржуазии и представители правительства.

В 1905 году в совете по горнопромышленным делам один из виднейших руководителей нашей буржуазии Н. С. Авдаков говорил:

„Практика такова, что до сих пор нас никто никогда ни в чем не стеснял, и даже, напротив, мы всегда пользовались широким простором".

С другой стороны, правительство устами члена совета министерства финансов Кобеко с полным основанием заявило на нижегородском торгово-промышленном съезде 1896-го года:

„Министерство финансов признало нужным ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленного класса по вопросам, наиболее их интересующим. Так поступало оно и прежде. Свыше 40-летняя деятельность моя по министерству финансов дает мне право и основание засвидетельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества". [2])

Так своеобразно складывались взаимоотношения между буржуазией и правительством.

Русская буржуазия не искала политической власти в западноевропейском смысле этого слова. В этом отношении между нею и буржуазией Запада большое и резкое различие. Но отсюда не следует делать тот вывод, который так охотно у нас делался,—вывод о политическом бессилии буржуазии, об ее покорном подчинении той судьбе, которую ниспошлет ей всесильное правительство. Мы видели, что это не так. Русская буржуазия далеко не пассивно и далеко не безропотно относилась к экономическому и с ним нерасторжимо связанному политическому курсу правительства. И последнее, в свою очередь, чутко прислушивалось к настроению крупной буржуазии, шло навстречу ее нуждам, оказывало содействие ее организации и сплочению.

---

[1]) Ср. Труды XXX-го съезда горнопромышленников юга России. Харьков, 1906 г., стр. 397.

[2]) Ср. Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем-Новгороде. Т. I.

Глава III.

Правительство и частные богатства.

Рост частных богатств в Зап. Европе и России. Правительство, как источник обогащения. Богатства милостью правительства. Личные качества и богатства. К истории крупных богатств. Взятка, как средство обогащения. Богачи из крепостных и раскольников.

В истории Западной Европы процесс зарождения и роста крупных состояний и капиталов нерасторжимо сплетен с процессом энергичной и неустанной борьбы третьяго сословия за права человека и гражданина.

В этой неустанной борьбе, наполнившей своим шумом всю новую историю Европы, определившей весь ее основной драматический репертуар, вырабатывалось и закалялось чувство личности.

Рост личности горожанина, становившегося гражданином, как кислота разъедал старые хозяйственные устои феодального общества и он же, как дрожжи, поднимал промышленные силы страны. Прилив новых могучих производительных сил бился в старых и тесных феодальных рамках и по всей стране поднимал и разливал чувство личного достоинства и политического недовольства.

Города стягивали к себе всех социальных протестантов, как в фокусе ярко концентрировали их сознание и поднимали знамя борьбы со старым порядком. Личность горожанина, оторванная от феодальных уз и заветов, явилась живою носительницею пробуждающегося буржуазного духа.

На Западе сосредоточение капиталов в определенных руках совершалось в атмосфере суровой экономической борьбы представителей новых экономических сил с носителями старой политической власти.

Для того, чтобы в этой борьбе устоять и восторжествовать, нужны были известные личные способности—настойчивость, энергичность, бесцеремонность, жажда личных благ.

Западно-европейский горожанин обретал свои капиталистические права и округлял свои капиталы в борьбе со старым порядком, развивая как раз те качества личности и хозяйственной психики, которые нужны были ему для победы над старою властью.

Он закладывал в поры старого феодального общества, точно порох, свои частные капиталы, приобретенные личною борьбою, личною удачливостью, личною ловкостью—и старое сословное здание было взорвано. В борьбе с сословным строем европейский горожанин поднял знамя личных прав, личного достоинства, личной годности.

Существенно иной характер носит процесс роста частных богатств у нас в России. Русское правительство самым энергичным и непосредственным образом участвовало в процессе образования частных богатств. Не только дворянство, но и буржуазия делает свои первые экономические завоевания и наживает свои крупные капиталы с разрешения, а то и прямого высочайшего повеления власти.

Принцип личной годности, выдвинутый буржуазией в борьбе с феодальной властью, опиравшейся на предустановленные сословные начала, в России провозглашается впервые Петром Великим и кладется в основу знаменитой бюрократической табели о рангах.

И по отношению к дворянству и по отношению к буржуазии русское правительство выступало, как единственный источник экономической благодати, припадая к которому только и можно было нажить крупное состояние.

Правительство усердно и успешно вселяло и дворянству и буржуазии убеждение, что всякое частное благосостояние от правительства:—правительдтво его дало, правительство может и взять. Частное богатство появлялось и рассматривалось, как следствие милости правительства, как правительственная награда за благонравие политического поведения. Смирением, а не в борьбе приобретались частные крупные богатства и дворян, и буржуазии. Ценою полного политического обезличивания поднимались и дворяне, и промышленники к вершине богатства.

Эти своеобразные особенности наложили яркую печать на весь ход развития нашей буржуазии, на ее хозяйственный быт и политическую психологию. И не только буржуазии: частные богатства русского дворянства расли и распадались под непосредственным давлением и при активнейшем участии правительства.

„История наших частных богатств,—основательно замечает Карнович,— чрезвычайно разнится от истории таких же богатств в государствах Западной Европы. Тамошняя аристократическая, а не только служилая знать являлась ко двору госу-

дарей для того, чтобы, поддерживая его блеск, проживать наследственное свое достояние. Таким образом, при пышном дворе Людовика XIV разорились самые знатные фамилии Франции. У нас же, наоборот, близость ко двору внушала приятные надежды на разживу, и надежды эти осуществлялись очень часто" [1]).

При крепостном строе и слабо развитой промышленности основным источником обогащения являлось, конечно, обладание землею и крещенною собственностью, т.-е. крепостными. В течение целых веков шла широкая и щедрая раздача дворянам земель и крепостных. В период 1682—1711 г.г. правительство жалует разным лицам 43½ тысячи дворов, 506 тысяч десятин пашни, а в общей сложности более миллиона десятин земли. При Екатерине 2-ой земли раздаются в скромных размерах: было пожаловано всего 9 тысяч десятин. При Петре I-м одним Долгоруким жалуется 44 тысячи душ, кн. Черкасскому—40 тысяч десятин. При Елизавете военные, содействовавшие дворцовому перевороту, получают 14 тысяч душ. При Петре III раздача крепостных и земель получает еще более широкий характер. По подсчету кн. Васильчикова, до восшествия на престол Екатерины 2-ой путем пожалований знатные дворяне приобрели 389 тысяч душ. При Екатерине 2-ой эта раздача земель и крепостных, в виде подарков ловким и льстивым любимцам, принимает особенно широкий характер. Орлов получает в дар от императрицы 45.000 крестьянских душ, Зубову жалуются два населенных уезда, Васильчикову—7.000 душ, князю Вяземскому—23.000 душ, Зоричу—14.000 душ и т. д. В общем за время царствования Екатерины II-ой частным лицам было роздано 80.000 ревизских душ. Как только восходит на престол Павел Петрович, гр. Куракин составляет список лиц, которых признано необходимым одарить. Таких лиц внесено было в список 105, им было роздано 82.330 крестьян. После этого непрерывно идет новая раздача земель и крестьян. Камердинер Павла, Кутайсов, получает в Моршанском уезде 24.000 десятин, в Курляндии—36.000 десятин, в Тамбовской губ.—5.000 душ и на Волге рыбные ловли, приносившие 500.000 руб. доходу. „Близкие к государю люди, рассказывает Державин,—вскоре по вступлении на престол Павла Петровича, выпросили себе у него великое количество на выбор луч-

[1]) Ср. Е. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. Спб. 1885 г., стр. 11.

ших казенных земель, и для удовлетворения их правительство отбирало у казенных крестьян все лишние земли сверх 8 десятин на душу". Эти отобранные у крестьян земли знатные дворяне сплошь и рядом вновь продавали тем же крестьянам, наживая на этом барышничестве крупные состояния. По сведениям, которые мы могли собрать,—говорит кн. Васильчиков,—приобретено было высочайшими пожалованиями в царствование Павла 114.896 душ [1]). Эта статистика, конечно, неполна. От ее учета ускользали тысячи десятин и десятки тысяч душ. Но и те цифры пожалований, которые ею зарегистрированы, показывают, какой глубокий и неисчерпаемый источник богатства держало в своих руках правительство и как щедро оно черпало оттуда для всех, сумевших приобрести его милость и внимание. Все располагавшие крупными политическими связями, могли быть уверены, что личное их богатство им обезпечено.

Иногда земли и крестьяне раздавались по самым ничтожным, часто анекдотическим поводам. Павел I-ый отдает Каннабиху приказание. Каннабих стремглав, с раболепным видом, мчится исполнить его, по дороге он теряет треуголку. „Голова тут, Ваше Императорское Величество",—кричит Каннабих, продолжая скакать [2]). Дать ему тысячу душ крестьян приказывает Павел. Г-жа Н. выпросила у государя 2.000 душ для герцога Шуазель-Гуфье за то, что он сочинил в ее честь нотные стихи и рисунки. [3]). Таких фактов в русской истории можно найти множество.

Единичные счастливцы, попавшие в число фаворитов, составили себе в самое короткое время несметные богатства. За шестнадцать лет своего владычества Бирон нажил 16.000.000 р., сумма по тогдашним ценам колосальная. Когда он впал в немилость, у его жены было конфисковано платьев на 400 тысяч руб., бриллиантов на 800.000 и денег на 3.000.000 р. В манифесте, изданном по поводу устранения Бирона, откровенно указывалось, что этот бывший конюх прибыл в Россию в „мизерном состоянии", а теперь „его богатство всему свету ясно". „Бирон,—читаем мы там,—похищал несказанное число казенных денег и прочих вещей и сильными своими нападениями у российских некоторых людей забрал несколько сот тысяч

---

[1]) Ср. Кн. А. Васильчиков. Землевладение и земледелие, т. I. Спб. 1876 г. стр. 452.

[2]) „Русск. Стар.". 1870, апр.

[3]) Архив кн. Воронцова, т. VIII, стр. 183.

рублей, через что оных в разорение привел". „Сколько миллионов истрачено было,—восклицает в своих записках Миних,—на покупку драгоценностей для семейства Бирона! Во всей Европе ни одна королева не была так богата ими, как герцогиня Курляндская". Потемкин за два года пребывания в милости получил от Екатерины II-ой 37.000 душ и 9.000.0000 руб. деньгами.

С вступлением на престол Александра I-го эра расточительной раздачи крестьян, как будто, прекращается. Когда к Александру обратились с просьбой о пожалования имений, он ответил: „Русские крестьяне по большей части принадлежат помещикам. Считаю излишним доказывать унижение и бессилие такого состояния, а потому я дал обет не увеличивать числа этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян". Но если раздаче крестьян решено было положить конец, то это еще не означало конца раздачи земель. Император поспешил успокоить знатных просителей: „имение, о котором просите, будет пожаловано в аренду вам и вашим наследникам, следовательно, вы получите желаемое, но только с тем, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы, подобно безсловесным животным".

Раздача населенных имений приняла форму раздачи земель в аренду. Еще большую экономическую роль продолжает играть раздача земель ненаселенных. В период 1796—1856 г.г. было пожаловано 2,4 мил. десятин, т.-е. по 40 тысяч десятин в год. В последующее время эта раздача земель не прекращается, захватывая преимущественно окраины, но в экстренных случаях распространяясь и на центральные области. По данным „Исторического обозора 50-летней деятельности министерства государственных имуществ" (Спб. 1888 г.), в период 1857—1887 г.г. в Европейской России было пожаловано разным лицам 982.000 десятин земли. Земли щедро раздавались в Сибири, на Кавказе, на побережьях Черного моря. После польского восстания 1863 г. без торгов, по анекдотически низким ценам, было продано в Польском крае более полмиллиона десятин земли разным лицам, заслужившим милость правительства. В Уфимской и Оренбургской губерниях за десятилетие 1871—1881 г.г. правительство распродало чиновникам по средней цене в 7 руб. 88 коп. за десятину, 451.300 десятин [1]).

---

[1]) Ср. В. Святловский. Мобилизация земельной собственности в России. Спб. 1911 г., стр. 107.

Земли в Оренбургской губ. раздавались с изумительною расточительностью. Чиновники, прослужившие там два-три года, получали 2-3 тысячи десятин в самом центре лесной Башкирии, на судоходных реках. Попечитель учебного округа, прослужив в Оренбургской губ. четыре года, получает плодородный участок земли в несколько тысяч десятин. Учитель гимнастики получает за две тысячи руб. с разсрочкою платежа на 37 лет, 1.000 десятин земли, приносящей 900 руб. годового дохода [1]). В Оренбургском крае лицо со связями приобретает участок за 500 руб. и через несколько дней продает его крестьянам за 15.000 руб. Эта эпопея расхищения башкирских земель показала, что и в семидесятых годах прошлого века приобретение земельных богатств находилось в нераздельной связи с политическим весом лица, с его положением в „сферах, с его „политическим формуляром". Лица, служившие в составе губернского правления,—писало даже „Новое Время",—пользуясь весом губернатора, а через него влиянием на полицию, склоняли башкир к составлению приговоров о продаже земли разным покупателям и сами по дешевой цене скупили до 30.000 десятин с корабельным лесом.

Земли щедро раздавались не только в дикой Башкирии. С 1860 г. в Самарской губ. в общей сложности было пожаловано высокопоставленным лицам до 700.000 десятин. На Кавказе в 1866—1875 г.г. 26.000 десятин были пожертвованы различным выслужившимся лицам, а 50.000 десятин были проданы за бесценок различным чиновникам. В конце 1880 г., по сообщению „Русского Курьера", были розданы чрезвычайно ценные участки нефтеносных земель, несмотря на то, что в 1873 г. эти земли были причислены к неприкосновенным, неотчуждаемым, и частные лица не могли приобрести их даже за очень большие деньги. Квадратная сажень нефтеносной земли стоила от 10 до 25 руб., а десятина от 25 до 60 тысяч руб. И вот эти-то золотые россыпи раздавались щедрою рукою. Ген. Старосельский, кн. Амилахвари, кн. Витгенштейн получают в подарок по десяти тысяч десятин, т.-е. на деньги по 250—600 тысяч руб. [2]). Бесконечная раздача замель кавказским чиновникам заставила „Голос" воскликнуть: „Мы решительно не знаем, когда же наконец государство выплатит свои долги кавказскому чиновничеству за его заслуги отечеству, чтобы

[1]) С. Кривенко. Собр. соч. Спб. 1911 г., стр. 140.
[2]) Ср. С. Кривенко. Сочинения, стр. 142, 147, 148.

положить конец столь хищнической эксплоатации государственных имуществ. Давно ли, всего несколько недель назад, этому чиновничеству пожаловано 45 десятин нефтеносных источников."

Новейший исследователь эволюции земельных отношений, г. Огановский, показывает, как пожалования населенных и ненаселенных земель вели к концентрации земельной собственности и к отклонению процесса хозяйственной эволюции России в сторону сильного, искусственно вызванного роста крупного землевладения [1]).

В начале 1861 г. М. Н. Муравьеву, бывшему тогда министром государственных имуществ, было пожаловано, по представлению министра двора и уделов гр. Адлерберга, 21.817 десятин земли в Ставропольском уезде, Самарской губ. Муравьев выбрал лучшие земли.

5-го марта государь утверждает особые правила о выдаче ссуд при покупке русскими имений в Западном крае. Для этого образован был особый фонд, и люди со связями не замедлили использовать его для приобретения имений.

Вследствие этого не столько сельско-хозяйственные доходы, не столько земельная рента, сколько великие милости правительства вели к тому, что в руках дворянства сосредоточивались большие капиталы и богатства. И мы уже видели в главе о дворянской буржуазии, что родовитые дворяне не брезгали пускать эти капиталы в торгово-промышленный оборот. Образовалась социальная помесь из родовитого дворянства, промышляющего всякими делами, скапливающего в своих руках капиталы, проистекающие и из рога изобилия правительственной милости и просто милостыни, и из торгово-промышленных дел, и из земельной ренты.

Этим путем образовались чрезвычайно крупные капиталы и капиталисты, умевшие безмятежно сочетать дворянскую спесь и презрение к торговцам и купчишкам с занятием самым неразборчивым делечеством.

Уже при Петре Великом и барон Шафиров, и гр. Толстой, и даже сам кн. Меньшиков усердно занимаются устройством фабрик и берут откупа. При Елизавете Петровне мы встречаем среди предпринимателей носителей громких фамилий: гр. Шувалова, гр. Михаила Воронцова; Петрово-Соловово, кичивший-

[1]) Н. Огановский, „Очерки по истории земельных отношений в России". 1911 г.

ся своей близостью к царской фамилии, нажил огромные деньги винно-откупною деятельностью. При Екатерине II-ой мы встречаем среди винных откупщиков: кн. Юрия Долгорукого, кн. Сергея Гагарина, кн. Куракина и др. Еще в старые времена родовитые русские бояре и дворяне не брезгали даже и отдачей денег в рост. Когда в шестнадцатом веке обанкротился английский купец Мярш, то в числе его кредиторов оказались и сам государь и монастырский старец Иона, а самым крупным кредитором, предъявившим на Мярша две „кабалы“ (векселя) был боярин Борис Годунов. Самые богатые люди старой Руси, Строгановы, соединяли в своих руках колоссальные богатства землями на-ряду с обширными промышленными делами. Уже во времена Михаила Федоровича ежегодный оборот Строгановских дел перевалил на наши деньги за миллион руб., а чистый годовой доход достигал трехсот тысяч. И это по официальным, значительно преуменьшенным данным [1]).

Перейдем к другому ряду фактов, относящихся к области денежных капиталов и промышленных предприятий. И здесь правительственная власть являлась источником материального благополучия. При Петре Великом фабрикантам и промышленникам щедро раздаются земли, деньги и крепостные рабочие. Фабрикант Тамес получает село Кохмус с 641 крестьянским двором. К заводам Демидова на Урале приписываются многолюдные слободы, причем Демидову милостиво разрешается отдаваемых ему крестьян „бить батогами и плетьми, железами только в той мере, чтобы чрезмерною жестокостью их не разогнать“. Крупных промышленников награждают всяческими привилегиями и монополиями. Фабриканты, купцы и промышленники стараются обратить на себя милостивое внимание правительства. Те, которым это удается, становятся баловнями судьбы. Их осыпают золотым дождем всяческих подарков, субсидий, монополий. По всякому поводу они обращаются к правительству, не встречая отказа. В особенности идут в гору те промышленники, которых случай или связи поставили на вид у правительства. Они получают крепостных, земли, заказы, деньги, оброки. Еще больше и в этом отношении счастливится фаворитам. Екатерина пишет о деятельности известного „медного банка“: „Щедрость сената доходила до того, что медного банка трехмиллионный капитал почти весь роздали

---

[1]) Ср. М. Покровский. Очерк истории русской культуры. М. 1915 г., стр. 100.

заводчикам, кои, уничтожая заводских крестьян работы, платили либо беспорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые из казны деньги в столице".

С другой стороны, со всяким провинившимся перед ним промышленником русское правительство при Петре и его преемниках поступало так же решительно и круто, как и с впавшим в немилость высокопоставленным лицом. У них отбирали фабрики и заводы, их лишали всего их состояния, их лишали, „отрешали" от звания фабриканта, как отрешают чиновника за служебный проступок. Подобно тому, как помещик рассматривал все личное достояние крепостного, как свое добро, которое в любую минуту можно отобрать, так и правительство в восемнадцатом веке смотрело на частные богатства помещиков и промышленников, как на сделанные им правительством подарки, которые в наказание за неблагодарное или плохое поведение отбираются обратно. Чтобы получить богатство и удержать его в руках, и промышленники, и помещики стремятся заслужить правительственную милость, завязать нужные связи.

Управляющий стеклянным заводом кн. Потемкина, Грановский, чтобы устранить конкуренцию, подает, на Высочайшее имя прошение о полном запрещении ввоза в Россию стекла. „Если указ состоится,—пишет Грановский,—то от этого будет его светлости доход больше нежели от 50.000 душ крестьян в лучших местностях находящихся".

При наличности связей или при умении найти „ход", именитым промышленникам удавалось устранять своих экономических конкурентов. Барон Сиверс устраивает при Елизавете крупную бумажную фабрику. Едва устроив ее, он начинает хлопотать в сенате, чтобы запретили бумажную фабрику его конкурента Ольхова, так как-де он, Сиверс, делает бумагу лучшего качества. Эти хлопоты, благодаря связям барона, увенчиваются полным успехом. В 1754 г. сенат делает распоряжение о запрещении писчебумажной фабрики Ольхова, как „бесполезной". И фабрика была закрыта [1]).

В процессе накопления больших богатств чрезвычайно важную роль сыграли винные откупа, раздача которых тоже находилась в руках правительства.

Откупщики пользовались особым покровительством губерна-

---

[1]) Ср. Соловьев. История России, т. XXIII, стр. 288.

торов, которым предписывалось оказывать им всяческое содействие.

Министр Гурьев в одном из внесенных в Государ. Совет представлений, рисуя разорительность откупов для казны и великую прибыльность для откупщиков, говорит:

„Таковые ощутительные потери дают достаточное понятие о невыгодах питейного откупа для казны, но надлежит еще обратиться к тому, чего оный стоит народу, сверх платимой в казну откупной суммы. Для разрешения сего вопроса должно принять во внимание ежегодную плату за залоги, проценты на употребленную от капитала прибыль, от которой, как известно, многие приобрели весьма избыточное состояние, все издержки на устройство и содержание, наконец, многие другие издержки, простирающиеся на важные суммы. Если все эти расходы принять в расчет, то без сомнения откроется, что сверх 52 миллионов откупной суммы собирается с народа еще по крайней мере не менее 50%, т.-е. 26 миллионов руб." [1]).

„Содержатели откупов,—пишет в другом своем представлении министр финансов,—умножая свои прибытки на счет народа и казны, мало-по-малу соединяют в небольшом числе рук великие капиталы."

Составление богатств с помощью казны, всесторонняя зависимость от казны и чиновничества, все это создавало еще один своеобразный и немаловажный источник образования больших капиталов—взяточничество.

Взятка, несомненно, сыграла в истории частных богатств в России чрезвычайно большую роль. Через всю историю России, начиная с древнейших времен и кончая нашими днями, проходит глубоко въевшееся и широко распластавшееся взяточничество, неразрывно сросшееся со всем духом и плотью социально-политического организма.

Взяточничество создало обширный источник большого незаработанного дохода для широкого круга бюрократии, полиции, поставщиков, инженеров и т. д.

Из взяток создались огромные состояния, нажитые обманом и подлогами. Возможность образования богатств этим путем явилась открытым подстрекательством к противозаконной деятельности, граничащей с уголовщиной. Пока существует обширный контингент людей, которые живут, и роскошно живут, взятками, до этих пор неизбежно вокруг и около них будет про-

[1]) Министерство Финансов. Спб. 1902 г., т. I, стр. 113.

исходить увлечение уголовщиной, как верным источником обогащения, и этот яд уголовщины постепенно заражает кровь хозяйственного организма страны.

Стремление к напряженному творческому труду и скромной прибыли падает и подрывается. Возможность с помощью получения взяток разбогатеть и, с другой стороны, с помощью всучения взяток получить чрезвычайно выгодные заказы по баснословным ценам, вызывает прилив свободных капиталов страны к тем больным язвам хозяйственного организма, которые живут казенными поставками. Благодаря этому, в стране и без того бедной капиталами и промышленной инициативой происходит искусственный прилив капиталов к одному и тому же пункту и искусственное устремление всей энергии и изобретательности на заполучение концессий, поставок, субсидий.

Возможность при помощи взятки получить миллионные барыши заставляет многих промышленников в борьбе с конкурентами прибегать не к повышению производительности труда, не к улучшению техники и удешевлению производства, а к заполучению нужных связей и к изучению подземных ходов, ведущих к казенному сундуку. Целый ряд предприятий, работающих отсталыми техническими орудиями, основанных на гнилых началах, делают превосходные дела и наживают огромные барыши только благодаря тому, что они сумели обзавестись нужным человеком, имеющим соответствующие связи.

Взятка служила, таким образом, костылем для экономически-хромающих предприятий, она задерживала рост производительности труда, тормазила переход к более совершенной технике, к удешевлению производства. Непросыхающее болото взяточничества напитывало всю социально-экономическую атмосферу страны лихорадочным исканием протекций, связей, обхода законов, как путей и источников быстрого и легкого обогащения. От трудного и медленного процесса повышения производительности русского промышленного труда отвлекаются, благодаря этому значительные капиталы, помыслы и силы. И все это вертится и суетится вокруг казенных учреждений, просовывая всюду, во всякую щель закона взятку, ища и находя в ней ключ к богатству.

В новейшее время уже не „отрешали“ впавших в немилость фабрикантов от фабрик, не жаловали промышленникам крепостных рабочих, но еще далеко не исчезло смешение законов экономического развития с законами, вырабатываемыми мини-

стерством финансов, далеко не исчезла и практика воздаяния экономическою наградою за благонравие политического поведения. В этом отношении особенно знаменательны последние годы крепнувшей реакции. Закрытие для иностранцев и даже для людей „не-русского происхождения" целых отраслей экономической деятельности, попытки национализации кредита и торговли, государственное кормление „патриотов", широкая раздача им подрядов, поставок, субсидий,—таковы новые формы вмешательства в процесс зарождения и роста частных богатств.

У нас существовал Государственный Банк. По своей задаче он должен был бы регулировать денежное обращение страны, играть чисто эмиссионную роль. На самом деле ему присваивают политические функции, заставляют оказывать экономическую поддержку целому ряду предприятий и лиц, которые не по экономике хороши, а по политике милы. Банк этот выдает внеуставные ссуды. По подсчету проф. Озерова, к 1905-му году таких внеуставных ссуд Государственный банк выдал на 100.000.000 рублей. Они выдавались лицам, обладающим очень большим политическим кредитом и полным отсутствием экономического кредита. Совет банка решительно высказался против некоторых ссуд, как безнадежных. Тогда прибегли к „внеуставным ссудам" и выдавали их, вопреки мнению совета. Датский консул Пализен несколько раз обращался за ссудою. Каждый раз совет банка не находил возможным выдать эту ссуду, в виду явной безпочвенности предприятий Пализена. Но у датского консула оказываются очень высокие связи, и он получает по нескольку раз миллионные ссуды из государственного банка.

„С легким сердцем,—говорит проф. Озеров,—испрашивались многомиллионные ссуды всеподданнейшими докладами для предприятий, безнадежность которых заведомо известна, и в то же время не хватало десятков рублей, чтобы дать ссуду какому-нибудь мелкому кустарю, бьющемуся как рыба об лед".

По подсчету, сделанному „Русск. Ведом." наши, винокуренные заводчики получают от казны взамен безакцизных отчислений 14 милл. руб., при виноградо-водочном производстве—72 т. руб., премий за очистку спирта—1285 тыс. руб., при вывозе его за границу—954 тыс. руб. При разверстке сырого спирта казна переплачивает за ведро по меньшей мере 10 коп., при 91 милл. ведер сырого спирта, покупаемого казною, это составляет 9,1 милл. руб. Если сюда прибавить переплату казны за ректификацию спирта на частных заводах (76 милл. ведер по 1 коп. за ведро), то это составит еще 760 тыс. руб.

Итого спиртозаводчики получают от казны свыше 26 милл. руб. В столь же привилегированном положении находятся и сахарозаводчики. Благодаря нормировке, сахарозаводчики ежегодно клали в карман 12—14 милл. руб., переплачиваемых потребителями.

До 17 милл. руб. в год получают от казны акционеры жел. дорог в виде приплат, пособий и др. выдач. Сплошь и рядом долги жел. дорог казне правительством „прощаются". При Александре III железнодорожные заправилы выхлопотали прощение долгов на колоссальную сумму в 706 милл. руб.

Комитет по распределению казенных заказов ежегодно одаривает железнодорожных королей на десятки миллионов.

Как щедро поддерживались у нас имеющие связи промышленные предприятия, показывает хотя бы пример пресловутого „Русского общества пароходства и торговли". В свое время были опубликованы фамилии блестящего состава участников общества. И этот блестящий состав вызвал непрестанный золотой дождь над обществом. Ему в общей сложности было выдано на 64 милл. руб. всяческих воспособлений.

В 1910-м году октябристский депутат Гос. Думы Эргард напечатал любопытную записку о десятимиллионном фонде. Тут были раскрыты прелюбопытные расходы: 251 тыс. руб. на погребение членов Госуд. Совета, 10 тыс. руб. на обстановку вице-адмиралу Авелану и т. д. В одном месте числится „различным лицам" 967.250 руб., в другом месте эта сумма достигает уже 1.619.611 руб.

Известно, как строго у нас охранялась китайская стена протекционизма; расплачиваться за него приходилось не только потребителям, но иногда и промышленникам. Им приходится выписывать из-за границы машины, инструменты, сырье, за все это немилосердно переплачивая. И тут выступают на сцену связи, с помощью которых получают льготы и изъятия. Для отдельных фабрикантов приподнимаются шлюзы промышленного протекционизма, беспошлинно пропускаются заграничные товары. В 1869-м году новороссийское общество каменноугольного, железнодорожного и рельсового производства получает разрешение на беспошлинный ввоз из-за границы всех предметов, нужных ему для устройства заводов и копей. В том же году азовский рельсовый завод богатого фабриканта Пастухова получает разрешение на беспошлинный пропуск всего нужного ему для оборудования завода и копей. В следующем году Пастухов возбуждает новое ходатайство. На этот раз за него

хлопочет наказной атаман войска Донского. Разрешение вновь дается. Через два года Пастухов вновь ходатайствует. При этом каждый раз дело идет о многих десятках и даже сотнях тысяч пудов. Министр финансов находит, что это уже чересчур. Но наказной атаман войска Донского вновь хлопочет о Пастухове, и вновь дается разрешение. Такие же разрешения неоднократно получал для своих заводов кн. Белосельский-Белозерский. Заводчик Голубев обращается к министру финансов с просьбою о разрешении ему беспошлинного провоза материала и машин для вагоно-строительного завода. К этой официальной бумаге заводчик прилагает частное рекомендательное письмо к министру финансов от некоей Елизаветы Петрищевой, которая любезно просит министра исходатайствовать Высочайшее разрешение. И министр финансов это разрешение исходатайствовал [1]).

Наконец, взятка, как источник обогащения и для дающих и для берущих, в новейшее время не только не утратила своего значения, но эта ее роль еще больше развилась и разветвилась. Бесконечные „взяточнические" процессы нарисовали чрезвычайно яркую бытовую картину, вырисовывающую, между прочим, и огромную экономическую роль взятки. В известной уже нам книге проф. И. Озерова мы находим интересные данные о нехитрой механике заполучения огромных железнодорожных поставок с помощью взяток.

При заказах на рельсы опытным и влиятельным заводчикам удалось добиться, чтобы на пуде рельсов казна переплачивала, по сравнению с рыночною ценой, до 25 коп. Благодаря такой переплате на одном лишь заказе, напр., потери казны исчислены были в 3,5 милл. руб. Иначе говоря, заводы-фавориты в декабре 1905-го года на одном лишь заказе положили себе в карман, сверх обычной прибыли, еще 3,5 милл. руб. „взяточной" прибыли.

Возможность разбогатеть с помощью правительства заставляла многих русских предпринимателей переносить центр своего внимания и старания не столько на экономические успехи, сколько на политическое благонравие. Этим путем устанавливался своеобразный искусственный подбор. Процесс роста личных богатств сплошь и рядом зависел не от высокой степени личной гордости, личного умения, личной ловкости, а от боль-

---

[1]) Ср. М. Соболев. Таможенная политика России. Томск. 1911 г., ст. 342, 344, 346.

шей способности к угодливости или от родственных и иных связей. Вне этого процесса оставался лишь тот слой богатых людей, который постепенно выделялся и обособлялся из низших народных слоев и составлял себе состояние главным образом путем эксплоатации мелкого люда, но среди крупных предпринимателей, которым волей-неволей приходилось иметь дело с казною, как источником экономических благ, сильно сказывалось влияние искусственного правительственного подбора.

Если мы опять обратимся к старине, то столкнемся прежде всего с тем любопытным явлением, что лично приобретенные богатства отличались в России чрезвычайною недолговечностью, в ближайших уже поколениях они часто таяли. На это явление обратил внимание известный дворянский публицист Екатерининской эпохи, кн. Щербатов. Он подчеркнул существующее в этом отношении различие между Европою и Россией. „Воззрим ли мы на наших купцов,—писал он,—они похожи на листья древесные, которые и от жару, и от ветру, и от осени обваливаются. Журавлевы, Истомины, Лузины, Затрапезные упали, а Пеясы в Голландии уже многие роды пребывают". На Западе складывались целые династии крупных предпринимателей, из рода в род переходили крупные торговые дома, все раздвигавшие рамки своей деятельности. В России, за единичными исключениями, крупные промышленные состояния разрушались и растрачивались. Это и понятно. На Западе рост крупных богатств совершался в зависимости от выработки и подбора известных личных качеств, необходимых для победы в экономической борьбе, и эти личные качества передавались и укреплялись из рода в род. Так складывались и крепли целые промышленные династии, в роде знаменитых Фуггеров, совершавших переворот в хозяйственной жизни. У нас место этого естественного экономического подбора в значительной степени занимал искусственный правительственный подбор. Процесс образования личных богатств сплошь и рядом был оторван от процесса выработки соответствующих личных качеств, с которым он неразрывно сросся на Западе. Лица, разбогатевшие на Руси с правительственною помощью, далеко не всегда обладали личными качествами, которые обусловливали бы их победу в суровой экономической борьбе, и часто в ней погибали, иногда сами, иногда во втором или третьем поколении. Если просмотреть биографии русских богачей восемнадцатого и частью девятнадцатого века, то видишь, что многие из них,

разбогатевшие на политической, а не на экономической почве, не были способны к той стойкой, упрямой и жестокой экономической борьбе, которую вели западно-европейские горожане или русские богатеи, вышедшие из народа и проложившие себе дорогу к богатству собственными крепкими кулаками.

И. Сигов сообщает интересные данные о родословной некоторых крупных уральских горнопромышленников. Савва Яковлев был раньше разносчиком мяса. Звонким и сладким голосом он привлек внимание к себе императрицы Елизаветы, которая и сделала его поставщиком придворной кухни и кухонь крупных вельмож. На этом поприще он наживает большие капиталы, становится поставщиком армии, затем питейным откупщиком. Во второй половине века он уже уральский горнопромышленник. Л. Лазарев, армянин по происхождению, при Петре I был скромным переводчиком. При Екатерине начинает торговать шелковыми тканями. На него падает луч внимания одного из всесильных вельмож, назначившего его придворным ювелиром. Он подносит императрице крупный алмаз и сразу попадает на стезю богатства. Ему отдают в управление крупные имения и вскоре он превращается в уральского горнопромышленника. Бар. Шемберг сделался владельцем громадных заводов исключительно благодаря покровительству всесильного Бирона, привезшего его с собою из Саксонии. На Урале он произвел такие хищения, что даже многотерпеливое тогдашнее правительство должно было попросить его вернуться в Саксонию. Саломирский разбогател исключительно благодаря тому, что его бабушка счастливо ворожила Аракчееву. Приобретя власть, Аракчеев вспомнил о бабушке и блестяще устроил все на том же Урале внука [1]). Родословные уральских богачей не обнаруживают, таким образом, блестящих личных талантов. Большинство сделалось богачами благодаря сильным мира сего.

Подобными путями складывались богатства множества русских богачей.

Совершенно иная картина развернется перед нами, если мы обратимся к тем большим русским богатствам, носителями которых явились не фавориты и баловни русской жизни, а ее пасынки и парии.

Тут мы сталкиваемся с иными характерами, иными путями

---

[1]) Ср. И. Сигов. Народ и поссессионное владение на Урале. „Рус. Бог" 1899, кн. 3.

приобретения богатств и совершенно иными их судьбами. Здесь процесс обогащения не был оторван и разобщен от процесса подбора и укрепления определенных личных качеств, личной годности для борьбы и победы на экономическом поприще. Тут богатели не из-за прекрасных глаз, не из-за успеха у женщин, не из-за привилегированного политического положения, а вследствие личного умения, личной выдержки, личного хищничества. Богатства здесь росли медленно и туго, рубль к рублю, но их держали крепко в руках, они осторожно пускались в оборот и к деньгам привлекали деньги. Именно тут мы находим исторические завязи крупных русских богатств, именно из этой среды вышли родоначальники крупнейших династий русских богачей, имена которых нераздельно связаны с историей торговли и промышленности.

Два слоя пасынков русской жизни выдвигают родоначальников крупных богачей. Это—социальные пасынки: крепостные крестьяне; это—религиозные пасынки: раскольники, сектанты.

Казалось бы, где и найти более бесплодную, более каменистую почву для роста богатств, чем почва крепостного права. Круглое бесправие, крещенная собственность, постоянная опасность помещечьей экспроприации, тяжелые поборы и беспросветная тьма—все это обрекало крепостных на беспросветную и безысходную нищету. Но, несмотря на все это, суровая школа крепостного права закалила такую выносливость, создала такие кряжистые породы, что из рядов крепостных небольшими группами, осторожно озираясь, пряча и тая свои богатства, выходили богачи, частью откупаясь на волю, а частью оставаясь крепостными. Эта любопытная группа крепостных богачей сумела сосредоточить в своих руках значительные богатства и сыграть видную роль в хозяйственном развитии страны. Многие крупнейшие русские богатства уходят своими историческими корнями в крепостную почву.

Родоначальниками крупнейших московских богачей были крестьяне, которые, еще будучи крепостными, сумели создать крупные состояния и предприятия. Основатель одной из крупнейших шелковых фабрик, Кондрашев, был крепостным помещика Бибикова. Вплоть до освобождения крестьян он оставался крепостным, успев создать крупное фабричное дело. Основатель известной фабрики стальных изделий Кондратов, был крепостным кн. Голицына. Начало фабрике ножей Завьялова кладет крепостной гр. Шереметева. Фабрикант ситцев Гучков и табачный фабрикант Жуков были крепостными. Родоначальником

знаменитой династии богачей Морозовых был Савва Морозов, крепостной помещика Рюмина, выкупившийся в 1820-м г. на волю за 17.000 рублей. Бурылины, Дербеневы, Гореловы, Морозовы, Гучковы, Каретниковы, Коноваловы, Ямановские, Грачевы и т. д., все они были крепостными и каждый из них сыграл крупную роль в истории русской промышленности и положил начало видному торгово-промышленному роду.

Параллель между богатствами фаворитов и богатствами крепостных чрезвычайно поучительна. Мы уже видели, что богатства фаворитов исчезали так же быстро, как и появлялись, не оставляя после себя сколько-нибудь глубокого следа в истории русской промышленности.

Крепостные же крестьяне были поставлены в условия, казалось, специально придуманные для устранения появления богатых людей. И несмотря на это, как мы видели в главе, посвященной „крепостной буржуазни", из сплошного моря крепостной нищеты поднимались отдельные скалистые островки богачей, сумевших не только сосредоточить в своих руках большие богатства, но и сыграть крупную роль в эволюции русской фабрики, оставив глубокий и широкий след в хозяйственной истории России. Здесь экономический подбор был связан с подбором определенных личных качеств, гарантировавших переживание и победу в экономической борьбе. Кровь крепостных крестьян течет в жилах многих виднейших деятелей современной крупной буржуазии.

Если мы теперь от социальных пасынков обратимся к религиозным пасынкам (раскольникам, старообрядцам), то встретимся с тем же самым явлением. И здесь, гонимые и безправные, они выдвигают из своей среды целый ряд крупнейших представителей промышленности и торговли, сыгравших чрезвычайно крупную роль в экономическом развитии России. Об этом нам еще придется говорить особо.

На-ряду с очерченным нами ростом частных богатств с помощью правительственной милости, мы видим постепенный, но прочный, осторожный, но уверенный рост частных богатств у тех элементов русского общества, которые не только не знали щедрых одариваний, но постоянно испытывали страх перед помещичьей экспроприацией, пряча богатства под рубищами внешней нищеты. Здесь социальный (крепостные) и религиозный (сектанты) гнет воспитал у отдельных лиц столь твердую и крепкую волю, такую способность „выживания", что именно эти пасынки, а не баловни русской истории, поло-

жили начало крупным потомственным торгово-промышленным богатствам, оставившим широкий и глубокий след в экономической истории России.

Глава IV.

Рабочий вопрос.

Рабочий вопрос встает перед русскою буржуазией в своеобразной исторической форме вопроса о крепостном рабочем труде. Нам уже приходилось говорить о том недостатке рабочих рук, который испытывала русская промышленность восемнадцатого века. И русская буржуазия, верная своему историческому стремлению не приспособлять к себе политический строй, а приспособляться к данному политическому строю, выступает в знаменитой Екатерининской комиссии не с требованием отмены крепостного права, как препятствия хозяйственного развития страны, а с ходатайством о распространении этого права и на буржуазию. Мы уже знаем, что при Петре Великом буржуазия, хотя и не была уравнена в правах с дворянством на владение крепостными, но рабочие были прикованы к фабричному труду. Знаменитым указом 18 янв. 1721-го года Петр разрешает „купецким людям" покупать населенные деревни „под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно".

Своеобразный ход исторического развития привел к тому, что русская буржуазия выступает с требованием расширения крепостного права на фабричных рабочих и получает возможность владеть крепостным трудом. Вырастает русская промышленность на основе принудительного фабричного труда. Крупная промышленность сочетается таким образом, с самою отсталою формою труда—крепостною. Впоследствии крепостная форма труда отпадает, русская фабрика переходит на вольнонаемный труд. Но то сочетание прогрессивной экономической формы в промышленности с самою отсталою формою положения труда, которое нашло свое выражение в Петровской фабрике с крепостным трудом, лишь видоизменяя форму, продолжает существовать. Русская фабрика росла и технически совершенствовалась. Русская буржуазия приобретала все нарастающий социальный вес и все большее влияние на правительство. Но в то же время они продолжали смотреть на живых

носителей и двигателей этого экономического прогресса на рабочих прежними „патриархальными“ глазами. Пересаживая на русскую почву западно-европейскую технику, организуясь, сплачиваясь, домогаясь и добиваясь нужных ей законов для охраны своих интересов, буржуазия в то же время была твердо, непоколебимо убеждена, что все это огромное социальное движение и перемена соотношения социальных сил не влечет за собою никаких изменений в положении русского рабочего и в отношении его к фабрике и государству.

И не только в восемнадцатом веке, когда о рабочем вопросе в современном смысле слова и говорить не приходится, но и значительно позже, вплоть до наших дней, в среде буржуазии сохранилось это упорное, прочное убеждение, что в области рабочего вопроса у России особенная „патриархальная“ стать.

А между тем, как раз русская фабрика по своему быту и благоустройству была и осталась весьма далека от патриархальной идиллии. Она жадно поглощала рабочий труд в самом нежном возрасте, поглощала за гроши сырой, деревенский, человеческий материал, взваливала на него всю огромную тяжесть труда, растягивала рабочий день и обставляла всю жизнь рабочего, весь его труд самыми тяжелыми, антигигиеничными условиями, подрывавшими всякие основания патриархальной, семейной и хозяйственной жизни.

Русская фабрика безжалостно вытягивала из деревень здоровые, патриархальные элементы и выварив их в фабричном котле, выбрасывала с надорванным здоровьем.

Условия работы на фабриках, жилища, гигиена, оплата, пища, все это, если и отличалось патриархальностью, то разве по своей невылазной грязи, губительной обстановке, круглому бессилию и бесправию рабочего.

В задачи наших очерков не входит характеристика положения рабочего класса. Нас этот вопрос интересует лишь с точки зрения отношения к нему буржуазии. Буржуазия, если оставить в стороне единичные исключения, не обнаруживала никакого стремления к улучшению экономического и правового положения рабочего класса. Условия жизни и работы на подавляющем большинстве фабрик оставались ужасающими. Заработная плата стояла, не поднимаясь, на крайне низком уровне, рабочий день оставался мучительно долог. И лишь под кнутом рабочих волнений ползло наше фабричное законодательство, на каждом своем шагу встречая упорное сопротивление

со стороны промышленников. Был и еще один фактор, заставлявший фабрикантов уже не только мириться с фабричным законодательством, но даже частично добиваться его осуществления—это конкуренция между технически более совершенным Петербургским промышленным округом и технически более отсталым Московским округом. В этой конкуренции петербургские промышленники, пользовавшиеся более квалифицированным, дорогим трудом, но и более производительным, отстаивали сокращение рабочего дня, как лишнего экономического козыря в борьбе с более технически отсталою московскою промышленностью, предпочитавшею выезжать не на повышенном качестве, а на растянутом количестве рабочего труда.

Уже в 1859 г., когда на очередь был поставлен правительством вопрос о сокращении рабочего дня для несовершеннолетних и запрещении работы малолетних, сказалось отмеченное разногласие между петроградскими и провинциальными промышленниками.

Однако, эта готовность диктовалась не чувством социальной праведливости или рабочей политики. Она вытекала исключительно из мотивов конкуренции петербургских фабрикантов с провинциальными, хуже оборудованными фабриками, которые жадно держались за труд малолетних, за ночной труд. И в полную противоположность петербургским фабрикантам, владельцы бумагопрядилен в Москве и провинции спешили высказаться решительно против законодательного ограничения рабочего дня.

Братья Хлудовы, которым принадлежала в Рязанской губ. одна из крупнейших в России бумагопрядилен спешат взять под свою защиту бедных малолетних, которых хотят лишить такого здорового и приятного развлечения, как фабричный труд.

„Дети, лишаясь заработков на фабриках,—писали бр. Хлудовы—не принесут своим родителям никакого материального пособия, будут пребывать во вредной для их возврaста праздности и расстроят свое здоровье, находясь вместо светлого и здорового помещения фабрики в душной атмосфере своей избы".

Фабриканты Тулы высказывают такие же мнения.

„Применение этой меры.—пишут они,—с одной стороны, в высшей степени неблагоприятно отразится на ходе фабричной промышленности, а с другой—не принесет никакой пользы и

малолетним, так как развитие сил, при легкости работы, не может пострадать от ее продолжительности".

Тверской фабрикант Шилов прибегает к иным доводам, носящим уже не патриархальный, а правовой европейский характер—он ссылается на недопустимость нарушений „свободы народного труда".

Излагая мнение фабриканта Шилова, гр. Баранов язвительно писал: „Фабрикант хлопчатобумажный, следовательно, протекционист, живущий не естественною жизнью, а покровительственною системою, добивающийся удержания ее на бесконечное время, возвышает голос о свободе народного труда. Такие тартюфские приемы неизвинительны, потому что известно, что ни о народном богатстве, ни о воспитании детей народа фабриканты не думают, а заботятся единственно о своем кармане. Если же их производства и разливают в народе деньги, то, очевидно, им тут хвастаться не следует, что они благодетели народа, они просто эксплоататоры его сил и способностей, эксплоататоры в полном смысле этого слова, так как вовсе не заботятся ни о здоровье, ни о нравственности рабочих. Развратнее фабричного населения и молодежи нигде нет. Медицинской помощи в большей части случаев нет, школ также, а где есть и те и другие, то заводят без всякого сочувствия, только для виду" [1]).

Эта резкая и меткая отповедь губернатора показывает, как упорно отстаивали фабриканты свое право на безграничную и безжалостную эксплоатацию труда рабочих.

В восьмидесятых годах вновь вскрылось указанное противоречие интересов петербургских и московских фабрикантов. Первые охотно мирились с законодательными ограничениями, весьма, конечно, скромными, вторые же оказывали упорное сопротивление.

Таким образом, более высокая техника производства уже научила петербургских фабрикантов т. н. экономии дорогого труда, т.-е. заставила их ценить не одну лишь количественную, но и качественную сторону труда.

Но это стремление было локализировано и местом и временем. Оно не получило широкого распространения и из исключения не стало правилом.

Как правило, русская буржуазия ревниво оберегала свои са-

---

[1]) Ср. М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I. Спб., 1907, стр. 390.

модержавные права на фабрике по отношению к рабочим и всякое вмешательство правительства, всякое законодательное урегулирование рассматривало, как нарушение своих суверенных прав, как посягательство на свои неприкосновенные интересы.

Являясь в области своего производства покорной и непоколебимой сторонницей самого широкого вмешательства государства, требуя и получая от правительства самую неусыпную охрану интересов, широко прибегая к помощи правительства и при подавлении рабочих волнений, буржуазия в то же время отмежевала лишь одну область, куда не должна была вмешиваться правительственная власть—это область охраны интересов рабочих.

На этой почве между правительством и буржуазией шла глухая, порою вспыхивавшая конфликтами, борьба на протяжении целых десятилетий. Уверяя себя и других, что в России нет и быть не может рабочего вопроса в западно-европейском смысле слова, что отношения между фабрикантами и рабочими у нас самые патриархальные, правительство в то же время постоянно боялось призрака рабочего вопроса и рабочие волнения заставляют его прибегать к успокоительным средствам социальной политики. Правительство все время колеблется между, с одной стороны, решением закрыть глаза на рабочий вопрос в России, как на несуществующий, выдуманный лишь злоумышленниками и между, с другой стороны, стремлением показать рабочим свое классовое нелицеприятие, свою готовность охранить их от жестокой эксплоатации.

Эти две линии правительственной социальной политики порою скрещиваются и вызывают ожесточенную борьбу. Но буржуазия в своей массе долгое время чужда была этой раздвоенности. Она не хотела знать рабочего вопроса, а когда он поднимался, у нее наготове был всегда один и тот же ответ—репрессия. Однако, как мы увидим ниже, впоследствии нередко правительство и буржуазия в своих отношениях к рабочему классу менялись местами—буржуазия готова была итти на уступки, но правительство, в видах полицейской педагогики, запрещало делать эти уступки. Нельзя поэтому сказать, что те робкие зигзаги, которыми двигалось вперед наше фабричное законодательство, отражали единство социальной воли правительства и буржуазии. В этой области между буржуазией и правительством, как мы уже отметили, шла борьба и возникали конфликты, тут и правительство решалось итти против

буржуазии и буржуазия осмеливалась будировать против правительства.

Для характеристики сказанного, как и вообще для социального миросозерцания буржуазии большой интерес представляет история фабричной инспекции. На этих страницах она нас интересует лишь со стороны отношения к ней буржуазии. Уже первая же попытка правительства учредить на самых робких началах фабричных инспекторов встречает со стороны фабрикантов самую решительную оппозицию. Фабрикант Хлудов высказывает по этому поводу мнение, что „надзор за фабриками должен быть вверен самим фабрикантам". Крупнейшие тузы промышленности: Морозов, Солодовников, Третьяков, Прохоров, Мальцев, все решительно восстают против этой меры. Мануфактурный совет вполне присоединяется к этому мнению фабрикантов.

„Фабрика—есть дом трудолюбия,—заявляют по этому поводу тверские фабриканты,—ночная ревизия фабрик похожа на следствие и может подать повод к всевозможным притеснениям со стороны ревизоров и даже материальным ущербам... Под именем фабрик и заводов следует также разуметь: дом, квартиру, гостиницу, судно, корабль и пр., где закон охраняет спокойствие трудящегося, отдыхающего, ликующего гражданина, знатного и незнатного, богатого и бедного. Что же такое фабрика и фабрикант? Неужели они суть место беззакония и личность, требующая внезапных следствий".

Это растерянное заявление показывает, как туго входила в головы фабрикантов самая идея о вмешательстве государства в социальный вопрос.

Уже знакомый нам губернатор Баранов, резюмируя заявления, сделанные фабрикантами по поводу введения фабричного надзора, пишет:—„Фабриканты не хотят знать, что нигде в целом мире не уважается так законом гражданская личность человека и его свобода, как в Англии, что нигде не предоставлено столько свободной деятельности каждому гражданину, как там и что, однако, там давно уже учреждены инспектора для фабрик... Фабриканты не желают никаких инспекторов, а желают вверить надзор своей же братии".

Рабочие волнения восьмидесятых годов серьезно встревожили правительство. При ближайшем содействии мин. внутр. дел реакционера Д. Толстого и В. Плеве опубликовывается ряд законодательных мер по охране труда и созданию фабричной инспекции. Эти меры встречают энергичную под держку со

стороны либерального министра фин. Н. Бунге. Правительственная политика делает зигзаг в рабочем вопросе—от репрессий к реформам.

Фабриканты тотчас же открывают военные действия против нового курса. В кругу владельцев промышленных заведений,—писал В. Безобразов,—новые законодательные и административные распоряжения по фабричной части вызвали много недовольства и даже ропота. При наших объездах фабричных местностей мы слышали в этом кругу, за весьма немногими исключениями, только более или менее горькие жалобы на новые порядки. Эти жалобы нам приходилось слышать даже со стороны самых добросовестных хозяев и распорядителей: недовольны и раздражены новыми порядками даже и те, которые гораздо ранее старались добровольно ввести у себя сущность новейших требований законов и администрации. Фабриканты жаловались Безобразову на то, что „новые постановления составлены в духе неприязни или антипатии к высшему капиталистическому классу и в духе пристрастного покровительства нанимаемым, низшему рабочему классу". Но на этот раз правительство, напуганное рабочими волнениями, решило не отступать от своей линии и новые законы были опубликованы.

Буржуазия, однако, не сложила оружия и деятельность фабричной инспекции за время министерства Н. Х. Бунге полна упорной борьбы фабрикантов с самыми скромными попытками осуществить на деле постановления фабричного законодательства.

Ведя ожесточенную кампанию против фабричной инспекции, осыпая правительство доносами, домогательствами, выставляя фабричных инспекторов опасными потрясателями государственных основ, фабриканты в то же время не останавливались ни перед чем, чтобы свести на-нет реальное значение опубликованных законов. И фабричная инспекция, вооруженная слабыми и скромными законами и еще более слабою реальною властью провести их в жизнь, не много могла внести светлого и облегчающего в темную и тяжелую жизнь русского рабочего. Но и этого немногого оказалось достаточно, чтобы фабриканты и заводчики увидели в фабричных инспекторах своих заклятых врагов.

Непривычка встречаться с государственным вмешательством в промышленную жизнь, если этого не нужно было в интересах крупных промышленников, была так велика и прочна, что и после опубликования новых законов фабриканты долгое

время не хотели верить, что законы эти решатся осуществить на деле. И первые же практические шаги фабричной инспекции вызывают бурю негодования и твердую решимость бороться с ними до победного конца.

„Московские и подмосковские фабриканты,—писало „Новое Время“,—съехались на военный совет, обедают теперь и ужинают в компании, а в промежутках между ленивыми щами и „натуральными“ раками точат зубы с антропофагическими целями. Что съесть инспекторов нужно, это для всех фабрикантов очевидно, только не решено еще под каким соусом“ [1]).

В „Моск. Ведом.“ открывается ожесточенный политический огонь против министра финансов Н. Х. Бунге, которого выставляют опасным карбонарием.

„Это—партия,—пишет М. Катков о деятельности Бунге,—или точнее сказать, коалиция партий и разных честолюбий, потерпевшая поражение в день 29-го апр. 1881 г. Судя по заявлениям ее органов, по ее корреспонденциям в иностранной печати, наконец, по ходу дел, ясному для имеющих очи, она вовсе не считает себя побитой. Она только посторонилась, но не оставила поля, она только уступила на время, как она полагает, некоторые позиции, но удержала другие, дающие ей возможность не только наблюдать за делами, но и деятельно вмешиваться в них. Дело в том, что партия, стоявшая в оппозиции к нынешнему режиму, уверена, что имеет своих ревнителей и вождей в высших учреждениях. Органы этой партии сами с удивительным цинизмом признают очевидную, впрочем, несостоятельность некоторых мер, в одно и то же время и порицая и отстаивая их. На почве 29-го апр. все должно итти не к лучшему, а к худшему. И вот эта-то партия, прежде возлагавшая надежды на народное просвещение, юстицию и финансовое управление, потом только на две последние, теперь же главным образом возлагает их только на последнее, имеющее в своем ведении жизненные силы страны“ [2]).

Таким образом охранительные круги ловко переплетали экономическую политику, направленную на охрану минимальных и элементарных прав рабочих с опасными противогосударственными стремлениями. И фабриканты не преминули, конечно, разыграть на этой струне самые жалобные мелодии. Правительство попало в противоречивое положение. Оно несколько

---

[1]) Ср. „Новое Время“ от 22 нояб. 1886 г.

[2]) Ср. „ Моск. Вед.“ от 1886 г., № 56.

подалось налево в области рабочего вопроса с целью вырвать политическое жало у поднимающегося рабочего движения и заставить рабочих смотреть на правительственную власть, как на своего неизменного и надежного защитника и покровителя. Но эта политика вызывала открытое и раздраженное недовольство буржуазии, и охранительная печать била в тревожный набат, выставляя все мероприятия по охране рабочих, как опасную игру с огнем социального вопроса. Правительство оказалось между двух огней. И, издав законы по фабричному законодательству, оно очень скоро, под воздействием указанных обстоятельств, утрачивает всякую решимость, всякую волю к их воплощению в жизнь. Эти колебания и нерешительность правительства были широко использованы буржуазией для того, чтобы сначала обессилить, а затем и совсем упразднить новое фабричное законодательство.

„Многочисленные мои жалобы,—пишет в своих воспоминаниях проф. И. Янжул,—на фабрикантов и указанные законом случаи по неисполнению оных правил 3-го июня были обжалованы в Петербурге и лежали там под сукном, не двигаясь, и только три раза—два по моей личной инициативе и один моего помощника—были оштрафованы фабриканты по 100 руб. Поэтому для меня является трудно объяснимой загадкой, каким образом, по какому поводу и вследствие чего именно сложилась обо мне легенда в Москве, как о неумолимо строгом исполнителе закона, фабричном инспекторе, который чуть не с пристрастием притеснял бедных промышленников, и они много раз приносили на меня специальные коллективные жалобы и убедительные просьбы к правительству об обуздании инспекции. Побуждаемое ими министерство начало беспрестанно вызывать меня в Петербург под пустыми предлогами, выказывая видимое неудовольствие моею фиктивною строгостью.

Я могу предположить следующее объяснение этой ничем не вызванной репутации своей фабрично-инспекторской строгости. Наши промышленники искони привыкли к неисполнению всяких законов, регулирующих их действия“ [1]).

Мы уже отмечали, что в своем походе против фабричного законодательства промышленники нашли мощную поддержку со стороны „Моск. Ведом.“ с Катковым во главе. И „Русский Курьер“ Ланина, несмотря на весь свой показной либерализм, оказался в числе раздраженных врагов фабричного законода-

[1]) Ср. И. Янжул. Воспоминания. „Русск. старина“, 1910 г. апр., ст. 95.

тельства, когда пришлось соблюдать эти законы в применении к собственной типографии.

Специальная кампания против фабричной инспекции открыта была С. Шараповым в газете „Русское Дело".

„Фабрикантами,—рассказывает И. Янжул,—был приглашен известный борзописец Сергей Шарапов, который за умеренную плату, цифру которой он иногда сам выставлял, взялся помогать фабрикантам, и это дело наилучшим образом исполнил в своей газете, которая кстати называлась „Русское Дело". И вот в „Русск. Д." начинается форменная атака на инспекцию вообще и на меня в особенности. Не проходит номера газеты, чтобы не было какой-либо клеветы или выдумки самого невероятного сорта. Так, в некоторых номерах Шарапов прибегал прямо к доносу, доказывая, напр., по поводу права инспекторов утверждать харчевые расценки припасов, продаваемых в фабричных лавках, что г. Янжул, как инспектор, старательно на фабриках в великий пост разрешает все скоромное и по возможности, запрещает все постное" [1]).

Это обвинение показалось Янжулу глупою выходкою не по разуму усердного наемного публициста. Но совсем иначе отнеся к этому всесильный Плеве, принимавший деятельное участие в выработке фабричного законодательства.

„К моему смущению,—рассказывает Янжул,—когда я ему (В. Плеве) начал в шутливой форме рассказывать про обвинение меня в отвлечении рабочих от постной пищи, он заметил мне, что обвинение это очень серьезное и напрасно я шучу" [2]).

При каких условиях протекала деятельность фабричной инспекции показывает такое воспоминание Янжула:

„Количество ругательных писем, притом с угрозами не только личного оскорбления, но и быть жестоко избитым начало учащаться... По совету своих друзей, я обзавелся маленьким карманным револьвером и возил его при себе во время разъездов" [3]).

Эти суровые нравы и дикие обычаи очень туго и медленно изменялись. И в воспоминаниях другого фабричного инспектора, относящихся к более позднему времени, мы встречаемся с теми же самыми картинками.

---

[1]) Янжул. Воспоминания, стр. 96.

[2]) Янжул. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора. Спб. 1907 г., стр. 198.

[3]) Там же, стр. 198.

„Губерния, в которую я был назначен инспектором,—рассказывает С. Гвоздев,—была соседнею с тою, где я служил на фабрике. В поезде я встретился с знакомым комиссионером, хорошо знавшим все окружные фабрики.

„Ну не поздравляю вас,—сказал он, узнав о месте моего назначения,—вам придется иметь дело с такими господами фабрикантами, которые так выражаются:—ты молчи, когда со мной разговариваешь".

И действительно, его характеристика в значительной степени оказалась верной. Из всех фабрикантов, с которыми мне приходилось иметь дело, резко выделяется лишь один, совершенно не похожий на других своею исключительностью, как бы подчеркивающей общее правило и вместе с тем доказывающей, что можно быть фабрикантом без обычных фабрикантских взглядов на вещи и что от этого дело не только не страдает, но, напротив, много выигрывает. Основное его отличие от общей массы фабрикантов состояло в том, что он смотрел на служащих и рабочих, не как на своих слуг и врагов, а как на работников одного общего дела, он не держался обычного взгляда: „нанялся—продался", не считал себя царем своей державы, а обыкновенным смертным. В просвещении он видал главный рычаг, двигающий промышленность, в то время, как другие фабриканты боялись еще всякого просвещения, как чумы и заразы" [1]).

Если крупные фабриканты, с которыми приходилось иметь дело Гвоздеву, за единичными исключениями, смотрели на рабочих, как на живой инвентарь, а на себя, как на самодержавных владык, то мелкие фабриканты представляли в социальном отношении сплошную реакционную массу.

„Что касается мелких фабрикантов, а среди таких в моем участке,—воспоминает Гвоздев,—было несколько десятков, то это просто были типичные деревенские кулаки, обладавшие притом большею частью удивительным нахальством. Более интеллигентные, более культурные из числа владельцев, такие, с которыми можно было разговаривать на обыкновенном человеческом языке, представлялись во всяком случае единицами" [2]).

По отношению к Гвоздеву фабриканты проявили столько же озлобленности, как и по отношению к Янжулу.

„Как! никакого надзора нет за лавочниками, за кабатчиком

---

[1]) Ср. С. Гвоздев. Записки фабричного инспектора. М. 1911 г. стр. 9.
[2]) Гвоздев, ст. 13.

никто не наблюдает, а за мною установили особый надзор! Что я мошенничеством, что ли, занимаюсь,—восклицал фабрикант—и свое неудовольствие законом переносил на личность инспектора. Враждебное отношение фабрикантов к фабричным инспекторам до того сгустилось, что С. Гвоздев не решился ездить по фабрикам один, без урядника, ибо в общем,—пишет он,—на этих заводах обстановка была такова, что всегда можно было ожидать какого-нибудь насилия" [1]).

Таково было отношение фабрикантов к такому скромному по своим правилам и такому слабому по своей реальной силе институту, как фабричная инспекция. Как мы увидим ниже, фабриканты сумели обезвредить этот ненавистный им институт, робко пытавшийся положить начало самому умеренному ограничению самодержавия фабрикантов. Фабриканты сумели превратить фабричных инспекторов в своих присяжных защитников и заставить их служить своим целям и интересам. Теперь же отметим, что инспектора первого призыва, осторожно, но добросовестно относящиеся к своим обязанностям, не только наткнулись на враждебный отпор, но и подняли движение против всего курса социальной политики, нашедшего свое воплощение в министре Н. Бунге, который и был свергнут. На место Бунге был назначен Вышнеградский. Это был резкий поворот всего курса социальной политики. Вышнеградский был своим человеком буржуазии, ее прямым ставленником, к тому же прочно связанным с нею промышленно-биржевыми делами. И буржуазия открыто ликовала по поводу его назначения. Новый министр отнесся с резкою враждебностью к фабричному законодательству вообще и к фабричной инспекции в частности.

Московский отдел „Общества для содействия русской промышленности и торговли", „Московский Мануфактурный Совет" и „Всероссийское купечество, торгующее на Нижегородской выставке" обратились к новому министру с ходатайством и не преминули излить свои жалобы на социальную политику Бунге. „Фабричная инспекция,—писало в своей записке всероссийское купечество,—требует серьезного внимания власти, в виду многих несовершенств ее организации и по непригодности ее персонала, создающей излишние и совершенно бесполезные затруднения для русской промышленности".

Московское отделение „О-ва для содействия развитию пром.

[1]) Там же, ст. 19.

и торг," в свою очередь подает новому министру финансов докладную записку, заостренную все против тех же ненавистных законов по охране рабочих.

„С самого начала применения нового фабричного закона,— говорится в этой записке,—возникли между фабрикантами и инспекцией разногласия и пререкания, которые, обостряясь все более и более, не могли пройти бесследно во взаимных отношениях хозяев и рабочих... Полемические статьи в газетах, официальные жалобы на фабричную инспекцию вследствие ее излишней требовательности, совершенно несогласной с законом, неприносящей никакой пользы рабочим, в защиту которых она как будто выступает, но только стесняющей и фабрикантов и рабочих и затрудняющей и самое производство, породили вид какой-то борьбы между инспекцией как бы защитницей рабочих, и хозяевами фабрик, как бы их эксплоататорами в самом крайнем смысле этого слова".

„Воззрения инспекции на взаимные отношения между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложном представлении противоположности интересов сторон... Московское отделение, напротив, видит в сотрудничестве хозяев и рабочих на фабриках союз, основанный на сходстве интересов и различии способностей, дополняющих одно другое" [1]).

Фабриканты и промышленники знали, что делали, обращаясь с подобными ходатайствами к новому министру. Отставка Бунге и назначение Вышнеградского были симптомом торжества крупной буржуазии, знамением победы, одержанной ею над робким курсом социального законодательства, олицетворенным в Н. Х. Бунге. Вышнеградский был вполне своим человеком среди промышленников и фабрикантов. Тесно связанный с ними общими узами делечества, завсегдатай промышленных и биржевых учреждений, составивший себе состояние на сомнительных делах, Вышнеградский и был призван на свой пост, чтобы установить добрые отношения с недовольной буржуазией и повернуть курс социальной политики. Буржуазия с облегчением вздохнула, почувствовав, что теперь не только будет поставлена точка всем реформам фабричного быта, но и все социальное законодательство попятится назад и практически будет обезврежено. Вышнеградский с самого начала спешит успокоить рассерженную буржуазию и направить всю свою деятельность на то, чтобы оправдать возложенные на него

[1]) М. Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 416, 417.

надежды. На смотру, устроенном на Нижегородской ярмарке, Вышнеградский не постеснялся открыто осудить политику своего предшественника на посту министра финансов и взять на себя задачу переделать фабричное законодательство по специальному заказу крупных фабрикантов. Работа эта была им исполнена с полною основательностью. Фабричные присутствия и губернаторы получили возможность упразднять и урезывать существующие положения фабричного законодательства, которые и сами по себе были сокращены и урезаны. Министр финансов, по соглашению с министром внутр. дел., получил право допускать, в изъятие из закона, детей от 10 до 12 лет к фабричным работам. Ночная работа малолетних и детей также была разрешена во многих случаях. Так под ударами буржуазии пала скромная система фабричного законодательства, которую осторожно принялось в восьмидесятых годах раздвигать правительство, в надежде предупредить этим путем рост рабочего движения.

Была подтянута и фабричная инспекция. На нее возложили новые задачи. Фабричные инспекторы были переделаны по образу и подобию земских начальников. Запрещено было и печатание отчетов фабричной инспекции. На фабрике повеяло новым курсом. Промышленники облегченно вздохнули. Институт фабричных инспекторов вырождается в свою противоположность. Если и во времена Бунге фабричным инспекторам немногое дано было совершить, то все же фабричные инспекторы первого призыва видели свою задачу в том, чтобы охранять те скромные права и маленькие законы, которые проведены были в интересах рабочих. Картина меняется с назначением Вышнеградского. На фабричных инспекторов возлагается уже задача охранять рабочих не от эксплоатации и беззакония, а от крамолы, следить за тем, чтобы рабочие не предъявляли чрезмерных требований и не нарушали патриархальных отношений с фабрикантами.

Катясь по наклонной плоскости, многие фабричные инспекторы постепенно превратились в своего рода фабричных полицей-мейстеров, всегда готовых к услугам фабрикантов.

В любопытном секретном циркуляре министерства финансов, относящемся к 1896-му г., фабричным инспекторам преподаются такие руководящие указания:

„В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником. Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабриканта о

нуждах рабочих и служащих на фабрике, в попечениях о сохранении ладу и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственности и христианского чувства, тогда не приходится прибегать к писанному закону. В России, по счастью, не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе, потому и не существует рабочего вопроса, и тот и другой не будут и не могут иметь у нас почвы для своего рождения, если рядом с проведением заботливости фабрикантов к благополучию рабочих, вы приложите с своей стороны все старания к утверждению законности и нравственного долга среди рабочих. Как люди, ясно понимающие важность лежащих на вас обязанностей, как люди образованные и близко знакомые с фабричным бытом, вы должны пользоваться каждым подходящим случаем, чтобы внушить рабочим, что не только незаконность притязаний, но даже стремление к достижению законных прав противозаконным или насильственным путем будут неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению положения, ибо правительство при таких обстоятельствах не может допустить осуществления желаний рабочих, даже в тех случаях, если бы фабриканты, под влиянием угроз или по добродушию, изъявили согласие на уступки". [1])

Этот чрезвычайно характерный циркуляр показывает, как патриархальная риторика сочеталась с самою суровою и сухою эксплоатацией. В переводе на прозаический язык фабричной жизни это означало объявление великой хартии капиталистических вольностей, этот манифест так и был понят и применен фабрикантами и фабричной инспекцией. Фабриканты поняли, что правительство берет их под высокую полицейскую охрану и что проповедь отсутствия в России рабочего вопроса практически означает полную свободу эксплоатации рабочего класса. Так поняли новый курс и многие фабричные инспекторы; наиболее приспособившиеся из них принялись искоренять на фабриках крамолу и незамедлительно слать в министерство реляции об одержанных на этом поприще победах. Фабрика вследствие этого все крепче окутывается сетью полицейского надзора и воздействия. При этом выдвигается любопытная особенность. Фабриканты в общем нимало не склонны были уступать требованиям рабочих. Но когда цены стояли высокие, спрос безостановочно рос, а рабочие волнения грозили при-

[1]) Ср. И. Озеров. Политика по рабочему вопросу, стр. 25.

остановить работу и помешать использовать конъюнктуру, фабриканты готовы были итти на уступки и удовлетворить требования рабочих. Но тут вмешивается третья сила—полицейская. Она напоминает, что фабрика в некотором роде полицейски-педагогическое учреждение, и каждый шаг в области рабочего вопроса тут должен быть взвешен и оценен с точки зрения полицейской педагогики.

Уступчивость или неуступчивость фабрикантов переставала быть классовым делом между фабрикантами и рабочими. Между ними становилось полицейское государство, которое властно не позволяло фабрикантам делать уступки рабочим. Бывали случаи и противоположные—власть приказывала фабрикантам делать уступки, когда они на это не соглашались. Так например, Плеве грозит сослать в Енисейскую губ. фабрикантов, которые не соглашались удовлетворить требования рабочих [1]). С другой же стороны, как мы видели, 26 марта 1902 г. особым секретным циркуляром фабрикантам запрещается делать уступки рабочим. В 1903 г. петербургский градоначальник, по приказанию мин. внут. дел, предписывает фабричной инспекции внушить администрации фабрик, что все указания должностных лиц к предупреждению беспорядков должны фабрикантами безотлагательно исполняться под угрозою высылки в Енисейскую губернию, с своей же стороны, полицейские власти окажут содействие для удаления с фабрик неблагонадежных рабочих. Фабричной администрации, под угрозой увольнения, запрещается допускать забастовки. В этом же направлении действуют и фабричные инспекторы новой формации. На фабрике З-ва в Костроме,—сообщает в 1896 г. местный фабричный инспектор,—вспыхнуло волнение рабочих. Фабрикант изъявил согласие пойти на уступки. „Только под моим давлением—с торжеством сообщает инспектор,—фабрикант не привел это решение в исполнение [2]).

„Я лично против каких-либо уступок в такое тревожное время,—пишет другой фабричный инспектор,—тем более, что фабрика ни в чем не нарушила закона, и если губернским властям удастся склонить хозяев на уступки и объявить рабочим новые условия предстоящего после Пасхи найма, согласно требованиям последних, то я не подпишусь под таким объявлением,

---

[1]) Ср. И. Озеров, стр. 43.
[2]) Ср. Озеров, цит. соч., стр. 43.

могущим вызвать домогательства рабочих и на соседних фабриках" [1]).

По поводу забастовки на прядильной и ткацкой фабрике Лебедева фабричный инспектор сообщает градоначальнику, что, в виду появления на фабриках прокламаций, он приехал на фабрику и заявил рабочим, „что если бы хозяин и захотел прибавить плату, то ни я, ни сам петербургский градоначальник не допустим этого". Другой фабричный инспектор сообщает, что он беседовал с бастующими рабочими фабрики Мотта в Ченстохове. „Я предложил им,—сообщает он,—приступить к работе, добавив, что если бы даже администрация фабрики и хотела сделать теперь какие-либо уступки рабочим, то ни я, ни полиция не позволим сделать этого".

Такими говорящими фактами пестрит вся новая история социальной политики. Фабрика все более становилась местом полицейского надзора и воздействия. Фабриканты были лишены свободы экономической воли, поскольку это затрагивало вопросы политической благонадежности. Вопросы частного договора между хозяином и работником переставали зависеть от решения фабриканта, как только они, по компетентному мнению полиции, затрагивали область политических вопросов. И фабриканты вынуждены были мириться с этим ограничением своей хозяйской воли. Правда, ограничения эти в подавляющем большинстве случаев делались в интересах промышленников, в направлении обуздания рабочих, но бывали моменты и места, когда и где это полицейское вмешательство шло вразрез с интересами фабрикантов, когда полицейская власть заставляла фабрикантов делать рабочим экономические уступки, чтобы не быть самой вынужденной делать уступки политические.

Постоянное прибегание фабрикантов к полицейской силе для разрешения конфликтов с рабочими протянуло крепкие нити между фабрикой и полицейским участком. В глазах рабочего фабричная и полицейская власть все нераздельнее сливались в одно целое. И действительность на каждом шагу укрепляла рабочих в убеждении, что фабрика и полиция едины. Многие фабриканты держали на фабриках на свои средства полицейскую власть, явную и тайную полицию, которая одновременно служила двум хозяевам —административной и фабричной власти. Такое сердечное соглашение несколько шокировало даже департамент полиции. По поводу нахождения на службе у риж-

[1]) Ср. Там же, стр. 55.

ских фабрикантов 67 полицейских чинов департамент полиции пишет 1-го июля 1897 г.:

„Эти служители, будучи приурочены к постоянным службам на том или ином заводе и зная, что они получают содержание, а в некоторых случаях и квартиры от хозяев, втягиваются в интересы их, что не может не отзываться на способе исполнения ими полицейских обязанностей, с другой стороны, полицейское начальство, входя в непосредственные расчеты с заводчиком или фабрикантом по производству упомянутым служителям содержания, оказывается в положении неудобном для сохранения достоинства представителя правительственной власти“ [1]).

Но то, что шокировало даже департамент полиции, то, что заставляло фабричного инспектора сообщать из Лифляндской губ., что „в публике недовольство, что фабриканты управляют рабочими через городовых“, все это нимало не шокировало самих фабрикантов и казалось им в порядке вещей. И союз между фабрикой и полицией оставался нерасторжимым. Социальная политика фабрикантов и социальная политика правительства вращались в этом же порочном полицейском кругу. Исключения были временны и кратковременны.

Так в янв. 1898 г. Савва и Викул Морозовы просят о расквартировании для охранения от могущих возникнуть беспорядков резервного батальона войск по близости фабрик. По этому поводу между Морозовыми и мин. С. Витте возникает характерная переписка. С. Витте находил неудобным расквартирование войск в предупреждение беспорядков. Для этой предварительной охраны он полагал достаточным ограничиться усилением полицейской власти. Но иначе смотрели маститые фабриканты. В протоколы совещания правлений Никольской мануфактуры Саввы и Викула Морозовых занесено 27 фев. 1897 г.:

„Полицейские являются элементом крайне ненадежным, находясь с фабричными в отношениях хорошего знакомства, родства и кумовства и, будучи людьми вольными, они в самый нужный момент могут оказать неповиновение своему начальству, какой случай был в практике богородского исправника“. И соединенное правление фабрик Морозовых постановляет ходатайствовать перед его высокопревосходительством министром

---

[1]) Озеров. Указ. соч., стр. 98.

финансов о содействии к расквартированию сотни казаков близ фабрик Ореховского района" [1]).

Сотня казаков—это была социальная программа-минимум фабрикантов Морозовых, резервный батальон войск—это была программа-максимум. И фабричный инспектор спешит успокоить, что эта программа-минимум близка к осуществлению. „Г. Савва Морозов и И. К. Поляков,—сообщает фабричный инспектор,—объяснили мне, что о назначении одной сотни казаков в село Орехово возбуждено ими ходатайство перед его Импер. Выс. В. К. Сергеем Александровичем и встречено сочувственно".

Полицейское начало проникало в фабричный быт все шире и глубже. Пресловутый сипягинский проект полицеизации фабрик и заводов был лишь увенчанием здания, завершением дела. Сипягин проектировал обложить особым налогом на содержание полиции все местности с промышленными заведениями. Все сторожа на фабриках должны находиться в самом тесном контакте с полицией. На фабриках должны быть расквартированы воинские части. Полицейский надзор должен быть организован так, чтобы из чинов его, в случае надобности, легко было сформировать небольшие команды, могущие действовать в конном строю. По проекту Сипягина, вся жизнь фабрики и рабочего, каждый шаг последнего, всякое его слово, а по возможности и мысль, должны были находиться под неусыпным полицейским надзором. Полицейские чины должны были чутко и зорко сторожить политический сон рабочего и при первых словах и жестах пробуждения,—применять смирительные меры. Как ни высоко заходил полет полицейской фантазии Сипягина, но на самом деле он невысоко поднимался над русской фабричной действительностью. Она вся насквозь была проникнута и все более припитывалась полицейским началом. И те самые фабриканты, которые, как мы видели, так глубоко и громко возмущались, что фабричные инспекторы вмешиваются во внутренние дела фабрики и в отношения между фабрикантами и рабочими, не видели ничего предосудительного, когда в интересах существующего фабричного строя во внутреннюю жизнь фабрики и ее рабочих широко и властно вмешивалась полиция.

Планы Сипягина, казавшиеся полицейскою утопией, получили осуществление в жизни. 1-го февраля 1889 г. был утвержден закон об усилении полиции при фабриках и заводах. Фабриканты, как мы видели, ничего не имели против того, чтобы

[1]) И. Озеров, стр. 100.

полиция вмешивалась в их отношения с рабочими, но при одном условии,—когда этого хотят и требуют сами фабриканты. Правительство же пошло дальше, оно не ограничилось тем, что предоставило полицейские силы к услугам фабрикантов, оно ввело полицию внутрь фабрики и сделало ее постоянною наблюдательницей и действующим лицом всех недоразумений и столкновений с рабочими. А это уже не всегда удобно было для фабрикантов. Во многих случаях они предпочитали ссориться и мириться с рабочими с глазу на глаз. И вездесущее око полиции не всегда тут было удобно. Рижские фабриканты пишут по этому поводу: „Вмешательство полиции в разногласия между рабочими и фабрикантами может только крайне вредно отразиться, но такового вряд ли можно избежать при постоянном пребывании чина полиции на заводе". Аналогичное мнение высказывают и петербургские фабриканты. Точка зрения этих фабрикантов находит поддержку у мин. финан., которое по этому поводу пишет в мин. внут. дел: „Нахождение чинов полиции на фабрике будет подрывать авторитет администрации. Вмешательство полиции всякий раз будет придавать даже мелким недоразумениям характер беспорядков... Нет надобности объяснять все неудобство и невозможность положения фабриканта, вынужденного вести занятия в постоянном присутствии и под надзором полиции". (Письмо мин. фин. к мин. внут. дел от 11-го апр. 1901-го г.).

Но протест фабрикантов не шел дальше ходатайства о том, чтобы полицейскими силами распоряжался сам фабрикант и чтобы силы эти появлялись и исчезали на фабрике по фабрикантскому велению. Очень легко и скоро, впрочем, во многих местах фабричная администрация свыкалась с постоянным пребыванием полиции на фабрике и, по словам проф. Озерова, „некоторые управляющие настолько привыкли к этой полиции, что давали записочки полицейским с просьбою посадить того или другого рабочего в кутузку, устроенную тут же при фабрике".

Что же касается правительства, то оно с видом оскорбленного возражало, что оно не понимает, кого и в каком отношении может шокировать присутствие полиции. В записке, помеченной 24-м июнем 1898 г., мин. недоумевающе пишет: „Что касается того обстоятельства, что при возникновнии на фабрике безпорядков приглашаются полицейские чины, а в некоторых случаях вызываются войска, то ведь при торжественных церемониях и вообще, где собирается толпа, с целью охране-

ния наружного порядка также приглашаются полиция и войска никто ведь в этом ничего ужасного не усматривает" [1]).

Мы не станем, за отсутствием места, останавливаться на этом поучительном и печальном явлении полицеизации русской фабрики. Нас здесь интересует этот вопрос с точки зрения отношения к нему со стороны фабрикантов. Фабриканты, как мы видели, широко раскрывали ворота этому полицейскому вмешательству, они широко прибегали к нему, содержа на свой счет полицейские команды, имея у себя штат тайной и явной полиции. И Морозовы, заигрывавшие с освободительным движением и даже жертвовавшие на нелегальные цели, не постеснялись в то же время ходатайствовать о расквартировании войск и присылке казаков в качестве устрашающего рабочих средства. Эта полицейская атмосфера одновременно развращала и фабрикантов, привыкших разрешать рабочий вопрос с помощью полиции, и высшую полицейскую власть, проникавшуюся убеждением, что она призвана быть высшей инстанцией в спорах по рабочему вопросу. Что же касается рабочих, то это постоянное вмешательство полиции в отношения между фабрикантами и рабочими вносило чрезвычайное озлобление и воспитывало убеждение, что вся надежда должна быть перенесена только на силу.

Какого же рабочего нужно было фабрикантам? Прежде всего, рабочего изолированного, рабочего—сам-друг, распыленного. Фабриканты ничего не хотели знать о рабочем классе, о рабочем коллективе. Рабочий класс в их глазах рассыпался на многие тысячи отдельных атомов, каждый рабочий представлял собою как бы отдельного посетителя фабрики, находящегося в отдельных и индивидуальных отношениях с фабрикантом. В этом отношении фабриканты отставали даже от самого отсталого русского правительства. Правительство хотя порою пыталось создать коллективное представительство рабочих, признать существование рабочего класса и его право на экономические организации. Эти представительства и эти организации были душны, тесны, убоги. Они никого не удовлетворяли, но все же это были уступки духу времени. Русская же буржуазия продолжала упорно и злобно противодействовать и этим скромнейшим попыткам. В этом отношении характерною иллюстрацией служит попытка правительства создать институт старост. Министерство финансов разработало соответствующий

[1]) Ср. И. Озеров, стр. 177.

законопроект в 1903 г. Проект этот представлял переработку на полицейский лад европейских организаций рабочих. Уступки духу времени тут были до-нельзя скромными, права рабочих были со всех сторон урезаны и умалены, а права фабрикантов старательно ограждены. При этих условиях жалкий проект, не принося рабочим никакой пользы и застраховав фабрикантов от необходимости делать какие-либо серьезные уступки, должен был бы, казалось, вполне удовлетворить промышленную буржуазию. На деле, однако, вышло иначе. Фабриканты выступили, как непримиримые противники всякой самомалейшей уступки принципу признания рабочих организаций.

Когда проект об учреждении рабочих старост был внесен в Гос. Совет, С. П. Глезмер, в качестве председателя С.-петербург. О-ва для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности" представляет в мин. финан. докладную записку, за подписью 36 петербугских фабрикантов и в ней обстоятельно доказывает, что в России все формы коллективной организации рабочих неприменимы и недопустимы. Записка фабрикантов говорит о необходимости соблюдать исконные начала и договаривается до предложения заменить все скромные правительственные новшества „сближением общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах".

Так, накануне первой русской революции, смотрели фабриканты на рабочий вопрос, который уже принимал острые формы и волновал правительственные верхи. Далее эта записка говорит о широких жертвах в пользу рабочих со стороны фабрикантов и готовности дальше нести эти жертвы, но они должны быть добровольными а не вынужденными. Против введения фабричных старост докладная записка высказывается самым категорическим образом. „Фабрикант—говорит записка—нанимает рабочего, но не союз рабочих". Докладная записка доказывает далее, что лиха беда начало и стоит только допустить коллективную организацию рабочих, движение уже не остановишь и оно по наклонной плоскости докатиться до европейских форм. Противодействие со стороны фабрикантов было самое упорное. Но на этот раз оно не остановило правительства, поддержанного дворянско-помещичьими кругами. Правительство боялось нараставшего рабочего движения и стремилось успокоить его волны маслом скромных реформ. Закон о фабричных старостах прошел. Мертворожденный, обеспложенный, он и не мог сыграть сколько-нибудь заметной роли в со-

циальной жизни. Но фабриканты не примирились и с таким законом и постарались свести его на нет. По сведениям, собранным мин. фин., 22 старших инспектора сообщили, что большинство фабрикантов продолжает несочувственно относиться к новому закону, а в 39 губерниях этот закон и совсем ее применяется.

Так смотрела промышленная буржуазия на рабочий вопрос в ту пору, когда уже чувствовалось горячее дыхание надвигающейся революции и когда даже русское правительство открещивалось от рабочих волнений знамением социальной политики. А русская буржуазия продолжала возлагать свои упования на православные братства!

Этим самым промышленная буржуазия, стремясь застраховать себя от рабочих волнений и организаций с помощью подбора наиболее отсталых и некультурных рабочих, обрекала себя на стихийные бунты, сея в рабочем классе анархические навыки и максималистические стремления. Культурная работа, выполненная буржуазией в среде рабочего класса, крайне ничтожна. Если оставить в стороне исключения, еще резче оттенявшие правила, то в своей массе буржуазия не только не содействовала, но и прямо противодействовала всякой самой мирной организации рабочих и их культурному росту.

„Училища для детей рабочих при двух фабриках,—пишет в своих записках Гвоздев,—и чтения с туманными картинками при одной—вот все, что имелось на фабриках участка по части просвещения в 1895 г. За 10 последующих лет прибавилось 6 школ, в том числе 2 двухкласных и кроме того ремесленное училище, 4 фабрики начали устраивать чтения для рабочих, при трех фабриках открылись народные библиотеки. Это опять-таки все, и относится уже к 30 тысячам рабочих". Но картина станет еще печальней, если мы от количественной стороны перейдем к качественной. Эти школы и эти чтения были донельзя убоги. Цель их была не поднять, а пригнуть, приглушить, затемнить сознание рабочих.

„Громадное большинство фабрикантов,—пишет в своих беспристрастных записках Гвоздев,—остались попрежнему боящимися просвещения, как чумы. Между тем и цена существующему просвещению невелика. Взять хотя бы те же чтения с туманными картинками. Всюду они находятся под надзором священников, которые по преимуществу являются и лекторами. Я лично принимал участие в таких чтениях, когда работал на фабрике. Мне предоставлены были чтения по естествоведению

и литературные, исторические же и духовно-нравственные батюшка читал сам. Я живо помню его чтения и те впечатления, которые они производили на слушателей. Батюшка не удовлетворялся даже теми брошюрами, которые составлены специальною комиссией, находя их слишком вольнодумными, поэтому он выпускал из них все, что хотя сколько-нибудь могло расширить кругозор слушателей. Читая, напр., о Ломоносове, он пропускал о его научных открытиях и, кроме голых биографических данных, останавливался подробно лишь на его работах по мозаике и перечислял все церкви, в которых находятся мозаичные иконы. Для духовно-нравственных чтений он пользовался какими-то монастырскими собеседованиями и вычитывал из них такие истории, по поводу которых слушатели потом говорили: „Ну и пули батюшка отливал".

Русский рабочий уже давно был втянут в круговорот капиталистического европейского производства. Он был окружен сложными машинами, сложными условиями производства и сбыта. Вокруг выростали могущественные объединения фабрикантов—тресты, синдикаты, союзы предпринимателей. Он имел за собою и революционное прошлое, правда, озарившее и окрасившее лишь его тонкую вершину, а всю массу оставившее в глубокой тьме, огромные вопросы, великие социальные веяния уже проникали в русскую рабочую среду, глухо волнуя ее, рисуя ей радужные мечты и тем еще больше сгущая мрак действительности. И в эту пору, когда уже доносились раскаты надвигавшейся первой русской революции, промышленная буржуазия стремится держать рабочий класс в детских пеленках „патриархальности". Она стремится удовлетворить духовные запросы рабочих показыванием наивных туманных картинок и лекций, в которых даже Ломоносов упоминается лишь в связи с его работами по церковной мозаике.

Полицейское отношение к рабочим, оценка рабочего прежде всего с точки зрения полицейской благонадежности, влекли за собою отрицательные последствия и в чисто экономической области. Нерасторжимая связь между интеллигентностью, сознательностью рабочего и высотою производительности труда вела к тому, что отдавая предпочтение темному, невежественному рабочему из-за его нетребовательности и благонадежности, тем самым тормазился процесс экономического усовер-

ществования производства. Сознательный и интеллигентный рабочий, конечно, обнаруживал большую требовательность, он не мирился бы так легко с условиями труда, унижающими его чувство человеческого достоинства и ставящими его в нищенское экономическое положение. Не желая изменить это положение и тем самым создавать условия, в которых мог бы сложиться и упрочиться культурный, интеллигентный рабочий, русский фабрикант идет по линии наименьшего сопротивления и втягивает в фабричный труд все новый сырой людской материал, черпая его из разоряющейся деревни. Вследствие этого, процесс подбора и закрепления квалифицированных рабочих, процесс образования и роста потомственного, обученного рабочего класса постоянно обрывается, разбавляясь сырым, темным элементом, притекающим из деревень. Находящаяся в полицейских тисках фабрика постоянно выбрасывает из своих рядов квалифицированных, обученных рабочих, как политически беспокойный и экономически требовательный элемент и втягивает темный, безропотный и нетребовательный элемент деревни. Благодаря этому экономический подбор лучших в производительном отношении элементов подменяется полицейским подбором худших в производительном отношении элементов.

Фабриканты при этом чрезвычайно зорко следили за тем, чтобы и другие не вносили в рабочую среду искры знания и понимания. Когда в 1901 г. московские профессора умеренного направления делают попытку по очень скромной программе создать для рабочих чтения и лекции, группа крупных московских промышленников бьет в охранительный набат и спешит с докладной запиской к министру финансов.

„В прошлом году,—жалуются в этой записке промышленники,—как известно, стали появляться в Москве собрания рабочих, при руководительстве лиц ученого мира (проф. Озеров и некот. друг.), в каковых собраниях стали подвергаться обсуждению вопросы, касающиеся потребностей рабочего класса и отношения его к работодателям. Первоначально в этом приняли участие рабочие механического производства, для собрания которых была изобретена особая организация под видом „Общества взаимопомощи“, а затем устроители сказанных собраний стали объединять и рабочих ткацких фабрик под названием „Союза ткачей г. Москвы“, для заведывания же делами как общества взаимопомощи, так и союза ткачей, образовались советы и при этом стали оказываться в среде рабочих отдельных фабрик выборные представители их для участия в на-

званной организации... Рабочие не ограничиваются при этом обсуждением вопросов, касающихся их быта, а идут гораздо дальше:—для собрания, происходившего в одном из помещений 17 фев. 1902 г., ими был назначен разбор государствен. росписи нынешнего года. Хотя выбор рабочими на отдельных фабриках представителей для сношения с заведующими теми фабриками не может представлять какого-либо вреда, а напротив, может служить к бо́льшему удобству при установлении взаимных отношений между хозяевами и рабочими, тем не менее, объединение принадлежащих к различным фабрикам рабочих, состоящих из разных слоев рабочего класса, является крайне опасным, в особенности, в том настроении, когда они задаются уже разбором вопросов характера государственного, и если в предоставлении им известной организации имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной политической деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности антикапиталистической, которая, несомненно, имеет одинаковое политическое значение, тем более, что справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным.

Результат вышеизложенного не замедлил уже выразиться тотчас же на деле. 21-го февраля прекращена работа ткачами на фабрике Т-ва шелковой мануфактуры. В таком же положении очутились уже и некоторые другие крупные фабрики. Не подлежит сомнению, что при успешности в легком изменении договорных отношений, обнаружившемся даже в такое время, как великий пост, течение это распространится по всему внутреннему фабричному округу. Положение чрезвычайно опасное".

В этом чрезвычайно характерном документе ясно отразилось мировоззрение крупных промышленников. Самая скромная попытка просветить и организовать рабочих рассматривается ими, как опасная крамола, они боятся, что правительство, стремясь отвлечь рабочих от антигосударственной деятельности, толкнет их на антикапиталистическую.

Глава V.

Организация буржуазии.

Общее оживление политической жизни, строительство новых бюрократических форм отразились при Александре I-ом и на

организации буржуазии. При Александре I-ом прежняя мануфактур-коллегия заменяется департаментом мануфактур и внутренней торговли. На этот вновь созданный департамент возлагается задача собирать сведения об отечественной промышленности, чтобы дать правительству возможность, „обозревая, так сказать, во всей полноте эту важнейшую отрасль народного богатства и государственного благосостояния, способствовать надлежащими мероприятиями ее прочному развитию".

Учреждение это, однако, оказалось мертворожденным. Сведения притекали весьма скудно и с ними не могли справиться. И уже в самом начале следующего царствования министру Канкрину приходится возводить новое здание и прилагать все усилия для оживления мертворожденного дела. С этою целью создается „Мануфактурный Совет", привлекающий к работе уже представителей промышленности и торговли.

Высочайше утвержденный 1-го июля 1828-го года „Мануфактурный Совет" создан был „для споспешествования мануфактурной промышленности". В его состав входили фабриканты, заводчики и „особенно мануфактурную часть знающие люди" из дворян и купцов в числе не менее шести от каждого сословия. В совете участвовали также и представители науки—два профессора—химии и механики и один—технологии.

30-го ноября 1828-го года состоялось первое чрезвычайное, торжественно обставленное заседание „Мануфактурного Совета". Помимо чиновников, на этом заседании присутствовали 16 представителей дворянства, один — коммерции советник, один — фабрикант и один первостатейный купец. Гр. Канкрин обратился к присутствующим с торжественною речью, в которой отметил оказанное правительством доверие и пригласил к усердной работе.

Московское отделение совета открылось 21-го января 1829 года. Гр. Канкрин делает шаг дальше в деле организации буржуазии.

„Для содействия к облегчению и распространению внутренней и внешней торговли" создается новое учреждение, призванное перекинуть мост между правительством и буржуазией—создается „Коммерческий Совет" [1].

Задача нового учреждения определялась так:

1. Коммерческий Совет есть место совещательное и обязан-

---

[1] Ср. Л. Николович. Торгово-промышленные совещательные учреждения в России. Спб., 1887 г., стр. 19.

ности оного заключаются в следующих предметах: а) по требованию министра финансов, давать свои заключения на предлагаемые вопросы, к торговым делам относящиеся, б) делать министру финансов представления о таких видах, кои для споспешествования и усиления торговли вообще признаются полезными, и уведомлять его о случившихся или ожидаемых важных переменах и ходе торговли, в) когда открываются какие-либо особые препятствия или обстоятельства, не относящиеся к частным случаям, а могущие затруднить свободное движение и успехи торговли, как вообще, так и в особенности при С.-Петербургском порте, то доносить о том министерству финансов, вести переписку с отделениями для собирания каких-либо сведений или для сообщения им таковых и отвечать на отношения отделений, д) рассматривать и принимать в соображения вносимые чинами сведения или предположения".

В этой конструкции Коммерческого Совета сказалась основная черта, характерная для всей истории взаимоотношений между правительственною властью и буржуазией. Правительство стремилось привлечь представителей торговли и промышленности для взаимной работы в качестве своего рода сведущих лиц. Оно стремилось создать постоянное общение между бюрократией и буржуазией, при чем не возникало ни малейшего опасения, что это может послужить к возникновению каких-либо политических трений или предъявлению каких-либо политических требований. Правительство и не предполагало возможности возникновения подобных конфликтов и предъявления таких требований со стороны буржуазии. В непоколебимой уверенности в политической благонадежности и невинности буржуазии, правительство спокойно создавало эти первые формы организации. Буржуазия должна была доставлять все нужные сведения, заявлять о своих нуждах и желаниях, а правительство должно было решать и проводить в жизнь.

Но и это весьма скромное совещательное представительство не было использовано буржуазией. Причиною тому были отчасти политическая отсталость буржуазии, ее историческая непривычка к общественной деятельности и самодеятельности даже в интересах своего класса, отчасти же настроение и поведение бюрократии, которая, с одной стороны, возводила эти леса общественной организации буржуазии, а с другой—создавала такую обстановку и атмосферу общерусской жизни, что в ней, если и возникали, то скоро пропадали желания и атрофировались способности социальных групп к общественной работе.

В итоге, те формы представительства, которые создавались для буржуазии, оставались пустующими, не дающими общественного выражения экономическому процессу развития буржуазии.

Любопытно отметить, что правительство Александра I-го берет на себя хлопоты по созданию общества горнопромышленников. В докладе, сделанном по этому поводу гр. Васильевым, стоявшим во главе министерства финансов, между прочим, указывается на то, что „никогда заводчики не имели столько нужды в учреждении такого общества, как ныне, когда сия отрасль народной промышленности чувствительно упадает и когда она требует необходимой помощи со стороны правительства." При этом министр подчеркивает, что правительству весьма важно иметь дело не с разрозненными, а организованными промышленниками [1]).

Формы представительства буржуазии, созданные в эпоху Александра I-го, не получили дальнейшего развития. Московский отдел „Мануфактурного Совета" жаловался, что купцы и промышленники „продолжают коснеть в обычае скрывать" от правительства мнения и сведения.

В пятидесятых и шестидесятых годах делается попытка спрыснуть эти мертворожденные учреждения живою водою реформ. Созываются по этому вопросу специальные совещания, вырабатывается особой комиссией в 1859-м году проект расширения прав представительства буржуазии, предоставления ей инициативы в возбуждении и проведении торгово-промышленных вопросов. Но все эти вопросы так и остаются вопросами. Дальше комиссий, обсуждений и предположений дело не пошло. Вопрос этот снова выплывает на очередь в семидесятом году. Теперь уже за него берутся представители самой буржуазии. В Петрограде, во время мануфактурной выставки 1870 года, происходит первый съезд фабрикантов. На этом первом всероссийском съезде,—о нем нам придется говорить особо,—было высказано пожелание, чтобы представительные организации буржуазии получили больше прав и больше жизни. Правительство отнеслось к этому заявлению с полным вниманием и сочувствием. Оно вновь принимается за перестройку представительства буржуазии, и 17-го июня 1872-го года опубликовывается соответствующее „Положение". Под председатель-

---

[1]) Ср. Е. Лурье. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. Спб., 1913, стр. 37.

ством товарища министра финансов, составляется „Совет торговли и мануфактур", состоящий из 24-х членов, назначаемых министром финансов из промышленников, купцов, ученых и техников.

Вновь созданному учреждению дается право инициативы. Если не менее трех членов его возбудят какой-либо вопрос, входящий в компетенцию совета, то принятые по этому вопросу решения могут быть представлены на обсуждение и решение министра финансов.

Но и эта новая организация не получила живого развития. И на втором всероссийском съезде, происходившем в 1882-м году в Москве, А. Краевский жаловался, что созданные формы представительства буржуазии „лишены всякой дееспособности, они могут только обсуждать, представлять, ходатайствовать, осуществление же каких бы то ни было мер им не предоставлено, их удел иметь добрые намерения, благие порывы, но свершить им ничего не дано".

Представительные организации торгово-промышленного класса попрежнему носили полубюрократический характер, и буржуазия попрежнему проявляла к ним слабый интерес и выступала там на ролях сведущих лиц при бюрократии. Если так было в центральных учреждениях, то на местах, в провинции, эти представительства буржуазии являлись и совсем заброшенными, мертвыми местами, о которых представители буржуазии зачастую даже и не ведали.

Инж. Шнейдер, специально изучавший вопрос о представительстве буржуазии, писал в 1884-м году: „Мы считаем себя в праве даже утверждать, что большая часть наших торговцев и промышленников и не знает, что учреждение их разрешено особым законом" [1]).

Несколько большую жизненность обнаружили так называемые биржевые комитеты. Круг их компетенции и характер их деятельности весьма неопределенный. В деятельности местных биржевых комитетов замечается большая пестрота. Сами по себе взятые, эти биржевые комитеты и по своей конструкции и по кругу своей деятельности и по составу лиц не представляли сколько-нибудь живого общественного начала, призванного политически сплотить и представить буржуазию. Но все же биржевые комитеты, по крайней мере, обнаружили способ-

[1]) Ср. Е. Лурье. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. Спб., 1913, стр. 55.

ность к численному размножению. Уже в 1872 году у нас насчитывалось 17 биржевых комитетов, к 1903-му году это число поднимается до 36-ти и к 1911-му году до 87. Конечно, далеко не все эти комитеты обнаруживали даже слабые признаки жизни и ни один из них не сыграл роли собирателя и выразителя общественного мнения крепнущей буржуазии. И биржевые комитеты, объединяющие лишь небольшую часть буржуазии, при узкой платформе, отведенной им, не могли удовлетворить все более назревающей потребности в прочном и широком представительстве буржуазии. И вопрос о реформе всего этого представительства, о создании новых организаций не сходит с очереди до новейшего времени. Мы не будем останавливаться ни на этих проектах и взглядах, ни на отдельных многочисленных организациях, созданных промышленниками и торговцами—это завело бы нас в лес деталей. Нас все эти организации интересуют не сами по себе взятые, а как выражения воли буржуазии, как формы ее деятельности и самодеятельности. С этой стороны, однако, все перечисленные организации дают скудный материал, скорее отрицательного, чем положительного значения. Этими организациями, отчасти по своей политической инерции и апатии, отчасти в силу их бюрократического характера, отчасти же, наконец, вследствие наличности широко проторенных закулисных воздействий на правительство, буржуазия не воспользовалась, как ареною своей деятельности, как рупором своего политического голоса. И в этом отношении оказались значительно более яркими, показательными и содержательными торгово-промышленные съезды, к которым мы и обратимся теперь.

Первый торгово-промышленный съезд происходил в России в 1870-м году. Он приурочен был к открывшейся в Петрограде мануфактурной выставке. Обставлен был съезд очень торжественно. Председательствовал его императорское высочество герцог Лейхтенбергский, который в своей приветственной речи между прочим сказал:

„Польза подобных съездов несомненна. Мы очень рады, что у нас удался первый съезд фабрикантов. Теперь желательно, чтобы этот съезд был не последним. Поэтому нам бы следовало позаботиться о периодичности подобных съездов".

Эта речь, как и самое председательствование герцога Лейхтенбергского, были очень характерным показателем тона отношений, установившихся между правительством и буржуазией. Правительство не обнаруживало ни малейшей боязни сплоче-

ния и объединения буржуазии. Высокими устами герцога оно заявляло о полезности съездов буржуазии и признавало, что „нам следовало бы позаботиться о периодичности этих съездов". В свою очередь буржуазия стремилась стать под высокую руку знати.

Широкая масса русской буржуазии отнеслась к первому съезду довольно равнодушно, и один из видных ораторов съезда, Полетика, горько жаловался в своей заключительной речи:

„Наиболее безучастны,—сказал он,—остались сами фабриканты и заводчики. Они, к общему нашему удивлению и сожалению, блистали своим отсутствием". Но съезд отметил и измерил и другую сторону—общественный рост буржуазии. Буржуазия в лице своих передовых представителей обнаружила на этом первом съезде влечение к классовой сплоченности, к общественному деланию.

„Можно сказать безошибочно,—заявил в своей речи Вешняков,—что Англия, Бельгия и Германия, где особенно развились такие съезды и конгрессы, обязаны были в значительной степени своим новейшим экономическим и промышленным обновлением именно этим учреждениям.

Легкость, с которою созываются в Англии митинги, лиги, конгрессы, порядок и правильность, с которою они ведутся и сила, которую имеют в глазах общественного мнения решения или, правильнее, заявления желаний этих собраний, объясняют главную причину их успеха" [1]).

Очень большой интерес представляют речи Полетики, Скальковского и др. Они свидетельствовали о том, что русская буржуазия, по крайней мере в лице отдельных своих представителей, чувствует и понимает, что весь уклад русской жизни не по ней прикроен, что здесь многое нужно перекроить и перестроить.

„Самое занятие промышленностью,—заявил в своей речи Полетика,—не имеет у нас того значения, какое имеет оно в остальной Европе. В то время, как везде в Европе промышленная профессия выдвигает человека на первый план, у нас на промышленные занятия нередко смотрят еще, как на нечто довольно подозрительное и очень недавно еще расточительность и элегантность ничегонеделания оценивались нашим обществом

1) Ср. Протоколы заседаний первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественною промышленностью. Спб., 1872 г., стр. 7, 5.

гораздо выше, нежели заработок денег честным промышленным трудом".

„Наконец,—сказал в заключение Полетика,—последний из вопросов, о котором я хочу упомянуть перед вами, есть недостаток для нашей промышленности средств самаго познания. Все сведения, которые мы имеем о наших промышленных условиях и о нашем промышленном положении, крайне недостаточны и мы не имеем никакой общественной организации ни для собирания данных о промышленных нуждах и потребностях, ни для организации наших промышленных интересов" [1]).

Не менее, а пожалуй и более интересны были речи Скальковского, который и вообще представлял весьма любопытную фигуру в истории нашей буржуазии. Он был одновременно вхож и в сановные салоны и в промышленные конторы. Балетоман и делец, „человек общества" и непременный член всех промышленных крупных затей, К. Скальковский умел пускать свои связи в коммерческий оборот и своей фигурой воплотить новый тип дельца. На первом торговопромышленном съезде К. Скальковский выступает в роли ходатая перед правительством по делам буржуазии.

„Мне кажется,—говорил он в своей речи,—мы должны желать, чтобы все лица высшего центрального учреждения были бы выбраны из среды торгово-промышленного сословия, потому что нет сомнения, что образованные фабриканты и заводчики знакомы с наукою, а в случае особой необходимости, учреждение может пригласить известных техников, профессоров и вообще специалистов по какой-нибудь части, без содействия которых подобное учреждение не будет, конечно, иметь никакого значения".

С чувством классового удовлетворения Скальковекий заявлял:

„Теперь только в одной „Искре" говорят, что фабриканты грабители и что русская промышленнлсть абсурд, но в серьезных журналах подобного более нет ничего" [2]).

Первый же съезд занялся вопросом о существующем представительстве буржуазии и единогласно в речах и резолюциях признал его полную неудовлетворительность.

По этому вспросу была принята резолюция:

„Имея в виду, что существующие учреждения, с целью пред-

[1]) Ср. Протоколы, стр. 19.
[2]) Ср. Протоколы, стр. 20.

...авлять мнение наших фабрикантов, заводчиков и торговых людей, не только не удовлетворяют своему назначению, но даже далеко не пользуются теми правами, которые дарованы им существующими узаконениями, III-е отделение Съезда считает полезным заявить, что:

а) Учреждение как местных комитетов, так и центрального совета должно быть сделано исключительно на выборном начале.

б) Право местных комитетов делать представления Министру финансов, помимо центрального комитета, должно быть сохранено" [1]).

Первый съезд русской промышленности не обнаружил стремлений буржуазии поставить и разрешить какие-либо общеполитические вопросы. Съезд чувствовал себя свободным и не стесненным в тех рамках, которые ему были отведены. Съезд в постановке и разрешении своих специальных вопросов также не обнаружил какого-либо политического полета, могущего хотя немного приподнять его над интересами и злобами дня. И в вопросах, о которых он говорил, и в том тоне, которым он говорил, не было ничего такого, что сулило бы политический конфликт с правительством. Политический баланс первого съезда крупной буржуазии был, таким образом, весьма скромен. Но все же те речи, которые раздавались на съезде, показали, что в известных кругах, на верхах крупной буржуазии уже проснулось чувство неудовлетворенности своею общественною ролью, уже сказалось стремление сплотиться и занять в русской жизни более веское и признанное положение.

И русская публицистическая печать уловила эту ноту съезда и ответила на него статьями, в которых тревожно зазвучало предчувствие надвигающейся экономической силы буржуазии и грядущей ее политической власти.

Вопросы, поставленные съездом на очередь, несмотря на свою скромность, очень туго и медленно воплощались в жизнь. Преобразование представительных органов буржуазии двигалось чрезвычайно медленно, если вообще тут было какое-либо движение. И даже предположение о превращении съездов в периодические не осуществилось.

Второй торгово-промышленный съезд собрался лишь через двенадцать лет, в 1882-м году, в Москве. В 1882-м году одновременно происходили в Москве два промышленных съезда.

1) Ср. Протоколы, стр. 20.

Более широкое значение имел съезд, устроенный „Обществом содействия развитию промышленности и торговли".

Гвоздем этого съезда был вопрос о протекционизме. Съезд густо окрасился в краску протекционизма. В этом вопросе промышленные деятели держались на съезде непримиримо, не желая итти ни на какие компромиссы и подвергая критике недостаточную твердость правительства. И этот второй съезд не стал на сколько-нибудь широкую общественную платформу. Но по уверенному тону, по наступательному протекционизму, по резким замечаниям по адресу правительства, этот съезд засвидетельствовал, что за истекшие двенадцать лет русская буржуазия выросла и сознала свою силу. Надо, ведь, еще вспомнить, что дело происходило в тишайшие восьмидесятые годы, когда и тихий голос съезда в мертвой общественной тишине звучал громче и резче.

Проходит еще четырнадцать лет, и в Нижнем-Новгороде созывается в 1896-м году, в связи с выставкой, всероссийский торгово-промышленный съезд.

Нам уже приходилось выше отмечать и цитировать сильно нашумевшую статью, которою купеческая газета „Волгарь" приветствовала и истолковывала этот съезд. Статья эта, до края переполненная приливом чувства купеческой гордости и сознанием, что „купец идет", была очень знаменательна и обратила на себя внимание всей русской печати.

Нижегородский съезд показал, что и экономическая сила и политический вес буржуазии за эти годы сильно возросли. Промышленники выступали на этом съезде чрезвычайно решительно, сплоченно и уверенно. Правда, и тут их фронт был обращен лицом не к правительству, а к аграриям. Но и в содержании и в тоне речей чувствовалось, что буржуазия России не только ощутила, но и сознала, и не только сознала, но и захотела показать свою силу.

С чувством гордости нижегородский „Волгарь" сообщал:

„17-го июля 1896-го года, при посещении выставки их величествами, у главного входа в центральное здание стоял небольшой отряд рынд, одетых в красивые, белые оригинальные костюмы с секирами на плечах". Этот отряд составился из сыновей именитого купечества Москвы и Нижнего, и польщенное купечество видело в нем как бы новую купеческую гвардию. И на этом съезде гвоздем послужил вопрос о протекционизме. На этом вопросе съезд раскололся на два враждующих лагеря. Представители сельско-хозяйственной промышленности, нахо-

дившиеся в численном большинстве, боролись за понижение пошлин на сельско-хозяйственные орудия и удобрения. Промышленники оказывали им упорное сопротивление и произносили негодующие речи. Иные ораторы и докладчики пытались поднять этот частный вопрос до общего вопроса—быть ли в России крупной промышленности, или должна она остаться страною сельско-хозяйственною. Но представители промышленности не склонны были подниматься на эти высоты общих вопросов. Знаменитый химик Менделеев решительно становился на сторону промышленников и категорически заявил:

„Нечего нам много говорить о том, земледельческая ли исключительно страна Россия, или же земледельческая и промышленная... Слышать здесь такие предложения о понижении пошлин на серную кислоту ужасно странно, потому что это значило бы нарушить всю нашу систему".

Но численный перевес был на стороне представителей умеренного протекционизма. При голосовании резолюции они оказались в большинстве. Резолюция представителей сельского хозяйства была принята большинством 140 голосов против 63.

Но промышленная буржуазия не была этим обезоружена. Она слишком хорошо знала, что в России вопросы решаются не голосованием съездов, а самодержавным голосом правительства.

И на прощальном банкете, который устроен был в честь С. Ю. Витте, происходит чрезвычайно любопытный обмен речей между правительством и буржуазией.

„Более 6 лет тому назад,—заявил в своей речи С. Морозов,—один из лучших министров не только России, но и всего мира в этом самом зале оповестил всероссийское купечество о Монаршей милости, выразившейся в увеличении пошлин на 20%... С того времени сошло со сцены много лиц, сошел и Иван Алексеевич Вышнеградский, нашедший себе достойного преемника в С. Ю. Витте... И вот теперь, когда перед лицом всей Европы мы имеем свидетельство нашего роста, мы встречаемся с постановлением съезда, протестовавшего против этих мер. Не стану говорить о том, что съезд не имеет особого кредита, так как для этого нужен особый состав его. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чем решить рискнем ли кому-либо оказать кредит. Будем же твердо верить, что в лице С. Ю. Витте, неизменно, при каких бы то ни было обстоятельствах, мы будем иметь такого же поборника русской промышленности, каким его видели до сих пор".

С. Ю. Витте оправдал возложенные на него надежды. В своей речи С. Ю. Витте подчеркнул, что решение большинства съезда для правительства не имеет обязательной силы—правительство будет не считать, а взвешивать голоса.

„Выводы съезда,—успокоительно заявил С. Ю. Витте,—имели для меня не скажу никакую, но крайне ничтожную цену. Для меня лично и для правительства будет интересно, однако, что по этим вопросам сказано на съезде и кто сказал. Это очень существенно, так как на съезде было не мало образованных и интеллигентных лиц, а 1000-ли человек это сказали или 10,—для меня безразлично, так как 10 человек могут сказать умное, а 1000 неразумное. Первое будет принято, а второе нет. Вот каково мое отношение к съезду“ [1]).

Этот обмен речей между правительством и буржуазией лишний раз подчеркнул наличность чрезвычайно чуткого отношения министров к интересам и настроениям крупной буржуазии.

Вплоть по революционного переворота 1905-го года всероссийских торгово-промышленных съездов не происходило. Это не значит, конечно, что буржуазия отказалась от дальнейшего сплочения и от давления на правительственную власть. Мы увидим в дальнейших главах, что для этого давления и сплочения у нее было много путей и средств.

Мы не будем останавливаться на деятельности биржевых комитетов и на таких сословных организациях, как купеческие управы. Они не сыграли большой роли в истории организации и самосознания крупной буржуазии и быстро растворялись в чисто классовых организациях.

Анкета, предпринятая Русским Техническим Обществом, выяснила тот факт, что „из 62 организаций лишь две организованы по сословному признаку. Все же остальные 97% организаций—по экономическому. Если взять весь список существующих организаций—в числе 143, то из них по сословному признаку построены только три. Очевидно, существующие в России организации торгово-промышленных деятелей совершенно сбросили с себя сословную оболочку и являются организациями чисто классовыми“.

Отметим этот факт, как характерную черту в эволюции организации буржуазии. Сословное начало представляет тут отмирающий элемент, классовое начало—крепнущую и побеждаю-

[1]) Ср. А. Ерманский. Крупная буржуазия до 1905-го года в сборнике „Общественное движение в России“. Спб., 1911 г., т. I, стр. 346.

щую силу. Но только события революционного 1905-го года придали организациям и съездам буржуазии более широкий размах и поставили их на более широкую и прочную основу. Нам придется еще вернуться к этим организациям в связи с изображением и оценкою революционного и пореволюционного периода, проведшего глубокую борозду в истории нашей буржуазии. В этой же главе мы ограничимся лишь приведенными фактическими данными и датами из истории представительных организаций буржуазии.

Глава VI.

Буржуазия в первой русской ревблюции.

Первые народные революции во всех странах поднимали к вершине политической власти владеющие классы, экономическая сила которых вступала в противоречие и борьбу с существующею политическою властью. Народная масса первых больших революций, совершавшая политический переворот и определившая его исторические судьбы, шла под политическим водительством владеющих классов, и эти классы сосредоточивали в своих руках новую политическую власть. Те народные движения, которые выступали из берегов буржуазного революционного движения, кипели и бурлили „крайними" требованиями, были бессильны, однако, политически окрасить и оформить движение и стать господами вновь созданного порядка. Народные массы первых революций были еще слишком политически темны, с другой же стороны, у них был с буржуазией еще слишком сильный общий враг, чтобы они могли политически резко отмежеваться и обособиться.

Бурные волны первых революций несли на своем гребне и поднимали к власти новые экономически командующие и политически еще слабые классы, которые главным образом и выигрывали от этих революций. Эти новые классы не пугались революции, они ее вызывали, отдавались ей всею душою и искренно были убеждены, что они делают то, что требует весь народ и что нужно не только им, но и всей широкой, волнующейся народной массе.

Но это только классический, „чистый" случай соотношения общественных сил в революционном движении. И чем ближе революция к нашему времени, чем, следовательно, обостреннее

классовые отношения и яснее их сознание, тем дальше отходит революция от этих классических, „чистых" случаев. Уже первая народная революция 1848-го года в Германии резко отличается в этом отношении от Великой французской революции.

Первая народная русская революция 1905-го года в этом отношении еще больше отклонилась от классического образца первой французской революции.

И тут шла борьба с феодально-политическою властью, и тут новый буржуазный порядок стремился наложить свою печать и на политический строй. Но буржуазия вступала тут в революционную борьбу, не испытав глубокой, острой и долгой борьбы со старым порядком, не питая к нему непримиримой вражды, будучи, наоборот, им выпестована, вскормлена и вспоена. Она не вдохновляла революцию, не вовлекала все классы в революционную борьбу, а наоборот, была в нее вовлечена, силою исторических обстоятельств вынуждена была войти в состав действующих классов первой русской революции.

Боязнь же социального вопроса и рабочего движения была у нее тем сильнее, что тут приходилось иметь дело уже не с примерами других более передовых стран, а с рабочим движением собственной страны, занявшим с самого начала свою определенную и обособленную позицию и все более окрашивавшим все революционное движение.

В первой русской революции буржуазия, в силу указанных обстоятельств исторического времени и места, не играла той роли, которую сыграла не только французская буржуазия в 1789-м году, но даже и немецкая буржуазия в 1848-м году.

Тем не менее, первая русская революция увлекает в своем движении и крупную буржуазию. Недовольство буржуазии существующим политическим строем накапливалось, как мы видели, постепенно. Политический вопрос, которого так неохотно касалась буржуазия, всплывал все чаще и все острее, по мере экономического роста буржуазии. Самый процесс экономического роста, ведя к усложнению хозяйственной жизни, требуя все более глубокого и широкого народного рынка, все более культурно благоустроенной и экономически налаженной жизни, невольно выдвигал политический вопрос. Буржуазии нужен был широкий рынок—азиатские условия социально-политической жизни, хищническая податная политика, дворянский фаворитизм подрывали покупательные силы страны, убивали рост потребностей и все чаще жестокий голод подтягивал голодный народный рынок. Как ни щедро правительство раздавало по высо-

ким ценам казенные заказы, но заказы эти могли удовлетворять только небольшую группу крупных промышленников, прокормить всех промышленников казенными заказами нельзя было. И в среду промышленников начинает проникать раздражение и недовольство. Мы уже видели, что и социальная политика правительства девяностых годов вносила эти элементы брожения и раздражения. Правительство стремилось политически обезвредить рабочее движение и с этой целью толкало его на путь экономических требований, заостряло против фабрикантов и отвлекало от политической борьбы с правительством. Промышленникам, конечно, подобная политика меньше всего приходилась по вкусу. Но если правительство стремилось экономически разрядить политическое недовольство рабочих, то буржуазия добивалась обратного — политически разрядить экономическое недовольство.

Мы уже знаем, что на этой почве еще до революции возникли трения между фабрикантами и правительством, особенно обострившиеся во время зубатовщины. Русско-японская война первое время снимает с очереди острые вопросы внутренней жизни. Патриотический подъем захватывает верхи буржуазии. Война и, казалось, блестящая и скорая победа сулят ей соблазнительные промышленные перспективы. Буржуазия принимает видное участие в поднявшемся патриотическом движении. Но громом с ясного неба начинают приходить вести о поражениях. Они в начале вызывают у буржуазии звуки уязвленного национального самолюбия. Но эти звуки становятся все более политически членораздельными по мере того, как поражения приходят все чаще и делаются все позорнее. Русско-японская война раскрывает всю гнилость, всю преступность старого режима. Вместе с жертвами Цусимы тонет и всякая вера в великую военную мощь правительства. Жалким, бессильным защитить страну стоит это правительство перед всею страною.

Промышленность и торговля страны испытывают глубокие потрясения. По всей же стране растет и ширится волна политических беспорядков, принимающих все более и более острый характер. Вспыхивают зарницы приближающейся революции. Правительство мечется от поливания маслом уступок разбушевавшихся народных волн к скорпионам испытанных полицейских средств. Но от этого движение только разрастается и обостряется.

Буржуазия, конечно, далека от того, чтобы разжигать это революционное движение, она не становится и его полководцем,

главнокомандующим. Но первое время не пятится она и в объятия правительства. Первый период революционного движения характеризуется целым рядом политических выступлений различных и широких слоев буржуазии. Эти выступления, конечно, по своей яркости, смелости и выдержанности, не могут итти в сравнение с пламенными речами и смелыми делами французской буржуазии эпохи великой революции. Но если принимать во внимание всю предшествующую историю нашей буржуазии, ее казенно-коштный характер, ее политическую несудимость, то выступления ее в начале революции, несомненно, свидетельствуют о крутом повороте. Буржуазия разуверилась в мощи старого режима, она начинает сводить с ним политические счеты, она требует переустройства власти на новых началах. Отдельные крупные представители буржуазии начинают щедро поддерживать средствами нелегальные революционные организации и органы. Ни для кого не составляет тайны, что крупные московские промышленники давали средства эмигрантским организациям и изданиям. А затем, когда волны революционного движения начинают заливать всю Россию, буржуазия, с разных концов страны, резолюциями и записками различных своих организаций подает и свой политический голос.

„Предприниматели,—раздраженно пишет корреспондент „Нов. Врем.“,—хорошо понимают, что царство денег, буржуазии и полное порабщение народа, крестьянской массы, как потребителя и как рабочей силы, наступит у нас с момента ограничения самодержавия и введения западно-европейской конституции...

При конституции, всегда и везде пляшущей по дудке буржуазии, правильное и основательное разрешение крестьянско-земельного вопроса станет немыслимым: капиталу нужен не обеспеченный землею крестьянин-домохозяин, а безземельный батрак, дешевый фабричный рабочий. Вот почему новый купец-либерал, помноженный на прислуживающего ему адвоката-радикала, готов подписаться под какою угодно петицией, до всеобщей подачи голосов и равноправия евреев включительно.

После кровавого 9-го января и вызванной им волны стачек, начинается ряд записок и резолюций буржуазии.

Фабриканты и заводчики Москвы и московского района пишут:

„Несомненно, что промышленность находится в теснейшей связи с устойчивостью правовой организации страны, с обеспечением свободы личности, ее инициативы, свободы науки и научной истины, просвещением народа, из которого она вер-

бует рабочие руки, тем менее продуктивные, чем они невежественнее".

„Отсталостью, как прямым последствием непрочного правового порядка, поколеблено положение России на мировом рынке и отодвинута ее роль, как страны промышленной, на второстепенный план".

„Нельзя не признать,—продолжает эта записка,—что на положение промышленности и благосостояние рабочих оказывает вредное влияние расстроенное финансовое хозяйство страны, для урегулирования которого необходимо участие общественного элемента в обсуждении бюджета".

Петербургская контора железозаводчиков в свою очередь пишет:

„До сих пор русскому промышленнику не дано было принимать деятельного участия в развитии русского народного хозяйства, хотя бы потому, что проявление частной промышленной инициативы у нас крайне стеснено. Акционерное дело, железнодорожное строительство, земельный, городской и коммерческий кредит,—все это в России продукты правительственного усмотрения".

„Никакое предприятие,—докладывает записка Могилевского общества взаимнаго кредита,—не может быть самовдовлеющей силой; его успех зависит не только от правильной постановки дела, но также от рынка, от обеспеченности потребителя, от существующего правопорядка, от положения прессы, от устойчивого экономического порядка, гарантирующего спокойное эволюционное развитие без крахов, колебаний, без вооруженных восстаний и насильственных действий".

„Напряжение, которое при участии некоторых кредитных учреждений было сделано в последние два десятка лет нашей индустрией и казавшееся ее расцветом, привело только к полному разорению слишком смелых предпринимателей и грандиозному краху и сильнейшему падению, а в иных случаях и полному обесценению многих дивидендных фондовых бумаг".

„Контора железозаводчиков" в свою очередь строчит „записку":

„После того,—читаем мы в этой записке,—как русская железная промышленность перестала быть главным образом поставщицею по казенным заказам, после того, как русскому железному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своим товарам среди частных потребителей, неустроенность нашей народной жизни, с крайне слабою потребительною способно-

стью страны, стала для русского железного промышленника очевидным и крайне тягостным явлением".

В докладной записке, которую подали 31 января 1905 г. петербургские заводчики и фабриканты министру финансов, указывалось на ту же сторону вопроса:

„Промышленное оживление,—говорилось там,—конца прошлого десятилетия быстро сменилось общим кризисом и угнетенным состоянием, с полною очевидностью выяснившим, и что промышленность не может процветать там, где народ бедствует, что здоровый рост промышленности зависит прежде и главнее всего от покупательной способности населения. Поощряемая казенными заказами и приливом иностранных капиталов, металлическая промышленность быстро пришла к выводу, что будущее и даже настоящее зависит от потребления железа населением".

Созванный министром финансов специальный съезд о мерах к усилению потребление железа „хорошо выяснил, что такое потребление предполагает непременным условием поднятие народного благосостояния, распространение образования, развитие промыслов, коренное изменение условий жизни сельского населения, ныне приниженного, хозяйственно истощенного, бедного".

Те же идеи развиваются и в записке уральских промышленников.

„В России,—пишут они,—нет ни твердо обеспеченного правопорядка, ни гражданской свободы, и в этом лежит главная причина тех неурядиц, которые приходится переживать нашей промышленности".

„Отсталость законодательства особенно отражается на подвижной и чуткой промышленности. Так, реформа акционерного закона стоит на очереди более 30 лет, пересмотр паспортной системы потребовал 45 лет и до сих пор еще не закончен в самой важной своей части—отмене паспортов. Издание нового вексельного устава было плодом 12 комиссий—на протяжении 55 лет. Развязка поземельных отношений растянулась на полстолетия".

„Протекционизм полезен при подобающей политической обстановке, как в Соедин. Штатах, при постоянной же опеке он приносит только вред. Главный тормаз в развитии русской промышленности—это отсутствие внутреннего рынка".

Потребность принять участие в этом оппозиционном хоре была среди всех промышленников и заводчиков так велика,

что она захватила и сахарозаводчиков, типичных баловней старого режима.

В записке, составленной сахарозаводчиками, указывалось все на то же явление нераздельной сплетенности и интересов промышленников с политическим строем:

„Положение сахарной промышленности,—гласит эта записка,—в настоящее время, несмотря на крайне низкий спрос населения, вынуждающий к убыточному вывозу за границу, все же не может быть признано неблагоприятным, поскольку оно определяется условиями, непосредственно лежащими в сахарном деле. Но тесная связь, существующая между отдельными сторонами народной жизни, не позволяет надеяться, чтобы сахарная промышленность осталась незатронутой тем процессом всеобщего движения, которым охвачена Россия... Со стороны сбыта она (т. е. сахарная промышленность) непосредственно заинтересована в благосостоянии широких народных масс, являющихся главным потребителем производимого сахарозаводчиками продукта... Отсутствие свободы слова и печати, свободы собраний и союзов—этих неотъемлемых прав всякого гражданина и во всякой культурной стране—не только удручающе отражается на личной нашей жизни, но также, вселяя апатию и ограничивая интеллектуальный кругозор деятелей промышленности, вне всякого сомнения, не дает развернуться во всей мощи производительным силам страны".

Мы привели целый ряд записок, резолюций, ходатайств различных промышленных предприятий. Если тон делает музыку, то в ушах правительства музыка этих резолюций и записок должна была звучать похоронным маршем. Можно, конечно, вскрыть в этих резолюциях и недостаточную твердость и сквозящее опасение выйти за пределы своего „шестка", сталкивающееся со стремлением принять участие в обще-политическом хоре. Но при всех этих вольных и невольных промахах еще не созревшей политической мысли, еще не отвердевшей политической тактики, выступления промышленных организаций показали самодержавному правительству, что еще один и притом один из надежнейших китов уплыл из-под ног. Капитал высказался за конституцию. Капитал отрекся от самодержавия.

Целый ряд городских дум принимает конституционные резолюции. Городские самоуправления осторожно обходили — за единичными исключениями—рабочий и крестьянский вопрос, неохотно касались они и всеобщего избирательного права, и поскольку касались, высказывались против, но и эти думы,

несмотря на весь свой консерватизм, высказывались за конституцию, за созыв народного представительства. При этом окраинные городские думы, с более политически развитым сознанием, обостренным национальным вопросом, идут дальше влево в своем конституционализме.

Манифест 6-го августа своею половинчатостью не удовлетворил городских дум. В таком оппозиционном духе, по подсчету Сивкова, высказались 20 городских дум [1]). Некоторые же думы пошли дальше и выставили требования парламентского большинства, созыва учредительного собрания, разошедшись в вопросе, должно ли это учредительное собрание сразу заняться органическою законодательною работою или ограничиться учредительными функциями и выработкою основных законов государства.

При обсуждении положения 6-го августа в Петербургской думе выяснилось, что большинство уже готово поставить точку дальнейшим реформам и что всеобщее избирательное право не находит защитников в большинстве гласных.

Столичная дума, таким образом, плелась в хвосте. Когда гласный Фальборг сказал, что положение 6-го августа не может успокоить страны и поэтому необходимо воздержаться от выражения каких бы то ни было чувств радости и торжества, то его оппонент, при поддержке большинства гласных, заявил, что, наоборот, „Положение 6-го августа, тем, между прочим, хорошо, что оно отстраняет от выборов рабочий класс, а также и вообще малоимущих. Вследствие этого необходимо довести до сведения государя императора чувства общей радости, овладевшие петербургским общественным управлением при ознакомлении с Положением, а также ознаменовать опубликование манифеста каким-нибудь добрым делом, напр., устройством дешевых квартир".

В иных городских самоуправлениях конституционная окраска оказалась прочнее и ярче, в других бледнее и линючее, но все эти конституционные заявления, если принять во внимание консервативный состав гласных, были тем же знамением поворота в настроении буржуазии, как и приведенные резолюции промышленных предприятий.

Московская, Ковенская, Симбирская думы высказываются за всеобщее избирательное право. Ставропольская и Тифлиская

---

[1]) Ст. К. Сивков. Городская буржуазия 10 лет тому назад. „Голос Минувшего". 1916 г., № 12 стр. 84.

думы требуют Учредительного Собрания, Эриванская дума уже выходит за соблюдаемые другими думами границы чисто политических требований и выставляет социальные требования национализации земли, муниципализации хозяйственных предприятий и уравнения в политических правах женщин и мужчин. Севастопольская дума выносит постановление об удалении войсковых и казачьих патрулей и передаче охраны города в руки народных депутатов, ассигнуя на это 2.000 рублей. Харьковская дума ассигнует 10.000 рублей в пользу забастовавших почтово-телеграфных чиновников. Саратовская и Феодосийская думы выносят постановление о прекращении довольствия от города казакам. Минская дума, после кровавой расправы Курлова над мирными манифестантами, вывешивает траурный флаг [1]).

Происходивший 12—15 сентября 1905 г. в Москве съезд городских и земских деятелей обращается к избирателям „от съезда земских и городских деятелей“:

„По существу дела закон 6-го августа,—гласит это обращение,—не дал ничего, что могло бы действительно устранить недостатки нашего теперешнего строя и вывести Россию из тяжелого положения, в каком она находится. Он не сделал ничего, что могло бы успокоить страну и направить ее силы к полезной созидательной работе. Совершенно неправильно поставив выборы, закон также неправильно определил права и обязанности Государственной Думы“. Высказываясь, однако, за участие в выборах в Государственную Думу, съезд мотивирует это необходимостью „добиваться скорейшего изменения всех указанных неправильностей“.

Биржевые комитеты подошли к острому вопросу осторожнее и высказались сдержаннее, чем предпринимательские организации и городские самоуправления.

Если все эти постановления, обращения, записки вставить в контакт тогдашних политических выступлений, то они отличаются своею политическою бедностью, бледностью, шаткостью, робкостью. Но сравнивая резолюции предпринимательских организаций и городских самоуправлений с резолюциями левых организаций, надо заметить, что даже по сравнению с земскими эти резолюции буржуазных элементов свидетельствовали об отсутствии политических навыков, определенной политической физиономии, политического воспитания.

До сих пор мы касались лишь политических выступлений

---

[1]) Ст. В. Мич. Либеральная и демократическая буржуазия. М. 1907, ст. 68.

буржуазии. Социальный вопрос она затрагивала бегло, осторожно и очень неохотно. Но ее отношение к рабочему вопросу, ее поведение по отношению к забастовочному движению, охватившему всю Россию, представляет очень большой интерес, вскрывая Ахилесову пяту промышленного капитализма. На этой именно почве, как мы увидим ниже, произошел разрыв между промышленниками и левыми партиями и установилось сближение между промышленниками и правительством.

Забастовочное движение начала 1905-го года, носившее ярко и бурно выраженный политический характер, не пугало и не отталкивало промышленную буржуазию,—она видела в нем экономическое выражение политического недовольства и надеялась, что оно приведет только к политическим конституционным завоеваниям. Уже и до революции, как мы знаем, у промышленников были счеты с правительством из-за рабочего движения, которое полицейские стрелочники стремились перевести на экономические рельсы и направить против промышленников. Промышленная буржуазия пользуется днями свободы, чтобы свести эти счеты, и принимает целый ряд постановлений, в которых подчеркивает губительность рабочей политики старого режима.

„Русской промышленности,—пишут в январе 1905 г. в своей записке московские фабриканты,—часто приходится испытывать накопившееся неудовольствие занятых в ней рабочих, которое при прочном правовом порядке, при равенстве всех перед законом, при неотъемлемых гарантиях неприкосновенности личности, при свободе коалиции и союзов различных групп населения, связанных общностью интересов, могло бы вылиться в спокойные, законные формы борьбы, как это наблюдается в Западной Европе и Америке, где от этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборот, такого расцвета, которого далеко еще не наблюдается в России".

„Рабочие и крестьянские беспорядки,—продолжает записка,—беспрестанно разъедающие русскую промышленность, нанося ей огромные убытки, и широкой волной охватывающие то один, то другой район обширной России, наивно объясняются воздействием революционных элементов. Нет, общее неустроение государственной жизни, отсутствие политических прав, вот где следует искать главнейшей причины периодических рабочих волнений".

В свою очередь железозаводчики пишут в январской же записке:

„Рабочие, как и все русское общество, настолько уже политически созрели, что им, как и всему русскому обществу, в интересах промышленного роста империи, должны быть дарованы политические права и свободные учреждения".

И железозаводчики подчеркивают, что „результат суждений железозаводчиков по рабочему вопросу бесспорно является голосом сотен миллионов рублей, вложенных в русское железное дело".

И, наконец, не отстают и баловни правительства—сахарозаводчики. И они составляют записку и в ней говорят, что „не могут не разделять с представителями других отраслей промышленности забот, вызываемых обострением рабочего движения. Они даже более других заинтересованы в том, чтобы борьба труда и капитала приняла у нас мирный характер, свойственный ей в передовых странах западной культуры".

Перед нами, таким образом, целый ряд однохарактерных заявлений представителей крупных промышленных организаций. В один голос говорят они о том, что самодержавие уже не является страхованием от рабочего вопроса. Напротив того, самодержавие ради своего политического спасения начинает заигрывать с рабочими и не прочь направить недовольство последних всецело на фабрикантов.

„Докладная записка с.-петербургских заводчиков и фабрикантов господину министру финансов" раздраженно подчеркивает эту сторону вопроса; жалуясь, что „ни один слой общества не имеет такой удачи в своих домогательствах, как рабочие, которые уже отлично усвоили и помнят, что каждая крупная забастовка приносила им существенное улучшение, они помнят даты стачек и даты узаконений по рабочему вопросу".

„Руководители рабочего движения достигнут снизу таких результатов, какие для верхних общественных слоев будут недостижимы, и это будет опасное логическое следствие того факта, что к грубым демонстрациям прислушиваются внимательнее, чем к заявлениям корректным".

Это раздраженное настроение заставило фабрикантов тем с большим сочувствием относиться к забастовочному движению первой половины 1905 года, когда движение это направлено было против правительства, добывая политические вольности, в которых почувствовала нужду и буржуазия.

Хроника 1905 года сохранила любопытные факты, ярко

иллюстрирующие это отношение фабрикантов к забастовочному движению.

Ростовский на-Дону корреспондент нелегальной заграничной газеты „Искра" пишет:

„Очень интересно было отношение либералов-фабрикантов к стачке. В то время, как правительство пытается натравить рабочих на фабрикантов, сохранить исключительный профессиональный характер стачки, фабриканты стараются обратить каждую стачку в политическую. Так, директор Волгодонского завода обратился к рабочим с речью, в которой сказал, что с интересом следит за событиями в Петербурге, Варшаве и др. городах и желает рабочим успеха в борьбе. Другой фабрикант, прочитав требования рабочих, сказал: „Самое важное—это требование неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, собраний, стачек и просил их добыть эти гарантии и для него. Директор комитета донских гирл, владелец мельницы Парамонов и другие удаляли полицию со своих фабрик, заявляя, что у себя на фабрике они хозяева. Наконец, фабриканты на общем собрании решили хлопотать у градоначальника о разрешении собраний по заводам и общих для обсуждения нужд".

Еще более интересные сведения этого же рода сообщает в той же „Искре" корреспондент из Баку. Он рассказывает, как под влиянием кровавых столкновений в феврале 1905 г. в Балаханах поднялось бурное движение, приведшее к образованию „Балаханского временного правительства из 24 членов—12 революционеров и 12 капиталистов. Это правительство решило устроить всеобщую политическую забастовку. По всем заводам началась усиленная пропаганда, по всему городу шли митинги. Администрация промыслов обязана была содержать на свой счет в течение месяца всех агитаторов. Последний вопрос поставили на решение Совета съезда нефтепромышленников.

„Настроение собрания,—пишет корреспондент о собрании нефтепромышленников, обсуждавших этот вопрос,—было довольно благожелательное к действиям комиссий". Решение вопроса о содержании агитаторов „нефтепромышленники отклонили на несколько дней, с тем, чтобы подробнее обсудить этот план... Вообще говоря, возражали не против плана, а против технических частностей, находили число летучих агитаторов слишком большим".

Когда в октябре вспыхнула забастовка на чайной фирме Кузнецова, то владелец фирмы объявил, что все рабочие за время

забастовки будут получать жалованье и пользоваться продовольствием. В том же октябре 1905 года на частном совещании владельцев металлических фабрик московского района было постановлено отказаться от услуг казаков на забастовавших фабриках.

Все эти пестрые факты, разбросанные по всему лицу капиталистической Руси, с несомненностью свидетельствовали о глубоком переломе, происшедшем в настроении крупной буржуазии. Прозаический и сухой язык резолюций и записок, щедрая готовность уплачивать рабочим за забастовочное время, открытые политические выступления—все это показывало, что русский капитал перерос не только размеры казенных заказов, но и весь казенный строй, весь уклад самодержавного государства. Капитал заговорил конституционным языком и потребовал политических реформ, так как ему приходилось отвлекать силу и внимание на обхождение и преодоление бюрократических и бытовых препятствий, устранить которые самодержавие было бессильно. Капиталу нужен был крепкий и широкий внутренний рынок, ровное течение политической жизни, отсутствие резких политических вспышек и беспорядков, приноровленные к капиталистическому обороту чиновничество, суды, законодательство. Всего этого самодержавие ему не дало и дать не могло. И капитал перешел в оппозицию. Вплоть до октября месяца он продолжал оставаться в этой оппозиции и можно было, судя по первому полугодию 1905 года, предположить, что первая русская революция пойдет по пути согласованных и объединенных политических действий капитала и труда, буржуазии и пролетариата до исторического момента свержения самодержавия.

Мы выше привели многие постановления крупных промышленников по рабочему вопросу. У них есть одна общая черта—стремление утопить социальный вопрос в вопросе политическом, стремление утаить острое шило рабочего вопроса в широком мешке общеполитических требований.

Могущественная октябрьская забастовка, сразу на всем ходу остановившая всю промышленную жизнь страны, вызвавшая полный экономический паралич, была встречена буржуазией с полным сочувствием. Промышленники охотно уплачивали рабочим за забастовочное время. На Путиловском и др. заводах администрация уплачивала членам Совета рабочих депутатов весь заработок за те дни, когда они были заняты на заседаниях. Администрация Обуховского завода предоставляет в рас-

поряжение депутатов Совета специальный пароход для поездок. Но эти отношения начинают меняться после манифеста 17-го октября. Значительная часть буржуазии увидела в этом манифесте политическую капитуляцию правительства и готова была в свою очередь заключить политический мир. Появление манифеста вообще меняет политическое положение. Оно открывает простор для работы и борьбы в ином, более мирном и легализованном направлении. Буржуазия чувствует давно усталость от непривычного политического напряжения. Ее ждут застоявшиеся дела. Манифест 17-го октября делает ей уступки, и значительная часть буржуазии готова перейти к мирной политической работе. Но пролетариат в той части, которая играла руководящую политическую роль, настроен иначе, он и не собирается складывать оружия после манифеста 17-го октября. Он не верит в возможность работать на основе этого манифеста. Он продолжает вести ожесточенную борьбу и борьбу на два фронта—с правительством и буржуазией.

Эта борьба при очерченных условиях должна была неизбежно привести к сближению между правительством и буржуазией и к политическому изолированию пролетариата. Так оно и случилось. Ноябрьская забастовка происходит уже при совершенно иной общественной обстановке, чем октябрьская. Насколько октябрьская была окружена атмосферой общественного содействия и сочувствия, насколько она свидетельствовала о создании общеполитического фронта в борьбе с самодержавием, настолько же ноябрьская забастовка вскрыла острый антагонизм между пролетариатом и буржуазией, засвидетельствовала политическую изолированность рабочего класса. Борьба за введение явочным порядком восьмичасового рабочего дня вошла острым клином между пролетариатом и буржуазией и толкнула последнюю уже на открытый политический разрыв с рабочим классом и сближение с правительством. Борьба за явочное введение восьмичасового рабочего дня чрезвычайно усилила и приблизила этот разрыв, декабрьская забастовка его довершила. Ход и исход борьбы за восьмичасовой рабочий день ярко показал, что буржуазия и пролетариат расходятся в различные политические стороны. Пролетариат начал борьбу, в которой противниками его выступило уже не изолированное правительство, а правительство плюс крупная буржуазия, плюс разношерстные слои мелкой буржуазии, плюс известная часть либеральной интелигенции.

Эти две тенденции столкнулись на вопросе о введении вось-

мичасового рабочего дня. 29 октября 1905 г. „Совет рабочих депутатов" постановил: „С 31-го октября на всех заводах (Петербурга *Н. Б.*) революционным путем ввести восьмичасовой рабочий день".

Это декретирование восьмичасового рабочего дня было понято и принято капиталистами, как объявление им немедленной войны, как мера не только по своей огульности и внезапности технически непосильная русской промышленности, но и политически неприемлемая при создавшихся условиях. Большевистская „Новая Жизнь" так и комментировала постановление Совета.

„С понедельника 31 октября,—писала „Новая Жизнь",—по постановлению Совета петербургских рабочих депутатов, должен быть введен „революционным путем" восьмичасовой рабочий день. Это факт, который должен быть отмечен в летописях не только русского, но и всемирного рабочего движения. Только организованный, только сознавший свою силу пролетариат в состоянии выставить и провести требование 8-часового рабочего дня, осуществление которого имеет громадное значение для развития самосознания рабочих".

Ноябрьская стачка и борьба за восьмичасовой рабочий день заставила буржуазию сблизиться с правительством Витте.

На всех механических заводах администрацией было вывешено объявление: „Вопрос о введении 8-мичасового рабочего дня, которого требовали рабочие некоторых петербургских заводов, обсуждался в собрании представителей 72-х механических и металлургических заводов петербургского района. Собрание единогласно высказалось против 8-мичасового рабочего дня, как ведущего к полному разорению части заводов и вследствие этого и к лишению заработка самих же рабочих". Далее указывается на малую производительность труда русского рабочего, на якобы крайне низкую прибыль, получаемую русскими фабрикантами и т. д.

Это был первый ответ, еще составленный в мирных тонах, еще не обрывающий дипломатических переговоров. Но события шли с ураганной быстротою. Петербургский пролетариат настаивал на немедленном введении восьмичасового рабочего дня, а соц.-дем. партия, хотя и сознавала все опасности этого шага, не решалась итти против рабочих, боясь потерять популярность.

На первые практические шаги по проведению в жизнь восьмичасового рабочего дня фабриканты отвечают осторожно, как

бы нащупывая почву. Они не закрывают заводов и не рассчитывают рабочих, но только отмечают в рабочих книжках неполный рабочий день.

Первый решительный шаг делают казенные заводы—они закрываются и объявляют расчет рабочим. За казенными заводами идут частные. Один завод за другим объявляют рабочим расчет и закрывают двери—завод Дюдлон, электрическая станция Бельгийского общества, табачная фабрика Оттоман, завод Харламова, завод Малкиеля, Триумфальная мануфактура, Российская бумагопрядильня, заводы Торнтона, Режи, Лаферм, Гейслера и др.

На Семяниковском заводе, где настроение рабочих было особенно бурным, директор вывешивает объявление: „Согласно распоряжения правления, настоящим объявляю, что если работы на заводе не будут производиться согласно существующим правилам внутреннего распорядка, то всем рабочим будет объявлен расчет и завод будет закрыт. Вследствие дошедших до меня слухов, что рабочие, не взирая на постановление правления, все-таки намереваются работать восемь часов, считаю своим нравственным долгом довести до сведения рабочих, что на 70 частных с.-петербургских заводах, в том числе, разумеется, и на всех крупных, установлен прежний 10 и $10^1/_2$ часовой рабочий день“ [1]).

На заводы посланы были войска. Митинги были запрещены.

В этих заявлениях фабрикантов, в этом их поведении чувствовалась уверенная сила, ясен был крутой поворот. И эта сила и в самом деле оказалась на стороне фабрикантов. Попытка ввести революционным порядком 8-мичасовой рабочий день потерпела поражение. Буржуазия, объединившись с правительством, ответила локаутом, и энергия рабочих была сломлена.

12-го ноября в помещении Вольно-Экономического о-ва состоялось заседание Совета, на котором пришлось открыто признать поражение рабочих. После четырехчасовых споров была принята резолюция Исполнительного Комитета. Она гласила:

„Решение Совета Рабочих Депутатов ввести 8-мичасовой раб. день революционным путем встретило упорное сопротивление объединенных капиталистов. Правительство гр. Витте, которое стремится сломать силу революционного пролетариата, выступило

---

[1]) Ср. „История Совета Раб. Депутатов г. Петербурга“, стр. 128.

на защиту капитала и этим сразу превратило вопрос о 8-мичасовом рабочем дне в Петербурге в вопрос общегосударственный, а это привело к тому, что петербургские рабочие отдельно от рабочих всей страны не могут сейчас осуществить постановление Совета. Поэтому Совет Рабочих Депутатов считает необходимым временно приостановить немедленное и повсеместное захватное введение 8-мичасового рабочего дня. К этому Совет добавляет: „что завоевано, то должно отстаиваться и впредь: где возможны, по мнению отдельных заводов, дальнейшие завоевания, там они должны быть взяты".

В итоге локаута тысячи рабочих были выброшены на улицу.

14 ноября в газетах появляется новая резолюция по поводу закрытия заводов:

„Граждане,—гласит эта резолюция,—более ста тысяч рабочих выброшены на мостовую в Петербурге и др. городах.

Самодержавное правительство объявило войну революционному пролетариату. Реакционная буржуазия соединяется с самодержавием, намереваясь голодом заставить рабочих смириться и расстроить борьбу за свободу.

Совет Рабочих Депутатов заявляет, что этот невиданный еще расчет массы рабочих есть провокация со стороны правительства. Правительство хочет вызвать пролетариат на одиночные вспышки; правительство хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще недостаточно тесно сплотились с петербургскими и разбить тех и других по-одиночке.

Совет Рабочих Депутатов заявляет, что дело свободы в опасности. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию правительства. Рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство" [1]).

Либерализм промышленной буржуазии, достигнув кульминационного пункта к 17-му октября, выдержав испытание октябрьской стачки, затем начинает быстро склоняться к упадку. Ноябрская забастовка и борьба за революционное введение восьмичасового рабочего дня отбрасывают буржуазию вправо и сближают ее с правительством, сумевшим использовать и социальный максимализм известных слоев соц.-дем. и социальный минимализм буржуазии. Декабрьское вооруженное восстание рабочих в Москве довершает попятное движение буржуазии и бросает ее в объятия свирепеющей реакции.

---

[1]) Ср. История Сов. Раб. Депутатов гор. Петербурга. Стр. 136.

Новым духом веет в заседаниях городских самоуправлений. Дух революции от них отлетел, дух реакции ими завладел. Между городскою демократией, между публикой, посещающей заседания городских дум и гласными снова устанавливаются враждебные отношения, зачастую находящие выражение в резких манифестациях по адресу „отцов города". Политические главари буржуазии после московского восстания уже открыто братаются с покорителем Москвы—адмиралом Дубасовым.

Предводитель московской буржуазии А. И. Гучков приветствует Дубасова, усмирителя Москвы. На съезде торгово-промышленной партии в феврале 1906 г. посылается благодарственная всеподданнейшая телеграмма. Член государственного совета от торгово-промышленной группы Г. Крестовников раздраженно жалуется министру финансов на недопустимую разнузданность стачечников и их защитников в суде.

На-ряду с этими политическими выступлениями, бок-о-бок с свирепствующей реакцией, буржуазия обрушивается на побежденных рабочих скорпионами сильно действующих экономических мер: закрытием заводов, массовыми увольнениями, штрафами, вылавливанием неблагонадежных. И опять на фабриках и заводах мелькают казаки и шпики, снова фабрика и полицейский участок протягивают друг другу руки.

Политические сношения между фабрикантами и рабочими прерываются. На обоих сторонах скопляется грозовое электричество взаимного озлобления. Опускается на страну тяжелая реакция, и крупная буржуазия встречает ее со вздохом облегчения, с отошедшим страхом за свой завтрашний день. Политический либерализм покидает крупную буржуазию—она целиком уходит в дело. Но вместе с тем она кипуче принимается за классовую самоорганизацию. Среди руин и развалин пролетарских организаций начинают быстро и прочно строиться солидные здания предпринимательских организаций. Мы ниже увидим, как быстро росли эти организации. Теперь же, в заключение этой главы, мы должны сказать еще несколько слов о той социальной корысти, о том узком понимании своих интересов, которые заставили нашу буржуазию пуще всего бояться крупных социальных реформ для улучшения положения рабочего класса.

Мы уже несколько раз отмечали, как крупная буржуазия всячески старалась все недовольства рабочих свести к политическому недовольству и этим самым уклониться от социальных реформ. Охотно выставляя себя на словах сторонниками социальных реформ и противниками революции, крупные про-

мышленники не прочь были на деле приобрести политические права и льготы с помощью революции, устроенной рабочими, и уклониться от проведения социальных реформ, сделав отвод в сторону необходимости политического переустройства.

К каким только доводам и уловкам не прибегали фабриканты, чтобы потопить социальные вопрос в политическом и похоронить социальные реформы!

Когда еще в эпоху либеральной весны происходили заседания рабочей комиссии Коковцева, занятой самой скромной реформой социального законодательства, фабриканты вдруг отказались от участия в этой комиссии, ссылаясь на то, что они слишком взволнованы тягостными событиями на театре русско-японской войны.

„Я вполне понял бы этот мотив,—справедливо писал по этому поводу проф. И. Озеров,—и присоединился бы и к нему, если бы не проводилась со стороны упомянутой группы (фабрикантов) другая политика, когда речь идет не об отказе от привиллегии эксплоатировать рабочий люд. Так, во время мукденского поражения или вскоре после него предприниматели обсуждали в Москве и заключили между собою конвенции не делать уступок рабочим, и взволнованность не помешала этому. Да и теперь в разных местах идут совещания предпринимателей, судя по газетам, по рабочему вопросу. Во время Французской революции привиллегированные сословия отказались от своих привиллегий при зареве своих пылающих замков и имений. История неумолима, и она не будет считаться с взволнованностью и заставит отказаться от привиллегий“ [1]).

У нас имеется и прямое свидетельское показание такого авторитетного и благосклонного к промышленникам лица, как гр. С. Витте, сыгравшего чрезвычайно видную роль в сближении между промышленниками и правительством. На заседании Государственного Совета 21-го апреля 1912 г. гр. С. Витте, характеризуя обструкцию объединенных промышленников социальному законодательству, вспомнил и 1905-й год.

„В 1904—1905 г.г.,—сказал гр. Витте,—когда министр финансов В. Н. Коковцов хотел, наконец, исполнить повеление ныне благополучно царствующего Императора и покойного Императора, то тогда какие же петиции министр финансов и тогдашний председатель комитета министров получили от промышленников? Мы им говорили о введении государственного стра-

[1]) Ср. И. Озеров. Политика по рабочему вопросу. М. 1906 г., ст. 258.

хования, о введении лечения рабочих, а они, промышленники самого первоклассного промышленного города, подают петицию такую: не это необходимо, а вот что необходимо:—„необходимо ввести равноправность всех и каждого перед прочным законом, сила и святость которого не могли бы быть ничем и никем поколеблены. Необходима полная неприкосновенность личности и жилища. Необходимо должно быть предоставлено рабочему сословию полное право сходок и собраний в нерабочее время, право организоваться в союзы и всякие другие общества для самопомощи и защиты своих интересов, право отдельно и совокупно отказываться от работы. В такой же мере все предоставленные права рабочим распространяются и должны быть распространяемы на всех промышленников; необходима свобода слова и печати, так как этим единственным способом возможно достижение наилучших результатов для постоянного роста промышленности, выяснения рабочих нужд и интересов и улучшения быта и положения рабочих. Необходимо существующий законодательный способ его разработки, который не соответствует нынешним указаниям современной науки и Государственного права, изменить и сообразовать с потребностями населения, в частности—и русской промышленности". Наконец, многое, многое необходимо, я мог бы читать целый час, но, в конце-концов, необходимо вот что: „заканчивая настоящую записку,—говорили промышленники,—уместно будет напомнить, что в 1861 г. русский народ получил свободу тела, свобода дана вопреки желаниям высших слоев тогдашнего общества. Но мудрый Государь-Освободитель шагнул впереди своих подданных, царственным оком он предвидел, что если не дать воли народу сверху, она будет им добыта снизу. Теперь наступила пора для освобождения духа от опеки бюрократии. Этой свободы добивается весь народ, его низшие и высшие слои".

Глава VII.

Рост организаций и организованности.

Политические увлечения крупной буржуазии были весьма кратковременны. Она очень скоро потеряла веру в лучшее будущее, которое принесет ей революция. Она одновременно испугалась и революции, и старой власти. Она испугалась ре-

волюции, огонь которой проникал в самую сердцевину социальных отношений, она испугалась и старой власти, которая в борьбе с внутренним врагом оказалась сильнее и непримиримее, чем в борьбе с внешним. Недолго раздумывая, буржуазия дезертировала из рядов не только революционной, но и оппозиционной армии и перешла на сторону правительства.

Неудачный опыт с созданием собственной политической партии еще более побуждает ее сойти с официальной политической арены и уйти в создание крепких и сильных профессиональных организаций, которые преследовали бы цель как борьбы с рабочим движением, так и давления на правительственную власть. Уже в средине 1905 г. буржуазия начинает сворачивать с пути открытой политической борьбы на дорогу профессиональных экономических организаций. Политические партии, которые пыталась создать буржуазия, были как бы генеральными штабами без армии, они умирали от неизлечимого равнодушия избирателя. Промышленники и купцы это скоро поняли. На съезде промышленников было открыто признано это явление. „В июне 1905 г.,—говорилось там,—в среде петербургских промышленников был поднят вопрос об организации торгово-промышленной политической партии. Были отправлены делегаты в Москву, чтобы просить московский биржевой комитет взять на себя инициативу созыва съезда. Съезд этот избрал особое бюро для дальнейшей работы по объединению. Политический союз, однако, не имел видов на успех, и бюро решило покинуть мысль о политическом союзе и ограничиться исключительно экономической стороной единения".

Первая Госуд. Дума по своему историческому призванию и социальному составу меньше всего могла сделаться политическою представительницею классовых интересов крупной буржуазии. И буржуазия не питала на этот счет никаких иллюзий. Фабрикант Норке с полною определенностью заявил об этом на заседании организационного бюро съездов представителей торговли и промышленности 1-го фев. 1906 г.

„Государственная Дума,—говорил Норке,—навряд ли особенно сочувственно отнесется к промышленности и торговле, так как наши земские деятели слишком мало знакомы с действительными ее нуждами, а общество наше нередко и не сознает того громадного значения, которые имеют в государственном хозяйстве торговля и промышленность. Вносить все споры в Госуд. Думу вряд ли можно признать целесообразным, и по-

этому надо создать такое учреждение, в котором можно было бы предварительно столковаться и подготовить все вопросы, которые следует внести в Думу и обсудить возражения на предложения, вредные для промышленности и торговли".

При этих условиях крупной буржуазии оставалось одно:— создать сильные экономические организации, которые вместе с тем заменили бы ей политические партии. Крупная буржуазия вынесла из бурных событий 1905-го года убеждение в необходимости сорганизоваться. И до 1905-го года она, как мы видели, создавала свои организации. Но этот процесс шел вяло, ибо и без помощи этих организаций буржуазия находила пути и средства проводить нужные ей и проваливать нежелательные мероприятия. После-революционное время очень осложнило эти условия. Появилось народное представительство, вспыхнуло сильное рабочее движение. На политическом горизонте появились тучи социальных реформ.

На Государ. Думу буржуазия не возлагала при создавшихся условиях своих надежд. Оставалось создать вне ее свои организации, которые бы официально не играли политической роли, афишированно избегали бы политики, но фактически для того и создавались, тем и вдохновлялись, чтобы оказывать давление на правительственную политику, поскольку она затрагивала интересы торговли и промышленности. После 1905-го года начинается быстрый рост предпринимательских организаций. Они растут в числе и силе, принимая различные формы, поворачивая боевой фронт против рабочих и оказывая непрестанное, систематическое, организованное давление на правительство. В то время, когда все общественные организации, профессиональные союзы в атмосфере сгущающейся реакции распадались и разгонялись, на поле, усеянном их костями, быстро росли крепкие организации предпринимателей. Так, напр., 28% всех Биржев. Комитетов, сведения о которых были собраны в анкете Русского Тех. Общества, возникло за двухлетний период 1905—1906 гг. За эти два года народилось $^2/_3$ общего числа Биржевых Комитетов, возникших до 1905 г. [1]).

Такие же данные мы находим и по отношению к другим крупным предпринимательским организациям. Бурный 1905 г. толкает буржуазию на путь усиленной самоорганизации и с этого пути она уже не сходит и в затянувшееся время реакции,

[1]) А. Гушка. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. Спб. 1912 г., стр. 52, 53.

Правительство, свирепо разгонявшее все общественные и профессиональные организации, подозрительно относившееся ко всякому объединению, как к наследию ненавистной смуты, в то же время не только разрешает, но всячески поощряет предпринимательские организации. И эти организации быстро растут и в числе и в силе. Правительство все больше и больше с ними считается, прислушивается к их мнению. И можно установить такой параллелизм—чем больше падает значение народного представительства, тем сильнее поднимается число и влияние предпринимательских организаций. Сильнейшие предпринимательские организации новейшего типа возникают в атмосфере и обстановке общественного распада и правительственной реакции; в своей эволюции и форме они гибко приспособляются к новым условиям русской жизни и умело пользуются ими, чтобы провести свою социальную волю. Официально они плывут под торговым флагом, всячески подчеркивая свой внеполитический характер. Они называют себя чисто-экономическими организациями, не вмешивающимися в политику и считающими политическую борьбу не своим делом. Но присматриваясь к их деятельности, не трудно убедиться, что их политическая нейтральность, политическое воздержание есть лишь особый вид и особая форма политики, приспособленной к своеобразным условиям русской жизни. По существу дела эта политика внеполитичности есть возвращение буржуазии к позиции, которую она занимала в до-революционное время. Только условия и обстоятельства новой „конституционной" эры внесли сюда изменения.

Мы уже познакомились с попытками буржуазии выйти на широкую политическую дорогу. Мы уже знаем, что попытки эти дали в своем результате лишь мертворожденные „собственные" партии. Эта неудача политических затей в связи с политическим поправением буржуазии и ее примирением со старым правительством, в связи наконец с разочарованием в народном представительстве, где буржуазия играла третьестепенную роль, сделали то, что наша крупная буржуазия,—„махнувши рукою в обратный пускается путь",—махнувши рукою на идею обзавестись собственною политическою партией и в обратоый путь к непосредственному политическому воздействию на правительство через голову Госуд. Думы.

Такая тактика наметилась уже в 1906 году и нашла свое выражение на тридцатом съезде горнопромышленников юга России.

„Надвигаются такие события,—говорил на этом съезде Енакиев,—когда нужно быть прочно организованными, когда нужно, чтобы каждое ответственное перед вами лицо знало, что оно должно делать, чтобы не было никаких недоразумений и сомнений“ [1]).

Но тот же съезд устами другого оратора, Прядкина, пояснял:

„Съезд горнопромышленников не представляет собою политического учреждения. У нас есть групповые интересы, отстаивать которые мы призваны, и мы будем их отстаивать представлением точных и мотивированных записок, и таким образом будем действовать на тех, в руках которых будут судьбы государства, чтобы доказать, что то, чего мы ищем, составляет жизненный интерес промышленности, которую мы представляем. Следовательно, говорить о том, что мы должны иметь специальных представителей в Гос. Думе, мне представляется бесполезным“ [2]).

Тут же третий оратор, Краевский, подчеркнул полную надежность подобного политического нейтралитета.

„Участвуя почти 30 лет на съездах, я привык смотреть так, что представители наши в высших правительственных сферах, будучи всегда в курсе дел, всегда умели своевременно предупреждать разного рода явления и неожиданные распоряжения по отношению к нашей промышленности“.

В этих словах вполне определенно, хотя и еще очень осторожно, намечена была та старая тактика прямого действия, или воздействия на правительство, к которой с тех пор все больше начинает склоняться объединенная промышленность. Промышленники уже не возлагают своих надежд на народное представительство, они не объявляют ему и войны. Они прикрываются торговым флагом политического нейтралитета и обходят народное представительство, заходят ему в тыл и вступают в непосредственные отношения с правительством. Быстро растут всевозможные предпринимательские организации, сила которых становится тем значительнее, что в то же время распадаются, разгоняются уцелевшие организации рабочих, „последние тучи рассеянной бури“.

Тяжкий млат реакции дробит стекло рабочих и обывательских организаций и кует булат предпринимательских. Самой

---

[1]) Труды XXX съезда горнопромышленников юга России. Харьков, 1906, стр. 277.

[2]) Там же, стр. 372.

сильной, влиятельной и характерной из этих новых предпринимательских организаций является „Совет съездов представителей Промышленности и Торговли".

Характерно прежде всего его метрическое свидетельство. В конце 1905 г. группа крупной буржуазии занята была созданием собственной политической партии. Публиковались программы, воззвания, намечались кандидаты в Гос. Думу, но это дело плохо налаживалось. В январе 1906 г. на первом учредительном съезде представителей торговли и промышленности обсуждается вопрос о создании центральной всероссийской организации представителей торговли и промышленности. Для этого создается особое „организационное бюро". На втором учредительном съезде (в апреле 1906 г.) вырабатывается „Положение о съездах представителей торговли и промышленности". 24-го авг. 1906 г. это „Положение" получает утверждение. А в октябре 1906 г. на первом съезде избирается исполнительный орган—совет съездов представителей торговли и промышленности.

Таково метрическое свидетельство сильнейшей экономической организации крупной буржуазии. Оно очень характерно в том отношении, что показывает, как политические потуги нашей буржуазии привели к рождению экономического детища, тотчас же демонстративно отвернувшегося от политики. Кратковременное увлечение политикой заменилось прочною верностью экономике. Это поспешил подчеркнуть правительственный вестник объединенной промышленности, журнал „Промышленность и Торговля", начавший выходить в 1908 г.

„Из новой организации,—писал этот журнал,—совершенно устранен политический элемент.

Наши съезды исключительно профессиональная организация, живущая в пределах законов, действующих в каждый данный момент. Вот почему ни до сих пор, ни впредь на страницах нашего журнала вопросы общей политики не находили и не будут находить себе места. Наш удел—вопросы хлеба насущного, вопросы скорейшего подъема производительных сил России, а не бесконечные политические споры" [1]).

Целью новой организации, как пояснял первый параграф „Положения об общеимперских съездах представителей промышленности и торговли"—являлось „выяснение и разработка выдвинутых промышленною жизнью России вопросов в области

[1]) Ср. „Промышленность и Торговля", 1908 г., кн. 3-я.

законодательства, торгово-промышленной политики и общественно-экономических отношений, а равно и объединение представительства общих интересов промышленности и торговли и проведение общих мероприятий".

Достаточно ознакомиться с этими очень широкими заданиями новой мощной предпринимательской организации, достаточно присмотреться к их деятельности, чтобы убедиться в том, что обет политического воздержания был ею принят либо лицемерно, либо по политическому недомыслию. Подобно Мольеровскому герою, не знавшему, что он говорит прозою, новая организация не знала, или делала вид, что не знает, что она говорит политическим языком. Только при этом политика ее получила особый отпечаток. В краткие дни свободы, в наступившие затем политические сумерки и наконец в сгустившуюся ночь реакции эта политика объединенных промышленников последовательно проходит через три стадии развития. Сначала была вера в силу народного представительства и вера в возможность войти в него внушительной политической силой. Эта вера погасла в утре пасмурных дней начинающейся реакции. Угасла вера и в свои чисто политические силы и в реальную мощь народного представительства. Еще удержалась лишь вера в возможность воздействия на Госуд. Думу извне в желательном для буржуазии направлении. Эта вера нашла свое выражение в словах одного из деятельнейших представителей объединенной промышленности, А. Вольского, сказавшего на съезде: „Привить свои взгляды этим учреждениям и группам (Госуд. Думе и Госуд. Совету)... тут-то и лежит весь корень работы, весь смысл общеимперских съездов представителей торговли и промышленности". Но и эта вера угасла, и „корень работы" новой организации всецело переносится на правительство. Новая организация развивает высокое давление на правительственную власть, а через ее посредство и на народное представительство. На этой платформе утвердился „Совет с'ездов" и с первых же шагов деятельность его венчается успехом, захватывая все более широкую область. С чувством понятного удовлетворения орган Совета съездов, „Промышленность и Торговля" с самого начала писал:

„Как организация, имеющая своею конечною задачею возможно полное объединение всех местных по промышленности и торговле учреждений и осуществление общеимперского представительства промышленности и торговли, съезды и исполнительный их орган, Совет, нашли себе полное сочувствие в

лице правительства и в частности—в тех министерствах (торговли и промышленности, финансов, путей сообщения и главном управлении земледелия и землеустройства), деятельность которых наиболее тесно связана с экономическою жизнью страны. Благодаря этому Совет съездов с самого начала своей деятельности был приглашаем к участию, через своих представителей, в работах целого ряда правительственных совещаний по разным вопросам, касающимся промышленности и торговли. Этому участию обыкновенно предшествовали предварительные подготовки в делопроизводстве Совета соответствующих статистических данных и прочих материалов, а затем предварительное обсуждение вопроса в особых совещаниях при Совете съездов, а потом в комитете Совета. Такая постановка дела дала возможность представителям Совета съездов выступить перед правительством со всесторонне обоснованными и солидарными мнениями, которые в большинстве случаев оказывали существенное влияние на решение правительственных совещаний".

Достаточно внимательно прочесть этот официальный отчет и вслушаться в его тон, чтобы воссоздать общую картину деятельности Совета съездов и ее характер. Мы уже приводили чрезвычайно раздраженные и обиженные отзывы буржуазии о деятельности Гос. Думы. Мы теперь читаем полный удовлетворения, спокойный и почтительный отзыв Совета съездов о правительстве. Тон делает музыку. И этот совершенно иной тон по адресу народного представительства с одной стороны и ненародного правительства с другой—показывает, в какую сторону направилась энергия объединенной буржуазии и где она нашла себе поддержку. Официальный орган объединенной буржуазии, переходя от общего к частному, всюду подчеркивает с тем же чувством удовлетворения, тем же тоном почтительности готовность правительства считаться с мнениями и интересами буржуазии и, сообразно с этим, решать судьбу тех или иных законопроектов, затрагивающих интересы торговли и промышленности.

Главное управление землеустройства и земледелия в целях дешевизны решило заказать для переселенческих складов за границею земледельческие машины и орудия. Совет съездов всполошился. Был пущен в ход соответствующий механизм, развивший соответственное давление на правительство. И с чувством удовлетворения орган Совета отмечает по этому поводу: „Организованное при Совете съездов совещание из пред-

ставителей отечественных заводов, опираясь на подготовленный Советом обширный статистический материал, отнеслось отрицательно к названным предположениям главного управления землеустройства и земледелия и предположенный за границею заказ, по сведениям Совета съездов, не состоится".

Наметился вопрос об обложении электрической энергии и света. Совет съездов тут как тут. И опять следует победная реляция:

„Записка эта была затем лично доложена представителями Совета съездов министру торговли и промышленности, который обещал свое содействие Совету к новому подробному рассмотрению этого вопроса".

Созывается совещание об угольном тарифе, и с торжеством сообщается, что представители Совета съездов, „будучи вооружены самыми подробными и разносторонними материалами, с успехом отстаивали точку зрения Совета съездов. Надо надеяться,—писал по этому поводу лейб-орган Совета съездов,—что разработанные Советом съездов материалы будут достаточно убедительны для тарифных учреждений, и последние отбросят пагубную мысль о повышении каменноугольных тарифов".

Рассматривается вопрос о реформе органов министерства иностранных дел, и Совет съездов тотчас возбуждает ходатайство о допущении своих представителей на это совещание. И опять следует донесение, преисполненное чувством удовлетворения.

Все приведенные данные относятся к одному первому году деятельности Совета съездов. Они показывают, что с самого начала своей работы Совет съездов развил кипучую энергию и добился весьма осязательных результатов. Правительство охотно признало новую организацию и шло ей навстречу, создавая тесное общение между своими органами и органами предпринимателей. Работа правительственных канцелярий в том очень широком и все расширяющемся кругу вопросов, затрагивающих интересы торговли и промышленности, проходит под зорким наблюдением Совета съездов, не упускающего случая вмешаться в эту работу и сказать свое веское слово везде, где этого требуют предпринимательские интересы. Подводя итоги своей деятельности за один первый год, Совет съездов с полным основанием писал:

„Этот краткий и далеко неполный отчет годовой работы Совета съездов представителей торговли и промышленности, наряду со все увеличивающимся кругом деятельности Совета и

все возрастающим влиянием съездов, ярко показывает ту силу, которую могут представить собою сплоченные торговля и промышленность всей России, при желании объединиться в один могучий орган—выразитель нужд и требований всех торговых и промышленных организаций Империи.

Громадная территория нашего отечества, разобщенность его торговых и промышленных районов и малая привычка наших промышленников и торговцев к единению, в связи с часто проявляющимся, к сожалению, взаимным недоверием, сильно мешают успешной и культурной работе Совета съездов над принятою им на себя задачею—объединения представительства общих интересов промышленности и торговли".

В последующие годы круг деятельности Совета съездов значительно расширяется и вместе с этим его аппарат воздействия на государственную власть все более совершенствуется, и работа всевозможных совещаний, канцелярий и т. д., где обсуждаются законопроекты социально-экономического характера, проводится под все более и более высоким давлением Совета съездов. При Совете съездов создаются всевозможные организации, которые отчасти становятся поставщиками готовых материалов для правительственных комиссий, отчасти же работают на заказ для каждого случая, изготовляя потребные статистические и иные данные. Совет съездов через своих представителей участвует во всякого рода совещаниях, комиссиях, возбуждает ходатайства, представляет докладные записки, восходит к высшим представителям власти, везде и всюду встречая со стороны правительства всегдашнюю готовность к услугам. Аффективно подчеркивая свое недовольство Госуд. Думою за ее яко-бы враждебное отношение к интересам промышленности, Совет съездов все больше переносит центр тяжести своей деятельности в так называемое преддумье, превращая его в лабораторию по обезвреживанию всех законопроектов, содержащих вредные для промышленников вещества.

Давая отчет о своей деятельности за 1908-ой г., Совет съездов писал:

„Параллельно с рассмотрением законопроекта в междуведомственном совещании по инициативе Совета наших съездов начались и совещания съездов представителей промышленности и торговли, начавшиеся днем раньше министерского совещания. Эти совещания, давая возможность торгово-промышленному классу высказывать в междуведомственном совещании свое объединенное мнение, подкрепленное согласованными доводами всей про-

мышленности и торговли Империи, способствовали вместе с тем стройности и быстрому ходу работ в междуведомственном совещании, так как на предварительных совещаниях обыкновенно намечался кто-либо из представителей промышленности и торговли, как докладчик по данному вопросу в междуведомственном совещании. Переработанное министерством финансов, согласно указаниям междуведомственного совещания, Положение еще раз было сообщено на заключение Совета съездов представителей промышленности и торговли".

В отчете за 1909 г. отмечается то же самое явление:

„В январе минувшего года,—читаем мы там,—министерством была закончена сводка и изменение проекта на основании суждений совещания, и представители нашей организации были приглашены к участию в организованном, под председательством тов. мин. фин. Н. Н. Покровскаго, особом частном совещании для окончательной редакции законопроекта", при этом „представителям нашей организации, разработавшим предваритель законопроект в особых совещаниях при Совете съездов удалось получить согласие мин. фин. на очень многие существенные изменения в проекте".

Свои задачи съезд понимал очень широко, далеко не ограничивая их узкой сферой непосредственных коммерческих интересов. Так, напр., при обсуждении законопроекта об обществах и союзах Совет съездов постановляет: „Считая, что голос промышленности должен быть руководящим началом при разработке всех законопроектов, затрагивающих ее интересы, Совет съездов обратился к мин. внутр. дел с ходатайством о необходимости привлечения в Комиссию по разработке проекта закона об обществах и союзах представителей промышленности".

И конечно, в докладе Совета III-му очередному съезду с чувством удовлетворения отмечается: „Ходатайство Совета съездов было уважено министерством и в заседаниях означенной комиссии принимал участие А. А. Вольский в качестве единственного представителя общественных групп".

Удивительно ли, что на вопрос уже цитированной нами анкеты Технического общества об общих результатах возбужденных ходатайств, Совет съездов сдержанно и скромно ответил: „Большинство ходатайств было полностью или частью удовлетворено" [1]).

[1]) Ср. А. Гушка. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. Спб. 1912 г., стр. 193.

Прежде чем перейти к общей характеристике той политики Совета, которую он считает отсутствием политики, мы остановимся на одной чрезвычайно характерной для него стороне деятельности. Мы говорим о рабочем законодательстве. Печальная повесть о законодательных потугах в области охраны труда хорошо известна. По мере того, как крепла реакция, рабочие законопроекты таяли и умалялись все более и более. Когда они, наконец, были поставлены в Госуд. Думе на очередь, то от прежних законопроектов одни обглоданные кости остались. Но и эти жалкие законопроекты становятся предметом дальнейшего „воздействия" со стороны Совета съездов. Он развивает огромную энергию, чтобы похоронить их или, по крайней мере, посадить в долголетнее предварительное заключение—в комиссию. Еще в 1906 г., когда правительство стремилось успокоить бушующее море рабочего движения маслом социальных уступок и наметило ряд социальных законопроектов, представители объединенной буржуазии устами С. П. Глезмера пытались представить все рабочее законодательство, как ненужную выдумку. „Как люди стоящие ближе всего к рабочему населению,—заявлял Глезмер,—мы приходим к заключению, что это не есть последствие действительной нужды того самосознания, о котором мы так часто слышим и которое якобы проявилось среди наших рабочих, а это есть только последствие посторонней агитации, которая несравненно более имеет политическую цель, чем экономическое решение вопроса". Но когда после долгих мытарств и скитаний, оборванный, неузнаваемый законопроект добрел до Госуд. Думы, объединенная буржуазия изменила свою тактику. Она уже не возражала „с принципиальной стороны" против самой постановки вопроса. Она отступала на „деловую" позицию и последовательно проводила ту тактику, которую гр. С. Витте справедливо назвал социальной обструкцией. Детище революционной эпохи доплелось до Гос. Думы лишь в жалком виде законопроекта государственного страхования от болезней и от несчастных случаев. И в изувечении первоначальных законопроектов Совет съездов принял ближайшее участие. Он устроил особые совещания, посвященные правительственному проекту. „Достигнутая на этих совещаниях сплоченность,—говорит в своем отчете Совет съездов,—обоснованная разработанными Советом съездов материалами, побудила министерство вновь переработать свои законопроекты, во многом согласно с высказанными

на упомянутых совещаниях мнениями представителей промышленности и торговли".

Но и эти жалкие законопроекты, жалкие и по своему убогому замыслу и по всей своей конструкции, искаженные и сокращенные в Совете съездов, все же были не по душе нашей объединенной промышленности и она успешно стремится и дальше затянуть их проведение, и исказить их пуще прежнего. Тут пускается в ход уже знакомая нам механика воздействия на правительство, и между работою думской комиссии по рабочему вопросу и Советом съездов устанавливается приводный ремень. Думская комиссия предупредительно идет навстречу пожеланиям и замечаниям объединенной буржуазии. Член думской комиссии говорил на четвертом съезде представителей промышленности и торговли: „Спрашивается, посильно ли это будет для промышленности и можно ли, говоря по существу, задачу государственную, и притом первостепенной важности, возложить только на плечи промышленности. Рабочая комиссия хотела бы получить на этот счет от представителей промышленности ясные указания и разъяснения" [1]).

Представители промышленности, конечно, не заставили себя долго просить, и вся думская работа по составлению и проведению рабочих законопроектов проходит под высоким давлением Совета съездов. Все поправки последнего внимательно выслушиваются и большею частью принимаются не только к сведению, но и к исполнению. Объединенные промышленники постановили переработать правительственные законопроекты об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании рабочих от несчастных случаев, о страховых присутствиях, о страховом совете. И в отчете о деятельности Совета за 1908 г. с удовлетворением отмечается, что эти законопроекты „были вновь переработаны министерством, при чем многие из пожеланий промышленников, высказанные на упомянутых совещаниях, были удовлетворены". Промышленники постановляют представить в законодательные учреждения на-ряду с министерским рабочим законопроектом свой собственный, составленный Советом съездов, и в отчете последнего за 1909 г. отмечается, что этому постановлению дан ход, что работа Совета съездов „представленная в законодательные учреждения, непосредственно от министерства торговли и промышленности, в значитель-

[1]) Ср. Труды четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли. Спб. 1910 г., стр. 22.

ной мере облегчила рассмотрение в рабочей комиссии Госуд. Думы правительственных законопроектов".

Постановляют промышленники изменить законопроект о найме рабочих. И отчет Совета съездов за 1909 г. отмечает: „Согласованное на предварительных совещаниях при Совете съездов мнение представителей торговли и промышленности страны было доложено в министерском совещании членом Совета съездов, А. И. Коноваловым, и почти все выработанные промышленниками поправки и дополнения к министерскому законопроекту были признаны совещанием приемлемыми почти полностью".

Наконец, в том же докладе Совет съездов ставит уже и более общую задачу: „Считая, что голос промышленности,—уверенно говорит он,—должен быть руководящим началом при разработке всех законопроектов, затрагивающих ее интересы, Совет съездов обратился в министерство внутр. дел с ходатайством о необходимости привлечения в комиссию по разработке проекта закона об обществах и союзах представителей промышленности".

И по данному вопросу—промышленниками сказанное—правительством исполнено. Доклад отмечает:

„Ходатайство Совета съездов было уважено министерством и в заседаниях означенной комиссии принимает участие А. А. Вольский в качестве единственного представителя общественных групп".

Итак, даже по такому огромной политической важности вопросу, как вопрос об обществах и союзах допущен был лишь один представитель общественных групп в лице представителя Совета съездов.

Все приведенные данные достаточно ярко обрисовывают механизм деятельности Совета съездов. Мы можем проследить работу тех пружин, которые приводят в деятельность эту организацию и тех передаточных ремней, которые сообщают это движение правительственному механизму. Мы можем видеть, как, не показываясь на официальной политической сцене и отстраняясь от обсуждения чисто политических вопросов, Совет съездов тем не менее играет чрезвычайно большую политическую роль в сложной закулисной работе. По отношению к Гос. Думе он создает свое преддумье, которое залегло на политической дороге, не давая ни прохода, ни проезда ни одному законопроекту, задевающему интересы торговли и промышленности. Мы можем проследить, как это промышленное преддумье пре-

вращается в похоронное бюро всех рабочих законопроектов. Мы видим, как представители объединенной промышленности зорко следят за движением всех социально-экономических законопроектов и не только подвергают их критике, долголетнему предварительному заключению в комиссиях, отпеванию в междуведомственных совещаниях, но и коренной переделке в своих интересах. И правительство считает своим долгом не только выслушивать голос объединенной буржуазии, но и отдавать в ее руки переделку законопроектов. Даже „Новое Время" не выдержало и раздраженно указывало, что неудобно же передовать рабочие законопроекты для переделки одной из заинтересованных сторон, объединенным промышленникам, при этом даже не выслушивая другую сторону—рабочих.

Среди предпринимательских союзов, особенно усилившихся и расплодившихся в годы после революции, особенный интерес представляют союзы работодателей. Союзы эти возникли и построились в боевой порядок под непосредственным воздействием рабочего движения эпохи первой русской революции. Мы уже знаем, что в самые бурные дни свободы, когда требование либеральных политических реформ стало почти общеобязательным и захватило широкие круги буржуазии, оставалась в неприкосновенности лишь одна область, в которой промышленники чувствовали себя самодержцами и не желали никаких изменений—это область рабочего вопроса. Глубокие народные волнения, до дна всколыхнувшие страну, расшатавшие ее вековые политические устои, настроившие и буржуазию на оппозиционный лад, однако нисколько не поколебали ее самодержавных прав по отношению к рабочим. Фабрика должна была, как прежде, в незыблемости сохранить свой самодержавный режим, и промышленник попрежнему должен был здесь оставаться неограниченным царем. Сочувствие государственному конституционализму ни мало не поколебало чувств фабричного абсолютизма. И эта самодержавная власть на фабрике не должна была быть умалена и вся ее сила должна была быть направлена на то, чтобы остановить и оставить политически поднимающийся рабочий народ на той же ступени экономического бессилия, распыленности и фабричного бесправия, на которой его застала буря 1905 г.

Но рабочий класс был охвачен совершенно иным настроением. Ведя ожесточенную политическую борьбу с самодержавием, он, конечно, в то же время вел и ожесточенную борьбу

на экономическом фронте с фабрикантами. Широкая и бурная волна стачек, прошедшая по всей России, носила этот двойственный характер и под ее воздействием буржуазия создает свои работодательские союзы, ставящие своею специальною целью борьбу с рабочим движением. Зародившись в 1905 г. и сразу приняв боевой характер, эти союзы растут чрезвычайно быстро и наступая по стопам отступающего рабочего движения, укрепляясь на костях разгромленных рабочих организаций, они все более и более от обороны переходили к наступлению.

В бурю 1905—1906 г.г. возникают крупнейшие работодательские союзы: Петербургский союз фабрикантов и заводчиков, Общество фабрикантов и заводчиков московского промышленного района. В 1905 г. в Риге возникает Рижское общество фабрикантов и заводчиков, нарождается Союз ревельских фабрикантов, Общество донских заводчиков и фабрикантов, Либавское общество фабрикантов и заводчиков и т. д., и т. д. Этот год рождения многого множества работодательских союзов в период рабочей бури и натиска показывает, что фабриканты спешили организоваться по примеру рабочих. На это прямо указывали и сами предприниматели.

„Массовый характер забастовок,—гласит составленная в 1906 г. объяснительная записка съезду фабрикантов и заводчиков,—а также редакционная тождественность большинства пунктов требований, предъявляемых рабочими, не оставляют сомнения в том, что означенное движение является результатом известного объединения и организации рабочих масс. Вероятность и близость этой опасности выдвигает на первую очередь неотложность объединения фабрикантов и заводчиков в союз для противодействия всему ненормальному в означенном движении".

Еще ранее этого, в 1905 году, когда социальный испуг еще не бросил буржуазию в стан политической реакции, известный московский промышленный деятель обращается в „Русское Слово" с письмом, в котором указывает фабрикантам на неотложную необходимость создания союзов для „борьбы с рабочим движением". „Я употребляю слово „борьба",—пишет Четвериков,—и думаю, что этого слова бояться нечего. Старые устои рушатся, многие прерогативы капитала оказываются крайне неустойчивыми... Не встречая должного отпора, рабочим трудно уяснить себе, где возможный предел их желениям".

От слова фабриканты переходят к делу уже в том же 1905 г., когда чисто политический конфликт между буржуазией и пролетариатом еще не назрел. Уже в самом начале 1905 года, в

феврале и в марте, на происходивших специальных заседаниях устанавливаются 7 пунктов, по которым не должны быть допускаемы никакие уступки рабочим. Эти семь пунктов включают в себе: сокращение рабочего дня, оплата за дни забастовок, участие рабочих в установлении размера заработной платы и внутреннего распорядка фабричной работы, отмена штрафов, сверхурочная работа и т. д. [1])

Тут опять-таки наиболее характерна дата. Начало 1905 г.— это пора наивысшего взлета либерализма буржуазии. На политическом фронте она тогда выступала против общего врага— старого порядка, казалось, сходившего в историческую могилу. Острые углы экономической борьбы и классовых противоречий, казалось, еще тонули в тумане общеполитических лозунгов. Но, однако, уже в эти дни фабриканты не только поняли и почувствовали необходимость боевой организации, направленной против рабочих, но успели уже создать специальную конвенцию, не допускающую делать уступки рабочим по важнейшим их требованиям. В 1906 году, когда классовая борьба приняла уже более острую форму, работодательские союзы развивают исключительную энергию и проявляют твердую решимость во что бы то ни стало сломить организованное рабочее движение.

В арсенале русских работодательских союзов имеются все роды оружия классовой борьбы. Тут и строгая внутренняя дисциплина, и широкая взаимная поддержка, и локауты, и черные списки, и большой боевой капитал. Молодые работодательские союзы России получили в готовом виде весь боевой опыт, все вооружение западных предпринимательских союзов. Они связали своих членов крепкими узами дисциплины. Союз фабрикантов и заводчиков центрального района установил „основные правила“ для всех своих членов и за нарушение хотя-бы одного из этих правил виновный фабрикант исключается из союза. А правила эти повелевают: 1) ни прямо, ни скрытно не платить в дни забастовок, 2) не допускать вмешательства рабочих депутатов в установку расценок, наем и увольнение рабочих. Когда один из виленских фабрикантов уступил рабочим и согласился на выставленные ими условия, то союз объявил этому фабриканту бойкот, лишил его сырья и сделал для него невозможным продолжение производства. [2])

[1]) Ср. А. Ерманский. Союзы работодателей „Совр. Мир.“, 1909 г., кн. 12, стр. 28.

[2]) Ерманский. Цит. статья, стр. 31.

Объединив железною дисциплиною своих членов, работодательский союз в то же время стремился во что бы то ни стало распылить, разобщить рабочих, разбить их профессиональный союз на тысячи осколков, превратить каждого рабочего в отдельного посетителя фабрики.

„В особенности,—говорилось на первой конференции профессиональных союзов рабочих по металлу,—возбуждает недовольство капиталистов вмешательство профессиональных союзов в дело установления внутреннего фабричного распорядка, в дело найма или увольнения рабочих, одим словом, роль профессионального союза, как представителя интересов рабочих данного производства. Поэтому почти во всех наших локаутах одно из главных требований хозяев сводится к отстранению профессионального союза от этой роли".

В борьбе с неблагонадежными рабочими, работодательские союзы широко использовали черные списки, в которые вносили имена всех рабочих, навлекших на себя недовольство. В начале девятисотых годов печать отметила любопытный факт, показавший, с какою утонченностью велись эти черные списки. На одной из крупных фабрик уволенному „за ненадобностью" рабочему был выдан аттестат с очень хорошим отзывом. Но, однако, куда этот рабочий ни являлся с эти аттестатом, ему везде отказывали, хотя свободные места и были. В полном недоумении рабочий начал рассматривать этот похвальный аттестат, почему-то закрывавший перед ним все двери фабрик, при этом его внимание остановилось на каких-то таинственных знаках. Посмотрев на свет, рабочий убедился, что на выданном ему аттестате водяными знаками было сообщено, что рабочий был замечен в антиправительственной агитации и уволен за участие в беспорядках. Однако, фабрикантам не было надобности каждого в отдельности рабочего снабжать волчьим аттестатом. Проще и целесообразнее было организовать коллективные черные списки. В 1909 году фабричный инспектор Копица поместил в „С.-Петерб. Вед." письмо в редакцию, обращая внимание общественного мнения на широко практикуемую фабрикантами систему черных списков, приговаривающих ослушных рабочих на долголетнюю безработицу, ибо внесенных в эти списки нигде на фабрики не принимают. Петербургское общество фабрикантов и заводчиков,—рассказывает Копица,—рассылает по фабрикам и заводам особые списки, куда вносит имена рабочих, замеченных в участии в беспорядках, стачках,

политической агитации, или хотя-бы прибегающих к помощи суда для взыскания с фабриканта за увечье.[1])

Самым сильным и острым оружием в руках союза работодателей является локаут. Силу этого оружия промышленники с успехом испытали во время первой русской революции, когда в ответ на вторую общую забастовку они вместе с казенными заводами объявили расчет всем рабочим и закрыли фабрики.

„Наших рабочих,—заявил известный фабрикант Познанский,—можно заставить образумиться только с помощью голода". И локаут является лучшим средством поставить рабочих лицом к лицу с этим голодом. Локаут применяют по постановлению и указанию союза, и каждый член этого союза обязан в точности исполнять все предписания. В июле 1906 года Рижский союз фабрикантов рассылает циркуляр, требуя, чтобы фабриканты „не соглашались ни на какие уступки коллективным требованиям рабочих", а в случае непримиримого поведения последних, закрывали фабрики. „Если закрытие отдельных фабрик не приведет к цели, то предусматривается отказ от работы всем рабочим одной категории с забастовщиками. Если и эта мера окажется безуспешной, то будет созвано общее собрание фабрикантов, чтобы обсудить постановление о всеобщем локауте".

Мы коснулись лишь крупнейших организаций промышленников, более подробное их обследование потребовало бы особой работы.

Отмеченный быстрый рост организованности и организаций предпринимателей получил тем бóльший удельный вес, что параллельно с этим совершалось безостановочное обессиление, упадок, разгон рабочих организаций. В значительной степени вызванный ростом рабочего движения и рабочих организаций, рост предпринимательских союзов, пользуясь попутным ветром реакции, быстро обгоняет развитие рабочих организаций, вступает с ними в беспощадную борьбу и широко, сурово проводя по отношению к фабрикантам принцип строгой дисциплинированной организации, в то же время не терпит организаций рабочих.

На-ряду с описанными представительными и работодательскими организациями, обращенными фронтом к государственной власти и рабочему классу, буржуазия в годы реакции возводила обширные и прочные организации, повернутые лицом к государству и широкой массе, как потребителям. В годы после

[1]) Ср. „С.-Петерб. Ведомости" от 23 дек. 1909 г.

революции начинают очень быстро расти всевозможные ринги, тресты, синдикаты. Синдикаты появляются в русской жизни уже задолго до революции. Уже в 1886 году основывается в Петербурге синдикат гвоздильных и проволочных фабрикантов. В следующем году устраивают свой синдикат сахарозаводчики. С девяностых годов начинается быстрый рост синдикатских объединений. Но и здесь сильнейший толчок к объединению дает революция. Синдикаты растут не только в числе, захватывая все новые и новые области, но и в силе внутренней сплоченности и организованности. Они строятся на американский лад, сразу усваивают и пускают в ход новейшую синдикатскую тактику и технику, и русская казна и русский обыватель сразу оказываются во власти превосходно организованных и вооруженных синдикатов.

„То, что пережила Россия в этом отношении за последний период (1905—1915 г.г. *П. Б.*),—справедливо говорит Цыперович,—может быть смело названо промышленной революцией, ибо к началу войны наша страна в общем и целом покончила с основными предрассудками „свободной" промышленности и „свободной" торговли и решительно вступила в царство частнохозяйственной монополии синдикатов и трестов". [1])

Нас в этой книге интересует лишь та сторона в деятельности синдикатов, которая характеризует процесс наростания силы и организованности буржуазии и освещает ее общественную роль. С этой стороны синдикаты прежде всего лишний раз оттеняют тот контраст между обессилением обывательских и рабочих организаций и усилением предпринимательских, который нам уже не раз приходилось отмечать. Рост синдикатов далее характерен в том отношении, что он явился выражением содействующей и благословляющей роли той самой государственной власти, которая по отношению ко всякого рода общественным, обывательским и рабочим организациям знала и применяла лишь единый принцип:—„которые скопляются, расходись!"

Но синдикаты правительство не только не разгоняло и не преследовало, хотя они и запрещены были законами, но еще по отношению к многим из них оно выступало в роли крестного отца. Многие крупнейшие синдикаты возникли не только с ведома и согласия, но и при самом ближайшем участии и содействии правительства. Один из самых ранних и сильных

---

[1]) Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. Петерб., 1918 года, стр. 51.

синдикатов—синдикат сахарозаводчиков—возникает в 1887 году при самом близком участии правительства. Идя навстречу сахарозаводчикам, министр финансов в докладе совету министров писал: „Соглашение заводчиков между собою, во имя их общего интереса, могло бы принести существенную пользу делу и заводчики могли бы образовать между собою синдикат".

В 1892 г., опять-таки при открытом содействии правительства, образовывается „Экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков".

„Все нефтепромышленники в Баку,—рассказывает в своей книге о синдикатах проф. Янжул,—по общему соглашению избрали из своей среды пять фирм, с „Тов. Бр. Нобель" во главе, представителей которых уполномочили производить безвозмездно продажу керосина за границей за общий их счет, а правительство, с своей стороны, понизило значительно фрахт на Закавказской железной дороге, и тем дало синдикатчикам возможность вести борьбу с американскими промышленниками до тех пор, пока они не войдут в соглашение с русскими, чтобы образовать международный и русско-американский союз". [1])

Таким образом, русское правительство так далеко простирало свои услуги запрещенным русскими законами синдикатам, что не останавливалось перед изменением в их пользу железнодорожного тарифа, чтобы этим путем дать им возможность создать соглашение в международном масштабе.

Продолжая жить нелегально, без прописки, по чужому виду, наши синдикаты чувствовали себя превосходно и год-от-году крепли и развивались. Синдикаты при своем возникновении и в дальнейшем развитии уверенно обращались к правительству за содействием и никогда не получали отказа.

Совещательная контора железнодорожников, стремясь создать металлургический синдикат, рассылает всем заинтересованным предприятиям докладную записку своего члена Ю. П. Гужона, поданную им министру финансов В. И. Ковалевскому. В этой записке прямо заявляется, что правительство должно оказать поддержку металлургическим предприятиям в их стремлении образовать синдикат. На шестнадцатом съезде бакинских нефтепромышленников при обсуждении вопроса об образовании син-

---

[1]) Ср. И. Янжул. Промысловые синдикаты. Спб. 1895 г., стр. 120.

диката председатель совета Гукасов заявил: „Сейчас мы опять говорим, что нужно создать союз, я не вижу другого исхода из настоящего положения, как в союзе. Но полагаю, что если союз не будет поддержан правительством, то вряд ли получатся благоприятные результаты". К присутствовавшему на съезде представителю министерства финансов Гукасов обратился с откровенно циничным вопросом: могут ли нефтепромышленники ждать „сочувствия министра в том деле, которое на языке некоторых называется стачкой, залезанием в чужой карман?" На этот циничный вопрос представитель министерства дал уклончивый ответ: „Стачки и залезание в чужой карман не поощряются".

Этот любопытный диалог показывает, как уверенно чувствовали себя промышленники, строя не только на глазах правительства, но и при его непосредственном содействии сильные синдикаты, строго запрещенные русскими законами. Эта нелегальная, но поощряемая правительством деятельность синдикатов продолжалась долгие годы. Самодержавное правительство было готово к услугам крупных синдикатов. С появлением Гос. Думы—ей приходится считаться, как уже с совершившимся фактом, с могущественными синдикатами и заняться их легализацией. При обсуждении этого вопроса, министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев заявил представителям газет: „Всякое объединение, будь то производители или рабочие, должно всячески поддерживаться и поощряться, ибо в объединении залог успеха и процветания промышленности". Эти слова, однако, плохо соответствовали русской действительности. Все дело именно в том, что тот закон равенства, который министр торговли и промышленности ставил между предпринимательскими и рабочими организациями, существовал лишь в теории, а не на деле. Мы уже неоднократно отмечали, что рост предпринимательских союзов вообще, и синдикатов в частности, у нас в России происходил в атмосфере и обстановке полной разобщенности и распыленности рабочей и обывательской массы. И правительство как в до-, так и в конституционное время, поощряя предпринимательские организации, подавляло все остальные. При этих условиях рост синдикатов получил у нас особенный характер и тяжело перетянул социальные весы в свою сторону.

Глава VIII.

Буржуазия и народное представительство.

В бурной и шумной избирательной кампании, предшествовавшей созыву первой Государственной Думы, крупная буржуазия выступает тихо и неуверенно. Она входит в различные буржуазные партии: конституционно-демократическую, партию правового порядка, союз 17 октября и др. и в то же время, как мы видели, создает и свои собственные политические партии. Она идет ощупью, „бредет розно", вновь обнаруживая свою политическую бесхарактерность и неопытность и не решив твердо, создать ли ей свою политическую партию, единую и нераздельную или рассыпанным строем войти в различные политические партии.

Перед первой Госуд. Думой стояли огромные общие вопросы, в которых бесследно тонули частные и групповые. Это были вопросы об общем политическом строе страны, об утверждении в правах на конституционное устройство и вопрос земельный. В первом вопросе у буржуазии не было своего слова, а социальный испуг, как мы видели, как раз перед созывом первой Думы отнял у буржуазии политический язык, дар политической речи. В вопросе же земельном наша буржуазия по историческому сценарию могла бы взять на себя большую и благодарную роль. Но для этого она должна была бесповоротно и безоговорочно порвать с прежним строем, с основами феодального строя и его носителями и безбоязненно пойти навстречу новому строю, как это в свое время сделала французская буржуазия, но у русской буржуазии меньше всего было желания выступать в такой героической роли и сжигать за собою корабли старого порядка. Она еще рассчитывала вернуться на них в гавань мирного обновления, заключив политический союз с самодержавно-помещичьими элементами. Эти условия обрекали буржуазию на второстепенные роли. На политической сцене она выступает перед первою Думою в роли как бы дублера премьеров реакции—помещиков. И не случайность, что из всех политических партий буржуазия излюбила больше всего октябристов, эту социальную помесь из буржуазии и помещиков. Создание такой помеси в дни первой революции, поставившей на очередь исторического дня ликвидацию помещичьего строя, ближайшее участие в этой смеси руководителей

крупной буржуазии, с несомненностью свидетельствовало, что наша крупная буржуазия меньше всего собирается подражать французскому образцу и взять на себя роль могильщика феодального строя. И как круто ни заворачивал политический фронт предводитель буржуазии А. И. Гучков, игравший тогда роль правофлангового, все же для реакционной работы были гораздо более надежные, стойкие и опытные элементы в лице помещиков. Буржуазия вследствие всего этого сыграла в предвыборнсй кампании и в Гос. Думе очень бледную роль. В первой Гос. Думе она была представлена в численном отношении чрезвычайно жалко. Об этом свидетельствуют цифры о сословном и классовом распределении членов первой Думы.

Вот эти данные по сословиям:

Дворян	164	36%
Почетных граждан	9	2,0
Духовного звания	14	3,3
Купеческого звания	11	2,2
Казаков	12	2,96
Мещан	20	4,4
Крестьян	204	45,5
Без указания сословия	14	3,3

Но группировка по сословиям не вскрывает так рельефно общего характера социального состава Гос. Думы, ибо лица, принадлежащие к одному и тому же сословию, могут распределяться по весьма различным классам и профессиям. Показательнее поэтому группировка членов первой Думы по классам и профессиям. Вот она:

Землевладельцев	65	14,4%	Профессоров	10	2,2
Промышленников	2	0,4	Прив.-доцент	4	0,9
Торговцев	24	5,4	Учителей	23	5,1
Домовладельцев	1	0,2	Врачей	19	4,2
Земледельцев	111	24,8	Авдокатов	38	8,5
Рабочих	25	5,6	Литераторов	7	1,5
На службе частной	15	3,5	Священников	14	3,3
На службе обществ.	61	13,3			

Эти краткие цыфры лучше всяких длинных разсуждений показывают, как бледна была роль буржуазии в политическом формировании новой России. В первую русскую революцию, революцию буржуазную, призванную свергнуть самодержавно-помещичий строй и проложить широкую дорогу конституционно-капиталистическому развитию, крупная буржуазия плетется где-то в хвосте всех классов и партий и только единичным ее представителям удается пройти в Гос. Думу. Это было свидетельством о политической бедности, об утерянных или не

приобретенных политических симпатиях со стороны сколько-нибудь широкой массы. Такими же бледными оказались и попытки буржуазии основать влиятельные собственные политические партии.

В июле 1905-го года происходит в Москве съезд торговцев и промышленников, на котором постановляют организовать торгово-промышленную политическую партию. К осени 1905 г. партия сформировалась. Новая партия, как гласит первый параграф программы, ставила своею задачею „полное содействие правительству по проведению в жизнь новых начал, возвещенных манифестом 17-го октября". „Лица, положившие начало партии,— читаем мы далее—считали, что наименование ее торгово-промышленной имеет громадное значение: без него, сходясь со многими конституционными партиями, она могла бы и не привлечь в свои ряды всех своих единомышленников, которые разошлись бы по другим группам", принимая в то же время „то или иное участие в торгово-промышленной деятельности".

Однако, этот проект программы не встретил одобрения. Новая партия очень туго и нерешительно вырабатывала и перерабатывала новую программу, делая шаг вперед, два назад, выдвигая и принимая назад политические требования. И эти колебания отражали политическую бесхарактерность и неустойчивость буржуазии, отсутствие у нее политического темперамента. Программа торгово-промышленной партии так и осталась лишь выражением политической бледной немочи. Она осторожно обошла даже такой вопрос, как вопрос об избирательном праве. Зато в области социального вопроса она обнаруживает твердость и решительность. Она является решительной сторонницей экономического невмешательства государства. На первом съезде, происходившем в Москве 5 фев. 1906-го года, новая партия постановляет: „По рабочему вопросу мы—противники нормировки труда рабочих, так как думаем, что взрослый человек должен быть свободен в своем труде, и нормы труда должны устанавливаться свободным соглашением рабочих с предпринимателями".

Одновременно с „Торгово-промышленной партией" возникает „Торгово-промышленный союз", в числе учредителей которого фигурируют такие тузы буржуазии, как Крестовниковы, Рябушинские, Кноппы, Коншины и др. „Торгово-промышленный союз" составляет воззвание „ко всем русско-поданным деятелям торговли и промышленности", указывая в нем, что манифест 17-го октября" обязывает „нас, деятелей торговли и промышленности"

объединиться на всем пространстве империи в мощный союз для достижения основанных на новом правопорядке наших классовых нужд и потребностей".

Другой партией, специально созданной для защиты интересов торговли и промышленности, была еще прогрессивная экономическая партия. Основание этой партии кладут петербургские фабриканты и заводчики. 31-го октября 1905-го года в Тенишевском училище состоялось учредительное собрание новой партии, написавшей на своем знамени: „свобода, знание, труд". Программа новой партии была закроена широко. Она высказывается, хотя и не вполне категорически, за всеобщее избирательное право, требует законодательной власти для грядущей Думы, неограниченного бюджетного права. „Никакой акт,—гласит эта программа,—не основанный на постановлении собрания, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона". Прогрессивная экономическая партия в своей программе делает шаг дальше и требует ответственности министров перед Гос. Думою, т. е. как бы делает шаг от конституционализма к парламентаризму. Программа высказывается за независимость и несменяемость судей, за свободу науки, искусства, совести, за всеобщее обязательное, бесплатное начальное обучение. В аграрном отношении эта партия весьма осторожна. И тут сказалась вся ее половинчатость, все стремление ходить на две стези, ее оглядка на старую власть и боязнь порвать с помещичьими элементами. Программа заявляет лишь об „устранении препятствий к свободному переходу от общинного землепадения и землепользования к подворному и личному".

Эта программа диктовалась бурными событиями дней свободы, когда выставленные в ней требования были общеприняты, почти общеобязательны. Шквал реакции, налетевший на страну после московского декабрьского восстания, повлекший за собою кровавую чреду казней, карательных экспедиций, жестоких расправ, не только не вызывает со стороны буржуазии протеста и борьбы, но побуждает заняться оправданием действий правительства. На средства „Прогрессивной экономической партии" и „Союза 17-го октября" начинает издаваться „для народа" новая копеечная газета, под названием „Новый Путь", в которой проводится идея, что правительство только восстанавливает порядок, и весь образ действия правительства „вызывается государственною необходимостью". Позабыв о своем программном парламентаризме, „Новый путь" пишет:

„Мы стоим за успокоение и за обновление России, исходящее сверху от царя, в единении с Госуд. Думою". Новая партия приняла участие в избирательной кампании. Она выпустила воззвание „К людям труда". „В единении сила,—гласило это воззвание,—эту истину крепко усвоили себе люди смуты и мятежа, и ныне все мы видим и чувствуем, сколь сильны они (хотя бы и временно), несмотря на свою малочисленность. Домогаясь, под видом целей общегосударственных, торжества своих частных, узких целей, они горячим словом и смелою настойчивостью увлекли за собою многих доверчивых и пылких людей, слепо и по недомыслию ринувшихся за ними в кровавую борьбу с государственным порядком и мирными жителями, в чаянии себе заманчивых, но неосуществимых благ жизни". Под влиянием социального испуга партия крупной буржуазии с парламентарно-политической точки зрения скатилась на обывательскую. Сделанный буржуазией опыт хождения в народ был крайне неудачен. Торгово-промышленной партии удалось провести в Госуд. Думу всего одного своего представителя.

Первая и вторая Гос. Думы собирались в пору революционной грозы, при режиме широкого избирательного права. Позиция, занятая буржуазией, все ее прошлое, ее необорвавшиеся связи со старым порядком и неналадившиеся с новым, все это привело к тому, что в первые две Думы представители крупной буржуазии попали лишь, как единичное исключение. Круг вопросов, которыми заняты были первые Думы не вызывал у представителей крупной буржуазии политического или социального энтузиазма, хотя как раз здесь решался вопрос о том, быть ли России в ближайшее время конституционно-капиталистической с экономически сильной и политически влиятельной буржуазией или остаться ей полу-самодержавною помещичьей страною с нищающим крестьянством и хилой буржуазией. Но эта связь своих классовых интересов с общеполитическими не была достаточно почувствована и понята буржуазией, и огромные общие вопросы, занимавшие первую и вторую Думы, не волновали буржуазию, казались ей, к тому времени уже остывшей от своих кратковременных политических увлечений, вопросами посторонними.

Государственный переворот, произведенный правительством, отмена всеобщего избирательного права, новый разгул административного усмотрения и все сгущавшаяся реакция и в правительстве и в обществе создают новую Гос. Думу—и по составу своих депутатов и по характеру решаемых вопросов бес-

конечно далекую от первых двух Дум. Для буржуазии возможность провести в Думу своих представителей чрезвычайно возросла. Возможность согласованной и согласной работы с правительством вновь создалась. Круг вопросов, которыми занялись третья и четвертая Думы, был гораздо ближе и понятнее буржуазии, чем те вопросы, которые стояли перед первою и второю.

В III-ей и IV-ой Думе должна была наладиться та „созидательная", положительная работа, в которой буржуазия видела спасение страны. И буржуазия первое время принимает ближайшее участие в том переводе страны с рельс революционного движения на пути мирного обновления, который чудился ей в связи с деятельностью новой Думы.

Но чем дальше шла работа третьей Думы, а за нею и четвертой, тем больше росло разочарование буржуазии. Обе эти Думы бессильны были произвести переустройство страны на новый буржуазный лад. Эта работа и не привлекала симпатий Думы. По своей основной окраске третья Дума была не либерально-буржуазной, а помещичье-реакционной. По своему социальному составу она также тяготела к помещичье-охранительным началам, и работа по оборудованию страны в правовом, административном и экономическом отношении, так, как это нужно было растущей буржуазии, была совершенно не по политической душе и не по культурным силам думскому большинству. Оппозиционные же партии, не говоря уже о социалистических, и не располагали большинством и поглощены были иными вопросами, стоящими на очереди политического дня. При сложившихся таким образом условиях крупная буржуазия должна была убедиться на опыте, что народное представительство, созданное на основе государственного переворота, не хочет и не может разрешить залежавшиеся вопросы русской социально-экономической жизни в том смысле, как это нужно было для крупной буржуазии, чтобы страна могла вступить на путь широкого, плавного и планомерного капиталистического развития. Из этого положения вытекал революционный вывод: буржуазия, теперь убедившись в невозможности мирного обновления, должна была проникнуться новым революционным духом. Но к этому она была меньше всего склонна и подготовлена, а огонь революции 1905-го года еще был чувствителен. И крупная буржуазия с открывавшегося перед нею широкого исторического пути сворачивает на узкие тропинки

канцелярских ходов и начинает проводить свои дела келейно, с глазу на глаз с бюрократией.

Народное представительство не пользуется симпатиями объединенной буржуазии. Чем дальше, тем больше растет ее недовольство третьею и четвертою Думою. Профессиональные органы говорят о работе Думы все раздраженнее. И параллельно с этим центр работы и заботы буржуазии переносится из Гос. Думы во всяческие преддумья, комиссии, межведомственные совещания, бюрократические канцелярии.

В 1912 г. „Совет съездов" выпускает обширную сводную работу „Промышленность и торговля в законодательных учреждениях". В этой официальной работе мы находим весьма раздраженную критику всей деятельности третьей и четвертой Думы.

„В начале деятельности Гос. Думы,—читаем мы в предисловии к этой работе,—можно было опасаться, что деловое направление встретит главное препятствие со стороны отвлеченного доктринерства, имевшего в рядах Гос. Думы нескольких блестящих представителей. Доктринерство и излишняя теоретичность составляют главное зло в работах европейских парламентов, а при оторванности большинства русской интеллигенции от житейского опыта, при книжной абстрактной конструкции ее идеалов, казалось, яд доктринерства даст себя наиболее остро чувствовать в думской работе. Действительность не оправдала этих опасений, но в результате дала нечто худшее.

Бесспорно, доктринерство проявилось в достаточной степени в прениях Гос. Думы, в особенности в социальном вопросе, в вопросах таможенной политики и в вопросах финансовых, но она наравне с истинно-деловыми суждениями, стушевалась под натиском самоуверенности и торжествующей обывательщины.

По вопросам торговли и промышленности, по вопросам финансовым и налоговым, прения вращаются в сфере банальных рассуждений, сдабриваемых демагогическими приемами весьма невысокого сорта.

К услугам думских ораторов весьма длинный список заезженных общих мест и излюбленных легенд: о русской промышленной косности, о стяжательности предпринимателя, вплоть до знаменитой английской свиньи, питаемой русским сахаром.

Думская атмосфера в экономических вопросах представляла интересную комбинацию интеллигентской неприязни ко всякой

производительной деятельности с густою струею крестьянской враждебности ко всяким другим формам народного хозяйства, кроме хождения за сохою" [1]).

„Разбирая всю деятельность Гос. Думы третьего созыва,—читаем мы далее,—в области специально-промышленного законодательства, мы постоянно имеем дело с двумя факторами: с недостатком знания и понимания и с некоторым чувством враждебности. Первый фактор при этом значительно пересиливает второй и поэтому в результате получается удручающая задержка в решении относящихся к промышленности вопросов и весьма неудачная редакция касающихся, напр., промышленности винокуренной и нефтяной". Неприязненное отношение к промышленности, в особенности крупной, весьма характерно для третьей Гос. Думы. Оно сказывается не только в словесной борьбе против синдикатов и вообще всяких промышленных организаций, в чем наш парламент, не обнаружив, впрочем, достаточной компетентности, подражал своим европейским собратьям, но также, что совсем уже не похоже на Европу,—в выдвигании вперед казенного хозяйства против частного, при полной осведомленности о неудачливости первого".

Отчет говорит далее о „врожденной неприязни к частной промышленности" со стороны думского большинства. Неприязнь эта „до такой степени насыщает думскую атмосферу, что лица, имеющие непосредственную связь с промышленностью, как-то конфузятся сами, а сочленами оставляются в подозрении в том смысле, что взгляды их диктуются не общими государственными соображениями, а узкими сословными, даже личными интересами".

Подводя общие итоги, отчет съезда говорит: „Вообще же Гос. Дума не прониклась пониманием государственного и народного значения промышленности и во всяких начинаниях видела только промышленников, интересы которых ей были чужды, а стремления непонятны и подозрительны" [2]).

Поднимаясь на принципиальную точку зрения, отчет Совета отмечает отрицательную роль Гос. Думы и в области „идейной".

„Бо́льший урон,—говорится здесь,—нанесла третья Дума русской торговле и промышленности в области идейной. Вместо широкого порыва, который бы осмыслил и облагородил дело-

---

[1]) Ср. „Промышленность и Торговля в законодательных учреждениях". Спб. 1912 г., стр. XIII.

[2]) Ср. Там же, стр. XX.

вую жизнь и инициативу, столь необходимые для блага и прогресса погрязшего в материальном неустройстве народа, третья Гос. Дума проявила здесь полное безучастие, неосведомленность, или повторяющее либеральные зады доктринерство. Обращаясь от общих рассуждений к разбору отдельных законопроектов, касавшихся торговли и промышленности, отчет повсюду прослеживает все ту же тенденцию—ущемить промышленников, все то же непонимание роли и значения промышленности".

„Если все принятые ею законопроекты,—читаем мы в отчете о работе думы по налоговым вопросам,—настигали главным образом промышленность и торговлю, а также городскую собственность, то при этом руководствовались не столько сознанием, что платежеспособность промышленности и горожан не исчерпана, сколько общими расплывчатыми представлениями нашего общества об особой доходности торгово-промышленной деятельности, а также о том, что „город кормится деревней", а следовательно и обложение города есть в сущности только возвращение деревне части взятого у нее". [1])

О думских прениях по поводу организации торгово-промышленного представительства отчет говорит: „В тех случаях, когда это не выходило за пределы интересов, доступных рядовому земскому деятелю, Гос. Дума не ставила никаких препятствий организации торговли и промышленности. Но подняться в этом вопросе до государственного понимания задач и значения торгово-промышленного труда ей оказалось не под силу: интересы торговли и промышленности, как таковые, для нее были и остались совершенно чуждыми". [2])

К тому же выводу приходит отчет и по вопросу о думской торгово-промышленной политике.—„Наши депутаты не могли преодолеть в себе: одни—барского пренебрежения к торгово-промышленному труду, другие—характерного для земца подозрительного отношения к этой категории деятельности, третьи—свойственного русскому интеллигенту недружелюбия к представителям промышленности и торговли, четвертые—присущего нашему рядовому обывателю специфически обывательского взгляда на торговлю и промышленность, особенно на последнюю, как на оранжерейное растение, искусственно нам при-

[1]) Там же, стр. 39.
[2]) Там же, стр. 91.

витое, искусственно взрощенное и искусственно поддерживаемое" [1]).

Переходя далее к законопроектам Думы, касающимся кредита, отчет приходит к общему выводу: „Если мелкая промышленность еще терпима, то средняя и крупная промышленность признается помещичьей Гос. Думой тем богатеем, для которого сельские хозяева таскают каштаны из огня. Далекие от понимания неразрывной связи для экономического благосостояния страны земледелия и промышленности, добывающего и обрабатывающего производств, члены Гос. Думы считают интересы этих групп противоположными... Гос. Думе именно приходится поставить в вину, что в период, благоприятный для подъема производительных сил страны, наши законодатели ни словом не обмолвились о необходимой поддержке развивающегося производства промышленным кредитом. Если бы Гос. Дума сумела быть выразительницей нужд населения, то этот вопрос значился бы по крайней мере в числе самых неотложных задач. Не только для хозяйственного оборота, но и для применения рук, освобождающихся в земледелии, вследствие возрастания населения необходимо поставить промышленность в благоприятные для ее развитяя условия. Этого сознания у Гос. Думы не было как в других областях, так и в области кредита. Поэтому неудивительно, что вся обширная область кредита, касающаяся промышленных и торговых отношений, совершенно не интересовала Гос. Думу. Если же ей и приходилось касаться вопросов коммерческого кредита, то лишь вскользь, по совершенно внешним (налоговым) основаниям. Характерно, между прочим, что, несмотря на безусловную устарелость, и даже архаичность нашего Кредитного Устава, вопрос о пересмотре его не возбуждался Гос. Думой. Впрочем, быть может, это и к лучшему, так как при составе III-ей Думы решение этого чрезвычайно важного вопроса могло получиться очень односторонним". [2])

Мы не будем приводить дальнейших отзывов, касающихся отдельных отраслей промышленности. Те отзывы, которые мы выше привели, рисуют достаточно определенную картину взаимоотношеиий, создавшихся между Гос. Думою и объединенною промышленностью. Отчет, составленный „Советом съездов", этим генеральным штабом объединенной буржуазии, обходя

[1]) Там же, стр. 98.
[2]) Ср. Там же, стр. 327.

внимательным обзором все думские законопроекты, касающиеся промышленности и торговли, на протяжении целого пятилетия, приходит везде к одному и тому же выводу—третья Дума оказалась отчасти слишком помещичьей, частью слишком интеллигентской, частью слишком крестьянской, чтобы понять истинные интересы торговли и промышленности и направить государственную политику на их обслуживание. Повсюду отчет видит „неприязненое" отношение, „враждебное и врожденное" недоверие к интересам торговли и промышленности. Гос. Дума, по мнению отчета, не только ничего не сделала положительного для капиталистического оборудования страны, но сознательно сотворила много отрицательного, бросала палки в колеса капиталистического развития. Если мы заглянем в периодическую печать, стоящую на страже интересов крупной буржуазии, то встретимся с тою же картиною. И тут та же раздраженная критика Гос. Думы, те же жалобы на ее враждебное отношение к интересам промышленности и торговли.

„На справедливое и внимательное отношение Гос. Думы к запросам отечественной промышленности и торговли,—жалуется орган объединенной промышленности,—в ближайшем будущем рассчитывать трудно. Господствующим классом в нашей нижней палате является то же поместное дворянство, что и в земствах, чуждое всему тому, что волнует, тревожит и радует промышленность и торговлю и связанные с последними три десятка миллионов населения Империи. С другой стороны, и интеллигенция, представляемая левым крылом нашей нижней палаты, относится с доктринерским предубеждением к нуждам промышленности и торговли". [1])

Такими отзывами о деятельности как третей, так и четвертой Гос. Думы пестрят как специальные, так и общие органы печати объединенной буржуазии. Любопытно при этом отметить, что к верхней палате, т.-е. Гос. Совету объединенная буржуазия относилась с гораздо большею благосклонностью. В уже цитированном нами официальном отчете мы то и дело встречаем выражения: „Государственный Совет прислушивался к возражениям представителей торгово-промышленной группы и шел навстречу их стремлениям обезвредить законопроекты, чреватые опасными последствиями для русской промышленности", или: „совершенно иначе к этому вопросу отнесся Гос. Совет". [2])

[1]) Ср. „Промышленность и Торговля", 1909 г., № 13.

[2]) Ср. „Промышленность и тор. в законод. учреждениях". Спб., 1912 г. стр. 69, 83.

Перед нами, таким образом, факт чрезвычайно обострившихся отношений между народным представительством и Гос. Думою и объединенною промышленностью. Ограничение всеобщего избирательного права, соглашение с помещичье-бюрократическими элементами, глухая реакция и подавление рабочего движения, все это не помогло буржуазии стать твердою ногою в Гос. Думе. По своему социальному составу и устремлению Гос. Дума третьего и четвертого созыва и в самом деле относилась сдержанно к стремлениям и домогательствам крупной буржуазии. Конечно, далеко не все, что об этом писали органы крупной буржуазии, следует принимать за чистую монету. Смешными являются, например, жалобы на Гос. Думу за то, что она перегружает налогами промышленность и торговлю. Это, конечно, относится к области традиционных жалоб нашей промышленности, не привыкшей нести какие-либо весомые общественные тяготы. Но несомненным остается факт, что Гос. Дума гораздо внимательнее и сочувственнее относилась к интересам помещиков, чем к интересам буржуазии. И в этом несомненном факте отразились своеобразные судьбы нашей первой революции. По своему историческому заданию она должна была быть революцией буржуазной, т.-е. расчистить путь для широкого развития капиталистического хозяйства и коренного переустройства всей русской бытовой, политической и административной жизни на новых буржуазных началах. Но буржуазия испугалась революции, она оказала содействие самодержавно-помещичьей реакции. Ее поведение в 1905—1906 г.г. было пособничеством той политической власти, тому политическому строю, тем хозяйственным отношениям, которые тормазили живое развитие производительных сил страны и препятствовали ее превращению из полу-феодальной и полусамодержавной в буржуазно-капиталистическую. И в связи с этим буржуазия содействовала созданию той и такой Думы, которой интересы помещиков и бюрократии были роднее и ближе, чем интересы промышленности и буржуазии. Революционная первая Гос. Дума, так пугавшая буржуазию своею политическою смелостью и непримиримостью, поставила на очередь исторического дня как раз те огромные вопросы, от разрешения которых зависело быть или не быть России в ближайшее время конституционно-капиталистической страною.

Не найдя в Гос. Думе своего послушного орудия, объединенная буржуазия обошла ее с заднего хода и направилась по закулисным канцелярским путям. На-ряду с Гос. Думою создалось

преддумье, где решались крупнейшие вопросы и разрешались при ближайшем участии представителей крупной буржуазии. Между бюрократией и организациями крупной буржуазии протягиваются прямые политические провода, и тут, в обход Гос. Думы, ставились и снимались с очереди, решались и изменялись крупнейшие вопросы социально-экономического характера. Наряду с Гос. Думою вырастает преддумье, своего рода политическое чистилище, где обезвреживаются все законопроекты, неугодные как дворянству, так и буржуазии. Жалуясь на Гос. Думу и на ее законопроекты, объединенная буржуазия забывает при этом указать, что при помощи закулисных махинаций, при помощи похоронных совещаний, погребальных комиссий ей всегда удавалось всякий неугодный законопроект либо похоронить под зеленым саваном, либо исказить до неузнаваемости. Существование народного представительства не помешало буржуазии установить прямое сообщение с бюрократией, и минуя Гос. Думу, проводить и проваливать проекты. Достаточно вспомнить судьбу рабочих законопроектов. Об этой стороне деятельности буржуазии мы говорили подробнее в другой связи.

Эта закулисная политика, это проведение дела за спиною Гос. Думы, с глазу на глаз с бюрократией повели к второму пришествию старого русского фаворитизма, сумевшего приспособиться и к условиям новой „конституционной России".

До наступления конституционной эры дельцы финансового и промышленного мира сторонились, за исключением отдельных лиц, от участия в политических делах. Происходило это отчасти потому, что у них исторически не выработались политические привычки, отчасти же из-за исторически приобретенной боязни— „не нажить бы нам хлопот". В ту эпоху во всяком вмешательстве в политику, хотя бы и богатых классов и хотя бы и с умереннейшими политическими целями, русское правительство усматривало вмешательство не в свое, а в правительственное дело. Полное и абсолютное невмешательство в политическую деятельность считалось необходимым для „ограниченного ума подданных". И не желая навлекать на себя гнева правительства, избегая неприятностей, наша буржуазия, воспитанная в страхе правительственном, бежала от политики, как от огня. С наступлением конституционной эры положение сильно изменилось. Уже смута 1905 года соблазнила многих крупных представителей и втянула их в политическую деятельность. В дни свободы многие крупные промышленники и фабриканты принимали деятельное участие на авансцене оппозициооных высту-

плений, а порою и в тылу революционного движения. Хотя с объявлением конституции и началом успокоительного периода оппозиционный пыл красных фабрикантов сильно выдохся, но изменившиеся общие условия и, главное, резко изменившаяся политика правительства сразу сближают мир официальной политики и мир делечества. Правительство с учреждением Гос. Думы должно было выступать уже не политическим солистом Его Величества, а с хором общественного мнения. Надо было озаботиться созданием политических хористов. Для этой цели надо было политически мобилизовать экономически состоятельные классы. На этом пути и на этой почве начинает у нас сплетаться и спутываться связь между делечеством и политикой. Крупные дельцы сплошь и рядом начинают заниматься политикою ради того, чтобы заслужить благоволение и внимание правительства, завязать крупные связи и с помощью всего этого расширить свои дела и нажить большое состояние. Лихорадка обделывания крупных коммерческих дел при помощи политики охватывает целые группы дельцов. Целый ряд видных октябристских и националистических депутатов начинает соединять звание депутата с званием участника крупных промышленных предприятий, банковских заправил и т. д. Влиятельные депутаты думского большинства начинают усердно приглашаться в правления крупных банков и акционерных обществ, в особенности тех, которые имеют дело с казенными заказами и домогаются всякого рода концессий, субсидий, гарантий и т. д.

„Видные деятели нашего представительного правления,—писал „Голос Промышленности",—входят то в одно, то в другое учреждение для оздоровления. А. Гучков приглашен в Учетный банк, Хвощинский—в Товарищество вагоностроительных заводов, по указанию „Частного Банка".

Думаем, что как деятели, занятые в Госуд. Думе, несущие ответственную роль некоторого рода лидеров, они едва-ли могут уделить время, необходимое для использования их полезных для дела сил. Зачем же они приглашаются? Ведь, частные предприятия не любят давать крупные вознаграждения тем своим членам администрации, которые не были бы полезны для дела. На какую же производительную работу этих членов Думы рассчитывают приглашающие их общества? На их влияние как членов Думы? На их связи и значение их при проведении в жизнь различных финансовых комбинаций [1]).

---

[1]) Ср. „Голос Промышленности". 1909 г., № 1-ый.

Все эти вопросительные знаки экономического органа, конечно, очень наивны. Тут подобают знаки восклицательные. Дело, ведь, ясно. Стоит кому-нибудь стать видным депутатом большинства, приобрести в сферах большой политический вес, и ему со всех сторон начинают делать соблазнительнейшие предложения о вступлении в правление банка или крупного акционерного общества, с огромным окладом. Дело тут не в новоявленных деловых талантах, которые заставляют крупнейшие предприятия так заманивать к себе влиятельных депутатов. Сплошь и рядом эти места служили просто синекурою. Депутаты лишь для проформы заглядывали иногда в те банки или фабрики, где они числились членами правления. Да от них и не ждали, и не требовали коммерческих трудов и талантов. Всем было ясно, что здесь пускались в коммерческий оборот политические связи этих депутатов, что на коммерческих весах взвешивался их удельный политический вес. Политические связи стали высоко котироваться на коммерческом рынке. Правительство за оказываемую ему политическую поддержку платило экономической услугою. И напр.: депутаты-националисты и октябристы твердо рассчитывали, что их экономические дела и затеи будут поддержаны всею огромною силою правительства. Благодаря этому ширилось участие политиков в делечестве и дельцов в политике, появлялась все большая тьма охотников смешивать два этих ремесла... Если в старое до-конституционное время для спокойствия души и кармана требовалось полное политическое воздержание, полное невмешательство в политическую жизнь, то теперь, при объявленной политической мобилизации всех благомыслящих, необходимым оказалось, наоборот, известное политическое оказательство, известный политический формуляр, чтобы заслужить экономическое благоволение правительства. Теперь, больше, чем когда-либо, начинает утверждаться теория и практика, что богатство должно раздаваться правительством лишь в награду за политическое поведение.

Кн. Мещерский сообщал со слов компетентного лица:

„Дело в том, что в эту партию (националистов) полезли люди ничего общего с любовью к родине не имеющие, разные гешефтмахеры и, с позволения сказать, проходимцы, которые знают, что в официальных сферах националисты, при благосклонной протекции октябристов, пользуются милостивым вниманием и, благодаря этому, не брезгуют подчас и грязными делишками. Проезжая в вагоне почти всю Россию, пришлось

наслушаться от разных, вполне порядочных и заслуживающих доверия, лиц таких вещей, что с ужасом приходилось сознаться в печальной истине, что в дореформенное время безобразия так открыто не творились.

Оказывается, что националисты и октябристы Гос. Думы имеют свободный доступ во все министерства и даже к иным министрам, достигая того, что всякая их просьба и всякая жалоба без проверки и без исследования удовлетворяются немедленно. Мало того, что они подсовывают своих протеже в разные ведомства и доносами дискредитируют должностных лиц, которые их капризам не потворствуют, но принимают на себя за приличную мзду, хлопоты, напр., о разрешении новой линии железной дороги, особливо, когда она явно невыгодна для казны. И назывались имена членов Думы из националистов, которые прямо и открыто торгуют гешефтами и комиссиями" [1]).

Как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства для того, чтобы получить в свои руки крупные дела, надо было сплошь и рядом предъявить или большие политические связи, или же проявить громкое политическое поведение, которое начальством будет замечено и вознаграждено. Остановимся на иллюстрации сказанного. В финансовых и экономических кругах в 1912 г. усердно обсуждался вопрос о проведении новой обширной железнодорожной линии Москва—Сибирь. Существовали два проекта. Один предполагал провести дорогу через Казань, другой через Нижний. Сторонники обоих этих проектов представили правительству подробные рассчеты, подсчеты, отзывы, чертежи и т. д. Купеческие и промышленные общества, местные организации в свою очередь представили докладные записки, мнения, заключения, рассчеты. Правительственные чиновники в свою очередь собрали богатый материал. Оставалось разобраться во всем этом богатейшем материале и из столкновения интересов и мнений установить истину. И энергия концессионеров должна была бы направиться к тому, чтобы сделать свой проект более отвечающим назревшим нуждам, более выгодным. Но на деле этот вопрос перенесся в политическую плоскость. Сторонники казанского проекта тотчас окрасились в защитный националистический цвет и своих экономических конкурентов принялись обвинять в отсутствии политической благонадежности. Так как во главе московского проекта стоял кадет Головин, то проект этот окре-

[1]) Ср. „Гражданин" от 18 июля 1910 г.

щен был „кадетским". И в качестве кадетского он был политически опорочен перед правительством. Вопрос о преимуществах или недостатках того или иного железнодорожного проекта ставился и решался в зависимости от политической окраски стоящих во главе его лиц. Вследствие этого дельцы, мечтающие о больших делах, стремились во что бы то ни стало аляповато выдвинуть, выкрикнуть свой патриотизм, чтобы попасть на хороший политический счет у правительства и этим заслужить добрую концессию, подряд или ссуду. И в своих расчетах они не ошибались. Все прочнее складывалась освещаемая и руководимая теорией практика, что крупные промышленные дела должны быть сосредоточены в руках политических сторонников существующего правительственного курса. По поводу уже упомянутых выше двух проектов железнодорожных линий М. Меньшиков развивал на страницах „Нового Времени" целую теорию о необходимости лишить экономической благодати всех лиц, не заслуживших правительственной милости. „До сих пор,—писал Меньшиков,—при разрешении концессии требовались разные данные: технические изыскания и расчеты, доказательства полезности проектируемого пути, финансовая солидность предпринимателей, т.-е. способность их собрать необходимый капитал. Мне кажется, правительству пора вникнуть в морально-политический ценз концессионеров. Нельзя отдавать государственные пути в руки представителей нелегальных партий, нельзя давать им средства под предлогом проведения дороги устраивать обширнейшую еврейско-польскую колонию. Нельзя сдавать врагам исключительно важные в стране позиции. Нельзя поддерживать капитал, хотя бы московский, ведущий войну с государством".

Достаточно было московским купцам и промышленникам выступить с известным протестом против разгрома Московского университета, чтобы Меньшиков и правые газеты потребовали лишения живота по отношению к московским промышленникам, жестокой экономической экзекуции над ними вплоть, как этого потребовало „Русское Знамя", до отобрания у них фабрик и заводов.

Это было вторым пришествием, возвратною горячкою фаворитизма. Праздновали свое историческое воскресенье государственные принципы времен фаворитов и временщиков. Громко раздавалось требование, чтобы правительство принялось экономически казнить и миловать целые отрасли предприятий и целые социальные группы, в зависимости от того, какова их

политическая вера. Дельцы, которые не имели никакого внутреннего интереса, никакого влечения к общественной или политической деятельности, бросались в политику, шумели и подчеркивали свой национализм с исключительною целью этим поддельным политическим ключом открыть себе доступ к выгодным государственным предприятиям. С другой же стороны, общественные и политические деятели, крупные бюрократы, зная, как теперь высоко котируются на экономическом рынке политические связи и политическое положение, пускают и первые и второе в экономический оборот. Эти два течения все более и более стирали границу, отделяющую политиков от дельцов. Весьма осведомленный по части бюрократических влияний и веяний А. Рославлев писал в „С.-Петер. Ведом.“:

„Наше железнодорожное строительство в значительной степени тормазится вмешательством в эту область соображений национально-политических и узко-стратегических. За последний год из множества рассматривавшихся проектов новых железных дорог удалось осуществить лишь самое незначительное количество. Новая Подольская железная дорога разрешена была к постройке лишь потому, что инициатором ее явился могущественный гр. Потоцкий, обласканный премьером. Но и здесь, после открытия уже действия нового общества и выбора председателя правления из уважаемых инженеров, последовал конфликт, едва не погубивший все дело. Мин. Путей сообщ., известный своими националистическими тенденциями, потребовал удаления вновь избранного председателя-католика и замены его православным. И вот, хотя этого председателя горячо желала финансовая группа, хотя он и занимает ответственный пост на казенной службе и пользуется полным доверием начальства, его, под угрозами министра-патриота, пришлось удалить. Почти все рассматривавшиеся в совете министров проекты новых железных дорог встретили там разногласия, основанные не на экономических, а на посторонних соображениях: продолжается борьба за направление верхневолжских путей, где мин. внутр. дел отстаивает интересы земств и крупных землевладельцев, продолжается крупное недоразумение с Южно-Сибирскою жел. дорогою, заведомо убыточной, но необходимой мин. внут. дел в целях переселения, продолжается грандиозный бой за направление Волжско-Уральской дороги, лучшее и кратчайшее направление которой оказалось в руках б. председателя Гос. Думы Головина и поэтому в качестве „кадетского проекта“ бра-

куется министерством внутренних дел. Словом, политика играет во всю в железнодорожном деле" [1]).

И на этот путь вступали отдельные дельцы и крупные промышленные учреждения. Орган московских крупных промышленников „Утро России" писал: „Успешное сидение чиновников у кормила торгово-промышленных дел натолкнуло сферы на возможность помещать своих людей в большие коммерческие дела на значительные оклады в виде наград за отличную и усердную службу в том или ином ведомстве, которые по роду своих дел более всего соприкасаются с экономическою жизнью страны. Отсюда и пошли во главе банков и акционерных предприятий бывшие посланники и даже министры, которым по старой памяти сферы не отказывают в своем могущественном влиянии, и мы видим, что предприятия, в составе правления которых имеются сановники, нет-нет да и получат реализацию гарантированных обязательств, концессий на железную дорогу или оборудование порта".

Московская газета при этом совершенно справедливо оценивала значение этой бюрократизации промышленности.

„Такая экономическая политика, писала она, несомненно губительно влияет на свободное развитие самодеятельности торгово-промышленного класса, и часто, вместо того, чтобы энергично приняться за восстановление или развитие промышленных дел, руководители их также мечтают залучить в состав правления свадебного генерала, отчего могут проистекать великие и богатые милости" [2]).

Наметилось и еще одно явление такого же порядка: Госуд. Дума принялась производить экономические экзекуции не только над отдельными политически ослушными депутатами, но и над всею областью, отраслью, социальным слоем, представителями которых эти депутаты являлись.

„Защитники интересов винокуров,—писали „Русск. Вед.",—из группы центра и националисты страшно раздражены тем обстоятельством, что Дума вчера отклонила законопроект о дополнительных кредитах для винокуров. Особенно негодуют они на правах депутатов. „Ведь это значит не считаться с требованиями закона", кричат они. „А вы, язвят их в свою очередь правые, – зачем голосовали за формулу Милюкова о провокации. Сами себя высекли. Молчите лучше" [3]).

[1]) Ср. „С.-Петерб. Ведом." от 1-го июня 1911 г.
[2]) Ср. „Утро России" от 19 окт. 1910 г.
[3]) Ср. „Русск. Ведом." 1910 г., № 281.

Таким образом, депутаты большинства открыто признавали за собою право производить экономические экзекуции над целыми социальными группами за то, что их представитель в Гос. Думе осмелился сметь свое суждение иметь, и суждение это шло в разрез с суждением думского большинства.

Еще одна иллюстрация сказанного. Видный депутат центра, представитель Ревеля, очень хлопотал о благополучном прохождении законопроекта о расширении и усилении ревельского порта. Депутат принадлежал к думскому большинству, располагал очень большими связями—и законопроект, так сильно интересовавший ревельцев, благополучно совершал путешествие по всем думским инстанциям. Принятие его казалось совершенно обеспеченным. Была намечена ассигновка на улучшение ревельского порта в два с половиною миллиона рублей. Депутат уже поздравлял ревельцев, ревельцы поздравляли депутата. Но за это время депутат центра выступил с речью против финляндского законопроекта—и тотчас за неблагонравие в политическом поведении его оставляют без порта. Сообщая этот факт, московское „Утро России" с недоумением писало: „Это весьма неожиданное событие озадачило торгово-промышленные сферы, интересы которых затронуты плачевным состоянием ревельского порта". Факты весьма красноречивы. Тут уже дело идет не об отдельных лицах и не об администрации, а о Гос. Думе, которая экономически казнила и миловала целые экономические круги и округа за то или иное политическое поведение депутата или партии.

Глава IX.

Политическое оживление буржуазии.

Первые годы после революции буржуазия, казалось, вполне примирилась с этим возвратным самодержавием и хорошо к нему приспособилась. Она ушла в дела и спешное строительство своих многочисленных и сильных организаций. На этой почве она достигла больших результатов, с которыми мы уже выше ознакомились. В чисто политической борьбе она разочаровалась,—обжегшись на революционной политике, она начинает сторониться всякой политики. После неудачных попыток основать свою собственную политическую партию, крупная буржуазия начинает тяготеть больше всего к „Союзу 17-го октября",

к так называемым октябристам. В основании и развитии этой партии очень видную роль сыграли крупные промышленные тузы. И партия октябристов как нельзя более воплотила и незавершенность в буржуазном смысле русской революции 1905 г. и то межеумочное политическое положение, которое в после-революционную эпоху заняла крупная буржуазия. Октябристы уселись между двумя классами: земельным дворянством и крупной буржуазией. Они прикрыли одним политическим флагом два класса с острыми экономическими противоречиями. Политический союз между буржуазией и земельным дворянством, воплотившийся в „Союзе 17-го октября", первое время, казалось, приобщил к лону старого, немного подновленного порядка два сильнейших класса. Начались постоянные заявления и устами правительства и устами буржуазии об „единстве интересов сельского хозяйства и промышленности".

„Есть область,—писал по этому поводу орган октябристов „Голос Москвы",—где выгоды отдельных классов сливаются, где классовая точка зрения уступает место высшему пониманию собственной пользы и взаимные противоречия тонут в общем синтезе всенародного блага".

„Ведь ясно,—пишет по другому поводу „Голос Москвы",—что сама по себе буржуазия недостаточно сильна, чтобы успешно воздействовать на власть, усилия буржуазии в этом направлении должны быть координированы с усилиями других контрагентов", а этими „контрагентами" могут быть только землевладельцы. В свою очередь официоз объединенной буржуазии „Промышленность и Торговля" писал: „В конце-концов, между правильно понимаемыми интересами сельского хозяйства и промышленности нет противоречий".

Такие же речи раздавались и на третьем всероссийском съезде представителей торговли и промышленности. Оратор за оратором доказывали, что пора покончить с „ложной" идеей о противоречии интересов промышленности и сельского хозяйства. Русский земледелец,—доказывали ораторы этого съезда,—является потребителем продуктов русской промышленности. Только благосостояние этого широкого потребления может создать для нас устойчивый рынок сбыта. Без этого широкого внутреннего рынка русская промышленность развиваться не может. Кроме того, надо помнить, что русский земледелец производит для промышленности сырье: лен, коноплю, шерсть, хлопок, бурак и т. д. Дешевое сырье—необходимое условие развития промышленности.

Все эти рассуждения были, безусловно, справедливы. Они показывали, что наша промышленность уже переросла казенный спрос, что она ищет большого плавания на широком внутреннем рынке. Но задача эта, при данных историей условиях, была задачей политической, более того, при создавшихся в России условиях, она была задачей революционной. Значительное расширение и углубление внутреннего рынка требовало предварительным условием высокий подъем покупательной силы народной массы, на первом плане, конечно, крестьянской. Обостряющееся народное обнищание, финансовая политика старого режима, политическое господство дворянства, вся обстановка, в которой жила и дышала Россия, все это не только не поднимало, но подтачивало покупательные силы крестьянства. Нищая деревня не в состоянии была питать не только крупную промышленность, но даже и... клопов. Покойный Шингарев в своем известном исследовании о „Вымирающей деревне" показал, как даже клопы покидают обнищалых крестьян.

При этих условиях рассчитывать на глубокий и широкий крестьянский рынок не приходилось. А изменение этих условий требовало коренного переворота в земельных отношениях, полного разрыва с политикою самодержавного правительства, опирающегося на помещиков. Вступить на этот путь крупная буржуазия не решалась, она предпочла заключить союз с тем самым самодержавием и тем самым земельным дворянством, политическое господство которых закрывало всякую возможность бо́льшего расширения внутреннего крестьянского рынка. Оставаясь верною союзу с крупным землевладением, буржуазия вкладывала соответствующее содержание и в упомянутые слова о необходимости единения промышленности и сельского хозяйства. Под сельским хозяйством понималось при этом лишь крупное землевладение, с которым и был заключен политический союз, с которым и произошло политическое объединение в „Союзе 17-го октября". Но это объединение не могло быть прочным и оказалось недолговечным. Союзники тянули в разные стороны. Пока еще велик был страх, нагнанный революцией 1905 года, пока еще буржуазия с головою была погружена в строительство своих организаций и налаживание своих дел, пока еще не были использованы те новые возможности, которые все же открыла хозяйственному развитию страны первая революция, до тех пор союз сохранял свою прочность. Но в нем появлялись глубокие трещины, по мере того, как окрепнувшая после бури 1905 г. промышленность, по мере того, как

успокоившаяся от социального испуга буржуазия стали опять перед теми же задачами, которых не разрешила революция 1905 года. Это были задачи переустройства всей власти, всего законодательного и административного аппарата на новый буржуазный лад, это была задача создания крепкого крестьянства с прочными покупательными способностями. Буржуазия на опыте начинает убеждаться, что все эти задачи, поставленные и неразрешенные революцией 1905 года, должны быть разрешены для того, чтобы большие капиталы могли получить большое плавание. И параллельно с ростом этого сознания в среде буржуазии вновь поднимается, растет и обостряется недовольство, медленно отливающееся в политическую форму. На страницах лейб-органов объединенной буржуазии, на многочисленных съездах начинают все чаще и чаще звучать по адресу земельного дворянства и бюрократии раздраженные ноты. Начиная, приблизительно, с 1908 года, эта оппозиционная нота начинает подниматься все выше и звучать все резче.

„Представители торговли и промышленности,—жалуется орган бакинских нефтепромышленников „Нефтяное Дело“,—должны поднять свой голос протеста против сословной опеки дворянско-землевладельческих элементов, которые превратили за последние годы земские учреждения в оплот реакции“.

Лейб-орган объединенной буржуазии журнал „Промышленность и Торговля“ в свою очередь пишет: „Земская реформа не дождется никогда санкции дворянства. Она может быть проведена лишь вопреки его воле иными общественными элементами“. Съезд углепромышленников юга России принимает резолюцию: „Наша налоговая система требует коренной реформы, так как устанавливаемое ею налоговое бремя неравномерно падает на разные категории плательщиков, создавая податные преимущества для владельцев частно-владельческих земель“.

В союзе земельного дворянства с крупной буржуазией начинают образовываться глубокие и все ширящиеся трещины. „Союз 17-го октября“ начинает расползаться по своим классовым швам. Буржуазия начинает разочарованно покидать его ряды. Московская буржуазия, наиболее чуткая и организованная, дает выражение этому повороту, послав в Гос. Думу вместо октябриста кадета. Это, несомненно, был крупный факт политического поворота—и правительственная власть и реакционные круги так его и поняли. Правительственная власть пытается наладить портящиеся отношения. Она не упускает случая заявить о своей готовности и к экономическим услугам буржуазии, она

всячески содействует созданию преддумья, призванного заменить буржуазии народное представительство. Каждый новый представитель министерства торговли и промышленности,—а они меняются чрезвычайно часто,—спешит сделать визит московской буржуазии и наговорить ей комплиментов. На съездах, чрезвычайно многочисленных, и торжествах объединенной буржуазии неизменно присутствуют высшие представители правительственной власти. Эта политика правительства задерживает процесс созревания политического недовольства буржуазии, но она не в состоянии его приостановить, и с 1909 года, то замедляясь, то ускоряясь, то смягчаясь, то обостряясь, безостановочно совершается процесс политического отрезвления буржуазии. Она уже направляет свое недовольство не по адресу одного лишь земельного дворянства, ее нападки распространяются, осторожно и сдержанно, по всей линии правительственной политики. На съездах и в тех речах, которыми приветствовали московские промышленники приезжавших к ним представляться новых министров, и в статьях органов буржуазии, все чаще и резче начинает выказываться недовольство. В то же время буржуазия начинает выступать с записками и резолюциями по волнующим страну общественным вопросам. Первым таким выступлением было заявление 65 московских крупных промышленников по поводу разгрома московского университета. Оно очень характерно для нашей буржуазии, для той чрезвычайной осторожности, с которою она выступила на политическую арену.

„Мы, нижеподписавшиеся, члены промышленной и торговой среды,—гласит это нашумевшее заявление,—в сознании того огромного значения, которое ныне имеет и в сфере нашей деятельности высшее образование, не считаем себя в праве молчаливо присутствовать при том распадении высшей школы, которому и нам приходится быть свидетелями".

Подчеркнутые нами строки показывают, что в этом выступлении московская буржуазия как бы сама признавала за собою право судить „не свыше сапога". Оно спешит оправдать свое вмешательство в этот вопрос ссылкою на то „огромное значение", какое имеет „и в сфере нашей деятельности" высшее образование. Этими словами тузы нашей промышленности как бы оправдывались в том, что они вмешиваются не в свое дело, как бы признавали, что они имеют право свое суждение иметь лишь в сфере и в пределах своих сословно-классовых интересов.

Вся аргументация построена была на сословно-приходском начале, и по купеческой логике выходило, что буржуазия протестовала против разгрома университета только потому, что это вредно отражается на интересах торговли и промышленности. Выходило так—и купечество это подчеркивало,—что купцы и промышленники не считали бы себя „в своем полном праве" высказаться по этому большому и больному вопросу, если бы он не нарушал интересов торговли и промышленности. В таком же духе и стиле были и другие выступления буржуазии, возвестившие об ее разрыве с политическим курсом правительства. Перед открытием избирательной кампании в четвертую Думу группа крупных московских промышленников выпускает воззвание, в котором подвергает критике „дворянскую" политику третьей Думы и приглашает буржуазию принимать деятельное участие в избирательной кампании, послав в новую Думу как можно больше своих представителей. Но какой же принцип, по мнению этого воззвания, должен был быть положен в основу этой избирательной кампании? Все тот же сословно-приходской. Все зло, по мнению этого воззвания, заключается в том, что в третьей Думе было мало купцов и промышленников, и все средства против этого зла сводятся к тому, чтобы послать в новую Думу купцов и промышленников „числом поболее". Речь при этом шла только о числе, только о принадлежности к купеческому званию, а политическое вероисповедание никакой роли не играет. Ставился знак равенства между принадлежностью к купеческому званию и направлением политики. Раз ты купец, то в Думе будешь гнуть купеческую линию, т.-е отстаивать все то, что купцу полезно и проваливать все то, что купцу вредно. А вся остальная область деятельности Думы имеет как бы лишь академический интерес. И в этом воззвании, открывшем избирательную кампанию в Гос. Думу, ярко отразилась вся отсталость психологии крупной буржуазии, которая еще и сама не считала за собою права выступать по общегосударственным делам, становиться на общеполитическую точку зрения. Даже в редкие минуты подъема буржуазия не решается покинуть свой сословный шесток. судить свыше сапога, и каждый раз, как бы извиняясь и оправдываясь, она подчеркивала, что рассматривает все события лишь с убогой высоты этого самого шестка. Исход избирательной кампании в четвертую Думу показал, что наша крупная буржуазия больших городов несомненно полевела, убедившись, что полицейская тишь да гладь отнюдь не гарантируют экономи-

ческой благодати. Но при этом ход избирательной кампании не раз обнаруживал всю узость того частокола, которым оградила себя буржуазия, оградила не только поле своей политической деятельности, но и поле своего зрения.

Вторым нашумевшим выступлением буржуазии было выступление по еврейскому вопросу, этому махровому воплощению воинствующего националистического курса правительства. „Совет съездов" сделал целый ряд представлений в защиту евреев тех или других отраслей и областей. Общество фабрикантов и заводчиков московского района обратилось к В. Коковцеву со специальною запискою по еврейскому вопросу, в которой, между прочим, говорило: „Чрезвычайно участились выселения евреев-ремесленников и торговцев из местностей, где с ведома администрации, они открыто жили и занимались торговлею и промыслами десятки лет, а товары их конфискуются. Это ввергает торговлю и промышленность в такую неопределенность и неустойчивость, при которых хозяйство страны и интересы купеческого класса не могут не претерпеть весьма серьезных потрясений. В лице выселяемых торговля и промышленность утрачивают старых и опытных посредников для сбыта продуктов. Выселение неизбежно связано с прекращением выселяемыми платежей. Конфискация товаров в действительности является карой для фабрикантов и заводчиков, отпускающих товары в большинстве случаев в кредит. Стеснять свободу перемещения людей равносильно тому, чтобы затруднять свободное кровообращение в живом организме. Теперь рельефно обнаружилась одна из несомненных причин переживаемого нашею промышленностью, главным образом мануфактурною, острого периода неплатежей вообще, и затруднений в реализации денежных обязательств в частности. Это коренится в беспрерывных выселениях, ограничениях и стеснениях, чинимых местными властями евреям. Многочисленные случаи ликвидации евреями своих торгово-промышленных предприятий вызваны исключительно вследствие невыносимого положения, создавшегося благодаря преследованию администрации. Это влечет не только непоступление срочных платежей, но часто и потерю местного рынка".

Это выступление буржуазии, появившееся как раз в самый разгар воинствующего национализма и при том по вопросу, в котором правительство всегда было наиболее неумолимо, несомненно, представляло крупный политический факт. Националистические булыжники, которыми услужливые правительствен-

ные друзья отгоняли от русских купцов и промышленников еврейских врагов, очень больно разбивали купеческие лбы. И от имени этих разбиваемых лбов и заговорила буржуазия. Московская крупная буржуазия поднимает голос протеста против неслыханных гонений на евреев, но этот протестующий голос взывает не к справедливости, не к велениям права, правды, законности, а к приходо-расходной книге. Промышленники раскрывают свою приходо-расходную книгу и с нею в руке доказывают, что им, промышленникам, от этого гонения на евреев „один убыток". Промышленники ходатайствуют, чтобы гонения против евреев известной категории, известной местности были прекращены или, по крайней мере, смягчены не потому, что это жестоко и мучительно по отношению к евреям, не потому, что это противоречит элементарным явлениям права и правды, не потому, что это несовместимо с правовым государством, а потому лишь, что это убыточно для хлопчато-бумажной, мануфактурной или галантерейной промышленности московского района.

Когда императрице Елизавете Петровне принялись доказывать экономическую пользу, приносимую стране евреями, она ответила: „От врагов Христовых не желаю иметь интересной прибыли". Московская буржуазия поступает как раз наоборот: она поставила еврейский вопрос лишь в грубой, убогой плоскости „интересной прибыли", она ходатайствует об его разрешении или смягчении лишь в пределах этой „интересной прибыли", извлекаемой из той или иной категории евреев. Евреи при этом рассматриваются не как субъект политических прав, а как объект экономических операций, еврейский вопрос ставится не как общерусский политический вопрос, а как приходная статья „интересной прибыли".

Идея третьего сословия, так широко поставленная французскою буржуазией, как идея всего „народа", как общенациональная задача, как веление природы, получает у нашей буржуазии как бы приходо-расходную постановку: воинствующий зоологический национализм плох, потому что в торговых книгах он значится в графе убытков, евреев не следует притеснять потому, что они представляют полезную статью доходов. Выходит так, что если бы евреи приносили не „интересную прибыль", а очень неинтересный убыток, то буржуазия, как таковая, ничего не могла бы иметь против их бесправия и преследований.

Но как бы буржуазия от себя и начальства не скрывала политического характера своего выступления, все же шило поли-

тических разногласий с правительственным курсом нельзя было утаить. И реакционная печать восприняла этот перелом в настроении и злобно набросилась на крупную буржуазию, преимущественно московскую, с которою у нее после революции 1905 года как будто установились мир и согласие. Черносотенное „Русское Знамя" раздраженно противопоставляло „истинно-русских" старых купцов нынешним „Гучковым, Крестовниковым, Рукавишниковым, воспитанным на чтении жидовских газет, в которых они, по малому своему развитию, не в состоянии были даже разобраться в составившемся убеждении, что хорошо лишь то, что почитается либеральным жидовствующей прессой". В „Новом Времени" с резкими статьями против московской буржуазии выступает М. Меньшиков. „Московские купчики,—раздраженно писал он,—удивительно обнаглели в последнее десятилетие вследствие всевозможных поблажек, что им делает правительство, они совсем избалованы слабостью и великодушием власти. Привыкнув обирать казну, они начинают уже пытаться командовать ею". „Если в маленьком вашем,—продолжает он,—чисто грошевом деле не допускаете умаления хозяйственных прав, то что же вы суетесь учить государственную власть в ее великом и многотрудном деле? Суди, дружок, не свыше сапога".

„Купечество и пишет и думает теперь совершенно по-интеллигентски, т.-е. чрезвычайно жидко. Предвзятость либеральная так и прет из каждой строчки, так и прет жидо-кадетское раздражение против власти только потому, что она власть". [1])

Эти раздраженные отзывы охранительной печати показывают, что в политической позиции буржуазии произошел значительный сдвиг. Она стала отходить от феодального дворянства и реакционного правительства, и реакционная печать правильно это учуяла и учла. Прогрессивная печать в свою очередь обратила внимание на происходящее в среде буржуазии политическое оживление и на страницах прогрессивных газет все чаще и чаще начинают писать о новых политических настроениях крупной буржуазии. Буржуазия получает и свои периодические органы. В Петрограде основывается газета „Слово", в которой принимают ближайшее участие видные литературные силы, и эта газета в то же время ставит своею специальною задачею содействовать политическому оформлению и развитию нашей буржуазии. На страницах этой газеты начинают печа-

[1]) Ср. „Новое Время", 13-го февр. 1911 г.

таться фельетоны ее сотрудника, бывшего депутата-трудовика первой Думы, И. Жилкина, посвященные беседам с крупными московскими промышленниками. В этих весьма интересных беседах перед читателями выступали именитые представители буржуазии в политических ролях оппозиции. В Москве появился и специальный периодический орган недовольной „сознательной" буржуазии—это газета П. Рябушинского—„Утро России". Этот орган открыто, откровенно, стойко стоял на страже интересов буржуазии и в статьях его слышен нарастающий тон недовольства существующим политическим порядком и стремлением занять руководящее место в государственной жизни. Если в „Слове" о фрондирующей буржуазии говорилось в третьем лице, если там о ней писали интеллигенты, то в московском „Утре России" либеральная буржуазия заговорила в первом лице, сама о себе. В „Утре России" под псевдонимами и с открытым забралом стали выступать сами деятели торговли и промышленности. В одном из новогодних номеров „Утро России" принесло свои поздравления только русской буржуазии.

„Наш новогодний тост,—писало „Утро России",—обращен к буржуазии, к третьему сословию современной России. К той крепнущей, мощно развивающейся силе, которая, по заложенным в недрах ее духовным и матерьяльным богатствам, уже и сейчас далеко оставила за собою вырождающееся дворянство и правящую судьбами страны бюрократию".

Презрительно сбросив с политических счетов интеллигенцию, „Утро России" продолжало: „Мы, прозревающие высокую историческую миссию этой крепнущей ныне буржуазии, приветствуем здоровый, творческий эгоизм, стремление к личному, матерьяльному совершенствованию, к матерьяльному устроению каждым из нас своей личной жизни. Этот созидательный эгоизм, эгоизм государства и эгоизм отдельной личности, входящей в состав государства, не что иное, как залог наших будущих побед, побед новой сильной великой России над Россией сдавленных мечтаний, бесплодных стремлений, горьких неудач".

Фельетонист „Утра России" Т. Ардов восторженно воспевает поэзию труда буржуазии: „Если было оправдание и была даже поэзия у мира гербов и особняков, у мира героев и благородных, то разве этот новый мир, мир плебеев, мир разночинцев и купцов из мещан и крестьян, мир Лопахиных, что скупают „вышневые сады", не имеет оправдания? И разве нет поэзии, высокой поэзии в их жизни, вот в этом шуме грандиозных городов, в гуле тысяч фабричных станков, в гудках

бесчисленных поездов, даже в этой жизни рынка, даже в скучной жизни „амбаров"? Или нет неоспоримой моральной силы в деятельности этих людей, вышедших из низов, этих selfmen в полном смысле слова, начинающих жить с „подручных мальчиков", живя где-нибудь под лестницей, а потом становящихся королями целых отраслей промышленности".

„Утро России" не упускало случая сказать колкое слово и по адресу дворянства, и по адресу бюрократии, и по адресу опирающегося на них правительства. В то же время оно зорко и стойко стояло на страже интересов и идей купечества и принимало близко к сердцу всякую обиду, нанесенную ему. А таких обид было не мало. Оно обижалось, что в юбилей Отечественной войны уделили слишком много внимания дворянству и слишком мало купечеству, оно сердилось, что приехавшего в Россию французского президента возили к цыганам и не повезли к купцам. Оппозиционный тон „Утра России" все нарастал и этому органу крупной буржуазии все чаще приходилось испытывать скорпионы правительственных гонений. В чрезвычайно характерном „Письме в редакцию" под заголовком „Буржуа или дворянин" московское „Утро России" откровенно ставит вопрос: „Ныне, после годов революции, грубый остов действующих в конституционной России политических сил не оставляет уже места ни прежней идеализации, ни вере. Руки интеллигенции беспомощно опускаются, народ обеднел и обнищал, донышко казенного сундука стало показываться все яснее и яснее, и вся огромная храмина, которую представляет ныне наше отечество, начинает расползаться по швам. Поэтому дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа, и одному из них приходится уходить. Это обстоятельство и вызывает те конфликты, которые время от времени возникают между ними. Чем скорее буржуа сделается один хозяином положения, тем легче будет жить и всему народу".

Этот, без всяких идеологических прикрас высказанный взгляд на конфликт между дворянством и буржуазией, московская газета столь же реалистически поясняет: „Нам нечего закрывать глаза на то, что и буржуа и дворяне одинаково стремятся по самой сущности своей природы к господству над другими людьми". Но при этом „буржуа, поднимаясь над другими, не препятствует никому следовать за собою, не заграждает никому пути для развития при помощи тех же средств, которые помогли выдвинуться ему—ума, энергии, таланта, дворянин же

напротив, ревниво охраняет себя от смешения с другими людьми и требует от государства, чтобы эти другие служили ему именно потому, что он—дворянин, предназначен судьбою к господству, а все остальные—„смерды“ и должны ему повиноваться“.

Еще более, пожалуй, характерна статья „Аршинники и подъячие“, подписанная В. Стекольщиковым и принадлежащая перу одного из виднейших представителей московской младо-буржуазии (П. Рябушинскому).

„В 1905 году,—пишет автор этой статьи,—буржуазия помогла людям старого режима подавить революцию. Но теперь реакция, такая же некультурная, как и анархия, в свою очередь начинает вызывать отпор со стороны буржуазии. И вот победители видят, что купец как будто бы начинает мешать. Сначала это приписывается случаю, небрежности, невниманию, и чиновник делает вид, что он не замечает. Но долго не замечать нельзя. Подъячий, по свойственной ему трусости и осторожности, некоторое время колеблется, наконец решается и говорит: „Любезный аршинник, отойди в сторону, разве ты не видишь, что мешаешь пятиться моему почтенному другу, красной фуражке и мне. Я, конечно, уверен, что злой воли у тебя нет, что это лишь недосмотр с твоей стороны, так что тебе бояться нечего, но все-таки отойди“. И вдруг происходит неслыханное: аршинник, всегда такой уступчивый, такой молчаливый, внезапно очень определенно заявляет, что ему попятное движение красной фуражки и приказного кафтана не нравится, что он ему мешает вполне сознательно и что и впредь ему будет мешать“. „В той схватке купца Калашникова и опричника Кирибеевича, которая начинается, конечно, опять одолеет Калашников. Может быть и на этот раз его потом пошлют на плаху. Но идеи буржуазии, идеи культурной свободы—эти идеи не погибнут“.

В то же время группа крупных московских промышленников, во главе с Коноваловым и Рябушинским, принимает самое близкое и энергичное участие в создании новой партии—прогрессивной, и в рядах этой партии крупные промышленники объединяются политически с такими крупными политическими деятелями, как проф. М. Ковалевский. „Утро России“ выражало уверенность, что в этой новой политической партии русская буржуазия получит, наконец, свое политическое выражение. „Несомненно,—писал орган Рябушинского по поводу образования этой новой партии,—ему (купечеству) пора уже выступить на политическую арену. Пора потому, что оно представляет собою

в такой мере развитую политическую силу, которая не только может, но и должна обладать соответствующим политическим влиянием. Купечество будет представлять собою величину, опирающуюся в своих политических требованиях не только на известные идеалы права, но, что важнее всего,—на известную экономическую мощь".

Буржуазия, в особенности московская, в последние перед войною годы не упускала случая заявить о своих оппозиционных чувствах и о своей жажде власти.

Известная фирма Коновалова, представитель которой и являлся наиболее ярким символом происшедшей в среде буржуазии перемены, праздновала столетний юбилей своего существования. Празднование обставлено было очень пышно и богато, на банкете присутствовало 500 человек. Но не пышностью и богатством было примечательно это празднество буржуазии. Характерен был прежде всего состав гостей. Тут были представители и литературы, и профессуры, и министерства, и Гос. Дума, и Гос. Совет. Уже один этот состав гостей указывал на перемену, происшедшую в общественном положении буржуазии. Между нею и общественными деятелями, между деловою средою и миром политиков и ученых протянулись связующие нити взаимного понимания и общего дела. Характерны были далее и речи, произносившиеся на этом юбилее. Торжественно-именинный характер банкета не помешал в этих речах зазвучать политической ноте.

„Для промышленности,—говорил в своей речи А. И. Коновалов,—как воздух, необходимы плавный, спокойный ход политической жизни, обеспечение имущественных и личных интересов от произвольного их нарушения, нужны твердое право, законность, широкое просвещение в стране. Таким образом, господа, непосредственные интересы русской промышленности совпадают с заветным стремлением всего русского общества, и оно должно сознать, что высокое развитие торгово-промышленной деятельности в стране непременно вносит известные оздоровляющие начала во всю атмосферу государственной и общественной жизни".

Еще конкретнее и резче подчеркнул политический момент П. Рябушинский, выступивший на этом банкете от имени Московского Биржевого комитета. „Русскому купечеству,—заявил он,—пора занять место первенствующего русского сословия, пора с гордостью носить звание русского купца, не гоняясь за званием выродившегося русского дворянина".

И этот банкет в ряду отмеченных явлений лишний раз подчеркнул, что в душе крупной буржуазии проснулось политическое честолюбие и властолюбие. Конечно, круг этих русских Сиессов был еще не широк. Это в значительной степени был еще генеральный штаб без армии, но как симптом, как знамение перелома настроения, все эти речи и заявления были очень характерны.

К этой же серии фактов относятся и экономические беседы, которые устраивались в 1910 году в Москве. В роскошных особняках Коновалова и Рябушинского собирались представители промышленности, науки и политики, здесь обсуждались все злободневные экономические вопросы. И как на банкете у Коновалова, так и на этих съездах бросался в глаза, как характерное знамение времени, смешанный социальный состав участников. Доминирующую роль хозяев играли промышленники, но в роли докладчиков и ораторов выступали представители науки, политики, общественной жизни. И эти беседы, помимо своего содержания, характерны были—как сближение двух миров: общественности и промышленности, буржуазии и интеллигенции, науки и делечества. И печать не напрасно уделяла так много внимания этим экономическим беседам, справедливо видя в них новое явление в русской, не только экономической, но и политической жизни. На этих беседах, как мы уже отмечали, обсуждались злободневные вопросы хозяйственной жизни. Но в докладах и особенно прениях всегда билась при этом горячая общественная струйка и здесь чувствовалось все то же стремление предводителей буржуазии выйти на политическую дорогу и занять свое большое место в государственной жизни. Доклад на тему о развитии производительных сил России читал, например, П. Струве. Наметив те факторы, которые могли бы содействовать этому развитию, докладчик подчеркнул необходимость „условий незыблемого осуществления права, для всех равнаго и одинаково обязательного". „Необходимо,—доказывал далее П. Струве,—известное политическое спокойствие и довольство на основе осуществления права и порядка, не мирящегося с произволом, откуда бы он ни исходил".

Эти слова докладчика тотчас переносят вопрос из экономической области в политическую и по этому политическому склону пошли дальнейшие прения. „Дело не в одних капиталах,—заявил Рябушинский,—капиталы найдутся, дело в условиях, которые настолько тормозят и общественную и частную

инициативу, что теряется всякое желание и аппетит к делу. Всюду полицейская опека и попечительство, всюду грани и вмешательство. Мало выработать программу, нужно еще ее провести в жизнь".

И третий из выступавших ораторов подчеркнул политическую сторону вопроса: „Обсуждая меры специального характера,—сказал он,—которые были бы полезны для улучшения народного хозяйства, мы не найдем панацеи и вращаемся все время в заколдованном кругу. В этом круге специальных мероприятий нет точки опоры. Инвестирование капиталов ставит вопрос о рынке сбыта. Расширение рынка стоит в зависимости от поднятия покупательной силы населения. Надежды на внешний рынок не может быть, так как внешние рынки завоеваны другими. Сколько бы мы ни искали философского камня, мы не найдем его на пути поисков специальных мероприятий. Нужна целая система мероприятий, и мы естественно переходим к необходимости осуществления общих мер. Хотя эти меры не дают быстрых эффектов, но зато будут иметь прочные результаты. Необходимо устранить препятствия для осуществления этих общих мер. Промышленный класс заинтересован в их осуществлении, но доселе его удельный политический вес, вне сферы узко-практических вопросов, крайне недостаточен. Доселе нет промышленной группы, как политической организации, влиятельной и авторитетной, которая имела бы влияние на общее направление политики и разрешение проблем, затрагивающих широкие слои. Правительство будет прислушиваться к голосу промышленности в широких вопросах политики, когда оно почувствует в представителях промышленности силу, а для этого они должны сойтись с общественными элементами и определенным образом с определенною программою войти в политическую жизнь страны. Общественные и промышленные элементы одинаково заинтересованы в вопросах поднятия экономических сил страны, внутреннего рынка и потребительских масс. Это создаст почву для сближения и контакта между ними".

Последние слова указывают еще на одну весьма знаменательную сторону в новых настроениях буржуазии—она стала искать и находить сочувствие и содействие в известных и все ширящихся кругах интеллигенции.

До последнего времени спрос на интеллигентские силы, способности и знания со стороны буржуазии был очень невелик. Интеллигенция была ей без надобности. С другой же стороны,

и самая интеллигенция проникнута была непримиримым антибуржуазным духом и не выделяла из своей среды больших избыточных сил, технически подготовленных для выполнения более сложных функций в промышленности и торговле. Интеллигенция наша выходила из той среды и идейно формировалась под воздействием тех фактов и факторов, которые делали ее совершенно чуждой и ненужной буржуазии и промышленности. Уже давно начался процесс втягивания интеллигентных сил в земства. Тут из среды интеллигенции появились всякого рода техники, секретари, статистики и вся эта пестрая интеллигентская масса, с легкой руки губернатора Кондоиди, получила название „третьего элемента". Этот третий элемент сыграл очень видную роль в развитии земского движения и разработке вопросов земского хозяйства. Но наша промышленность до последнего времени не знала этого третьего элемента. Он к ней не шел и она в нем не нуждалась. Промышленная жизнь, однако, усложнялась, ее формы совершенствовались. Создавались сильные предпринимательские организации представительного и экономического характера. Росли всякого рода синдикаты, конторы, совещания, съезды, союзы, издавались всякого рода анкеты, журналы, писались докладные записки, ходатайства, разрабатывались статистические данные, вся эта большая, ответственная работа требовала интеллигентных сил и знаний. Этому объявившемуся и растущему спросу соответствовало и увеличивавшееся предложение. Процесс роста буржуазии и буржуазности захватил и широкие слои интеллигенции. В России народилась буржуазная интеллигенция, никаких аннибаловых клятв борьбы с буржуазией не дававшая и как раз в атмосфере и обстановке буржуазной жизни черпавшая силы и средства своего существования. И в среде радикальной интеллигенции менялось отношение к буржуазии. В развитии буржуазии уже не видели какой-то исторической напасти, какой-то социальной эпидемии, поразившей Западную Европу и от которой мы можем и должны уберечься прививкой народнической доктрины. Кроме того и чисто численное разрастание интеллигенции вело к образованию избыточных интеллигентских сил, в поисках работы обращавшихся к промышленным организациям. В промышленности, как в свое время в земстве, появляется свой третий элемент и он растет по мере того, как европеизируется наша буржуазия и обзаводится все в бо́льшем числе своими журналами, газетами, организациями и т. д.

Тот процесс полевения нашей буржуазии, который начался,

приблизительно, с 1908—1909 г.г., интенсивный рост ее организаций и организованности втягивает в ее среду все новые и новые интеллигентские элементы и вызывает в известной части интеллигенции поворот в сторону буржуазной идеологии. В предпринимательских союзах, в предпринимательской прессе все чаще начинают работать в качестве третьего элемента представители интеллигенции, многие еще вчера бывшие в рядах марксистов. Наконец, на этом факте начинает вырастать и идеологически формулироваться новое общественное мировоззрение.

Промышленные круги отнеслись к этому вопросу интеллигентских настроений с большим вниманием и сочувствием.

„В передовых промышленных кругах,—читаем мы в хронике „Нашей Газеты",—придают весьма большое значение замечающемуся психологическому перелому в отношении интеллигенции к промышленности. На своих съездах и в совещаниях наиболее крупные промышленники неоднократно горько жаловались на то, что „общество" смотрит на них, как на чужих и не хочет признавать их „политической творческой роли". Еще меньшими симпатиями пользовались промышленники со стороны молодежи... Симптоматичность поворота в традиционном отношении к промышленности усугубляется еще характерным настроением в студенческих кругах. Такого массового интереса к русской промышленности в студенчестве никогда не наблюдалось. Студенчество подошло теперь к изучению русской промышленности с практической стороны. Судьбы русской промышленности an und für sich, а не со стороны старой точки зрения хозяйственных путей развития, вот что теперь интересует значительные круги студенчества. И наиболее передовые представители промышленности оценили это новое настроение в студенчестве и приветствуют его. И если на участников „экономических бесед" некоторые промышленники смотрят, как на недавно еще чужих „академиков", то на студенчество промышленники возлагают теперь весьма большие надежды. Наконец-то,—говорят они,—у нас будет своя промышленная интеллигенция". [1])

В уже цитированной нами анкете „Русского Технич. Об-ва" была сделана интересная попытка статистического обследования размеров и форм участия „третьего элемента" в организациях промышленников. Матерьял оказался слишком скудным

[1]) Ср. „Наша Газета", 1908 г., № 1-ый.

и случайным для того, чтобы на нем можно было строить какие-либо точные выводы.

А. Гушка пришел в этой анкете к общему выводу, что в 56 обследованных им предпринимательских организациях представительного типа имеется 291 представитель третьего элемента. Если сюда прибавить еще и хозяйственные организации, то соответствующее число поднимется до 503 представителей третьего элемента. „Из приведенных данных, касающихся лишь 56 организаций из 143,—пишет Гушка,—можно, кажется, с большею вероятностью заключить, имея в виду сказанное выше о явном преуменьшении наших данных, что на службе у представительных организаций капитала, в ответственных должностях, находится армия интеллигенции численностью не менее тысячи человек" [1]).

Обращаясь от количества к качеству, мы должны отметить, что эти представители третьего элемента занимают во многих организациях чрезвычайно ответственные посты управляющих делами и даже представителей Советов и Комитетов. Еще бо́льшую роль этот третий элемент играет в составлении и редактировании статей в периодических изданиях, многочисленных докладов, ходатайств, устройстве актов, производстве статистических обследований и т. д. Тяга интеллигенции к промышленным организациям росла по мере того, как, с одной стороны, ширился и углублялся процесс капитализации интеллигенции и как, с другой стороны, росла и крепла европеизация класса крупной буржуазии. И если реакционное „Русское Знамя" обнаруживало полицейскую узость, сводя все полевение буржуазии к влиянию третьего элемента, то несомненно, однако, что этот третий элемент сыграл свою роль в оформлении и усилении политического движения в среде буржуазии.

До сих пор мы говорили о тех симптомах оживления и политического полевения буржуазии, которые нашли свое выражение в статьях и беседах, носящих более или менее частный характер. Но в последние годы крупной буржуазии весьма часто представлялся случай выступать официально. После 1906 г. непрестанною чредою тянутся всевозможные предпринимательские съезды. Они слишком многочисленны, чтобы прослеживать

---

[1]) Ср. Гушка. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. Спб., 1912 г., стр. 135.

их настроения и резолюции. С интересующей нас точки зрения эти съезды характерны, как знамение все того же полевения буржуазии. Правда, здесь, стоя лицом к лицу к высшим представителям власти, буржуазия выражалась гораздо сдержаннее, предпочитала в вожделении казенного пирога с грибами держать политический язык за зубами. Выражения здесь выбирались с большою осторожностью, политическая мысль выступала под густою экономическою вуалью и буржуазия вообще в этих официальных выступлениях старалась не слишком нажимать политическую педаль, как бы подчеркивая: вам, власти,—политика, нам, промышленникам,—экономика. Но если тон делает музыку, то музыка этих предпринимательских съездов, начиная с 1909 года, звучала неприятною оппозицией в ушах представителей власти. И консервативная печать уловила этот оппозиционный тон всех последних торгово-промышленных съездов и отозвалась чрезвычайно резкими статьями по адресу „младо-буржуазии".

Не меньший интерес, чем съезды, представляли те многочисленные смотрины, которые московская буржуазия устраивала новым министрам. На посту министра торговли и промышленности то и дело появлялись новые руководители и каждый из них почитал своим долгом поехать в Москву и представиться ее именитой буржуазии. При этом неизменно произносились речи как новым министром, так и представителями крупной буржуазии. И опять-таки в речах этих не было отточенных и отчетливых политических лозунгов, была все та же неизменная ходатайствующая часть, но на-ряду с этим был и тон, делающий неприятною музыку этих съездов для правительственных ушей,—тон недовольства и стремления к политическим переменам. При этом установился известный шаблон. Министр-визитер,—и в этом было знамение времени,—неизменно говорил большие комплименты крупной буржуазии и изъявлял от имени правительства полную готовность итти ей навстречу. Представители буржуазии неизменно благодарили, но неизменно предъявляли и счет. Тут были обычные домогательства и ходатайства, но к ним присоединялись и необычные, хотя очень расплывчато выраженные, требования политических реформ.

Когда В. Коковцев был назначен премьер-министром, он не преминул поехать в Москву на купеческий смотр. При этом он произнес большую речь, выдержанную в указанном стиле. Эта речь пересыпана была обычными комплиментами по адресу буржуазии и выражением готовности работать с нею рука об руку.

Премьер-министр подчеркивал свое непреклонное стремление защищать в неприкосновенности китайскую стену протекционизма, оказывать широкий кредит промышленным и торговым предприятиям. В. Коковцев произнес свою речь в канун выборов в 4-ую Думу и он не упустил случая и в этой области сказать буржуазии доброе напутственное слово.

„Будет ли,—сказал он,—торгово-промышленный класс иметь в 4-ой Гос. Думе бо́льшее представительство, нежели в Думе третьего созыва? Я этого, конечно, не знаю, но открыто желаю, чтобы в 4-ой Гос. Думе торгово-промышленный класс громче поднимал свой голос, и тем более потому, что интересы торгово-промышленного класса всегда совпадают с направлением здорового труда, созидательства, а не оппозиции, потому что для торгово-промышленного класса важна спокойная, созидательная работа".

В этих словах В. Коковцев с дипломатическою ловкостью и польстил буржуазии и предостерег ее. Он ей польстил, высказав пожелание, чтобы ее голос раздавался громче в 4-ой Гос. Думе, высказав убеждение в полном единении ее стремлений с интересами государства, он, однако, и предостерег ее, указав на предустановленную гармонию ее интересов с видами правительства и высказав твердое убеждение, что она будет работать не в „оппозиции".

На обеде, устроенном В. Коковцеву, с речью выступил Сиесс московской буржуазии, П. Рябушинский. Но в этой речи он предпочел ограничиться весьма расплывчатыми политическими намеками и весьма робкою оппозицией. Он говорил о необходимости освободить промышленность и торговлю „от лишних пут", о необходимости создать „культурную власть и только культурными приемами власти парализовать нетерпимые явления". Если в этих словах предводителя московской буржуазии и звучала какая-нибудь „оппозиция", от которой Коковцев предостерегал буржуазию, то звучала она так робко, что министр официально мог ее не расслышать и в ответ заявить вновь о своем признании великого государственного значения буржуазии.

Этот московский смотр с речами В. Коковцева и П. Рябушинского, в содержание которых молва вкладывала резкое оппозиционное содержание, какового в ней не было, наделал большого шума. Заговорили о новом правительственном курсе, о ставке уже не на дворянство, а на буржуазию. Но действительность очень скоро показала, что от застольных речей дело

весьма мало меняется. Весь строй русской жизни, весь ее государственный и бытовой уклад, ее законодательство, ее бюрократия, все это насквозь было проникнуто старым и крепким помещичье-самодержавным духом, который выветривался чрезвычайно медленно. И профессиональная пресса буржуазии попрежнему наполнялась жалобами на игнорирование интересов и стремлений объединенных промышленников.

В одном из своих докладов Совет съездов представителей промышленности и торговли еще раздражительнее характеризует создавшийся момент: „В настоящее время,—гласит этот доклад,—русская промышленность переживает особенно тяжелые и решающие моменты. Отношение к торгово-промышленному труду в России, не отличавшееся до сих пор симпатиями, приняло в последнее время явно враждебное направление со стороны общества, правительства, не исключая и наших молодых законодательных учреждений. Отечественной промышленности и торговле, повидимому, предстоит в недалеком будущем пережить ряд серьезных испытаний".

Таким образом добрые отношения между буржуазией и правительством не налаживались. Конечно, жалобы буржуазии, ее недовольные слова не следует принимать за чистую политическую монету, и правительство это отлично знало. Но дело было не в этих жалобах, а в том, что правительство, оставаясь самодержавно-помещичьим правительством, бессильно было воплотить даже те весьма скромные реформы, которых добивалась буржуазия, и углубить, расширить внутренний рынок. Если на правительственных верхах говорили буржуазии большие комплименты и выражали не только на словах, но и на деле готовность идти ей навстречу, то на местах, „во глубине России" вдохновляемый тем же правительством националистический курс истинно-русских администраторов третировал купчишек так же, как во времена Гоголя это делал городничий. Вскоре после того, как московские газеты воспроизвели на своих столбцах упомянутую речь Коковцева и отметили ее значение, как признание буржуазии первенствующим сословием, в тех же самых московских газетах сообщалось, как в курское биржевое собрание внезапно появился околодочный надзиратель Боголепов с жандармским унтер-офицером и, никому ничего не говоря, принялся здесь среди присутствующих излавливать какого-то неимеющего права жительства еврея.

Исполняющий обязанности председателя биржевого комитета обратился к околодочному надзирателю с просьбою, во-первых,

снять фуражку, а во-вторых, объяснить цель своего посещения. Но в ответ был получен резкий отказ даже фуражку снять. Комитет принес жалобу губернатору Муратову. В ответ на эту жалобу губернатор сделал выговор биржевому комитету за „недопустимое вмешательство в действия полиции". Что же касается вызывающего поведения околодочного надзирателя, то, расследовав дело, курский губернатор постановил: „Чиновник Боголепов держал себя спокойно, а излишне нервничали те, которые его в нервности обвиняли, и такую нервность я при малейшем повторении расценю, как демонстративную выходку против чинов полиции".

„В заключение,—пишет губернатор,—объявив чиновнику Боголепову в присутствии всех чинов биржевого комитета мою благодарность за умелое и спокойное исполнение служебных обязанностей, я просил его всегда поступать так же, как вел себя 5-го июня". Таким образом нашей буржуазии приходилось одновременно в Москве кричать „ура" в ответ на изысканные комплименты премьер-министра, а в Курске—„караул" в ответ на заушения губернатора и издевательства околодочного „в фуражке".

В Москве премьер-министр рассыпался перед буржуазией в комплиментах и называл ее чуть ли не солью земли русской, а в Курске околодочный стоит перед нею „в фуражке" и кричит на нее, а губернатор предваряет, что впредь недовольство вызывающим поведением околодочного будет им „расценено как демонстративная выходка против чинов полиции" и, конечно, с ними будет поступлено „по всей строгости".

С таким же явлением пренебрежительного отношения и стремления „осадить назад" пришлось столкнуться буржуазии и на Нижегородской ярмарке. Ярмарочное купечество не угодило губернатору и он решил „показать купцу надлежащее место". Начались самые мелочные и оскорбительные придирки полиции, угрозы, штрафы и т. д. Один из виднейших представителей московской именитой буржуазии обиженно писал по этому поводу:

„Неужели же господин нижегородский губернатор не понимает, что все эти сотни тысяч нагруженных вагонов, изо-дня в день движущихся из одного конца России в другой, эти пароходы и баржи, бороздящие русские реки, эти десятки миллионов русских людей, добывающих себе пропитание на фабриках и заводах, занимающихся извозом, разрабатывающих леса, торф, добывающих руду, уголь,—весь этот громадный экономический рост страны в своей значительной доле есть результат неу-

станного труда того купца и промышленника, которому он ныне занят подысканием „надлежащего места"?

Но это красноречие было вотще: „господин нижегородский губернатор" не понимал всего этого и продолжал осаживать купца на „надлежащее место", а таким надлежащим местом были задворки русской государственной и общественной жизни.

Такой же практики по отношению к купцам и промышленникам придерживался и одесский градоначальник Толмачев и харьковский губернатор Масальский и многое множество других больших и малых администраторов всей Руси, державших в своих ежовых рукавицах всю жизнь провинциальной России.

Мы перебрали пестрые факты, по которым можно проследить как накоплялось и выявлялось недовольство буржуазии, толкаемой всем ходом русской жизни на путь политической оппозиции. На этот путь буржуазия выступала неохотно, медленно, приостанавливаясь, отступая, и даже тогда, когда она выступала с политическими по своему существу заявлениями, она не всегда сознавала, что говорит на политическом, а не на чисто-экономическом языке. Даже высшим представителям буржуазии, наиболее политически сознательным деятелям, не вполне ясна была связь, существующая между классом и партией, между классовою и политическою борьбою. Ей еще казалось, что она может вести классовую борьбу, не ведя политической.

Перед выборами в 4-ую Думу Совет съездов представителей торговли и промышленности делает следующее заявление:

„Вопросы экономики логическим ходом вещей выдвигаются на первое место. Обязанностью нашей организации было и будет поставить эти экономические вопросы на очередь, и законодательным учреждениям не уйти от этих вопросов. Каждый промышленник, пройдя в члены Нижней палаты, ответит на вопросы политические сообразно со своими партийными лозунгами и политическими убеждениями, но в вопросах экономики взгляды всех представителей торгово-промышленного класса будут единодушны".

Это заявление объединенной буржуазии, сделанное перед самыми выборами, чрезвычайно характерно. Оно показывает, что в сознании даже передовых слоев буржуазии экономика и политика, классовая и политическая борьба вели совершенно раздельное существование. С этой точки зрения единство экономических взглядов депутатов нисколько не мешало полному расхождению в политических взглядах. Принадлежность депутатов к той или иной политической партии в глазах автора этого заявления не

имела существенного значения и не представляла интереса. Нужно было лишь единство экономических взглядов, не находящихся в зависимости от принадлежности депутата к той или иной партии.

Это игнорирование нерасторжимой связи между политическими и экономическими взглядами, в особенности в такой политически неустроенной и отсталой стране, как Россия, составляло уязвимое место нашей буржуазии. Это губительно отразилось и на ее политической и на ее экономической роли. Отсутствие широкого политического кругозора приковывало и ее экономические взгляды к узкому кругозору сегодняшнего дня и лишало ее возможности усвоить и предъявить широкий план экономического творчества-строительства даже тогда, когда старая и заезженная казенная дорога завела ее в тупик. Но течение жизни размывало самые твердокаменные предрассудки. Наша буржуазия, как мы видели, вовлеклась в политическую оппозицию и той организации ее, которая чуралась политики, как запретного и ядовитого плода, приходилось чем дальше, тем больше усваивать политическую речь.

Буржуазии все труднее становилось протягивать ножки по выкроенной казенными ножницами одежке. И ее оппозиционное настроение нарастало по мере того, как приближалась новая революция, ее речь принимала все более политически членораздельную форму.

Ахиллесовой пятой буржуазии продолжало оставаться даже в периоды ее политического подъема и оживления ее отношение к социальному рабочему вопросу.

В одних и тех же номерах газет, в которых сообщалось о политическом положении буржуазии, в то же время появлялись неизменно и заметки о прежней позиции буржуазии в вопросах социального законодательства. Напр., в очень близкой к промышленным сферам газете „Русская Молва“ мы находим в одном и том же номере и фельетон портретиста новой оппозиционной буржуазии И. Жилкина, и заметку в хронике о движении социальных законопроектов. Промышленник, с которым беседовал И. Жилкин, развивал самые прогрессивные политические взгляды, но тут же в хронике сообщалось, что представители промышленности стеною пошли против законопроекта о сокращении рабочего дня. В объяснительной записке министра торговли и промышленности Тимашева мы читаем: „Если под стеснениями промышленности разуметь стеснение некоторых промышленников, которые, пользуясь случайными конъюнктурами

на местном рынке, эксплоатируют рабочих свыше общепринятой нормы, то, очевидно, это стеснение не должно останавливать законодателя".

Тщетно далее министр успокаивал промышленников, что „норма рабочего дня будет установлена такая, что никакими потрясениями она не угрожает промышленности". Промышленников эти доводы не убедили и не успокоили. „Русская Молва" сообщала в том же номере, в котором она говорила о политическом полевении промышленников: „Промышленные круги не склонны примириться с решением министров и предполагают начать кампанию против законопроекта по внесении его в законодательное учреждение. В особенности непримиримо настроены промышленники центрального промышленного района".

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

		Стр.
Глава	I. Петр Великий и буржуазия	3
„	II. Буржуазия при Екатерине II-ой	18
„	III. Пробуждение классового сознания буржуазии	28
„	IV. Иван Посошков, как идеолог буржуазии	40
„	V. Экономическая политика Александра I	50
„	VI. Буржуазия и разложение крепостного строя	63
„	VII. Дворянская буржуазия	71
„	VIII. Крепостная буржуазия	84
„	IX. Русская буржуазия в эпоху Николая I и до освобождения крестьян	96

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

„	I. Русская буржуазия в пореформенной России	112
„	II. Правительство и буржуазия	141
„	III. Правительство и частные богатства	168
„	IV. Рабочий вопрос	186
„	V. Организация буржуазии	211
„	VI. Буржуазия в первой русской революции	223
„	VII. Рост организаций и организованности	242
„	VIII. Буржуазия и народное представительство	264
„	IX. Политическое оживление буржуазии	283

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
100027267 57